

oriental Studies (Elista)

(Вестник КИГИ РАН)

Oriental Studies

2019. № 6

ОРИЕНТАЛИСТИКА

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2019

© Коллектив авторов, 2019

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Certificate of Registration ПИ No. ФC77-71236

Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
д-р филол. наук *А. Бирталан*, Университет имени Лоранда Этвёша (Венгрия, г. Будапешт);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Dr. Prof. (Philol.) *A. Birtalan*, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University
Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhangrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история	<i>Цюрюмов А. В., Курапов А. А.</i> Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв.	1050
	<i>Очиров У. Б.</i> Военный комиссариат Калмыкии и его роль в формировании национальных воинских частей и соединений Красной армии	1062
Этнология и антропология	<i>Шараева Т. И.</i> Современные локальные формы обрядов принятия невесты у калмыков	1082
	<i>Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Удаев Р. А., Алексеев С. Г.</i> Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии	1096
Источниковедение	<i>Куканова В. В., Баянова А. Т., Долеева А. О., Каджиев А. Ю., Мандэжикова Л. Б.</i> Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.)	1107
Языкознание	<i>Рыкин П. О.</i> Китайская транскрипция монгольских аффрикат в словаре «Дада юй/Бэйлу ийюй» (конец XVI – начало XVII в.) . . .	1119
	<i>Кара-оол Л. С.</i> Лексика родильного обряда в тувинском языке . .	1145
	<i>Крылов С. А.</i> Категориально-семантическая нотация базовых лексем монгольского языка в количественном освещении	1156
	<i>Дыбо А. В., Куканова В. В., Егорова Н. Г.</i> Частица <i>же</i> в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов)	1176
	<i>Ярмаркина Г. М.</i> Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.)	1189
	<i>Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В., Саая О. М.</i> Борис Исакович Татаринцев: научное наследие ученого	1199
Фольклористика	<i>Хабунова Е. Э., Байгалсайхан С., Убушиева Б. Э.</i> Монголо-ойратское сказание «Урьдын Уланхонгор»: сохранность базовой модели эпического сюжета в разновременных записях	1212
	<i>Бурыкин А. А.</i> Кошка в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока	1221

CONTENTS

National History	Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A. Kalmyk–Tibetan Contacts in the 17 th –18 th Centuries: Glimpses of History	1050
	Ochirov U. B. Military Commissariat of Kalmykia and Its Role in the Development of National Military Units and Formations of the Red Army	1062
Ethnology & Anthropology	Sharaeva T. I. Kalmyk Rites of Inducting a Bride to the New Abode: Contemporary Local Forms	1082
	Kovanova E. S., Badmaeva N. V., Udaev R. A., Alekseev S. G. Kalmykia and Buryatia: Ethnocultural Security and Language Preservation Issues	1096
Sources Studies	Kukanova V. V., Bayanova A. T., Doleeva A. O., Kadzhiev A. Yu., Mandzikova L. B. National Newspaper <i>Khalmg Ünn</i> ('Kalmyk Pravda'): Analyzing Everyday Life (a Case Study of Photographs of 1957–1959)	1107
Linguistics	Rykin P. O. The 'Dada yu / Beilu yiyu' Glossary (Late 16 th – Early 17 th Centuries): Chinese Transcriptions of Mongolian Affricates	1119
	Kara-ool L. S. Tuvan Vocabulary of Birth Rites	1145
	Krylov S. A. Categorial–Semantic Markup of Basic Mongolian Lexemes: a Quantitative Perspective	1156
	Dybo A. V., Kukanova V. V., Egorova N. G. Kalmyk Particle <i>жге</i> : Etymology, Functioning and Semantics (a Case Study of Kalmyk National Corpus and Informant Discourse)	1176
	Yarmarkina G. M. Translation Strategies for 18 th –Century Kalmyk Official Texts: a Case Study of Khan Ayuka's Letters and Russian Translations of 1714	1189
	Dambyra I. D., Kechil-ool S. V., Saaya O. M. Prof. Boris I. Tatarintsev: Scholarly Heritage Revisited	1199
Folklore Studies	Khabunova E. E., Baigalsaikhan S., Ubushieva B. E. 'The Oirat-Mongolian Tale of Urdyn Ulankhongor': Integrity of the Basic Epic Plot Model within Temporally Different Texts Revisited	1212
	Burykin A. A. The Cat in Folklore Traditions of the Kalmyks, Other Mongolic and Far Eastern Peoples	1221

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1050–1061, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(470.46=512.37)

Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв.

Александр Викторович Цюрюмов¹, Андрей Алексеевич Курапов²

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, профессор
 ORCID: 0000-0001-8214-3758. E-mail: Tsyuryumov@yandex.ru

² Государственное бюджетное учреждение культуры Астраханской области «Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник» (д. 15, ул. Советская, 414000 Астрахань, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и экспозициям
 ORCID: 0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одному из важнейших направлений внешнеполитической жизни Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. — взаимодействию с Тибетом. *Цель* статьи — ввести в научный оборот новые архивные документы и сведения о специфике формирования, основных направлениях, периодах, значительных исторических фигурах и итогах калмыцко-тибетского взаимодействия в XVII–XVIII вв. *Результаты.* Взаимодействие калмыцкой аристократии с Тибетом складывается незадолго до начала формирования Калмыцкого ханства в рамках дипломатической и просветительской деятельности миссионеров буддийской школы Гелуг в ойратском союзе. Клерикальная элита Тибета была заинтересована в распространении буддийского учения, складывании национальной буддийской традиции и буддийской церкви в Калмыцком ханстве. Светская элита ханства, заинтересованная в легитимации собственного статуса, интеграции в социально-политическое пространство Центральной Азии, активно поддерживала принятие буддизма калмыками и распространение буддийской церкви под патронажем Гелуг. Создание национального законодательства и национальной письменности в 40-е гг. XVII в. при активном участии буддийского духовенства сыграло интегрирующую роль в ойратском союзе и стало культурообразующим фактором для социокультурной и социально-политической жизни Калмыцкого ханства. С конца XVII в. тибетская инвентура, включавшая звание, тронное имя калмыцких ханов, печать и знамя, определяла легитимность и авторитет правителя ханства. Буддийское паломничество являлось основной формой калмыцко-тибетской коммуникации в XVII–XVIII в. Контроль над паломническими поездками представителей калмыцкой аристократии Российским государством с начала XVIII в. становится рычагом воздействия на внутреннюю политику Калмыцкого ханства. Во второй половине XVIII в. калмыцко-тибетское взаимодействие регламентировалось Китаем, использовавшим его для организации откочевки Убаши-хана в 1771 г.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, Тибет, Гелуг, буддийская церковь, паломничество, посольство

Для цитирования: Цюрюмов А. В., Курапов А. А. Из истории калмыцко-тибетских контактов XVII–XVIII вв. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1050-1061. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061.

UDC 94(470.46=512.37)

Kalmyk–Tibetan Contacts in the 17th–18th Centuries: Glimpses of History

Alexander V. Tsyuryumov¹, Andrey A. Kurapov²

¹ Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «B. B. Gorodovikov Kalmyk State University» (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

ORCID: 0000-0001-8214-3758. E-mail: Tsyuryumov@yandex.ru

² State budgetary Institution of Culture of the Astrakhan region «Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve» (15, Sovetskaya St., Astrakhan 414000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Deputy Director for Science and Expositions

ORCID: 0000-0002-0521-2710. E-mail: Akurapov78@rambler.ru

Abstract. Introduction. The article is devoted to one of the most important areas of the foreign policy of the Kalmyk Khanate in the XVII–XVIII centuries — interaction with Tibet. **Goals.** The purpose of the article is to introduce into the scientific circulation new archival documents and information about the specifics of formation, main directions, periods, significant historical figures and the results of Kalmyk–Tibetan interaction in the 17th–18th centuries. **Results.** The interaction of the Kalmyk aristocracy with Tibet takes shape shortly before the formation of the Kalmyk Khanate as part of the diplomatic and educational activities of the missionaries of the Gelug Buddhist school in the Oirat Union. The clerical elite of Tibet was interested in spreading Buddhist teachings, developing a national Buddhist tradition and a Buddhist church in the Kalmyk Khanate. The secular elite of the khanate, interested in legitimizing their own status, integrating into the socio-political space of Central Asia, actively supported the adoption of Buddhism by the Kalmyks and the spread of the Buddhist church under the patronage of Gelug. Creation of national legislation and national writing in the 40s. XVII century with the active participation of the Buddhist clergy, it played an integrating role in the Oirat Union and became a culture-forming factor for the sociocultural and socio-political life of the Kalmyk Khanate. Since the end of the XVII century. Tibetan investment, including the title, the throne name of the Kalmyk khans, the seal and the banner, determined the legitimacy and authority of the ruler of the khanate. Buddhist pilgrimage was the main form of Kalmyk–Tibetan communication in the XVII–XVIII centuries. Control over pilgrimage trips of representatives of the Kalmyk aristocracy by the Russian state since the beginning of the 18th century becomes a lever of influence on the domestic policy of the Kalmyk Khanate. In the second half of the XVIII century. Kalmyk–Tibetan interaction was regulated by China, which used it to organize the migration of Ubashi Khan in 1771.

Keywords: Kalmyk Khanate, Tibet, Gelug, Buddhist church, pilgrimage, embassy

For citation: Tsyuryumov A. V., Kurapov A. A. Kalmyk–Tibetan Contacts in the 17th–18th Centuries: Glimpses of History. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1050-1061. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1050-1061.

Введение

Калмыцко-тибетское взаимодействие в XVII–XVIII вв. является значительным направлением в истории внешней политики Калмыцкого ханства, оказавшим влияние на

международные отношения в Центральной Азии и на формирующуюся восточную политику Российского государства. Калмыцко-тибетские связи пережили этапы активизации и стагнации. Большую роль в этом

взаимодействии сыграли видные религиозные деятели Тибета и Калмыцкого ханства. Социально-политическое взаимодействие с буддийскими центрами Тибета повлияло на формирование самого Калмыцкого ханства, на его культуру, религиозную жизнь, внутреннюю политику. При этом контроль над взаимодействием с Тибетом стал одним из направлений ограничительной политики Российской империи в отношении Калмыцкого ханства. Отдельные аспекты калмыцко-тибетских контактов нашли отражение в историографии [Китинов 2004; Беспрозванных 2002; Беспрозванных 2008; Бакаева 2009; Тепкеев, Санчиров 2016]. Вместе с тем авторами не ставилась цель комплексного анализа истории взаимодействия Тибета и Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. на основании широкого круга неопубликованных источников.

Постановка задачи

Цель статьи — на основе материалов, обнаруженных и исследованных в фондах Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Республики Калмыкия, раскрыть характерные особенности и значение калмыцко-тибетских контактов в XVII–XVIII вв.

Материалы

Основным материалом к статье стали документы Российского государственного архива древних актов (фонд 119 «Калмыцкие дела»), Архива внешней политики Российской империи (фонд 119 «Калмыцкие дела»), Национального архива Республики Калмыкия (фонд И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе»), где отложились челобитные астраханских воевод о миссионерской и дипломатической деятельности тибетских иерархов в калмыцких улусах, сведения о дипломатическом взаимодействии с приволжскими калмыками, о контактах калмыцкой аристократии с Тибетом, донесения и рапорты астраханских губернаторов и российских чиновников о дипломатических контактах Калмыцкого ханства с Китаем и Тибетом в XVIII в.

Основная часть

Тибет, являясь сакральным религиозным центром для последователей буддизма, оказал значительное влияние на развитие традиционной и политической

культуры, социально-политическую историю монгольских кочевых государств в XVII–XVIII вв. Важным направлением взаимодействия приволжских калмыков и буддийских монастырских комплексов Тибета являлось создание национальной монастырской традиции, национальной буддийской церкви. Именно повседневная работа национальных проповедников являлась самым эффективным инструментом распространения новой религиозной традиции в социуме. Общавшиеся на национальном языке, знавшие традиции и нормы обычного права, обладавшие клерикальным и светским статусом, национальные проповедники успешно увеличивали число неофитов. В свою очередь и светская элита калмыцкого этнополитического союза была заинтересована в распространении новой религиозной идеологии, способствовавшей легитимации формирующейся торгоутской династии не только внутри социума, но и на уровне ойратских княжеств XVII в.

Распространенной формой коммуникации светской элиты калмыцких улусов и тибетской клерикальной аристократии XVII в. становится получение буддийского образования в тибетских монастырских комплексах младшими сыновьями калмыцких правителей. Получение клерикального образования, а в дальнейшем, как правило, принятие духовного сана усиливало и национальную буддийскую традицию, и аристократический род, представитель которого становился священнослужителем. Аристократ-неофит поддерживал национальную буддийскую традицию экономически и политически, способствовал распространению буддизма в среде подвластного населения. В свою очередь буддийская традиция содействовала политической интеграции формирующихся ханств в систему социально-политического взаимодействия в Центральной Азии.

По мнению российского востоковеда А. М. Позднеева и советского востоковеда И. Я. Златкина, миссионерская деятельность школы тибетского буддизма Гелуг в XVII в. среди монгольских этнополитических союзов была направлена именно на аристократию и осуществлялась в значимых политических центрах региона [РНБ. Ф. 590. Д. 246. Л. 3об.; Златкин 1970: 25].

Проповедь буддийских миссионеров в XVII в. была направлена на распространение новой религиозной традиции среди неофитов, на борьбу с традиционными верованиями и на распространение монастырской системы традиции Гелуг.

Наиболее яркие буддийские проповедники, распространявшие буддизм в ойратском этнополитическом союзе: Нейджи-тойн (1557–1663 гг.) и Зая-пандита (1599–1662 гг.) являлись, в том числе, и авторитетными политическими лидерами региона, консолидовавшими этнополитические союзы единой идеологией, формируя политическое объединение под главенством тибетских иерархов Гелуг.

Нейджи-тойн и Зая-пандита являлись сыновьями влиятельных политических лидеров крупнейших этнополитических объединений ойратского союза, получившими религиозное образование и принявшими духовный сан в крупнейших буддийских монастырях Тибета [Пурбуева 1984: 52; Норбо 1999: 41]. Время завершения обучения и начала проповеди у обоих миссионеров практически совпадает — это 20-е–30-е гг. XVII в. Завершение обучения сопровождалось в биографиях обоих миссионеров схожими наставлениями от лица духовных наставников тибетских монастырей, ориентировавших их на распространение учения «во благо живым существам» среди ойратов и монголов [Пурбуева 1984: 52].

Буддийские миссионеры распространяли вероучение, традиции культа и обрядность, ориентируясь на монгольскую аристократию, создавая национальную буддийскую общину, консолидируя монгольские княжества единой идеологией, активизируя их внешнеполитическое взаимодействие через систему буддийской общины.

В частности, Зая-пандита в процессе своей активной миссионерской деятельности в 1638–1662 гг. посещал наиболее крупные этнополитические объединения западных монголов (ойратов). Активная политическая деятельность проповедника повлияла и на специфику осуществления его миссионерской работы. Проповедник организовал кочевой монастырский комплекс Икэ-Курээ, являвшийся одновременно мобильным политическим центром Гелуг в регионе и казначейством [Раднабхадра 1999: 74].

Буддийские иерархи Тибета, стремясь консолидировать пробуддийски настроенные ойратские этнополитические объединения, активно предотвращают военные конфликты между ними, выступая в роли дипломатов и миротворцев. В 30-е гг. XVII в. в ойратские кочевья иерархами Тибета была направлена группа проповедников, основной целью которых была консолидация ойратских этнополитических союзов [Русско-монгольские отношения 1959: 152]. Не остались без внимания Тибета и торгоуты, продвигавшиеся на запад вглубь России. В 1636 г. к торгоутскому тайше Дайчину прибывает значительная делегация тибетских лам для урегулирования вспыхнувшего в 1635 г. военного конфликта между дербетами Далай-Батыра и торгоутами Хо-Урлюка. Духовенство также призывало торгоутов вернуть свои кочевья в Сибирь для консолидации ойратского союза [Богоявленский 1939: 72].

В 1637 г. в урочище Аман-Карагай (верховья р. Ишим) буддийским иерархом хутухтой Инзаном Ринпоче был организован съезд, на котором противоборствующие стороны примирились [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636. Д. 2. Л. 93об.].

Одним из наиболее значимых этапов распространения тибетского буддизма в ойратском этнополитическом союзе становится разработка и принятие законодательства 1640 г., фиксировавшего систему социально-политического взаимодействия в ойратском союзе. Законодательный съезд ойратских и халхаских князей, принявший единое законодательство «Ик Цааз» («Ики Цааджин Бичик», «Степное уложение 1640 г.», «Монголо-ойратские законы»), прошедший в сентябре 1640 г. в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае, был инспирирован джунгарским правителем Эрдэни Батур-хунтайджи и буддийскими миссионерами, создавшими условия для объединения халха-ойратской светской элиты. Законодательство 1640 г. оказало значительное влияние на социально-политическую историю Джунгарского, Хошутского и Калмыцкого ханств в XVII–XVIII вв.

Необходимо отметить значительную роль монашеской общины в организации и подготовке законодательного съезда. Система национальных буддийских монашеских общин, объединенных системой кле-

рикальной коммуникации, значительный авторитет буддийского духовенства в халха-монгольском и ойратском обществе, необходимость духовной легитимации законодательного съезда и итогового документа позволили буддийской церкви выступить одним из инициаторов и организаторов этого процесса. Наряду с необходимостью объединения халха-ойратских княжеств единым законодательством для их дальнейшей политической интеграции, буддийская традиция преследовала и цель легитимации собственного статуса в халха-монгольском и ойратском обществе [Buddhism in Mongolia 1981: 21].

Текст «Степного уложения» 1640 г. свидетельствует о значительной роли буддийского духовенства тибетской школы Гелуг в создании законодательства, регулировавшего жизнь калмыцкого народа до начала XIX в.

Само законодательство, как и буддийские трактаты, начинается с традиционных «слов поклонения» духовным авторитетам: основателю буддизма — Будде Шакьямуни, основателю традиции Гелуг — Цзонкхапе, буддийским иерархам Далай-ламе и Панчен-ламе [Голстунский 1880: 35]. защите буддийского духовенства в законодательстве 1640 г. был посвящен ряд статей, что свидетельствует о том, что оно инициировало защиту формирующейся буддийской традиции на законодательном уровне. Законодательство 1640 г. вводило систему штрафов за оскорбление буддийского духовенства, нанесение ущерба имуществу духовных лиц разных ступеней иерархии, имуществу буддийских монастырей [Их Цааз 1981: 16]. Законодательство фиксировало наказание за шаманскую практику и за обращение к шаманам, что стало определенным этапом борьбы тибетского буддизма с традиционными верованиями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1640(2). Л. 4]. Участие буддийского духовенства в формировании законодательства ойратов и калмыков в значительной степени усилило статус буддийской традиции в ойратском союзе во второй половине XVII в.

В 1648 г. Зая-пандитой была проведена реформа ойратской письменности, было создано «ясное письмо» (*тодо бичиг*) [Раднабхадра 1999; Норбо 1999; Baddeley 1919: 129]. Формирование национальной пись-

менности является значительным этапом в процессе формирования национальной культуры и самосознания. Зая-пандита, создав основу ойратской национальной литературной традиции, ведя активную переводческую деятельность, выдвинул буддизм традиции Гелуг в качестве одного из ойрат-калмыцких культуuroобразующих факторов. Вместе с тем историк И. Я. Златкин считал, что реформа письменности 1648 г., укреплявшая социокультурное и политическое единство ойратских княжеств, должна была способствовать созданию теократического государства при доминировании тибетского буддизма традиции Гелуг [Златкин 1970: 39].

Важным направлением деятельности великого просветителя было создание национальной буддийской традиции у западных монголов. Зая-пандита основывает ряд монастырских комплексов, закрепляет в ойратской традиции монашеские обеты, правила поста и принятия буддийского посвящения [Норбо 1999: 64].

Уже в начале XVII в. калмыцкие кочевья распространяются за пределы Западной Монголии на территорию России, что было предопределено социально-политическим и экономическим кризисом в Центральной Азии. Калмыцкие правители-тайши стремились наладить политическое и социально-экономическое взаимодействие с российскими властями. В активизации дипломатического процесса формирующемуся Калмыцкому ханству оказала содействие и буддийская традиция, имевшая опыт взаимодействия со светскими властями в разных регионах своего бытования.

Наряду с активным содействием российско-калмыцкому дипломатическому взаимодействию и его легитимизации буддийская традиция способствует укреплению статуса формирующегося Калмыцкого ханства в Центральной Азии. Продолжается активное взаимодействие калмыцкой аристократии с крупнейшими монастырскими комплексами Тибета — центрами религиозной и политической жизни региона. В калмыцкую буддийскую традицию перешел обычай отправки младших сыновей аристократических родов на обучение в тибетские монастыри для укрепления национальной буддийской общины и активизации контактов с иерархами Тибета. Один из сыновей

основателя Калмыцкого ханства, главы торгоутской династии Хо-Урлюка — Лаузан был направлен на обучение в Тибет во главе делегации из калмыцкой аристократии по инициативе тибетского проповедника Майдари-хутугты [Батур-Убуши Тюмень 1969: 28].

Распространенным инструментом интеграции народов, стремившихся войти в состав Российского государства, в российскую систему социально-политического взаимодействия, являлся обряд шертования.

«Шерть» — договор (присяга) между Российским государством и национальной светской элитой, оформлявшийся в виде «шертной грамоты». Договор-шерть традиционно легитимировался религиозным обрядом, который осуществлялся обеими сторонами переговорного процесса. Традиции ритуальной стороны шертовального процесса предписывали осуществление обряда второй стороной исходя из вероисповедания ее представителей.

Буддийская традиция становится частью ритуалов процедуры шертования в конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в., именно тогда представители калмыцкой аристократии подписали ряд договоров в Астрахани и Уфе в присутствии буддийского духовенства, с использованием буддийской атрибутики [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1650 (2). Л. 11]. Буддийская атрибутика легитимировала шертные записи 1655 г., 1657 г., 1661 г., в которых калмыцкие тайши клялись в верности Российскому государству [ПСЗРИ 1830: 356, 531–532; Тепкеев 2013: 7].

Распространенной формулировкой клятвы была формулировка шертной грамоты, подписанной калмыцким тайши Мончаком на верность Калмыцкого ханства Российскому государству 9 декабря 1661 г. при урочище Берекете: «...по своей Калмыцкой вере даю шерть и поклоняюсь, и целую Бога своего Бурхана и молитвенную книгу Бичиг и четки, и ножик свой лижу и к горлу прикладываю» [ПСЗРИ 1830: 562].

После прихода к власти в Калмыцком ханстве хана Аюки (1642–1724 гг.) в 1672 г. русско-калмыцкое дипломатическое взаимодействие в значительной степени активизируется. С 70-х гг. XVII в. было подписано несколько шертей, в ритуальной стороне подписания которых так же участвовало буддийское духовенство ханства и присут-

ствовала буддийская атрибутика. Так в тексте шерти, подписанной 27 февраля 1673 г. в урочище Кантебе, присутствовала распространенная и ранее формулировка: «...шертвую по своей Калмыцкой вере и поклоняюсь, и целую бога своего Бурхана, и молитвенную книгу бичиг, и четки, и саблю на свою голову и к горлу прикладываю» [ПСЗРИ 1830: 924].

Отметим, что изменения в системе делопроизводства Российского государства в конце XVII — начале XVIII в. приводят к тому, что шертные договоры уходят из русско-калмыцкого взаимодействия [Курапов 2018: 179]. Вместе с тем буддийское духовенство продолжало активно участвовать в дипломатических контактах с российскими властями.

В 1690 г. глава Калмыцкого ханства Аюка получает от Далай-ламы ханскую печать и ханский титул [Лунный свет 2003: 116–117]. С этого момента он мог именовать себя ханом, и этот титул был признан светской и духовной аристократией ханства и государств Центральной Азии. В XVII — начале XVIII в. инвеститура, получаемая от тибетских иерархов (звание хана, тронный титул, освященная печать) играли значительную роль в легитимации хана в калмыцкой традиции, что не исключало проведение съезда светской элиты и получение инвеституры от Российского государства [Трепавлов 2014: 15–16]. Политическая ситуация в Джунгарском ханстве в конце XVII в. позволяет сделать вывод о том, что тибетские иерархи традиции Гелуг стремились создать коалицию ханств с пробуддийски настроенной элитой, поддерживая создание военно-политического союза Джунгарского и Калмыцкого ханств. Джунгарский хан Галдан-Бошокту, имевший титул «Галдан Палзин Бошокту-хан» («Галдан — опора Учения»), полученный от Далай-ламы, стремился объединить ойратов авторитетом религиозной традиции Гелуг [Rossabi 1975: 119].

Однако планы иерархов Тибета не были реализованы. Центробежные тенденции и социально-политический кризис в Калмыцком ханстве привели к расколу в правящей торгоутской династии. Улус одного из сыновей Аюки Санжипа откошел в Джунгарское ханство в 1701 г. [Батмаев 1977: 47]. Джунгарский хан Цеван-Рабтан захватыва-

ет улус Санжипа, что приводит к кризису в калмыцко-джунгарских отношениях и активизации дипломатических контактов Калмыцкого ханства с Китайской империей.

С начала XVIII в. взаимодействие Калмыцкого ханства с Тибетом начинает ограничиваться Российским государством. Правительство, опасавшееся заключения военно-политического союза Китайской империи и Калмыцкого ханства, участия войск ханства в военном конфликте с Джунгарией, начинает регламентировать и запрещать калмыцкие посольства в Тибет, проходившие через российско-китайскую границу в Сибири. Архивные документы свидетельствуют о четырех калмыцких посольствах в Тибет в начале XVIII в. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709. Д. 4. Л. 6]. После активизации калмыцко-китайского взаимодействия российское правительство отказывает калмыцкой аристократии в реализации традиционных паломничеств к буддийским святыням Тибета.

Несмотря на значительные ограничения, калмыцко-тибетское взаимодействие продолжалось и в XVIII в. Тибетские иерархи непосредственно и косвенно продолжали оказывать влияние на внутреннюю политику Калмыцкого ханства, легитимируя статус светской аристократии и формируя кадровый состав духовной элиты. В сентябре 1718 г. в Тобольск из Тибета возвращается калмыцкое посольство во главе с новым калмыцким первосвященником Шакур-ламой. Внутренняя и внешняя политика нового первосвященника ханства была направлена на объединение с единоверцами Джунгарии, организацию откочевки ханства в Центральную Азию.

Новый калмыцкий первосвященник получил буддийское образование в одном из крупнейших монастырей Тибета — в монастыре Брайбун (Дрепунг), который долгое время являлся резиденцией Далай-ламы и был одним из центральных монастырских комплексов традиции Гелуг [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736. Д. 2. Л. 29]. Отправка в Калмыцкое ханство высокообразованного и авторитетного в клерикальной среде священнослужителя в тяжелый для Тибета политический момент была вызвана необходимостью объединения ойратских ханств для оказания военно-политической помощи центру буддийской традиции. Неслучайно

даже через пять лет после прибытия Шакур-ламы в ханство в калмыцкой аристократической среде, в среде простолюдинов циркулировали слухи о том, что первосвященник привез от Далай-ламы «повеление» об откочевке в Джунгарию [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 15. Л. 211об.].

В XVIII в. основным каналом калмыцко-тибетского взаимодействия становятся официальные посольства-паломничества калмыцкой аристократии и духовенства в религиозные центры Тибета. Ритуальной целью паломничества являлось поклонение и принесение жертвоприношений тибетским иерархам, поминовение усопших, получение благословления. Кроме ритуальной стороны, посольства-паломничества имели и политические цели: консультации с тибетскими иерархами и китайским правительством, решение внутрисполитических и внешнеполитических проблем Калмыцкого ханства.

В 1729 г. калмыцкий первосвященник Шакур-лама обращается к российскому правительству с просьбой разрешить посольству калмыцкой аристократии посетить святыни Тибета [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1729–1731. Д. 19. Л. 18об.].

Правительство, не имевшее причин для отказа, было вынуждено разрешить поездку, внося свои коррективы в ее организацию. Российское правительство, взявшее на себя все расходы, значительно сократило состав делегации, запретив официальным лицам ханства и первосвященнику покидать Россию [Пальмов 1926: 78].

После пересечения российско-китайской границы калмыцкое посольство было встречено китайскими чиновниками и сопровождено в Пекин, куда паломники прибыли 24 марта 1730 г. [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1732–1735. Д. 18. Л. 3об.]. В Пекине калмыцкие паломники удостоились аудиенции богдыхана Иньчжэня. На аудиенции поднимался вопрос о военно-политическом союзе Китайской империи и Калмыцкого ханства. После переговоров паломники получили возможность посетить наиболее значимые монастырские центры Тибета, посетить Далай-ламу VII, который в это время находился в ссылке [Беспрозованных 2002: 151].

Посольство не стало основой для активизации калмыцко-китайского политического взаимодействия. Калмыцкое ханство,

вассальное по отношению к России, не являлось субъектом международной политики. Главным политическим результатом паломничества 1729 г. стало получение наместником Калмыцкого ханства Церен-Дондуком (?–1737 г.) инвеституры от тибетских иерархов традиции Гелуг, столь значимой для калмыцкой светской и духовной элиты. Только нареченный Далай-ламой хан считался легитимным для его подданных. Церен-Дондук получил от Далай-ламы VII тронное имя «Дайчин-Шаса-Бюджа-хан» и «...благословение на счастье власти дедовской и отцовской» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1732–1735. Д. 18. Л. 307].

Практически все религиозные задачи поездки были реализованы. Были осуществлены запланированные религиозные ритуалы и подношения. Вместе с посольством в Калмыцкое ханство из тибетских монастырей были направлены 17 священнослужителей и «один великий лама» — духовное лицо, обладавшее особым клерикальным статусом [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 18. Л. 163]. Тем самым решалась характерная для буддийской традиции периода Калмыцкого ханства проблема кадрового состава буддийских монастырей. Непосредственные участники паломничества также получили благословение от Далай-ламы VII. Намка-гелюнг, являвшийся вторым, после первосвященника, лицом в буддийской иерархии Калмыцкого ханства, получил от главы традиции Гелуг титул «Ланско унзен Дархан лансу», 27 членов калмыцкого посольства получили титул гелюнга, несколько из членов посольства остались на обучение в монастырях Тибета [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 18. Л. 163об.].

Новый правитель Калмыцкого ханства — Дондук-Омбо (?–1741 гг.), пришедший к власти в 1735 г., был так же заинтересован в легитимации собственной власти авторитетом тибетской буддийской традиции. Несмотря на авторитарность правления Дондук-Омбо, его активное подавление внутренней оппозиции и наличие значительной поддержки от правительства России, наместник не воспринимался подданными законным правителем без соответствующей грамоты от Далай-ламы. В этой связи вопрос об организации паломничества в Тибет поднимался Дон-

дук-Омбо и его окружением в переговорах с российскими властями с 1732 г. [Пальмов 1926: 242].

Второй важной причиной для посещения иерархов Тибета стала необходимость назначения нового главы буддийской общины Калмыцкого ханства. Шакур-лама умер в Санкт-Петербурге в 1736 г., куда он был экстрадирован вместе с ханом Церен-Дондуком и окружением после фактической политической победы в ханстве Дондука-Омбо. Глава калмыцкого посольства — Джимбо-Джамсо определял именно поиск нового первосвященника важнейшей задачей посольства-паломничества: «... ему (Шакур-ламе) чином подобного ламу или какого изберет Далай-лама» [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 396]. Так же, как и посольство 1729 г., организуемое Дондук-Омбо посольство в том числе решало задачу перспективного кадрового пополнения монастырских комплексов Калмыцкого ханства. Вместе с официальной делегацией в тибетские монастырские центры калмыцким духовенством планировалось направить 10 мальчиков для получения клерикального образования [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 484].

После длительной переписки с правительством России и региональными властями Дондук-Омбо получает разрешение на организацию посольства в Тибет в 1737 г. — был определен маршрут и состав калмыцкой делегации. Посольство из 70 человек возглавил Джимбо-Джамсо — буддийский священнослужитель из окружения хана Дондук-Омбо. Кроме него, в состав делегации вошли 10 буддийских священнослужителей высокого ранга [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1737–1741. Д. 41. Л. 12].

Посольство выехало из Калмыцкого ханства в ноябре 1737 г., достигнув г. Селенгинска на российско-китайской границе в начале 1739 г. [Пальмов 1926: 245; Цюримов 2007: 233].

Политические и религиозные задачи посольства 1737 г. не были реализованы. Калмыцкая делегация была остановлена китайскими чиновниками на границе. Причиной для запрета на проезд через китайскую границу стало обострение российско-китайских отношений и российское подданство делегации [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1740–1741. Д. 30. Л. 91об.].

Новым этапом в калмыцко-тибетском взаимодействии становится период правления хана Дондук-Даши (1690–1761 гг.). Приход к власти Дондук-Даши был драматичен, сложен и инспирирован российским правительством. Внутриполитический кризис в Калмыцком ханстве, наличие претендентов на престол в лице детей и вдовы Дондук-Омбо обострили необходимость тибетской легитимации статуса главы Калмыцкого ханства, назначенного российским правительством. Дондук-Даши был пророссийским правителем, не имевшим планов откочевки за пределы Российской империи. Несмотря на то, что угрозы для России Дондук-Даши не представлял, на согласование посольства ушло 13 лет — с 1742 г. по 1755 г.

Калмыцкие паломники, возглавляемые Хошучи Цой-Джитом, направились из Калмыцкого ханства в Тибет в сентябре 1755 г., достигнув российско-китайской границы в марте 1756 г. [Пальмов 1927: 160; Цюрюмов 2007: 273].

Перед посольством 1755 г. калмыцкой светской и клерикальной аристократией были поставлены две задачи: легитимировать власть Дондук-Даши авторитетом тибетских иерархов и пополнить буддийскую монашескую общину Калмыцкого ханства квалифицированными священнослужителями, для этого в состав посольства были включены 23 человека, направленные для обучения в тибетские монастыри [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 267. Л. 83].

Посольство Хошучи Цой-Джита не доставило Дондук-Даши грамоту Далай-ламы VII на ханский престол — Далай-лама VII Калсанг Гьяцо скончался 22 марта 1757 г. Вместе с тем калмыцкие послы были дважды приняты китайским императором Цяньлунем (1711–1799 гг.), который предоставил возможность калмыцкой делегации посетить Тибет и дал военное сопровождение [Мэн-гу-юму-цзи 1895: 144]. По мнению большинства исследователей, именно с посольством Хошучи Цой-Джита в Калмыцкое ханство были доставлены «подзвонные грамоты Далай-ламы», ставшие одним из поводов для откочевки калмыков в Джунгарию в 1771 г. [Пальмов 1927: 163; Дорджиева 2002]. Версия об использовании официальным Пекином «тибетского фактора» для организации откочевки при-

волжских калмыков в пределы Китайской империи представляется правдоподобной и подтверждается интенсивностью китайско-калмыцкого взаимодействия в XVIII в., заинтересованностью китайского правительства в заселении опустевших территорий разгромленного Джунгарского ханства, вассалитетом Тибета по отношению к Китаю, наличием аудиенций посольства Хошучи Цой-Джита у китайского императора в 1756 г.

Выводы

Калмыцко-тибетское взаимодействие в XVII–XVIII вв. осуществлялось в разных формах, имелись периоды активизации и стагнации, периоды взаимной заинтересованности во взаимодействии и интенсификации дипломатической деятельности со стороны одного из субъектов дипломатического процесса. В начале XVII в. инициатором такого взаимодействия выступают иерархи тибетского буддизма традиции Гелуг, заинтересованные в создании и укреплении национальной буддийской церкви в ойратском союзе, формировании системы политических контактов с ойратской и калмыцкой аристократией в рамках системы «двух законов». Просветительская и дипломатическая деятельность буддийских проповедников в ойратском союзе приводит к созданию национального законодательства «Ик Цааз» («Ики Цааджин Бичик») и национальной письменности *тодо бичиг*. Тибет приобретает статус сакрального идеологического центра, выступая в качестве третьей стороны в междоусобных конфликтах. Новым этапом взаимодействия становится период формирования и укрепления Калмыцкого ханства. Взаимная заинтересованность тибетской и калмыцкой элит в политическом союзе способствует активизации контактов. Калмыцкая аристократия обращается к авторитету тибетских иерархов, к авторитету буддийской традиции для легитимации торгоутской династии, укрепления авторитета Калмыцкого ханства в Центральной Азии, преодоления внутриполитической раздробленности, дальнейшего дипломатического взаимодействия с Российским государством. В конце XVII в. основной целью взаимодействия для тибетских иерархов становится создание коалиции буддийских ойратских ханств, создание военно-политического союза Джунгарского и Калмыцкого

ханств. Центробежные тенденции, социально-политический кризис в Калмыцком ханстве, раскол в правящей торгоутской династии повлекли за собой обострение калмыцко-джунгарских отношений и активизацию дипломатических контактов Калмыцкого ханства с Китайской империей. Политическое ослабление Тибета, фактически потерявшего в XVIII в. политическую самостоятельность, приводит к тому, что калмыцко-тибетские контакты переходят под контроль Китая, инициировавшего создание «подзывных грамот Далай-ламы», ставших одним из поводов для откочевки калмыков в Джунгарию в 1771 г.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
 РНБ — Российская национальная библиотека.
 РГАДА — Российский государственный исторический архив.
 ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. I. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. I. St. Petersburg: Printing House. II Branch of His Own Imperial Majesty Chancellery, 1830. 1072 p. (In Russ.)
 Archive of the Foreign policy of the Russian Empire.
 National Archives of the Republic of Kalmykia.
 Russian National Library.
 Russian State Historical Archive.

Литература

- Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории // Буддизм России. 2009. № 42. С. 9–17.
 Батмаев 1977 — Батмаев М. М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1977. С. 34–53.
 Батур-Убуши Тюмень 1969 — Батур-Убуши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур-Убуши Тюменем // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.
 Беспрозванных 2002 — Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения на втором этапе (середина 20-х — середина 30-х гг. XVIII в.) // Стрежень: науч. ежегодник. Волгоград: Издатель, 2002. Вып. 1. С. 147–153.
 Беспрозванных 2008 — Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград: Изд-во Вол-ГУ, 2008. 372 с.
 Богоявленский 1939 — Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII–XVIII вв. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–102.
 Голстунский 1880 — Голстунский К. О. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб.: Имп. акад. наук, 1880. 143 с.
 Дорджиева 2002 — Дорджиева Е. В. Далай-лама VII Галсан-Джамцо и его роль в подготовке «торгоутского побега» 1771 г. // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России. К 360-летию со дня рождения хана Аюки. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2002. С. 64–67.
 Златкин 1970 — Златкин И. Я. Зая-Пандита как политический деятель // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 21–40.
 Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст. М.: Наука, 1981. 148 с.
 Китинов 2004 — Китинов Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. 190 с.
 Курапов 2018 — Курапов А. А. Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII – начала XVIII века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (26). С. 176–182.
 Лунный свет 2003 — Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 475 с.
 Мэн-гу-юму-цзи 1895 — Мэн-гу-юму-цзи: записки о монгольских кочевьях // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб.: Изд-во П. О. Яблонского, 1895. Т. 24. С. 1–487.
 Норбо 1999 — Норбо Ш. Зая Пандита. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.

- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1926. Ч. 1. 260 с.
- Пальмов 1927 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: в 5 ч. Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1927. Ч. 2. 231 с.
- Пурбуева 1984 — *Пурбуева Ц. П.* «Биография Нейджи-тойна» как источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск: Наука, 1984. 113 с.
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра.* Лунный свет: История рабджам Зая-Пандиты. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 176 с.
- Русско-монгольские отношения 1959 — Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. М.: Вост. лит., 1959. 350 с.
- Тепкеев 2013 — *Тепкеев В. Т.* Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1657 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 5–9.
- Тепкеев, Санчиров 2016 — *Тепкеев В. Т., Санчиров В. П.* Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4. С. 12–20.
- Трепавлов 2014 — *Трепавлов В. В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.
- Цюрюмов 2007 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 464 с.
- Baddeley 1919 — *Baddeley J. F.* Russia, Mongolia, China. London; New York: Franklin, 1919. 250 p.
- Buddhism in Mongolia 1981 — *Buddhism in Mongolia. Historical Survey.* Ulan Bator: Studies of the Gandanthekhehling Monastery, 1981. 43 p.
- Rossabi 1975 — *Rossabi M.* China and Inner Asia. From 1368 – To the Present Day. London: Thames and Hudson, 1975. 330 p.

Sources

- [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (since 1649)]. Vol. I. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1072 p. (In Russ.)
- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- National Library of Russia.
- Russian State Historical Archive.

References

- [*Ikh Tsaaz* ('The Great Code of Laws'): a 17th-Century Monument of Mongolian Feudal Law. Oirat Text]. Moscow: Nauka, 1981. 148 p. (In Oir. and Russ.)
- [Russian-Mongolian Relations: 1607–1636]. Coll. documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 350 p. (In Russ.)
- [The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. 475 p. (In Russ.)
- Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China. London; New York: Franklin, 1919. 250 p. (In Eng.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: key historical stages. *Buddhism of Russia*. 2009. No. 42. Pp. 9–17. (In Russ.)
- Batmaev M. M. Kalmyk Khanate: internal situation in the late 17th century. In: [Pre-Capitalist and Capitalist Relations in Kalmykia: Glimpses of History]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1977. Pp. 34–53. (In Russ.)
- Besprozvannykh E. L. [Kalmyk-Chinese Relations: 18th Century]. Volgograd: Volgograd State University, 2008. 372 p. (In Russ.)
- Besprozvannykh E. L. Kalmyk-Chinese relations at the second stage: mid-1720s to mid-1730s. In: [Strezhen: Scholarly Yearbook]. Volgograd: Izdatel, 2002. Vol. 1. Pp. 147–153. (In Russ.)
- Bogoyavlensky S. K. Kalmyks in the early 17th – 18th centuries: historical materials. *Istoricheskie zapiski*. 1939. No. 5. Pp. 48–102. (In Russ.)
- Buddhism in Mongolia. Historical Survey. Ulan Bator: Studies of the Gandanthekhehling Monastery, 1981. 43 p. (In Eng.)
- Dordzhieva E. V. 7th Dalai Lama Kelsang Gyatso and his role in the preparation of the 1771 'Torghut escape'. In: [Kalmyk Statehood within Russia's Borders: Material and Spiritual Foundations]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 64–67. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. [The 1640 Oirat Mongolian Code of Laws Supplemented with Galdan Hongtaiji's Decrees and Laws Compiled for the Volga Kalmyks during the Rule of Khan Donduk-Dashi]. K. F. Golstunsky (text, transl., etc.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 143 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. [Sacred Tibet and Martial Steppe: Buddhism of the Oirats (XIII–XVII Centuries)]. Moscow: KMK, 2004. 190 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. Buddhist rituals in the Russian-Kalmyk shert-oaths and treaties of the 17th – early 18th centuries. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2018. No. 2 (26). Pp. 176–182. (In Russ.)

- Menggu youmu ji*: Notes on Mongolian Nomad Territories. In: [Imperial Russian Geographical Society: (Scholarly) Notes of the Ethnographic Department]. Vol. 24. St. Petersburg: P. Yablonsky, 1895. Pp. 1–487. (In Russ.)
- Norbo Sh. [Zaya Pandita]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Volga Kalmyks: Historical Essays]. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. Vol. 1. 260 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Volga Kalmyks: Historical Essays]. In 5 vols. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1927. Vol. 2. 231 p. (In Russ.)
- Purbueva Ts. P. [Biography of Neiji Toyn as a Source on the History of Buddhism in Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 113 p. (In Russ.)
- Radnabkhadra. [The Moonlight: The Story of Rabjampa Zaya Pandita]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Rossabi M. China and Inner Asia. From 1368 – To the Present Day. London: Thames and Hudson, 1975. 330 p. (In Eng.)
- Tepkeev V. T. Russian-Kalmyk negotiations and the shert-oath of 1657. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 4. Pp. 5–9. (In Russ.)
- Tepkeev V. T., Sanchirov V. P. Kalmyk-Tibetan relations at the turn of the 17th and 18th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2016. No. 4. Pp. 12–20. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Russian allegiance of Kalmyks in rituals and symbols (from the history of ethnic policy in 17th–19th centuries). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 4. Pp. 8–19. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. [Kalmyk Khanate as Part of Russia: Issues of Mutual Political Relations]. Elista: Dzhangar, 2007. 464 p. (In Russ.)
- Tyumen B.-U. The Story of the Dorben Oirats Compiled by Noyon (Prince) Batur-Ubushi Tyumen. In: [Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1969. Pp. 13–48. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. Zaya-Pandita as a political figure. In: [320th Anniversary of Old Kalmyk (Clear) Script]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. Pp. 21–40. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1062–1081, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1062-1081
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94 (47)

Военный комиссариат Калмыкии и его роль в формировании национальных воинских частей и соединений Красной армии

Очиров Уташ Борисович¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Аннотация. *Цель.* Статья посвящена истории регионального органа военного управления в Калмыкии от начала его первого создания в сентябре 1918 г. до его ликвидации в декабре 1943 г., а также его роли в формировании калмыцких национальных воинских формирований Красной армии. К сожалению, история военкоматов как в стране в целом, так и в Калмыкии в частности относится к темам, слабоизученным в отечественной и зарубежной историографии. *Материалы и методы.* Автор, опираясь на широкий круг документальных материалов, выявленных в Российском государственном военном архиве, Центральном архиве Министерства обороны РФ и Национальном архиве Республики Калмыкия, попытался восполнить этот пробел. Полученные *результаты* позволили прийти к выводу, что Калмыцкий военкомат, образованный в сентябре 1918 г. решением 2-го Чрезвычайного съезда Советов трудового калмыцкого народа, был создан, в первую очередь, для формирования калмыцких национальных частей Красной армии: сначала Образцового Революционного калмыцкого кавалерийского полка, затем Калмыцкой кавалерийской бригады и, наконец, Калмыцкой кавалерийской дивизии. Попытки астраханских губернских властей принизить статус Центрального Калмыцкого военкомата до уездного негативно отражались на формировании калмыцких национальных частей. В межвоенный период Калмыцкий военкомат неоднократно выступал с инициативой создания калмыцкого кавалерийского полка, но добился лишь частичного успеха: образования калмыцкого эскадрона в составе 30-го кавалерийского полка 5-й Блиновской кавалерийской дивизии, а затем — в составе 87-го запасного кавалерийского полка. В период Великой Отечественной войны Калмыцкий военкомат вел активную военно-мобилизационную работу, призвав за 2,5 года почти каждого пятого жителя Калмыкии. Однако при формировании национальных частей и соединений (189-го Калмыцкого кавалерийского полка, 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий) Калмыцкий военкомат и подчиненные ему улусные военкоматы работали с еще большей интенсивностью и тщательно отбирали личный состав. Ряд сотрудников военкоматов специально вступил в эти национальные части для службы в их рядах. Таким образом, автор приходит к *выводу* о том, что Калмыцкий военкомат играл важную роль в формировании калмыцких национальных частей и соединений как в период Гражданской и Великой Отечественной войн, так и в межвоенный период.

Ключевые слова: Калмыкия, Красная армия, военный комиссариат, национальные части, национальные соединения, Гражданская война, Великая Отечественная война

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Военный комиссариат Калмыкии и его роль в формировании национальных воинских частей и соединений Красной армии. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1062–1081. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1062-1081.

UDC 94(47).084

Military Commissariat of Kalmykia and Its Role in the Development of National Military Units and Formations of the Red Army

Utash B. Ochirov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Hist.), Associate Professor, Chief Research Associate

ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

Abstract. *Goals.* The article is dedicated to the history of the regional military command and control body in Kalmykia from the beginning of its first creation in September 1918 until its liquidation in December 1943, as well as its role in the formation of Kalmyk national military units of the Red Army. Unfortunately, the history of military registration and enlistment offices both in the country as a whole and in Kalmykia in particular, belong to topics that are poorly studied in Russian and foreign historiography. *Materials and Methods.* The author, relying on a wide range of documentary materials found in the Russian State Military Archive, the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and the National Archives of the Republic of Kalmykia, tried to fill this gap. *Results.* The results obtained led to the conclusion that the Kalmyk military enlistment office, formed in September 1918 by the decision of the 2nd Extraordinary Congress of Soviets of Labor Kalmyk People, was created, first of all, to form the Kalmyk national units of the Red Army: first, the Model Revolutionary Kalmyk Cavalry Regiment, then the Kalmyk cavalry brigade, and finally the Kalmyk cavalry division. Attempts by the Astrakhan provincial authorities to downgrade the status of the Central Kalmyk military registration and enlistment office to the district level had a negative impact on the formation of Kalmyk national units. During the interwar period, the Kalmyk military enlistment office repeatedly took the initiative to create the Kalmyk cavalry regiment, but achieved only partial success: the formation of the Kalmyk squadron as part of the 30th cavalry regiment of the 5th Blinovskaya cavalry division, and then as part of the 87th reserve cavalry regiment. During the Great Patriotic War, the Kalmyk military registration and enlistment office conducted active military mobilization work, recruiting almost every fifth resident of Kalmykia in 2.5 years. However, when forming the national units and formations (the 189th Kalmyk cavalry regiment, the 110th and 111th Kalmyk cavalry divisions), the Kalmyk military enlistment office and its ulus military enlistment offices worked with even greater intensity and carefully selected personnel. A number of members of the military enlistment offices specially entered these national units to serve in their ranks. Thus, the author comes to the *conclusion* that the Kalmyk military enlistment office played an important role in the formation of Kalmyk national units and formations, both during the Civil War and Great Patriotic War and in the interwar period.

Keywords: Kalmykia, Red Army, military commissariat, national units, national formations, Civil War, Great Patriotic War

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B. Military Commissariat of Kalmykia and its Role in the Development of National Military Units and Formations of the Red Army. *Oriental Studies*. 2019;(6):1062–1081. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1062-1081.

Введение

Военная служба для калмыков, как и для всех монгольских кочевников, издревле считалась почетным занятием. Когда калмыки вошли в состав Российского государства, то земли им были предоставлены в обмен на военную службу. Практически сразу после завершения процесса вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства в 1655–1657 гг. калмыки начали направлять свои воинские конные контингенты (которые самостоятельно комплектовались, вооружались и управлялись) в состав российской армии. Калмыки сражались во всех русско-турецких войнах XVII–XVIII вв., в русско-польской, Северной, Семилетней войнах. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. калмыки стали направлять уже не отдельные контингенты, а иррегулярные полки, формируемые по общегосударственным (казацким) стандартам. Венцом их деятельности стало участие трех конных полков в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. Однако после наполеоновских войн мобилизации калмыков как инородцев и иноверцев на военную службу Российской империи прекратились (исключением были лишь калмыки, служившие в составе казачьих войск Дона, Терека, Среднего и Нижнего Приуралья). Военные реформы Д. А. Милютин не изменили в этом отношении.

Со 2-й трети XIX в. Калмыцкая степь, вошедшая к тому времени в состав Астраханской губернии, начала активно заселяться славянскими переселенцами, на которых воинская повинность распространялась на общих основаниях. При этом вновь возникшие села, создавшие чересполосицу с калмыцкими улусами, входили в состав уездов, административные центры которых находились за пределами Калмыцкой степи. Таким образом, уездные по воинской повинности присутствия на территории Калмыкии отсутствовали. Здесь были лишь несколько призывных участков и пунктов, которые не имели постоянных сотрудников и формировались лишь на время призыва из командированных лиц и местных властей. Первые местные органы военного управ-

ления на территории Калмыкии появились лишь в 1918 г., после установления советской власти.

Материалы. К сожалению, в отечественной историографии (и уж тем более зарубежной) история местных органов военного управления, несущих основную нагрузку по военно-мобилизационной и учетно-призывной работе, не относится к особо популярным темам. До сих пор нет обобщающих трудов, а имеющиеся работы рассматривают лишь определенные аспекты, территории или периоды [Безугольный, Ковалевский, Ковалев 2012; Волков 2014; Калугина 2019; Кулиев, Кочкаев 2017; и др.]. История военных комиссариатов Калмыкии в целом и их роль в формировании национальных калмыцких частей и соединений в частности никогда не была предметом специального исследования. Калмыковеды в своих трудах, посвященных иным темам (как правило, по военной истории), лишь частично затрагивали те или иные проблемы истории местных органов военного управления [Максимов 2010; Наберухин 1968; Наберухин 1987; Очиров 2007; Очиров 2010; и др.]. Данная статья призвана восполнить этот пробел. Материалы для нее были собраны автором в течение почти двух десятилетий в архивах Москвы, Подольска и Элисты: Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО), Национального архива Республики Калмыкия (НА РК), Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН).

Основная часть

После начала революции 1917 г. и начала Гражданской войны ситуация стала меняться во многих сферах, в том числе и в области военной мобилизации. Ряд сел вокруг Элисты, недовольные отдаленностью своих административных центров (250–300 км), объединившись с Манычским улусом, выделились в отдельный Элистинский округ (уезд). Среди вновь созданных управленческих структур был и Элистинский уездный военный комиссариат, созданный 21 июля 1918 г. [Очиров 2007: 225] и ставший пер-

вым военкоматом на территории Калмыкии. В связи с приближением белоказаков жители сел Элистинского округа и близлежащих сел Черноярского уезда стали стихийно формировать добровольческие красногвардейские отряды, которые выступили на защиту своих границ.

К концу июля все отряды (в том числе Элистинский крестьянский батальон, сформированный при помощи только что созданного военкомата) были сведены в Элистинско-Ремонтненский советский полк, командиром которого стал А. Финьков. Позже он был переименован в 1-й Элистинский советский полк, а его командиром стал элистинец П. А. Анацкий (уроженец с. Приютного, ветеран русско-японской и «германской» войн, полный Георгиевский кавалер). В течение августа этот полк успешно отразил атаки довольно сильного белогвардейского Сальского отряда полковника В. И. Постовского, несмотря на нехватку вооружения и боеприпасов. Между отрядами самообороны стала налаживаться постоянная связь, а сами отряды были сведены в пять пехотных рот и отдельный кавалерийский отряд. Из Астрахани и Черного Яра полк начал получать винтовки, пулеметы и патроны. Однако полк мало еще чем напоминал регулярную воинскую часть. В полку царил дух партизанщины, боевые приказы зачастую обсуждались на ротных собраниях, дисциплина была слабой. Местные крестьяне доблестно сражались, обороняя родные села и нивы, но с большой неохотой покидали этот район. Решения о смене фронтовиков, уходивших на отдых, принимались каждой ротой самостоятельно, причем, как правило, по согласованию с соответствующим волостным Советом, а не с командиром полка [НА РК. Ф. 9. Оп. 2. Д. 224. Л. 344].

В октябре 1918 г. полк вошел в состав 10-й армии РККА. Белые в это время вновь перешли в наступление. Сообщая об этих сражениях, военрук Элистинского военкомата Пастушков писал: «Принципиально и в силу необходимости приходится отдавать приказы о подпуске противника для принятия его в штурмовые атаки, иных выходов нет» [НА РК. Ф. Р-57. Оп. 2. Д. 1. Л. 265].

Для стабилизации обстановки Элистинский уездный военкомат заменил добровольческое начало обязатель-

ной военной службой и провел мобилизацию крестьян Элистинского округа, что позволило сформировать на базе 1-го Элистинского полка два пехотных и один кавалерийский полки. К 1 ноября 1 и 2-й Элистинские советские полки закончили формирование и были сведены в дивизию. Начальником Элистинской дивизии был назначен П. А. Анацкий, командиром 1-го полка — М. П. Коростылев и 2-го — П. Г. Марченко [НА РК. Ф. Р-57. Оп. 2. Д. 1. Л. 46]. 15 ноября закончилось формирование 1-го Элистинского кавалерийского полка [РГВА. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 53].

В конечном итоге Элистинской дивизии удалось выровнять линию фронта по границе Элистинского уезда, а в районе Маныча — несколько западнее, где она перешла к жесткой обороне [РГВА. Ф. 8090. Оп. 1. Д. 1. Л. 42].

В январе 1919 г. после отступления на территорию Калмыкии частей 11-й армии РККА, разгромленной белыми на Кавказе, пехотные части Элистинской дивизии и Черноярской бригады были обращены на доукомплектование 32-й стрелковой дивизии, а 1-й Элистинский и 1-й Черноярский кавалерийский полки — 6-й кавалерийской дивизии (позже вошедшей в состав 1-й Конной армии). В мае 1919 г. Элистинский округ был захвачен 2-м Кубанским корпусом С. Г. Улагая, в результате чего военкомат был упразднен.

Военные мобилизации на территории Калмыцкой степи проводили и другие органы власти, находившиеся в других регионах. В начале августа 1918 г. РВС 10-й армии по инициативе донского калмыка-казака В. А. Хомутникова, предлагавшего сформировать отдельный калмыцкий полк, направил в Малодербетовский и Манычский улусы группу командиров для агитационной и мобилизационной работы, не согласовав мероприятие с властями Калмыцкой степи и Астраханской губернии. В составе этой группы был и сам Хомутников, владевший языком призываемых и сумевший доходчиво объяснить им цели советской власти, убедить бедняков поддержать Красную армию, что в значительной мере способствовало успеху мобилизации. К 5 августа в Малодербетовском и Манычском улусах было набрано более 800 калмыков с лошадьми и конским снаряжением, кото-

рых направили в Сарепту, в 1-й запасной Царицынский кавалерийский полк. Затем Хомутников набрал в Элистинском уезде еще 350 калмыков с лошадьми [Хомутников 1964: 15].

К сожалению, успех мобилизации, проведенной группой В. А. Хомутникова, оказался дезавуирован ошибками РВС 10-й армии. Первая группа из 800 калмыков после прибытия в Сарепту две недели вообще сидела без дела. Их не обучали военному делу, не подвергали идеологической обработке. Когда прибыла вторая группа калмыков, П. Е. Щаденко отобрал у них лошадей, а степняков отправил в пехоту. Слухи об этом тут же разнеслись по всей степи, негативно отразившись на имидже советской власти в целом и самого Хомутникова в частности. Начальник Калмыцкого подотдела политотдела 10-й армии Харти Кануков писал об этих событиях так: *«Калмыцкий полк, как он назывался первоначально в Сарепте, все без исключения добровольцы, шел с большой охотой и хорошим настроением в Красную армию. Бедняки, батраки, взявшие лошадей у богатых, середняков, а некоторые, выехавшие на своей единственной лошади, после отбирания лошадей недоумевали... Как же Хомутников, один из ярых и верных красных, говорил на летучих митингах одно, а на деле вышло другое? Настроение у всех упало ...»* [НА РК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1. Л. 35].

Еще более серьезной проблемой для формирования полка являлось отсутствие в части командиров, владеющих калмыцким языком (В. А. Хомутников, в октябре назначенный зам. командира полка, был исключением), в результате чего мобилизованные, плохо владевшие русским языком, не понимали строевые команды, не могли теоретически освоить особенности военной тактики и методики боя. Х. Б. Кануков и В. А. Хомутников неоднократно обращались в РВС 10-й армии с просьбами откомандировать из 1-й Особой (будущей 4-й Донской) кавалерийской и 37-й стрелковой дивизий опытных калмыков-казаков (Тюмида Шивидова, Кирсана Илюмжинова, Максима Шашукова, Егора Басанова и др.), пытались наладить контакты с Калмыцким исполкомом, чтобы получить оттуда политработников, но не успели. В ноябре половину калмыков 1-го Царицынского кав-

полка перебросили на пополнение пехоты [Бембеев 1991: 38]. Опыт применения национальных подразделений, размытых в разных частях (к тому же частично пехотных), в чуждой языковой среде оказался неудачным. Оставшуюся часть калмыков передали в состав Калмыцкого полка, формируемого Центральным Калмыцким военкоматом.

Более драматично проходили другие мобилизации, не согласованные с местными властями. Эти мероприятия проходили насильственно, фактически под угрозой оружия красногвардейских отрядов, которые стали терроризировать население и местные Советы. В некоторых аймаках и даже улусах система власти оказалась полностью дезорганизована. Ярким примером этому стала мобилизация 11 возрастов (от 20 до 30 лет), начатая черноморским военкомом Зиновьевым без санкции Астраханского губвоенкомата. Посланный им комиссар Арнольд Большой фактически терроризировал население. Калмыков отправляли на сборные пункты без медосмотров, при этом стариков брали в заложники, чтобы мобилизованные не сбежали. Накладывались огромные контрибуции — если Большой их не получал, то прибегал к насилию. Телеграмму из Царицына от РВС Северо-Кавказского военного округа о прекращении «мобилизации» он проигнорировал [НА КалмИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90]. Неудивительно, что конные калмыки, мобилизованные таким образом, при первой возможности бежали в степь, а то и вовсе к белым. До сборных пунктов доходили единицы.

14 сентября 1918 г. эта ситуация обсуждалась на заседании Калмыцкого исполкома, а 19 сентября в Наркомат по военным и морским делам РСФСР была послана телеграмма за подписью астраханского губернского военного комиссара Недашковского и председателя Калмыцкого исполкома Чапчаева. В ней предлагалось предоставить право на проведение мобилизации в Калмыцкой степи только Астраханскому губернскому военкомату совместно с Калмыцким исполкомом, так как из-за мероприятий царицынских военных властей, несогласованных с общим планом мобилизации калмыков, Калмыцкая степь *«разрывается на части и мобилизуется на разных условиях»* [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 28. Л. 34].

Было очевидно, что для организации мобилизации в Калмыкии необходимо создание местного мобилизационного органа, представителям которого мобилизуемые доверяли бы и подчинялись. Исполком Совета депутатов трудового калмыцкого народа по согласованию с Астраханским губисполкомом назначил на 13 августа 1918 г. созыв 2-го съезда Советов в Яшкуле, на повестке дня которого должен был стоять вопрос о формировании вооруженной охраны в степи [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 8. Л. 21]. К этому времени Астраханский губисполком решил провести широкую кампанию по мобилизации «*трудящихся калмыков и киргизов (казахов)*» Астраханской губернии в ряды РККА и вынес этот вопрос в повестку 2-го съезда [Очиров 2007: 265]. В силу неподготовленности открытие съезда было отложено до 22 сентября.

23 сентября, с опозданием на день, 2-й Чрезвычайный съезд Советов трудового калмыцкого народа начал свою работу в Астрахани. 56 делегатов представляли 7 улусов (кроме Манычского) Калмыцкой степи. В повестку было вынесено 6 вопросов, в том числе 2 — по вопросам мобилизации, которые были основными. На съезде была выбрана военная комиссия в составе 9 человек, которой было поручено разработать схему военной организации и подготовить доклад председателю РВС РСФСР Л. Д. Троцкому по всем вопросам организации военного дела в Калмыкии.

Тогда же была определена структура военных комиссариатов: Центральный Калмыцкий и 9 улусных. По существовавшему тогда положению руководить военкоматом должны были три человека: военный руководитель («спец») и два комиссара (один выбранный на месте, другой — назначенный от Всероссийского бюро военных комиссаров). Военруком был назначен Мефодовский, военкомом по выборной линии — А. Г. Маслов (Хоче Бозиев), назначенным военкомом стал Н. Л. Елецкий [Маслов 1962: 99–100]. Комиссия по военным делам под председательством астраханского губвоенкома Недашковского предложила мобилизовать в первую очередь граждан 23–24 лет.

28 октября 1918 г. приказом РВС Республики было утверждено создание Калмыцкого военкомата. Одновременно

началось развертывание районных (улусных) военкоматов. Среди первых районных военных комиссаров были такие авторитетные работники, как Хохол Джалыков (Яндыко-Мочажный улус), Хонин Косиев (Малодербетовский улус), бывший член КалмЦИК Ходжа Отхонов (Багацохуровский улус) и др. В качестве первой мобилизации предполагался призыв граждан калмыцкой национальности 1894 и 1895 гг. рождения, из которых следовало сформировать один кавалерийский полк 4-эскадронного состава и два запасных эскадрона.

Затем по опыту первой мобилизации следовало приступить к созданию других полков. Приказ предписывал производить призыв в Красную Армию «трудящихся калмыцкой национальности» только через Калмыцкий военкомат. Калмыкам, служившим в 10-й армии по мобилизации и добровольно, разрешалось по их желанию перевестись в формируемые Калмыцким военкоматом части [К истории ... 1960: 47–48].

6 ноября председатель РВС РСФСР Л. Д. Троцкий приказал РВС 10-й армии ввиду ее неудачных попыток сформировать калмыцкие части направить всех ранее мобилизованных калмыков в Астрахань, в распоряжение Калмыцкого военного комиссариата [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. Однако командование 10-й армии ограничилось передачей в формируемый полк, получивший в ноябре 1918 г. название 1-го Образцового революционного калмыцкого конного полка, только калмыков Икицохуровского улуса, не попавших еще в части армии.

Мобилизация калмыков 1894–1895 гг. рождения Калмыцким военкоматом, несмотря на ряд проблем, по сравнению с другими мобилизациями прошла достаточно успешно. Хотя три улуса (Малодербетовский, Манычский и Икицохуровский) из мобилизации выпали (там мобилизации указанных возрастов были проведены раньше), комиссии А. Г. Маслова удалось собрать к началу декабря 1918 г. 1 020 человек, причем более 80 % было из Яндыко-Мочажного улуса [Маслов 1962: 101]. Почти все мобилизованные по социальному происхождению являлись бедными скотоводами и рыбаками [НА РК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–7]. Однако вновь формируемая часть, не имевшая сво-

его врача и ветеринара, оказалась скучена в неподготовленных для службы бараках, в результате чего там начались эпидемия и эпизоотии. Уже ко 2 января 1919 г. в 1-м Образцовом калмыцком полку, начавшем обучение, насчитывалось уже 958 человек и 694 лошади [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 43. Л. 1].

Успешное формирование 1-го Образцового кавполка (фактически на базе двух возрастов одного улуса) доказывало возможность создания на базе всех улусов целой Калмыцкой кавдивизии. Формально в РККА формирование национальных частей не допускалось, но для калмыков было «сделано исключение»: разрешалось комплектование 4-полковой калмыцкой кавалерийской дивизии (вместо штатных 6 полков). Один из «спецов-генштабистов» в своем докладе председателю РВС 11-й армии К. А. Мехоношину писал, что на этот счет «имеется особое указание тов. Л. Троцкого. Особенности уклада и религии будут постепенно приспосабливаться к требованиям службы» [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 3. Л. 52]. Командный состав, артиллерия, пулеметные и саперные команды ввиду отсутствия опытных калмыков комплектовались славянами.

19 декабря 1918 г. в Астрахани начался 3-й съезд Советов депутатов трудового калмыцкого народа, в котором приняли участие 33 делегата от 7 улусов (кроме Манычского) Калмыцкой степи. На съезде присутствовали представители губернии и федерального центра. Помимо прочего на нем обсуждались различные «военные» вопросы, в том числе о формировании новых Калмыцких полков — 2 и 3-го, о мобилизации 1 000 верблюдов и более 300 проводников для транспортировки военных грузов из Астрахани в Кизляр и Святой Крест (ныне г. Буденновск).

Зимой 1919 г. ситуация в Калмыцкой степи ухудшилась. После тяжелой зимы 1918/1919 г. семьи калмыков-кочевников находились в весьма сложном экономическом положении. Тем временем части 11-й и 12-й армий, потерпев поражение в боях с деникинцами и отступая через калмыцкие кочевья, под видом реквизиций стали отбирать у них уцелевший скот и имущество. Постоянные конфискации скота и грабежи привели к тому, что в улусах начался

голод. Военрук Калмыцкого военкомата Мефодовский с возмущением писал председателю РВС Каспийско-Кавказского фронта А. Г. Шляпникову: «Происходит грубый и несправедливый произвол, глумятся над человеческой личностью, насилуют женщин, устанавливают какие-то контрибуции... В степи сейчас происходит полная вакханалия. Сегодня Большой, завтра Бесов, и все это не временное явление, ибо один узурпатор и грабитель сменяется другим. От их грабежей (до ниток) страдает не только один трудовой калмыцкий народ, но и вся Советская Россия» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 89об.]. В качестве одного из примеров он привел реквизицию последних 200 лошадей в Овордыковском аймаке красноармейцем П. Наумовым («не уплатив за них даже денег», здесь слово «даже» показывает уровень девальвации рубля к тому времени) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 90]. В результате мобилизация в РККА в этом аймаке была сорвана. Военрук просил «во имя справедливости ... послать карательный отряд в степь, восстановить порядок и покой» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13. Л. 91]. Мало того, в степи начали распространяться тиф и эпизоотии. Преемник Мефодовского Тарасевич с тревогой докладывал, что калмыки «хотонами вымирают ... от голода и других стихийных бедствий, но пока ничего не сделано для их улучшения» [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 16. Л. 1].

Мобилизационную работу серьезно осложнила деятельность губернских органов власти, которые справедливо считали отказ от уездного статуса Калмыцкого исполкома и его органов, постоянно именовавших себя Центральными, стремлением к получению статуса отдельного региона. Поэтому в начале 1919 г. Центральный Калмыцкий военкомат внезапно был расформирован и превращен в Калмыцкий отдел Астраханского губвоенкомата. В результате этого мобилизация калмыков в РККА фактически прекратилась, набор во 2 и 3-й Образцовые полки был приостановлен. Между тем военная обстановка января — февраля 1919 г. и усиленно проводившаяся белогвардейцами мобилизация калмыков в Малодербетовском и Икицохуровском улусах ясно показали, что, если мобилизация калмыцкого населения

в РККА не будет проведена, то она может быть осуществлена белыми.

К марту 1919 г. позиция губернских властей по отношению к степнякам заметно изменилась. К тому же этот район стал прифронтовым, что способствовало усилению влияния военных органов власти. 5 марта 1919 г. специальным приказом Каспийско-Кавказский краевой комиссариат восстановил Центральный калмыцкий военкомат (далее — ЦКВК), который расположился в с. Никольское Енотаевского уезда, одновременно исполняя функции Багацохуровского улусного военкомата.

Мобилизация шести возрастов, проведенная ЦКВК, согласно приказу № 55 от 5 марта 1919 г., дала около 4 тысяч человек [РГВА. Ф. 40283. Оп. 1. Д. 5. Л. 65]. В отличие от первой мобилизации, антисоветские настроения среди мобилизуемых были весьма заметны; имели место случаи дезертирства, бунты на сборных пунктах (особенно если мобилизованных не забирали неделями). Тем не менее приказом по 11-й отдельной армии от 20 марта 1919 г. началось развертывание Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Формирование ее частей проводилось в Астрахани, селах Болхуны и Сокрутовка. К 9 мая 1919 г. было организовано управление дивизии, штаб 1-й бригады, штабы 1, 2, 3-го Калмыцких полков, началось формирование 4-го полка и технического эскадрона [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 3. Л. 70]. В трех полках, находившихся в стадии формирования, проводились усиленные боевые учения. В составе 1-го полка к этому времени насчитывалось более 680 красноармейцев и 274 лошади, во 2-м — 129 красноармейцев и 11 лошадей, в 3-м, преобразованном из запасного эскадрона, — 151 человек и 46 строевых лошадей [Маслов 1962: 55].

Начдивом стал Ф. Степанов, начальником штаба — Ю. Юров (затем Б. Лихаревский, с 9 апреля 1919 г. — С. Шевелев), командиром 1-й бригады — Ф. С. Хатагов (с 1 апреля 1919 г.), 1-го полка — Рубин, 2-го — Байгулов (с 9 апреля), 3-го — А. Симовский (с 22 апреля), технического эскадрона — Чернов (с 14 мая — Горячих). Комиссара в дивизии не было более месяца, лишь 22 апреля 1919 г. эту должность временно занял Ганин, делегированный райкомом ВКП(б) из с. Болхуны

(куда 14 апреля перевели соединение), затем назначили Кузнецова [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–18].

Управление 2-й бригады, 4-й полк, конно-артиллерийский дивизион, пулеметные команды не формировались. Большинство командиров были бывшими офицерами-кавалеристами, в том числе двое — ротмистрами.

Несмотря на наличие опытных командиров и политработников в 10-й армии из числа донских калмыков (Ока Городовиков, Харти Кануков, Василий Хомутников, Кирсан Илюмжинов и др.), РВС 11-й армии назначил командирами людей, плохо знавших калмыцкий язык, обычаи и традиции степняков. Калмыков в командном составе было немного: комиссар 1-го полка Шургучи Манджиев, командир эскадрона Дорджи Акимов, командиры взводов Лазарь Нюдюльчиев, Шовучи Манджиев, Хара-Манджи Горяев [Бимбаев 1983: 15]. Языковой и культурный барьер препятствовал налаживанию боевой спайки и заметно тормозил обучение полков.

Предполагалось, что на обучение калмыцких конников понадобится полтора месяца, поскольку «калмыки — естественные конники» [РГВА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 3. Л. 52]. Однако лошади находились в крайней степени истощения, к тому же их катастрофически не хватало, хотя на мобилизацию всех калмыков брали со своими скакунами: недостаток корма приводил к постоянному падежу лошадей. Обучать конников пришлось в пешем строю. Большой проблемой было и состояние вооружения. Например, в 1-м Образцовом полку, который был укомплектован лучше всего, на 24 апреля 1919 г. значилось: 343 русские, 100 австрийских, 8 японских винтовок, 98 винчестеров, 100 пик, ни одного револьвера. Для обучения владения огнестрельным оружием в некоторых случаях инструкторам и командирам приходилось применять чуть ли не индивидуальный подход. Тем не менее командование дивизии полагало, что неплохой темп мобилизации и обучения «дает право считать формирование дивизии успешным» (цит. по: [Очиров 2007: 298]).

Районным военкоматам Калмыкии приходилось работать фактически в прифронтовой полосе. В них начали формироваться улусные сотни, которые должны были

содействовать мобилизациям. Мало того, зарождающаяся калмыцкая милиция, слабо финансируемая и плохо вооруженная (например, в милиции Хошеутовского улуса в конце 1918 г. на 10 человек имелось 4 винтовки системы «Бердана» без патронов и 4 кавалерийские сабли) [НА РК. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 28. Л. 25], явно не справлялась с ростом бандитизма в степи. Для борьбы с бандитизмом было решено использовать улусные сотни военкоматов — единственную реальную силу в улусах, служащую советской власти. Одновременно начинается процесс военизации милиции [Мулукаев 1965: 12]. При этом военкомы улусов становятся начальниками улусной милиции, а милиционеры вливаются в состав улусных сотен военкоматов и начинают принимать участие в боевых действиях против банд и белых партизанских отрядов. Например, 6 июня 1919 г. в урочище Керя после двух недель ожидания парохода взбунтовались 200 яндыковских калмыков, мобилизованных в РККА. При поиске одного из зачинщиков — зайсанга Окона Бадмаева — 13 июня был убит военрук Яндыко-Мочажного улуса Покровский.

В мае 1919 г. Кавказская армия белых нанесла поражение частям 10-й и 11-й армий РККА и заняла большую часть Калмыцкой степи. Из-за массовых грабежей отступающих красноармейцев в улусах усилились антисоветские настроения, которые начали проникать даже в улусные сотни. Одна из них (Эркетеневская) во главе с улусным военкомом Г. Эрднеевым даже перешла к белым [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 138. Л. 308об.].

К началу июня под контролем РККА остались лишь часть Хошеутовского, окраины Багацохуровского и Яндыко-Мочажного улусов. На оставшихся территориях продолжали функционировать три соответствующие улусные сотни разной численности, которым многократно приходилось противодействовать лихим рейдам вражеской конницы.

21–23 июля 1919 г. белокалмыцкие отряды атаковали несколько хотонов Багацохуровского и Хошеутовского улусов, остров Шамбай. В ходе рейда были разгромлены улусные военкомат, канцелярия начальника милиции, мобилизационный пункт и др. советские учреждения, за-

хвачен в плен ряд ответственных работников, в том числе члены Калмыцкого ЦИК Эрдни-Ара Сарангов и ветеринарный врач Надбит Дулаханов, хошеутовские улусные военрук Айшпург и военком Ярмоленко-Борисов, последнему, впрочем, удалось сбежать [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 82. Л. 120–122].

Из трех улусных сотен наиболее боеспособной была Яндыко-Мочажная сотня, укомплектованная рыбаками («калмыцкий пролетариат»), искренне верящими в победу «рабочего класса». Эта сотня не только охраняла тылы и транспорт. 33 бойца, хорошо знавшие местность и калмыцкий язык, были направлены в различные советские части разведчиками. В конечном итоге Яндыко-Мочажную сотню включили в состав фронтовых частей, вместе с которыми она ушла в начале 1920 г., преследуя отступающие белые войска.

Отличилась и более слабая Багацохуровская сотня, которой руководил улусный военком и бывший член КалмЦИК Ходжа Отхонов. Военком руководил не только охраной незанятой белыми части улуса, но и организовал агентурную разведку 11-й армии РККА в тылу у белых, проводил агитацию среди населения всего улуса, в том числе и на занятой противником территории. Белогвардейцы устроили настоящую охоту за ним, убили почти всех родственников Отхонова, объявили большую награду за его голову, но неуловимый военком вновь появлялся в хотонах, занимаясь пропагандой и сбором информации. Из донесений разведотдела 11-й армии видно, что в тот самый сложный период сведения, добываемые Отхоновым, были единственными достоверными на этом участке фронта [Очилов 2007: 317].

Критическое положение, сложившееся на подступах к Волге со стороны Калмыцкой степи, сказалось и на судьбе формировавшейся Отдельной Калмыцкой кавдивизии, которая фактически уже завершала свое комплектование. Приказом РВС 11-й армии № 390 от 2 июня 1919 г. «в виду особых стратегических соображений формирование Отдельной Калмыцкой кавдивизии приостанавливается. Имеющиеся кадры трех полков сводятся в 1-й Калмыцкий пеший батальон... с добавлением команды конных разведчиков» [Очилов 2007: 3070].

Освободившийся командный состав был передан штабу 11-й армии, имущество и оружие — 34-й стрелковой дивизии. Уже через 3 дня Мехоношин понял свою ошибку и отменил приказ, но комсостав уже убыл, а большую часть излишнего имущества и вооружения передали по назначению. Несколько сотен калмыков, уже собранных в мобилизационных пунктах, либо распустили, либо передали в другие организации или части.

Калмыцкому военкомату удалось добиться согласия на продолжение формирования дивизии. Согласно новому приказу Волжскому боевому участку поручалось переформировать дивизию в один Калмыцкий кавполк, который возглавил Симовский (бывший комполка-3). В его состав прибыл новый командный состав из калмыков или славян, владеющих калмыцким языком и хорошо знающих обычаи и традиции кочевников. В большинстве своем это были ветераны 10-й армии, уже имевшие опыт командной работы: помощник командира полка (позже комбриг Калмыцкой бригады) Х. Б. Кануков, комиссар полка член Калмыцкого исполкома Ш. М. Манджиев, командиры эскадронов В. А. Хомутников (позже командир 1-го полка), М. Д. Шапшуков, П. Т. Куцев, Е. А. Басанов, Т. Б. Шивидов (позже начальник штаба полка), С. Н. Павлов, А. Д. Дрючков и др. Удачный подбор командного и политического состава, ликвидация языкового барьера между командирами и рядовыми красноармейцами и развертывание агитации на базе новых декретов Советского правительства быстро дали результат.

22 сентября 1919 г. после личного напутствия М. И. Калинина 1-й Калмыцкий кавалерийский полк под командованием В. А. Хомутникова выступил на фронт, где был включен в состав Сводно-конного корпуса Б. М. Думенко. Полк стал первой регулярной калмыцкой национальной частью РККА. Он прошел боевой путь от верхнего Дона до Северного Кавказа. Вскоре вслед за ним выступил 2-й Калмыцкий кавалерийский полк под командованием Акима Стаценко.

Крупные пополнения калмыцким полкам дали проведенные летом 1919 г. мобилизации трудового калмыцкого населения,

проходившие в исключительно трудных условиях. Нападения на приемно-мобилизационные пункты, аресты и расстрелы работников военкоматов, угон заготовленного для мобилизованных скота вошли в постоянную практику белогвардейских партизанских отрядов летом — осенью 1919 г. Например, в конце 1919 г. отряд Бовы Тегусова в упорном и продолжительном бою разгромил Хошеутовскую улусную сотню, среди погибших оказались улусный военком Камышев и двое членов улусного исполкома. Попавший в плен представитель Калмыцкого военкомата Вадим Мергасов (отец будущего наркома здравоохранения и начальника медицинской службы 110-й Калмыцкой кавдивизии Олега Мергасова и будущего Героя Советского Союза Владимира Мергасова) был казнен [Глухов 1927: 42].

Тем не менее мобилизация калмыцкого населения в незанятых белыми частях Багацохуровского, Хошеутовского и Яндыко-Мочажного улусов не прекращалась. Всего по летним мобилизациям в РККА в Калмыцкой степи из подлежащих призыву 10 тысяч человек было призвано более 3 тысяч [РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 895. Л. 24; Оп. 9. Д. 427. Л. 91].

В январе 1920 г. деникинцы, потерпев поражение на основном направлении, отвели свои войска за Дон и Маныч, покинув большую часть улусов. Некоторые отряды, сформированные из местных жителей, отказались покидать родные места и перешли к партизанской борьбе. После ухода частей РККА наиболее боеспособной силой советской власти вновь оказались улусные сотни военкоматов: формирующаяся милиция была слишком слабой, войска ВЧК здесь отсутствовали, а ЧОН в силу отсутствия партийных организаций в улусах даже еще не создавались. Для борьбы с «бандами» стали брать заложников [Глухов 1927: 42], активно формировать новые улусные сотни и отряды. В ходе боев отличались командир Малодербетовской сотни М. И. Брыков, командир Эркетеневской сотни П. Ф. Степанов, командиры отрядов А. Маслов, К. Эльдеев, К. Долгин, Э. Шаваев, пулеметчик А. Ангуляев и др. В конечном итоге почти все «банды» были либо уничтожены, либо распались, либо сдались, получив амнистию.

В начале 1920 г. Яндыко-Мочажный улусный военкомат мобилизовал тысячу калмыков, которые были направлены в инженерный батальон (позже 550 из них направили на доукомплектование 1-го и 2-го Калмыцких полков). Гражданская война шла к своему логическому концу, и РВС страны начал реорганизацию ряда военных частей в трудармейские. Поэтому было решено отказаться от формирования Калмыцкой кавбригады и Калмыцкой кавдивизии, а оставшихся калмыков, значительную часть которых составляли рыбаки, передать на трудовой фронт — каспийские рыбопромыслы. В марте 1920 г. после окончательного изгнания белогвардейцев из Калмыкии военкоматы провели трудовую мобилизацию 2 тыс. калмыков в возрасте от 18 до 45 лет. Они были направлены в инженерный батальон или в распоряжение Областьрыбы.

1-й и 2-й Калмыцкие полки из-за потерь были сведены в 1-й Калмыцкий полк В. А. Хомутникова, направленный на борьбу с белыми и зелеными повстанцами. Полк действовал весьма эффективно и получил высокую оценку командования за разгром целого ряда крупных банд в Чечне и на Тереке. Было даже высказано предложение перевести полк в состав «карвойск ВЧК». Однако в конце 1920 г. Региструп РККА (будущее ГРУ) приняло решение об отзыве в свое распоряжение большей части командного состава полка во главе с В. А. Хомутниковым [Очиров 2007: 335]. Эта группа командиров была направлена в Монголию в качестве военных и политических инструкторов, поскольку они как владеющие языком монгольской группы понимали местную речь. Без командного состава 1-й Калмыцкий полк был быстро демобилизован.

После завершения Гражданской войны надобность в огромной армии отпала. Количество мобилизуемых сильно сократилось, был введен ряд отсрочек и освобождений от призывов. Среди них было и освобождение от призыва ряда национальных меньшинств РСФСР, среди которых были и калмыки. Впрочем, руководство национальных регионов расценивало подобное решение как некую дискриминацию, подобную той, что была при царе, и настаивало на возобновлении призыва на военную службу.

Например, в 1925 г. ЦИК Калмыцкой автономной области принял резолюцию, в которой утверждалось, что *«калмыцкий народ вполне пригоден к военной службе в кавалерии, а по боеспособности и выносливости ничем не отличается от военнослужащих других национальностей»*. В связи с этим устранение калмыков от службы в армии считалось *«унижением калмыцкого народа, выделяющим его из общей семьи народов СССР»* (цит. по: [Безугольный 2016: 78]).

Ведущий специалист по истории службы национальных меньшинств в составе РККА А. Ю. Безугольный подчеркнул, что в те годы служба в армии представлялась важнейшим социальным лифтом, способным вырвать местное население из бескультуры и безграмотности, и проиллюстрировал свое суждение цитатой из постановления Калмыцкого ЦИК: *«Условием первостепенного значения [для] увеличения культурности населения, ликвидации азбучной, правовой и политической малограмотности и создания недостающего кадра сознательных, дисциплинированных, подготовленных и честных общественных работников, признать прохождение калмыками военной службы в Красной армии, дающей все эти качества»* (цит. по: [Безугольный 2016: 78]).

Наркомат по военным и морским делам СССР долго колебался, но в 1926 г. отказал национальным регионам в призыве под предлогом их большой территории, слабой транспортной сети, невозможности провести допризывную подготовку молодежи, ее учет и приписку к призывным участкам. Исключение было сделано лишь для Калмыкии, которой разрешили призвать в добровольном порядке 100 человек [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1158. Л. 52]. Однако пропаганда призыва в РККА велась очень плохо, волонтеров оказалось мало, поэтому недостающие цифры «добровольцев» просто разверстали по аймакам [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1160. Л. 27, 35, 38, 41–42 и др.]. Однако улусные исполкомы и вербовочные комиссии относились к порученному делу спустя рукава. Например, в ходе мобилизации калмыков в 1926 г. из 90 призывников, присланных улусными комиссиями, 38 человек облвоенкомат признал *«безусловно негодными»*, а еще 22 из-за различных проблем со здоровьем решил призвать позже [НА РК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 1160. Л. 68].

В 1927 г. руководство Калмыкии все же добилося распространения воинской повинности и на калмыков. При этом было сформировано первое калмыцкое национальное подразделение: 1-й Калмыцкий кавалерийский эскадрон 30-го Саратовского кавалерийского полка 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени М. Ф. Блинова [Хомутников 1964: 44–45]. Он стал настоящей «кузницей кадров» для будущей 110-й Калмыцкой кавдивизии. В его составе служил ряд офицеров, ныне хорошо известных всей Калмыкии: Б. Б. Городовиков, И. А. Теврюков, М. С. Шарапов, М. П. Василенко, С. Н. Гаряев. После перебазирования 5-й кавдивизии на Украину калмыцкий эскадрон был сформирован в составе 4-го (затем 87-го) запасного кавалерийского полка. В его составе служили будущие офицеры 110-й Калмыцкой кавдивизии А. К. Темиров и М. С. Джимбиев [Илишкин, Оглаев 1988: 171].

В 1938 г. командование РККА отказалось от практики формирования национальных частей. Все призывники национальных регионов стали направляться на службу по экс-территориальному принципу (т. е. калмыки направлялись за пределы СКВО). В воспоминаниях ветеранов встречаются утверждения о том, что калмыцкий эскадрон в 1939 г. числился и в составе 7-й Самарской кавалерийской дивизии. По всей видимости, это все же ошибка, и здесь имело место случайная концентрация большой группы калмыков. Командный состав эскадрона состоял из славян, обучение велось на русском языке.

Число призывников в Калмыкии с каждым годом все больше увеличивалось. Большой импульс развитию военкоматов дало назначение в 1930 г. военным комиссаром Калмыцкой автономной области В. А. Хомутникова (инициатора и бывшего командира 1-го Калмыцкого кавполка). Он вновь выступил с инициативой формирования Калмыцкого национального кавполка с базированием в Элисте, но его неоднократные просьбы успеха не имели [Хомутников 1964: 49]. Качество призываемого контингента стало улучшаться как в моральном, так и физическом плане, но количество его оставалось не очень большим.

К началу мирового конфликта система воинского учета и мобилизации в Калмыкии

была недостаточно развитой. Республике не доставало кадров для проведения мобилизационных работ. Например, в 1936 г. областным военкоматом Калмыцкой АССР руководил капитан, а городским и районными военкоматами — старшие лейтенанты и лейтенанты. В 1938 г. районные военкоматы были лишь в 6 улусах из 13. Военные инспекторы улускомов ВКП(б) зачастую не имели времени для выполнения своих обязанностей, так как постоянно привлекались к другим заданиям. Ситуацию заметно осложняли неблагоприятные географические и экономические условия: широкие пространства, низкая плотность населения, слабая развитость дорожной сети и систем связи, кочевой образ жизни калмыков (переход к оседлости завершился только к 1939 г.). Конечно, небольшие райвоенкоматы, возглавляемые юными лейтенантами, живущими в непривычных условиях, не могли охватить подотчетные им огромные территории и наладить работу по полному учету военнообязанных. Впрочем, подобное положение дел было характерно для многих отдаленных регионов страны. Неудивительно, что в докладе военного комиссара Калмыцкой АССР капитана К. А. Долгина от 23 марта 1936 г. сообщалось, что на учете облвоенкомата состоит всего 14 323 военнообязанных, а в ходе призыва 1936 г. было мобилизовано всего 3 633 человека 1914–1915 гг. рождения, в том числе 1 980 калмыков [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 59. Л. 4–5]. Для республики с населением 195 тыс. человек это было не очень много.

С началом эскалации напряженности в мире советское руководство разработало целый ряд мер, чтобы парировать возрастающие угрозы у наших границ. 26 января 1939 г. Совнарком СССР издал постановление № 5с об изменении системы учета военнообязанных [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 517. Л. 16]. Согласно новому постановлению учет стал вестись по месту жительства и был жестко увязан с системой прописки. Смена места жительства автоматически отражалась в статистике военкомата, причем процедура выписки и становления на учет была значительно упрощена. 2 сентября 1939 г. ЦИК СССР изменил «Закон об обязательной воинской службе», увеличив срок службы до 3 лет (на флоте — до 5 лет) и допустив к службе в Вооруженных силах

всех мужчин без различия национальности, вероисповедания, образования, социально-го происхождения и положения.

С началом Второй мировой войны изменилось и отношение к мобилизации местных органов власти. Согласно новому «Закону о всеобщей воинской обязанности»

в 1939 г. мобилизации подлежали призывники сразу трех возрастов (с 19 до 21 года) и, частично, 18 лет. Однако военкоматы, благодаря поддержке партийных организаций и Советов, вполне удовлетворительно справились с этой задачей. В ходе призыва 1939 г. было мобилизовано 2 998 человек.

Таблица 1. Численность призывников Калмыкии 1918–1923 гг. рождения

Год рождения призывников	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Число призывников	928	932	1 138	около 1 000	1 467	1 650

Таблица составлена на основе докладов военных комиссаров Калмыцкому обкому и СНК, хранящихся в НА РК [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 291. Л. 75–76; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 6].

К началу Великой Отечественной войны на срочной военной службе находилось 4 432 призывника из Калмыкии [Максимов 2010: 70]. Абсолютное большинство из них относилось к контингенту 1919–1921 гг. рождения, частично 1922 г. рождения. Несколько десятков человек из числа ранее отслуживших резервистов было призвано в ходе так называемых учебных сборов в мае 1941 г. Тем не менее кадровую проблему в системе военного учета до конца решить не удалось: к июню 1941 г. в республике на 13 улусов имелось всего 8 райвоенкоматов.

Первая мобилизация в Калмыкии началась сразу после нападения Германии на СССР. Согласно мобилизационным планам, сначала следовало призвать военнообязанных 1-й категории, т. е. резервистов, уже отслуживших ранее в РККА. 23 июня 1941 г. в большинстве регионов страны (в том числе и в Калмыцкой АССР) начался призыв военнообязанных 1-го разряда (в возрасте до 35 лет — 1905–1918 гг. рождения) 1-й категории, разделенных на три очереди. В августе начался призыв военнообязанных 2-го разряда (в возрасте до 45 лет — 1895–1904 гг. рождения) 1-й категории. Хотя большинство призванных являлись уже отслужившими резервистами, в число мобилизованных попали также новобранцы, добровольцы и т. д. Например, в Калмыкии 3 октября 1941 г. мобилизовали 14 сандружинниц.

Вновь с идеей о формировании национальной кавалерийской части выступил В. А. Хомутников. В августе на станции Дивное началось формирование Особого

Калмыцкого кавалерийского полка, вскоре получившего номер — 189-й. Однако начальник Новочеркасского кавалерийского училища полковник И. П. Калюжный, инспектировавший часть, предложил влить Особый Калмыцкий кавполк в одно из сформировавшихся соединений. В сентябре 1941 г. 189-й кавполк передали в состав 70-й Ставропольской кавдивизии [Илишкин, Оглаев 1988: 117].

Военкоматы Калмыкии направили так много мобилизованных, что их использовали и для укомплектования двух эскадронов 192-го Ставропольского кавалерийского полка. Эти полки комплектовались из резервистов 1-го и 2-го разрядов 1-й категории. Например, Западный объединенный райвоенкомат 10 сентября 1941 г. направил в состав 70-й кавдивизии 278 призывников (у всех в личных делах есть отметки о принятии присяги в 1918–1937 гг.), в том числе 9 — 1915–1921 гг. рождения, 269 — 1900–1914 гг. рождения [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1020. Л. 57–62].

Всего в Калмыкии в ходе мобилизаций 1-го и 2-го разряда 1-й категории в период с 23 июня по 4 октября 1941 г. было призвано 5 259 чел. (267 — старшего и среднего командно-начальствующего состава, 764 — младшего командно-начальствующего состава, 3 772 — рядовых, 242 новобранца, 200 добровольцев-комсомольцев и 14 сандружинниц) [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 616. Л. 63]. Большую часть из них направили во вновь формируемые объединения Северо-Кавказского военного округа (далее — СКВО) — 56-ю и 57-ю армии.

Следует отметить, что призывной контингент 1 и 2-го разряда отнюдь не был исчерпан этими мобилизациями. К 1 октября 1941 г. на учете в Калмыцком военкомате оставалось еще 725 чел. комначсостава и 22 526 призывников 1896–1921 гг. рождения,

большинство из которых относилось ко 2-й категории (ранее не проходивших срочную службу). Кроме того, в списках Калмыцкого военкомата значилось 1 467 допризывников 1922 г.р., 1 650 — 1923 г.р., 2 090 — 1924 г.р. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 6].

Таблица 2. Мобилизационные ресурсы Калмыкии на 1 октября 1941 г.

Рай(гор)военкомат	Военнообязанные 1896–1921 гг. рождения			Военнообязанные 1922–1924 гг. рождения			
	1 кат.	2 кат.	всего	1922 г.	1923 г.	1924 г.	всего
Западный	706	2 118	2 824	95	150	200	445
Приютненский	509	2 646	3 155	247	231	265	743
Сарпинский	369	2 070	2 439	270	205	228	703
Малодербетовский	317	1 260	1 577	152	153	181	486
Приволжский	446	2 888	3 334	215	198	221	634
Черноземельский	139	1 389	1 528	106	92	89	287
Долбанский	694	2 019	2 713	187	253	317	757
Лаганский	471	3 115	3 586	115	250	332	697
Элистинский	314	1 781	2 095	80	118	257	455
Итого	3 965	19 286	23 251	1 467	1 650	2 090	5 207

Примечание: данные по Яшалтинскому улусу учтены в графе Западного военкомата, по Троицкому улусу — Приютненского, по Кетченеровскому улусу — Сарпинского, по Юстинскому улусу — Приволжского, по Улан-Хольскому улусу — Лаганского, так как в названных улусах райвоенкоматов не было.

15 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР (далее — ГКО) вынес постановление № 675 о мобилизации 625 тыс. забронированных военнообязанных 1-й категории (не старше 37 лет) и юношей 1922 г. рождения. По плану наркоматы должны были направить от 10 до 30 % из числа забронированных; более трети вновь мобилизованных оказались из числа железнодорожников; большие контингенты предоставили НКВД, наркоматы черной металлургии, угольной промышленности и земледелия. Однако в Калмыкии забронированных было не так много, поэтому в ходе этой мобилизации призывались в основном новобранцы 1922 г. рождения.

17 сентября 1941 г. ГКО выпустил постановление № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», согласно которому все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет должны были пройти краткий курс всеобуча. Практическая работа по

реализации постановления легла на военкоматы. В Калмыкии эта работа частично началась еще до выхода постановления: после получения письма инспектора кавалерии генерал-полковника О. И. Городовикова, в котором предлагалось сформировать в колхозах кавалерийские группы для проведения допризывной подготовки. В составе этих групп числилось более 2 тыс. юношей. Всего же к концу 1941 г. военную подготовку в Калмыкии получили 16 190 чел. [Максимов 2010: 74].

13 ноября 1941 г. вышло постановление ГКО № 894 о формировании в ряде национальных регионов страны 20 кавдивизий и 15 стрелковых бригад из призывников в возрасте до 40 лет. Их формирование было поручено ЦК и обкомам, Совнаркомам национальных республик, их содержание, снаряжение и частично даже вооружение до передачи на баланс наркомата обороны было возложено на бюджеты регионов, колхозов

и самих призывников. В их числе были и две Калмыцкие кавдивизии (по 3,5 тыс. чел. каждая) — 110-я и 111-я. Имевшихся ресурсов было более чем достаточно: по данным на 1 октября 1941 г. на учете в Калмыцком облвоенкомате значился 8 241 калмык 1901–1921 гг. рождения [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 5], притом, что специальные подразделения дивизий (почти четверть штата) разрешалось комплектовать из лиц некоренной национальности. Согласно разнарядке, направленной 21 ноября в военкоматы, предполагалось призвать 6 939 чел. Однако значительная часть призывников оказалась отправлена на строительство Донского оборонительного рубежа (10 тыс. чел.), железной дороги Кизляр–Астрахань (6,2 тыс. чел.) и других объектов оборонного значения.

Работники военных комиссариатов Калмыкии (как республиканского, так и улусных), работавшие в военный период с большой интенсивностью, к формированию национальных соединений отнеслись с особой ответственностью. Военный комиссар республики майор Карцев был включен в правительственную комиссию по формированию национальных частей в качестве ответственного секретаря (возглавил комиссию председатель Совнаркома Калмыцкой АССР Н. Л. Гаряев), и все эти дни он постоянно бывал в Доме Советов, решая проблемы укомплектования личным и конским составом, финансирования, обмундирования, снаряжения и т. д. Улусные военкоматы старались отбирать для национальных частей лучших призывников. Некоторые сотрудники военкоматов (например, капитан А. К. Темиров [Очиров 2017: 58]) сами ушли на фронт, чтобы служить в калмыцких национальных частях.

По данным на 20 января 1942 г., вместо необходимых по штату 3 447 чел. (в том числе 452 — младшего начальствующего состава и 2 745 рядовых) в 110-й кавдивизии значилось 2 507 чел. (в том числе 77 старшин и сержантов и 2 310 рядовых), а в 111-й кавдивизии — 2 597 чел. (в том числе 2 446 рядовых) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 21]. Однако руководство республики полагало, что после возвращения молодежи со строительных работ оно сможет восполнить образовавшийся дефицит. 26 ноября из СКВО был выделен новый военный округ

— Сталинградский (далее — СталВО), в состав которого вошла и Калмыцкая АССР. По данным К. Н. Максимова, за период октября – декабря 1941 г. в Калмыкии было мобилизовано 8 390 призывников, а также 129 медработников [Максимов 2010: 71].

В начале 1942 г. работа по формированию 110-й и 111-й кавдивизий продолжилась, и к середине февраля они практически были укомплектованы людьми, за исключением младшего начальствующего состава. Недостающих сержантов предполагалось подготовить за счет рядовых, набранных сверх комплекта. К 23 февраля 1942 г. в 110-й кавдивизии числилось 159 старшин и сержантов и 2 982 рядовых, в 111-й — соответственно 140 и 3 136. Однако к этому времени штаты кавдивизий были увеличены с 3 447 чел. до 4 494 чел. В результате некомплект личного состава в 110-й кавдивизии достиг 951 чел. (в том числе 557 сержантов и старшин), а в 111-й — соответственно 816 чел. (576 чел.). 23 февраля 1942 г. военкомат Калмыцкой АССР составил разнарядку на призыв еще 1,7 тыс. чел. для укомплектования соединений по новым штатам [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 10].

К началу марта 1942 г. 111-я кавдивизия была, наконец, укомплектована личным составом — 4 644 чел. (при штате 4 494 чел.) [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123. Л. 1]. Однако в этот момент Ставка ВГК приняла решение о расформировании 20 кавдивизий, в том числе 111-й. Выбор именно этой дивизии, которая, в отличие от 110-й, имела даже сверхкомплект личного состава, носил случайный характер (расформировывали соединения, имевшие больший номер). Тем не менее, ее расформирование позволило укомплектовать 110-ю дивизию, которая, завершив подготовку, в мае выступила на фронт. Оставшиеся «излишки» передали в 15-й запасной кавалерийский полк в Ворошиловск (в настоящее время — Ставрополь) и в 16-ю запасную стрелковую бригаду в Котельниково, а также в распоряжение СталВО и Крымского фронта.

Помимо этого, в число мобилизованных, согласно приказу № 0442/2212 Наркомата рыбной промышленности СССР, вошел и рыбный флот Каспийского бассейна, переведенный «на положение военизированной службы» [Калмыкия 2005: 111] (5–6 тыс. чел.).

Всего в январе – марте 1942 г. было призвано 6 347 чел., а общая численность мобилизованных в Калмыкии с начала войны составила более 20 тыс. чел. [Максимов 2010: 88], при этом имели место всего 8 случаев уклонения от мобилизации и 21 — дезертирства [Калмыкия ... 2005: 170].

В 1942 г. мобилизационные ресурсы СССР оказались заметно исчерпанными; пришлось поднять призывной возраст до 50 лет и произвести призыв 18-летней молодежи. Появились категории «не годные к службе, но годные к физическому труду» [ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 5. Л. 46]. Ряд статей, предоставляющих освобождение от призыва по приказу НКО № 184 1940 г., был отменен. Например, слепые на один глаз и со зрением 0,8 на другой стали считаться годными к нестроевой, а имевшие хронический гастрит — к строевой службе [ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 3. Л. 2].

ГКО, изыскивая резервы, принял ряд постановлений о наборе на тыловую службу женщин, в том числе 25 тыс. девушек в возрасте 19–25 лет в состав Военно-морского флота. Согласно разрядке, приложенной к постановлению № 1703сс от 5 мая 1942 г., Калмыкия должна была направить 150 девушек в Каспийскую военную флотилию, хотя уже в первый день в военкоматы республики поступило 1 200 заявлений. 25 июня 230 девушек были направлены в состав ВМФ [Максимов 2010: 88].

В период с апреля по июль 1942 г. военкоматы Калмыкии призвали еще 6 тыс. чел. По данным на 1 августа, на учете значилось всего 6 513 военнообязанных (в том числе 1 108 чел. в возрасте от 45 до 50 лет), а также 2 201 призывник 1924 г. рождения и

1 744 призывника 1925 г. рождения [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 743. Л. 100].

Летом 1942 г. положение на фронте осложнилось, и 26 июля ГКО принял постановление № 2100сс, в котором приказывалось передать на фронт 930 тыс. чел. из тыловых частей и флота, из рабочих колонн и лагерей, из числа «забронированных» и трудпоселенцев, а также объявлялось о призыве юношей 1924 г. рождения, которые по правилам того времени считались 17-летней молодежью.

Мобилизация проходила в сложных условиях: враг подошел к границам Калмыкии, 1 августа вторгся на территорию Западного улуса, 5 августа — занял Абганерово и Плодовитое, 12 августа — Элисту. Военкоматы прифронтовых регионов обязаны были производить мобилизацию всех оставшихся призывников, за исключением забронированных, эвакуированных со своими предприятиями, поэтому Калмыцкий облвоенкомат не только призвал молодежь, но и вывез за пределы региона все «мобилизационные ресурсы», какие только смог.

В ходе мобилизации было призвано 2 965 чел., а еще 5 594 военнообязанных 1891–1925 гг. рождения были эвакуированы [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 743. Л. 100]. По всей видимости, все они или большая часть (за исключением нестроевых и имеющих отсрочку по болезни) оказались мобилизованы на военную службу. Часть призывников направили в состав 159-й стрелковой бригады, формируемой из уроженцев СталВО, но большинство мобилизованных отправили за пределы округа. Более подробные данные об этой мобилизации приведены в таблице 3.

Таблица 3. Сведения о призыве и вывозе военнообязанных Калмыкии в августе 1942 г.

	Строевые до 45 лет	Строевые от 45 до 50 лет	Нестроевые	Спецучет	Отсрочки по болезням	Всего	Призывники 1924 г. рожд.	Призывники 1925 г. рожд.
Было на учете к 1 августа 1942 г.	570	1 108	2 433	2 300	102	6 513	2 201	1 744
Призвано на военную службу	346	268	764	118	0	1 496	968	457

	Стрелковые до 45 лет	Стрелковые от 45 до 50 лет	Нестрелковые	Спецучет	Отсрочки по болезням	Всего	Призывники 1924 г. рожд.	Призывники 1925 г. рожд.
Эвакуировано за пределы региона	177	752	1 309	1 595	44	3 877	784	893
Осталось в оккупированных улусах	47	56	184	150	34	471	389	339
Осталось в неоккупированных улусах	0	32	176	433	28	669	60	55

Примечание: в таблице не учтен старший и средний начальствующий состав (421 чел., в том числе 48 — в возрасте до 45 лет, 183 — в возрасте от 45 до 50 лет, 17 — годные к нестроевой службе, 173 — состоявшие на спецучете).

В ходе операции «Фишрайер» немцы и румыны оккупировали большую часть территорию СталВО. Управление округа пришлось эвакуировать в Астрахань, а в начале сентября его преобразовали в управление 28-й армии (3-го формирования). Тем не менее за этим объединением было сохранены права округа на той части территории, которая осталась неоккупированной.

В течение сентября–ноября 1942 г. официально мобилизаций в Калмыкии не было, но на территории республики осуществлялся набор пополнений для 110-й Калмыцкой дивизии: собирали необученных призывников 1925 г. рождения, добровольцев, части старших возрастов, не призванных ранее. Впрочем, в статистике военкоматов 28-й армии эти мобилизации не нашли отражения. Всего в 1942 г., по данным К. Н. Максимова, было мобилизовано 16 880 чел. [Максимов 2010: 345], при этом от мобилизации уклонились 106 военнообязанных и 66 призывников [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 853. Л. 33].

20 декабря 1942 г. ГКО принял постановление № 2640сс о призыве юношей 1925 г. рождения, а также передаче на фронт 637 тыс. чел. из тыловых частей, флота, «гражданских» наркоматов, лагерей и 200 тыс. чел. из Среднеазиатского военного округа, которые ранее не призывались. На территории Калмыкии, где мобилизационные ресурсы были практически исчерпаны, в основном призывали юношей 1925 г. рождения. К сожалению, отдельных данных по республике у нас пока нет, поэтому

приведем общую статистику по 28-й армии. В ходе мобилизации, прошедшей с 4 по 15 января 1943 г. на территории Астраханского округа и 5 улусов Калмыкии, на призывные пункты явилось 6 080 юношей, 57 — не явились по уважительной причине (болезни, командировки, в заключении). Из явившихся были признаны годными к строевой службе 4 987 чел. (в том числе 128 забронированных), годными к нестроевой службе — 536, годными к физическому труду — 32; признаны негодными — 299 чел., получили отсрочки по болезни — 211, отсеян по национальному признаку — 1 чел., по политико-моральным соображениям — 23. Из числа призванных 28-я армия направила 2,4 тыс. чел. в 37-ю запасную стрелковую бригаду Приволжского военного округа, 1 701 чел. — в Сталинградский корпусной район ПВО (туда же отправили 370 добровольцев 1925 г. рождения, набранных ранее), 310 чел. — в рабочую команду [ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 5. Л. 139].

После освобождения территории Калмыкии от фашистов военкоматы вновь приступили к своей работе. Предельный возраст для военнообязанных достиг 55 лет, вновь был проведен набор девушек, на этот раз в войска ПВО. В июле 1943 г. было набрано 450 девушек, которые после обучения в 27-м отд. дивизионе аэростатного заграждения были направлены в 1568-й (Архангельск) и 1569-й (Гомель) зенитно-артиллерийские полки. К 1 мая 1943 г. в списке военнообязанных значилось 3 810 чел., включая 1 210 военнообязанных в возрасте

51–55 лет и 1 033 забронированных. Кроме того, готовился призыв 2 826 новобранцев 1926 г. рождения [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 853. Л. 32, 58]. 2 июля 1943 г. Калмыкия вошла в состав восстановленного СталВО, а после его расформирования 15 октября 1943 г. — в состав СКВО.

13 октября 1943 г. ГКО выпустило постановление № 4322сс об отправке на фронт из тыловых частей 195 тыс. чел., а также о призыве юношей 1926 г. рождения. В Калмыкии из 1 855 призывников, находившихся на учете, было мобилизовано 1 742 (в том числе 85 годных к нестроевой службе) [ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 30. Л. 12]. На призывной пункт по неизвестной причине не явился 1 чел., находились в море 38 рыбаков, были сняты с учета или получили отсрочку по болезни 32 чел., получили отсрочку из-за «невозможности» — 36, не призвано «по политико-моральным соображениям» и «национальному признаку» — 6 [Максимов 2010: 317]. Всего за 1943 г. было призвано 8 120 чел.

В военкоматах начался учет допризывников 1927 г. рождения, но в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР была ликвидирована. Учитывая, что призыв 1944 г. на фронт практически не попал, можно сказать, что военкоматы Калмыкии полностью выполнили свой долг в сложнейших условиях, отправив на фронт максимально возможное количество жителей республики. По данным профессора К. Н. Максимова, военкоматы Калмыкии за 2,5 года призвали 38 778 человек, что с учетом 4 432 призванных ранее и находившихся на сверхсрочной службе составляет 43 210 наших земляков, сражавшихся с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Из них 21 129 являлись калмыками, 20 223 — русскими, 1 858 — представителями других национальностей [Максимов 2010: 344]. Если

учесть, что по Всесоюзной переписи населения 1939 г. в республике значилось более 189 тыс. человек, то получается, что военкоматами Калмыкии (без учета партизан и призванных другими военкоматами) было призвано 22,75 % населения республики, то есть фактически каждый четвертый.

Выводы. Таким образом, в период с 1918 г. по 1943 г. военкоматы Калмыкии формировали национальные соединения (в 1919 г. — Калмыцкая кавалерийская дивизия; в 1941–1942 гг. — 110-я и 111-я Калмыцкие кавалерийские дивизии), отдельные части (в 1918–1919 гг. — 1-й Калмыцкий кавалерийский полк, в 1941 г. — 189-й Калмыцкий кавалерийский полк) и даже эскадроны (в 1927–1932 гг. — в 5-й Блиновской кавалерийской дивизии, в 1935–1938 гг. — в 87-м запасном кавалерийском полку). Ни до, ни после этого периода калмыцкие национальные части органами местного военного управления не формировались. Относительно недавно выдвигался проект создания калмыцкого танкового батальона в составе 205-й мотострелковой бригады, но он так и остался нереализованным. Роль военных комиссариатов в создании национальных формирований трудно переоценить. В этой работе военкоматы не просто ограничились их укомплектованием (что являлось их прямой обязанностью), но проводили эту работу с особым усердием, в ряде случаев выступили инициаторами создания калмыцких национальных частей. Местные органы военного управления Калмыкии, несмотря на различные трудности, справились с укомплектованием всех национальных частей и соединений. Имевшие место расформирования национальных кавалерийских дивизий носили в основном субъективный характер, не связанный с нехваткой личного состава.

Источники

- К истории ... 1960 — К истории образования Автономной области калмыцкого народа. Сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Калмиздат, 1960. 98 с.
- Калмыкия ... 2005 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / сост.: М. Л. Кичиков,

- Л. П. Коженбаева, А. И. Наберухин и др. Изд. 3-е. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 2005. 784 с.
- Маслов 1962 — Маслов А. Г. Страницы былого. Элиста: Калмиздат, 1962. 156 с.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГВА — Российский государственный военный архив.
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Литература

- Безугольный 2016 — *Безугольный А. Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальное военное строительство и национальные формирования в РККА. 1921–1945. М.: РОССПЭН, 2016. 271 с.
- Безугольный, Ковалевский, Ковалев 2012 — *Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е.* История военно-окружной системы в России, 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 462 с.
- Бембеев 1991 — *Бембеев В. Ш.* Человек из легенды. М.; Элиста: Контекст, 1991. 187 с.
- Бимбаев 1983 — *Бимбаев М. Т.* Судьба моя военная. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1983. 156 с.
- Волков 2014 — *Волков Д. А.* Деятельность военных комиссариатов в первые месяцы гражданской войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 2. С. 45–47.
- Глухов 1927 — *Глухов И. К.* Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань: Калмгосиздат, 1927. 113 с.
- Илишкин, Оглаев 1988 — *Илишкин Н. У., Оглаев Ю. О.* Родина помнит. Элиста: Калмиздат, 1988. 220 с.
- Калугина 2019 — *Калугина Е. Н.* Военные комиссариаты Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2019. 30 с.
- Кулиев, Кочкаев 2017 — *Кулиев Ф. М., Кочкаев А. В.* Процесс формирования местных органов военного управления в ходе военных преобразований 60-70-х гг. XIX в. // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 12. С. 247–252.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Мулукаев 1965 — *Мулукаев Р. С.* Советская милиция и ИТУ: материалы к курсу лекций по истории государства и права СССР. М.: ВШ МООН РСФСР, 1965. 45 с.
- Наберухин 1987 — *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех революциях. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Наберухин 1968 — *Наберухин А. И.* Мобилизация трудящихся Калмыкии на защиту Советской власти и борьбу с контрреволюцией (1918 г.) // Ученые записки КНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. 6. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1968. С. 67–93.
- Очиров 2007 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 450 с.
- Очиров 2017 — *Очиров У. Б.* Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 55–70.
- Очиров 2010 — *Очиров У. Б.* Вклад калмыцкого народа в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вклад репрессированных народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 173–264.
- Хомутников 1964 — *Хомутников В. А.* Военные калмыцкие части в боях за Советы. Изд. 2-е. Элиста: Калмиздат, 1964. 63 с.

Sources

- [Autonomous Oblast of the Kalmyk People: History of Formation Revisited]. Coll. documents and materials. Elista: Kalmizdat, 1960. 98 p. (In Russ.)
- [Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Documents and materials. M. L. Kichikov et al. (comps.). 3rd ed. Elista: Kalmyk Book Publ., 2005. 784 p. (In Russ.)
- Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive.
- Ministry of Defense of the Russian Federation, Central Archives.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Military Archive.
- Maslov A. G. [Pages of the Past]. Elista: Kalmizdat, 1962. 156 p. (In Russ.)

References

- Bembееv V. Sh. [Man from Legend]. Moscow; Elista: Kontekst, 1991. 187 p. (In Russ.)
- Bezugolny A. Yu. [‘Additional Source of the Red Army’s Power...’: Ethnic-Oriented Military Force Development and Ethnic Military Units in the Red Army, 1921–1945]. Moscow: ROSSPEN, 2016. 271 p. (In Russ.)
- Bezugolny A. Yu., Kovalevsky N. F., Kovalev V. E. [History of Russia’s Military District System: 1862–1918]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 462 p. (In Russ.)

- Bimbaev M. T. [My Military Destiny]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 156 p. (In Russ.)
- Glukhov I. K. [Revolutionary Movement in Kalmykia: Historical Essays]. Astrakhan: Kalmgosizdat, 1927. 113 p. (In Russ.)
- Ilishkin N. U., Oglaev Yu. O. [Motherland Remembers]. Elista: Kalmizdat, 1988. 220 p. (In Russ.)
- Kalugina E. N. [Military Commissariats of the Southern Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Orenburg, 2019. 30 p. (In Russ.)
- Khomutnikov V. A. [Kalmyk Military Units in Battles for the Soviets]. 2nd ed. Elista: Kalmizdat, 1964. 63 p. (In Russ.)
- Kuliev F. M., Kochkaev A. V. The process of formation of local agencies of military administration during military reforms of the 60-70 years XIX century. *Sotsialno-gumanitarnyyeznaniya*. 2017. No. 12. Pp. 247–252. (In Russ.)
- Maksimov K. N. [The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Mulukaev R. S. [Soviet Militia and Corrective Labor Institutions]. Learning materials on the history of Soviet state and law. Moscow: RSFSR Ministry for Public Order Defense, 1965. 45 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. [Kalmykia in the Three Revolutions]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Naberukhin A. I. Defending the Soviets and struggling against counterrevolution: mobilization of Kalmykia's working people (1918). In [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Ser. 'History'. Vol. 6. Elista: Kalmyk Book Publ., 1968. Pp. 67–93. (In Russ.)
- Ochirov U. B. [Kalmykia during the Revolution and Russian Civil War (1917–1920)]. Dr. Sc. thesis. Moscow, 2007. 450 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Great Patriotic War 1941–1945: contribution of the Kalmyk people to the Victory. In: [Impacts of Soviet Repressed Peoples to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Elista: Dzhangar, 2010. Pp. 173–264. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941–1942: difficulties and results. *The New Historical Bulletin*. 2017. No. 4 (54). Pp. 55–70. (In Russ.)
- Volkov D. A. Activities of military commissariats in the first months of the Russian Civil War. *Vestnik of Kostroma State University*. 2014. Vol. 20. No. 2. Pp. 45–47. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1082–1095, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1082-1095
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

Современные локальные формы обрядов принятия невесты у калмыков

Татьяна Исаевна Шараева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются современные локальные формы обрядов принятия невесты у калмыков — у представителей субэтнических групп дербетов и торгутов. *Цель статьи* — рассмотрение некоторых современных локальных форм обрядов принятия невесты у калмыков для выявления общего и особенного в обрядовых комплексах у представителей различных групп калмыков. *Материалы и методы.* Основным источником для данной статьи послужили полевые материалы автора по свадебной обрядности калмыков, собранные в 2008–2010 гг., в 2018–2019 гг. у представителей субэтнических групп дербетов и торгутов. Для сравнительного анализа были использованы материалы по традиционной свадебной обрядности калмыков из работ исследователей традиционного быта калмыков, составленных в XIX в. В статье применяются описательный, сравнительно-сопоставительный, синхронно-ди-ахронный методы, а также метод реконструкции. *Результаты.* В современной свадебной обрядности у дербетов акцент в обрядах принятия невесты направлен на введение ее под покровительство семейных и родовых покровителей и божеств, что указывает на сохранение пережиточных форм культа предков, акцент на родство по мужской линии. Порог жилища выступает значимым межевым знаком, преодоление которого санкционирует вступление в новую семью. У представителей субэтнической группы торгутов семантика обрядов по введе-нию невесты коррелируется с древними представлениями об умирающем и воскресающем жи-вотном, которое оформляется через ритуальное умерщвление животного — барана как фарна и «заместителя» человека. Использование правой ноги жертвенного животного, которым тро-екратно ударяют о землю во время обряда по подолу сидящей на полу дома невесты, символи-зирует «прикрепление» к новой для нее территории в ином статусе, сохранение в современной этнической культуре калмыков рудиментов древних зооморфных культов. В результате иссле-дования выявлено соответствие отличий в свадебных обрядовых практиках у представителей данных субэтнических групп, практиковавшихся в конце XIX в.

Ключевые слова: калмыки, свадьба, невеста, обряд принятия, субэтнические группы

Благодарности: Работа подготовлена при финансовой поддержке объединенной программы президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» (подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

Для цитирования: Шараева Т. И. Современные локальные формы обрядов принятия невесты у калмыков. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1082–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1082-1095.

UDC 39

Kalmyk Rites of Inducting a Bride to the New Abode: Contemporary Local Forms

Tatyana I. Sharaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
ORCID: 0000-0002-2242-5136. E-mail: sharaevati@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The article discusses the modern local forms of the bride accepting rites among representatives of sub-ethnic groups of Derbets and Torguts of the Kalmyks ethnicity. *The purpose of the article* is investigation of some modern local forms of rites of acceptance of the bride among Kalmyks in order to identify the general and special features in ritual complexes among representatives of various groups of Kalmyks. *Materials and methods.* The main source for this article was the author's field materials on Kalmyk wedding ceremonies, collected in 2008–2010, in 2018–2019 representatives of sub-ethnic groups of Derbets and Torguts. For a comparative analysis, we used materials on the traditional Kalmyk wedding ceremonies from the works of researchers of the traditional Kalmyk life, compiled in the 19th century. The article uses descriptive, comparative, synchronous-diachronous methods, as well as the reconstruction method. *Results.* In the modern wedding ritual among the Derbets, the emphasis in the rites of the acceptance of the bride is aimed at introducing her under the patronage of family and patrimonial patrons and deities, the fact that indicates preservation of the remnant forms of the ancestor cult, emphasis on the kinship along the male line. The threshold of the dwelling acts as a significant boundary sign, the overcoming of which authorizes entry into a new family. Among the representatives of the subethnic group of Torguts, the semantics of rituals for introducing the bride correlate with ancient ideas about a dying and resurrecting animal, which is formed through the ritual killing of an animal – a ram as a farn and a “substitute” of a person. The use of the right leg of the sacrificial animal, which three times hit on the ground during the ceremony on the hem of the bride sitting on the floor of the house, symbolizes the “attachment” to a new for her territory in a different status, it also signifies preservation of the rudiments of ancient zoomorphic cults in the modern ethnic Kalmyk culture. The study revealed the correspondence of differences in wedding ritual practices among representatives of these sub-ethnic groups, practiced in the end of the XIX century.

Keywords: Kalmyks, wedding, bride, Accepting rites, sub-ethnic groups

Acknowledgements: The reported study was funded by the Consolidated Program of the Presidium of the RAS titled ‘Sustainable Development and Securing of Russia’s Strategic Breakthrough: Socio-Humanitarian Aspects’ (subprogram ‘Culturally Complicated Communities: Understanding and Administration’).

For citation: Sharaeva T. I. Kalmyk Rites of Inducting a Bride to the New Abode: Contemporary Local Forms. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1082–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1082-1095.

Введение

Одной из основных функций свадебной обрядности является оформление изменения социального статуса и введение нового члена в родственный социум. В наибольшей степени этот процесс отражается на невесте, которая, в отличие от жениха, переходит жить в новую для нее семью, новый родственный коллектив, меняет свой образ жизни, учится соблюдать иные традиции и т.д. В традиционной свадебной обрядности у калмыков действия по дизъюнкции и интеграции невесты исполнялись согласно представлению о переходе в семью и род жениха на физическом и сакральном уровнях, оформлялись обрядами, сочетающими обряды похоронного и родильного циклов — невеста «умирает» в прежнем качестве и «возрождается» в новом. Данное представление нашло отражение в калмыцкой пословице: *хэрд һарсн күүкн — өңгрсн эдл* (букв. 'вышедшая замуж девушка — словно умершая').

В современном свадебном комплексе, структурно трансформировавшемся за последние сто лет, значительно изменилась и вся обрядность. Вместе с тем представления о том, что невеста — будущая сноха не только в семье, но и роду жениха, будущая хозяйка дома, супруга и мать, обуславливают сохранение обрядовых традиций, характерных для представителей различных групп калмыков (как локальных этнических, так и субэтнических в целом). Важное значение имеет определение *мана* (калм. 'наш/наша') — *мана бер* (букв. 'наша сноха/невестка'), *мана герин кун* (букв. 'человек нашего дома'). Предопределенность перевода из *хэрин кун* (букв. 'чужой человек') в *мана кун* (букв. 'свой человек') через обрядовые действия, закрепление родственных отношений прослеживается во фразе, предваряющей начало проведения обрядов по введению невесты: «*берэн орулх кергтэ/ берэн орулж авх кергтэ*» (букв. 'надо ввести невестку (сноху) / надо, введя, взять невестку (сноху)').

Цель статьи — рассмотрение некоторых современных локальных форм обрядов принятия невесты у калмыков для выявления общего и особенного в обрядовых комплексах у представителей различных групп калмыков.

Изучением различных сторон жизни калмыков в XVIII–XIX вв. занимались многие исследователи, путешественники и миссионеры, которые отразили в своих трудах различные аспекты этнической культуры калмыков того времени, в том числе традиционный свадебный комплекс. Наиболее подробные сведения о свадебной обрядности калмыков содержатся в работах исследователей, составленных в XIX в. Вместе с тем необходимо учитывать, что они основаны на личных наблюдениях исследователей в разные периоды и у различных групп калмыков. Так, И. А. Житецкий подробно указал структуру свадебной обрядности у дербетов и торгутов Астраханской губернии [Житецкий 1893], П. И. Небольсин — у хошутов Хошеутовского улуса той же Астраханской губернии [Небольсин 1852], И. В. Бентковский и Н. Львовский — у дербетов Большедербетовского улуса Ставропольской губернии [Бентковский 1869; Львовский 1893].

Несмотря на то, что в современном калмыковедении традиционная свадебная обрядность является наиболее разработанной темой, в которой исследованы типы и формы брака, структура свадебного комплекса, семантика многих архаичных элементов и обрядовой пищи на свадьбе, определены функции и роль участников свадебного процесса, реконструированы отдельные этапы, практика которых была взаимосвязана с кочевым образом жизни, свадебный обрядовый фольклор [Эрдниев 1970; Шалхаков 1982; Эрендженев 1980; Бакаева, Гучинова 1989; Хабунова 1998; Хабунова 2005; Батмаев 2008; Шараева 2009; Шараева 2010; Шараева 2011; Шараева 2015; Шараева 2018], малоисследованным остается ряд вопросов, например, о традиционных свадебных нарядах жениха и невесты, локальных формах проведения свадьбы у представителей различных этнических групп.

Практически не исследованы трансформации свадебного комплекса с начала XX в. по настоящее время. Вместе с тем в ряде работ исследователей представлено краткое описание свадебной обрядности калмыков в 1920–1930-х гг. в контексте «изменений быта и материальной культуры населения Калмыкии за годы Советской власти» [Эрдниев 1971: 3–23], а также с конца 1950-х по 1970-е гг. — в период восстановления

автономии Калмыкии и «формирования общесоветской культуры и быта» у калмыков [Павлов 1968: 23–47; Эрдниев 1971: 24–36; Дарбакова 1971: 83–99; Дарбакова 1977: 92–100]. Хотя авторы были зависимы от идеологической составляющей «советского времени», материалы их исследований предоставляют возможность проследить динамику некоторых происходивших трансформационных процессов в свадебном комплексе калмыков в XX в. Позднее в работе Э.-Б. М. Гучиновой свадебная обрядность у калмыков в XX в. была рассмотрена в этносоциологическом аспекте на материалах статистико-этнографического обследования, проведенного в 1985 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с КНИИФЭ (ныне — КалмНЦ РАН) [Гучинова 1989].

Современное развитие калмыцкого общества и сложившиеся тенденции в изучении обрядовой культуры в этнологическом, социально-антропологическом и иных направлениях требуют нового подхода в исследовании свадебной обрядности как сложного социокультурного явления, с учетом того, что современная свадебная обрядность калмыков не становилась ранее предметом изучения исследователей. Актуальность проведения подобных исследований также обусловлена тем, что анализ механизмов продолжающейся адаптации свадебного комплекса у калмыков к изменяющимся условиям позволит выявить инновации и трансформации в ней, семантические категории традиционной и современной культуры калмыков, социообразующие связи, этнокультурные доминанты, представления о семье и браке, локальные формы проведения свадебной обрядности у различных локальных этнических групп и в субэтнических группах в целом.

Материалы и методы

Основным источником для данной статьи послужили полевые материалы автора по свадебной обрядности калмыков, собранные в 2008–2010 гг., в 2018–2019 гг. у представителей субэтнических групп дербетов (в Кетченеровском и Малодербетовском районах РК) и торгутов (в Яшкульском, Черноземельском и Лаганском районах РК). Рассмотрение и анализ полученных материалов потребовали применения описательного и сравнительно-сопоставительного методов. Для изучения изменений в струк-

туре калмыцкого традиционного свадебного комплекса, трансформаций, адаптаций и включения инноваций, обусловленных историческими и социально-экономическими процессами, культурными преобразованиями, произошедшими с конца XIX в. в жизни калмыков, применяется синхронно-диахронный метод. Материалы о традиционной свадебной обрядности калмыков, выявленные в различных источниках и литературе, отражающие наличие субэтнических вариантов, позволили реконструировать обряды введения невесты в каждой из вышеуказанных групп, выявить общие и особенные черты.

Основная часть

Динамичные этнокультурные процессы, начавшиеся в Республике Калмыкия с конца 1990-х гг., способствовали росту этнического самосознания у представителей калмыцкого этноса, осознанию своей неповторимости в исторической ретроспективе, желанию сохранить культурную самобытность. За последние десятилетия эти процессы получили качественное развитие. Вместе с тем долгое время сохранявшиеся латентно обряды и ритуалы воспроизводятся одновременно как традиционные и инновационные. При их проведении не учитывается воздействие трансформационных процессов в предшествовавшие десятилетия, особенно во второй половине XX в., поэтому их проведение самими калмыками воспринимается как реактивация обрядовой сферы и «следование своей древней традиции». Наиболее наглядно эти процессы прослеживаются в современной свадебной обрядности, где, несмотря на наличие общетнической модели свадебного комплекса, стараются следовать структуре локальной его формы, воспринимаемой как «своя традиция» представителями многих этнических групп калмыков. Вместе с тем, по мнению исследователей, «различение „общих“ и „локальных“ традиций в принципе верно, однако оно часто оказывается весьма условным; конкретный анализ явлений бытовой культуры обнаруживает живую и динамичную картину их взаимосвязи. Происходящая в пространственно-временных границах смена культурно-бытовых ситуаций нередко ведет к изменению характера традиции. Так, например, локальная традиция при соответствующих условиях

может превратиться в общую, и, наоборот, общая — приобрести локальный характер» [Будина 1984: 15]. Можно согласиться с мнением ученых, что «культура, будучи своеобразным кодом этноса, позволяет человеку, следующему его традициям, воспроизвести этот этнос для себя, через свою деятельность „войти“ в него, научившись действовать по заданному этой культурой основанию, проникнуться духом этой культуры, почувствовать специфику ее ментальности, и, таким образом, освоить новые для себя ценностные доминанты как материальной, так и духовной жизни» [Насибуллина 2009: 51]; культурная традиция является «универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости» [Маркарян 1981: 87].

В современной свадебной обрядности калмыков локальные формы свадебных обрядов проявляются через обряды принятия невесты, сохраняющие свое социализирующее значение и оформляющие ее переход из одного родственного сообщества в другое.

В структуре современного свадебного комплекса действия на стороне жениха после возвращения свадебного «поезда» выстраиваются в следующей последовательности: встреча участников свадебного «поезда» жениха родственниками, внесение приданого, введение невесты в дом родителей жениха и совершение обрядов принятия невесты, совместное застолье родных жениха и родных невесты, сопровождающих ее на сторону жениха — *күргүлин улс* (букв. 'доставляющие/сопровождающие люди'), официальная регистрация брака, свадебный вечер, возвращение родных невесты домой.

Рассмотрим некоторые примеры обрядов принятия невесты, зафиксированные нами во время «полевой» работы — сбора сведений по свадебной обрядности калмыков, воспринимаемых как своеобразные маркеры самими представителями различных субэтнических групп калмыков и по отношению друг другу.

У представителей субэтнической группы дербетов обряды принятия невесты проводятся сразу после возвращения свадебного «поезда» жениха и внесения ее приданого в

дом родителей жениха. Для этого прибывшую невесту усаживают на перекинутый через порог дома специально доставленный *мөргүлин матрас* (букв. 'матрас для поклонений'), при этом она располагается на той части, которая остается за порогом. Глава делегации жениха *хүрмин ахлач* или мужчина, первым прикоснувшийся к невесте накануне вывода ее из родительского дома, надавливая на голову невесты, заставляет ее совершить троекратные поклоны. Вариантом является многократное поклонение невесты во время произнесения словесных формул: *Шар нарнд мөргмү!* ('Поклоняйся желтому солнцу!'), *Шаһа чимгнд мөргмү!* ('Поклоняйся большой берцовой кости!'), *Һалын Окн теңгрт мөргмү* ('Поклоняйся богине огня Окон Тенгри!'), *Хадм эк-эцкд мөргмү!* ('Поклоняйся свекрови и свекру!'), *Ээж-аавин заян сәкүснд мөргмү!* ('Поклоняйся духам предков!'). До недавнего времени у дербетов в качестве необходимого атрибута использовалась *шаһа чимгн* 'большая берцовая кость', которой надавливали на затылок или голову невесты для совершения поклонов [ПМА: инф. 8, инф. 12].

По данным информантов, до 1990-х гг. во время совершения поклонов невестой на пороге дома в родителей и близких старших родственников жениха бросали куски вареного бараньего жира из чаши, заблаговременно установленной у порога. Жир бросал один из родственников жениха, наклонявший голову невесты и произносивший вышеуказанные словесные формулы. Хорошей приметой было попадание жиром в лицо или грудь родных — считалось, что жизнь молодых будет в достатке и благополучии. Вариантом было попадание кусками жира в обнаженную грудь отца жениха или самого старшего по возрасту из мужчин в роду жениха. Данные действия сопровождалась шутками и одобрительными возгласами. В настоящее время у представителей некоторых групп дербетов практикуется бросание конфет и монет из чаши, поставленной у порога, и эти действия расцениваются как пожелание молодым благополучной жизни — «сладкой» и в достатке [ПМА: инф. 11].

После совершения поклонов невесту вводят в дом, вручают кусочки жира или масла, предназначенные для бросания в духовой шкаф или на газовую печь, заменяющие в современном варианте семейный очаг

традиционного жилища родителей жениха. Затем невесту отводят к семейному алтарю для поклонения, где предварительно зажжена лампада.

Невеста доставляет в *берин авдр* 'сундуке невесты' набор определенных предметов с сакральным значением: белую рубашку с длинным рукавом для подношения старшему по возрасту в роду жениха, *өлгц* — сакральные цветочные маркеры рода в виде лент и нитей, уложенные вместе с лоскутом белой ткани. Этот набор невеста должна возложить на алтарь при совершении поклонов. В этом ей помогает свекровь [ПМА: инф. 7, инф. 8, инф. 10, инф. 12]. Таким образом оформляется вступление невесты под покровительство семейных и родовых покровителей и божеств.

Завершаются обряды принятия на следующий день после проведения совместного чаепития и наречения невесты новым именем, которым в дальнейшем повседневно быту называют ее члены семьи и близкие родственники жениха. Отмечается также частая практика смены имени в официальных документах для избегания путаницы в имянаречении и желании следовать традиции.

Одним из вариантов обрядов принятия невесты у дербетов, зафиксированным нами, является совершение на обрядовом матрасе на пороге дома родителей жениха троекратных поклонов невестой, держащей в руках *өлгц*, что символизирует поклонение всем членам семьи и рода жениха — и живым, и предкам — с просьбой о принятии как нового члена родного сообщества и оказании дальнейшего покровительства. Используемые невестой *өлгц* затем возлагаются на семейный алтарь. После пересечения порога родительского дома невеста совершает подношение жиром или маслом огню (бросая его в или на газовую печь как символ семейного очага), затем совершает поклонение у семейного алтаря.

Практикуется исполнение данной формы обряда принятия невесты в день свадьбы в домах дядей жениха (братьев отца жениха) и его старших братьев. Родных невесты о такой форме проведения обрядов принятия информируют заранее, чтобы были доставлены *мөргулин матрас* и *өлгц* по количеству домов, в которых невеста будет совершать поклоны [ПМА: инф. 10].

Зафиксированные нами обряды принятия невесты у представителей субэтнической группы торгутов имеют заметные отличия. В некоторых группах торгутов не совершают каких-либо специфических обрядов принятия невесты, ограничиваясь поклонением ее возле семейного алтаря сразу после доставления на сторону жениха [ПМА: инф. 1, инф. 3]. В других — практикуют поклонение лампаде *онгу зул* или *шуһуна зул*. Ее специально изготавливают в день свадьбы и используют для совершения поклонов невестой. При этом зажигают либо на непродолжительное время и после поклонов невесты гасят, не дав догореть, либо после поклонения невесты убирают лампаду в укромное место, но оставляют ее догорать на полу. По объяснению информантов, эта лампада зажигается с мотивацией принятия невестки под покровительство предков, членов рода и семьи жениха, в общество снох, наделяя ее статусом хозяйки дома и хранительницы очага, обладающей правом принятия участия в проведении различных ритуалов и обрядов [ПМА: инф. 4].

По материалам исследователей традиционного быта калмыков, в прошлом также ставили сходную лампаду: «„онгон-зул“ ... под кровать жены хозяина, полагая, что злые духи живут в женской половине под кроватью» [Кануков 1928: 88]. В калмыцкой обрядовой традиции символика данной лампы коррелируется с представлением о лампаде «*йисн хол*» (букв. 'девять фитилей'), используемой во время проведения зимнего праздника Зул. С ее помощью хозяйка дома совершает обрядовые действия, призванные оказать положительное воздействие на всех членов семьи, жилище и домашний скот.

Еще одной формой обряда принятия невесты у торгутов, практикуемой большинством, считается проведение обряда жертвоприношения огню на следующий или третий день после свадьбы. В день свадьбы невеста совершает только поклоны возле семейного алтаря. Вместе с тем, по сведениям информантов, в 1970–1980-х гг. практиковался такой вариант обряда принятия невесты: после доставления на сторону жениха ее усаживали на стул возле порога, закрыв от присутствующих родных жениха большим светлым занавесом. Во время пе-

речисления имен членов семьи и близких родственников она наклоняла голову в поклоне. После этого ее подводили к семейному алтарю для совершения очередных поклонов, убрав уже занавес. Через три дня после свадьбы проводили обряд жертвоприношения огню, который фиксировал ее переход в семью и род жениха как нового члена [ПМА: инф. 3, инф. 4, инф. 5, инф. 6].

Современный обряд жертвоприношения огню, проводимый как окончательный этап введения невесты в род у торгутов в свадебном цикле, совершается непосредственно в доме родителей жениха. Для этого к назначенному дню прибывают все близкие родственники жениха и приглашается человек — знаток обрядовых традиций и умеющий правильно совершать данный обряд. Учитывая, что таких людей на сегодняшний день единицы, то в выборе приглашенного определяющим критерием считают принадлежность к своей субэтнической группе. Считается, что таким образом будет соблюдена традиция.

Активная практика данного обряда в канве свадебной обрядности обусловила изготовление специальной печи, которая топится дровами для сожжения костей животного. Труба печи выставляется в форточку окна; в современных пластиковых окнах в одну из открытых створок временно вставляется специальная вставка из фанеры, имеющая круглое отверстие для трубы. Печь обычно небольших размеров, удобна для транспортировки, так как используется в кругу близких родственников, независимо от места проживания [ПМА: инф. 4].

В день проведения обряда в дом вводится овца или баран белой масти, само животное и место его заклания очищаются благовоениями, заранее зажигается лампада на семейном алтаре и совершается подношение первинками пищи *деежэ*. Животное располагают на белом покрывале или плотной ткани, укладывая на спину ногами вверх. Голову обязательно поворачивают по направлению на восток. Перед закланием животное «очищают», окуривая благовоениями, и смазывают губы маслом. Заклание производят «закрытым способом» — через надрез в области груди и разрывание пальцем аорты животного. После разделки туши животного по суставам все части отваривают, при этом отдельно — голову без

нижней челюсти и правую ногу. Сохранение целостности костей считается гарантом будущего благополучного «перерождения» (с сохранением анатомического «кода»). Голову барана обычно относят в *хурул* 'буддийский храм', дополняя сладостями, молочными продуктами и спиртным. Мясо с правой ноги съедают члены семьи через три дня.

Для проведения обряда принятия невесты все присутствующие родственники берут в руки по кусочку жира и выстраиваются в круг, в центре которого на белом покрывале или ткани усаживают невесту. Она должна быть одета в платье с широким подолом, который расстилают по полу. Вариантом является надевание ею поверх своей одежды платья или домашнего халата матери жениха. В руки ей дают еще сырую правую ногу жертвенного животного, в копытце которого вложена монета. Все участники обряда, выстроившиеся в круг, совершают троекратные взмахи руками по направлению к себе и произносят троекратное восклицание «*хуру*», смысл которого заключается в призыве к невесте «возродиться/переродиться» в новом качестве. В этот момент она должна троекратно ударить по подолу одежды бараньей ногой, которую она держит, прижав к своему телу с правой стороны [ПМА: инф. 6].

После проведения обряда мясные части туши жертвенного животного употребляются в пищу. Кости сжигаются в установленной дома печи, пепел закапывается в укромных местах на территории двора [ПМА: инф. 4, инф. 6].

В традиционном калмыцком обществе интеграция невесты в семью и род жениха представляла длительный процесс. После сватовства девушку называли *келчксн кууки* (букв. 'та, о которой сказали') или *шаһата* (букв. 'та, что с альчиком'¹), что указывало на отделение ее от родного сообщества. Принадлежность ее уже другому роду с этого времени проявлялась в том, что если

¹ В обрядовой сфере у калмыков придавалось большое значение бараньему альчику как полисемантическому символу детского и свадебного циклов. Он символизировал пожелание многодетности и преемственность поколений, маркировал связь между родами, обладая в анатомическом коде функцией объединения, скрепления.

между проведением сватовства и свадьбой был зимний период, жених привозил невесте «зимнее продовольствие» *ууц авч ирлһн*, состоявшее из продуктов на зимний период и одежды. Если стороны были не готовы к свадьбе и процесс затягивался, то жених доставлял все необходимое для нее ежегодно.

Действия по отделению невесты от родного сообщества имели сходство с прощальными в традиционной похоронной обрядности. После проведения сватовства девушку приглашали все родственники и знакомые, устраивали прощальные вечеринки, угощали, делали ей подарки. В ночь перед свадьбой «как сама невеста, так и ее подруги и ближайшие родственники много плакали» [Душан 1976: 36]. На свадьбе, когда наступало время ее увоза, невеста угощала своих родных молочным напитком с сакральным значением *цаһан идэн*, исполняя протяжные прощальные песни. У нее остригали прядь волос и ногти, чтобы после отправления свадебного поезда сжечь во время проведения жертвоприношения огню, основной целью которого было «отправление души» для последующего перерождения на новом месте.

Действия, связанные с увозом невесты, имели сходство с действиями увоза покойного из жилища: на невесту набрасывали накидку, скрывавшую ее с головы до ног, или платок; выносили из дома, не дав коснуться ногами земли; увозили на лошади.

В традиционной свадебной обрядности процесс вхождения невесты также был поэтапным. Большинство обрядов в семантическом отношении были тождественны обрядам родильного цикла у калмыков по включению новорожденного в родственник для него социум: невесту наделяли новой одеждой, новым именем, через серию обрядовых действий вводили ее под покровительство семейных божеств и приобщали к семейному очагу, в том числе через совместное послесвадебное чаепитие.

Смена статуса «невинная девушка/замужняя женщина» в традиционной свадебной обрядности осуществлялась на нескольких уровнях: физическом (девственница — женщина), материальном/визуальном (смена одежды, прически), социальном (девушка — замужняя женщина, невеста — жена, новый член социума) [Шараева 2008: 94]. Несмотря на то, что в функциональном

отношении обряды введения невесты на свадьбе оформляли и санкционировали данные изменения, в разных этнических группах они проводились по-разному. Объединяющим фактором выступало проведение обрядов во второй половине дня до наступления времени заката солнца в жилище родителей жениха, куда собирались к этому моменту близкие родственники.

Так, И. В. Бентковский в описании свадебных обрядов у дербетов Большедербетовского улуса Ставропольской губернии указывал, что обряды по введению невесты проводились после обряда бракосочетания. Для этого «... молодые ... отправляются в родительскую кибитку. Молодые садятся с наружной стороны против дверей, а двое молодых людей внутри по обоим бокам. Первым подают чашку сырого бараньего сала, нарезанного кусками, а последним велят держать за концы вытянутую шкуру только что зарезанного барана. В одно время молодая берет куски сала и бросает внутрь кибитки, стараясь попасть в огонь под таганом горящий, а молодежь тянет кожу изо всей силы, каждый к себе» [Бентковский 1869: 164]. Приведенное им уточнение, что «если молодая хоть раз попадет под таган куском сала, а молодым людям удастся растянуть овчину до того, что порвется, то это считается счастливым предзнаменованием» [Бентковский 1869: 164], указывает, что у ставропольских дербетов принятие невесты фиксировалось через обряд подношения огню родительского очага, а разорванная шкура барана как жертвенного животного завершала «переход» невесты на сакральном уровне. Облачение в костюм замужней женщины и изменение прически у невесты калмыки Большедербетовского улуса совершали перед брачной ночью.

Побывавшему у калмыков Хошеутовского улуса П. И. Небольсину удалось зафиксировать свадебные обряды, в которых четко прослеживаются матриликальные черты. Так, на сторону невесты «едут все: отец, мать, жених с близкими родственниками и с своим гелюнгом... их сопровождают тьма приглашенных гостей, зайсанги, однородцы и все знакомые... на трех верблюдах... навьючивают кибитку, назначенную для молодых супругов, остальные нагружаются разными тяжестями, которые везут на праздник... резанный скот, даже

сваренное уже мясо, на которое потреблено дюжины полторы лучших баранов, две–три коровы и две–три кобылицы ... несметное множество бортого и борбё арзы, боченка два–три, а иногда и пять и десять, простого русского вина и несколько боченков чихиря» [Небольсин 1852: 72]. Все свадебные обряды проводили на стороне невесты во временно установленной будущей кибитке молодых. Через три дня свадебный «поезд» жениха отправлялся обратно. Несмотря на то, что свадьба состоялась, невеста у хошутов должна была пройти обязательный обряд принятия на стороне жениха, который исследователь обозначил как «обряд „ецыге-екень-гыртю-бере-мюргюкю“, по-русски слово в слово: „поклоны невестки в дому отца и матери“» [Небольсин 1852: 77–78]. Для этого прибывшую невесту усаживали на войлочную подстилку, постеленную на небольшом расстоянии перед родительской кибиткой. Когда же «... нужные приготовления заканчивались, мать жениха, взяв ее за руку, вводила в свою кибитку, где уже ждал отец жениха ... молодая входит туда одна и в первый раз: поэтому, как бы испрашивая благословения новых родителей, она еще в дверях, кладет три земные поклона» [Небольсин 1852: 78]. Следом за ней в кибитку входили жених и близкие родственники. Вероятно, что под «нужными приготовлениями» исследователь имел ввиду заклание барана как жертвенного животного для проводимого совместно жертвоприношения огню в жилище родителей жениха, потому что «в середине кибитки в котле варится уже лучший баран для совершения и со стороны новобрачного жертвоприношения огню „галтеахо“ (здесь — *hal tæəlhn*. — Т. III.)» [Небольсин 1852: 78]. Таким образом, собственно обряд принятия невесты у хошутов проводился в жилище родителей жениха, а совершаемое жертвоприношение жертвенным животным завершало ее окончательный «переход».

У дербетов, проживавших в Калмыцкой степи Астраханской губернии, согласно материалам И. А. Житецкого, для проведения обряда принятия невесту усаживали перед порогом, держа перед ней занавес. «В это время к невесте приближается лицо, выбранное зурхачи, и наклоняет ей несколько голову, приглашая этим поклониться бурханам кибитки» [Житецкий 1893: 22]. Со-

вершив троекратный поклон перед порогом жилища, она входила в кибитку по правой стороне, все еще скрываясь за занавесом. Кусочки бараньего жира, которые специально подготавливали для обряда принятия невесты, она бросала в огонь домашнего очага родителей жениха, сопровождая поклонами и перечисляя значимые константные символы семейной жизни в традиционной культуре калмыков — предки и божества, солнце, огонь. Вероятно, у дербетов обряд жертвоприношения не был обязательным, потому что исследователь указал, что он проводился в том случае, «если зурхачи найдет нужным» [Житецкий 1893: 22]. Вместе с тем на свадьбе использовалась баранья шкура, которую разрывали: гости со стороны невесты тянули ее снаружи кибитки, а гости жениха — внутри. Обязательным в цикле обрядов принятия невесты у дербетов было угощение невестой сакральным молочным напитком родителей жениха и подношение подготовленных курительных трубок всем присутствующим родственникам. Таким образом, у дербетов в обрядах принятия невесты важными были приобщение ее к домашнему очагу через поклонение различным адресатам, связанным с представлениями о благополучной семейной жизни, и совместная трапеза с членами родного теперь для нее сообщества. Кроме того, И. А. Житецкий отметил, что у дербетов после проведения обрядов принятия невесты обязательным было посещение жилищ старших родственников семьи мужа для совершения и там сходных обрядов [Житецкий 1893: 22], что указывает на превалирующее значение патрилинейного родства и культ предков. Обряд бракосочетания у дербетов проводился перед брачной ночью.

У торгутов, по сведениям И. А. Житецкого, обряд принятия невесты имел свои отличия. Обряд жертвоприношения огню был обязательным, собственно посредством него и оформлялось вхождение невесты в семью и род жениха. Для проведения обрядов принятия невесту располагали на той части шкуры барана, которая находилась внутри жилища, закрыв от находящихся рядом родных жениха кошмой или ковром. Во время обряда каждый из участников держал определенную часть туши жертвенного животного. Невеста, например, должна была держать *шиир* ‘бараньи лодыжки’ с

передних ног, насаженные на палочку. После окончания жертвоприношения огню она совершала поклоны родителям и близким родственникам жениха [Житецкий 1893: 24]. Только после совершения обрядов принятия в род проводили у торгутов обряд бракосочетания.

Заключение

«Социализации индивида в традиционном обществе придавалось чрезвычайное значение, ибо в этом заключалась цель и смысл жизни человека на солнечной земле. Ступени социализации личности санкционировались посредством специальных обрядов, поэтому многие исследователи подчеркивают особую значимость ритуала, обрядов в жизни традиционного общества» [Обряды бурят 2002: 111]. Но обряды и ритуалы характерны и для современного общества, в котором определение этнокультурной самоидентификации, органичное единство инноваций и традиций, преемственность поколений связаны с новой парадигмой развития. Динамичные процессы трансформации этнических культур в XX в. привели к восстановлению этнических традиций, обычаев, обрядов и представлений в начале XXI в., но при этом они «осовременились», изменились с учетом потребностей современных обществ.

Все вышеописанные обряды принятия невесты в традиционном калмыцком обществе указывают на то, что этот обряд имел большое значение не только для невесты, но и для всего родственного коллектива жениха, общественного быта и включения в ряды нового члена. Для невесты обряд принятия был многоаспектным в контексте социализации: переход происходил на физическом и сакральном уровнях, изменялся статус, оформляемый наделением соответствующими атрибутами, новое родство закреплялось обрядами подношения огню очага в родительском жилище, совершением поклонов и подношений близким родственникам, совместной обрядовой трапезой.

Наличие различий в современных обрядовых действиях принятия снохи на свадьбе у представителей субэтнических групп калмыков обусловлены формой, семантический смысл которой общеизвестен, то есть «язык» данной стратегии поведения и проведения обрядов понятен только членам данного этнического образования, опреде-

ляется как следование «своей древней традиции».

У современных дербетов при проведении обрядов принятия невесты сохраняется преобладающее значение патрилинейного родства и фиксируются рудименты культа предков. Во время совершения обрядов принятия невесты важным является преодоление ею порога жилища родительского дома и близких родственников как межевого знака вступления в новое для нее сообщество. Закрепление внутри жилого пространства также происходит через совершение обрядов подношения домашнему очагу, хотя и значительно изменившему и форму, и место расположения. Вместе с тем сохраняется традиционное представление о вступлении невесты символически в новое сообщество через путь по траектории от порога как границы до очага и семейного алтаря — как центра и сакральной зоны освоенного пространства. Жир и масло, используемые в обряде, продолжают выступать символом богатства и благоденствия. Смазывание невесте лба маслом после первого шага внутри жилища [ПМА: инф 10, инф. 12], использование матраса как атрибута обряда, заменившего шкуру жертвенного животного, указывают на сохранение значительно трансформировавшихся представлений о взаимосвязи человека и животного как его заместителя в обрядовой канве.

У большинства современных групп торгутов процесс принятия невесты завершается проведением обряда жертвоприношения огню жертвенным животным. На это указывают место проведения и участники обряда: внутри родительского дома в присутствии близких родных. При сравнении традиционной и современной форм обряда жертвоприношения огню жертвенного животного прослеживается, по нашему мнению, изменение формы при сохранении семантики. Так, в традиционной форме обряда для «призывания» души невесты для «перерождения» в новом статусе проводником выступала мать жениха, которая, по сведениям И. А. Житецкого, после первого совместного призывания «хүрү» «берет сырую правую ногу барана, которая до этого времени висела на унине в „бурхани ёрьге“, держит ее и тоже произносит „хүрү, хүрү“» [Житецкий 1893: 24], затем «от нее нога передается последовательно всем присут-

ствующим и каждый, держа ее, произносит „хүрү, хүрү“» [Житецкий 1893: 24]. Невеста во время обряда держит бараньи лодыжки передних ног с копытцами.

В современном варианте невеста сама совершает действия с правой ногой жертвенного животного, выполняя роль копытного животного и ударяя по полу через подол одежды, фиксируя свое «новое» местонахождение. Надевание платья или домашнего халата свекрови является, возможно, отголоском традиции надевания костюма замужней женщины в день свадьбы и представлением о передаче функций хранительницы домашнего очага, хозяйки жилища от свекрови невестке. В данной форме обряда также просматривается архаичное представление об образе невестки как мифического синкретического существа «лебедя-маралухи» [Дугаров 1983: 47], отражающего брачный союз.

Действия с подолом в обряде у торгутов коррелируются с традиционным представлением калмыков о «закреплении» невесты через зашивание камня в подол платья замужней женщины для фиксации ее положения в границах нового семейного пространства. Исследователи, рассматри-

вавшие функции камней в обрядовой сфере тюрко-монгольских народов, отмечают их возможность выступать «заместителями живого человека, „впитавших“ частицу его духовной и телесной жизненности» [Герасимова 1989: 204].

Обряды принятия невесты у калмыков требуют дальнейшего изучения для выявления общих и отличных черт у представителей различных групп, в том числе на субэтническом уровне. Так, например, по сообщениям информантов в настоящее время у хошутов, проживающих в нескольких населенных пунктах в Кетченеровском районе РК, а в прошлом проживавших совместно с торгутами Икицохуровского улуса, свадебные обряды имеют сходство с дербетскими, но практикуется доставление сырой правой ноги барана во время поездки за невестой, что неприемлемо для дербетов [ПМА].

В целом рассмотрение современных локальных форм обрядов принятия невесты у представителей субэтнических групп торгутов и дербетов указывает на соответствие отличий тем особенностям в обрядовых практиках, которые практиковались у них до начала XX в.

Полевой материал автора

ПМА: инф. 1 — Бадаев Табун Кичикович, 1931 г. р., торгут, зюнгар, п. Яшкуль Яшкульского района РК.

ПМА: инф. 2 — Церенова Шиндя Ходжгоровна, 1930 г. р., торгутка, тохан кецг, п. Яшкуль Яшкульского района РК.

ПМА: инф. 3 — Адыева Екатерина Лиджиевна, 1952 г. р., торгутка, дойда багут, г. Лагань Лаганского района РК. Запись в г. Элисте, 2018 г.

ПМА: инф. 4 — Эрдни-Горяева Марина Ивановна, 1963 г. р., торгутка, цаатн, г. Лагань Лаганского района РК.

ПМА: инф. 5 — Болдырев Андрей Болдыревич, 1936 г. р., торгут, п. Комсомольский Черноземельского района РК.

ПМА: инф. 6 — Бембеева Алла Мучиряевна 1957 г/р, торгутка, дойда багут, г. Лагань Лаганского района РК. Запись в г. Элисте, 2019 г.

ПМА: инф. 7 — Даганова Чогра Поляковна, 1932 г. р., дербетка, п. Кетченеры Кетченеровского района РК.

ПМА: инф. 8 — Шураева Булгун Анджукаевна, 1925 г. р., дербетка, баг кетченер, п. Кетченеры Кетченеровского района РК.

ПМА: инф. 9 — Китаева Тевкя Николаевна, 1957 г. р., дербетка, багшин шемнр, зёт арван, п. Кетченеры Кетченеровского района РК.

ПМА: инф. 10 — Церенова Галина Бадмаевна 1938 г. р., дербетка, хончнур, п. Малые Дербеты Малодербетовского района РК.

ПМА: инф. 11 — Дорджиев Петр Цаганович, 1951 г. р., дербет, дунду хурла, баргас арван, п. Ханата Малодербетовского района РК.

ПМА: инф. 12 — Санджиева Деля Нимаевна, 1921 г. р., дербетка, ик бухса, мангд арван, п. Ики Бухус Малодербетовского района РК.

Литература

Бакаева, Гучинова 1989 — Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М. Традиционные представления калмыков о жизненном цикле и их отражение в свадебном обряде // Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста: КНИИФЭ, 1989. С. 3–16.

Батмаев 2008 — Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ИД «Герел», 2008. 256 с.

- Бентковский 1869 — *Бентковский И. В.* Женщины-калмычка Большедербетовского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношении // Сборник статистических сведений о ставропольской губернии. Ставрополь: Ставропольский статистический комитет, 1869. Вып. II. С. 147–167.
- Будина 1984 — *Будина О. Р.* О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и Молдавии) // Советская этнография. 1984. № 2. С. 15–27.
- Герасимова 1989 — *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, 1989. 320 с.
- Гучинова 1989 — *Гучинова Э.Б. М.* Современные семейные обряды калмыков: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
- Дарбакова 1971 — *Дарбакова В. П.* О некоторых этнических культурно-бытовых процессах у калмыков // Этнографические вести. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. № 2. С. 83–99.
- Дарбакова 1977 — *Дарбакова В. П.* Национальные традиции калмыков и формирование современных обычаев и обрядов в Калмыцкой АССР // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 92–100.
- Дугаров 1983 — *Дугаров Д. С.* Орнито-зооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста: КНИИФЭ, 1983. С. 36–52.
- Душан 1976 — *Душан У. Д.* Обычаи и обряды в дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 5–89.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.
- Кануков 1928 — *Кануков Х. Б.* Галын Окон Тенгри. Огнепоклонство у ламаитов-буддистов // Калмыцкая степь. Астрахань, 1928. № 11–12. С. 83–89.
- Маркарян 1981 — *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.
- Насибуллина 2009 — *Насибуллина Г. Р.* Проблема сохранения этнокультурных традиций в современном мире // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. Казань: Казанский гос. ун-т культуры и искусства. 2009. № 2. С. 49–53.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.
- Обряды 2002 — Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Вост. лит., 2002. 222 с.
- Павлов 1968 — *Павлов Д. А.* О внедрении новых обрядов и праздников в Калмыцкой АССР // Этнографические вести. Элиста: КНИИЯЛИ, 1968. № 1. С. 23–47.
- Хабунова 1998 — *Хабунова Е. Э.* Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.
- Хабунова 2005 — *Хабунова Е. Э.* Очаг. Обряды и обрядовый фольклор жизненного цикла калмыков. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 206 с., ил.
- Шалхаков 1982 — *Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX — начало XX в.) Историко-этнографическое исследование. Элиста: КНИИФЭ, 1982. 86 с.
- Шараева 2008 — *Шараева Т. И.* Ритуальная «смерть» и «возрождение» невесты в свадебном обряде у калмыков // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая»: в 3-х ч. Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований. Ч. 3. С. 91–95.
- Шараева 2009 — *Шараева Т. И.* «Смотрины жениха» в традиционной калмыцкой свадьбе (по литературным данным) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 87–93.
- Шараева 2010 — *Шараева Т. И.* Свадебная обрядность // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 249–270.
- Шараева 2011 — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — начало XXI в.). Элиста: «НПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Шараева 2015 — *Шараева Т. И.* Свадебный полог у тюрко-монгольских народов: ритуал, функции, семантика (сравнительно-сопоставительный аспект) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 141–164.
- Шараева 2018 — *Шараева Т. И.* «Когда говорят о свадьбе, то даже и высохший череп туда катится» (к вопросу о значении бараньей головы в свадебных обрядах калмыков) // Монголоведение. 2018. № 13. С. 22–37.
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки (конец XIX — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1970. 312 с.

Эрдниев 1971 — *Эрдниев У. Э.* Изменения быта и материальной культуры населения Калмыкии за годы Советской власти // *Этнографические вести*. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. № 2. С. 3–36.

Эрендженев 1980 — *Эрендженев К. Э.* Цецн булг [Родник мудрости]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 188 с. (На калм. яз.)

Author's Field Data

Informant 1. Tabun K. Badaev, b. 1931, ethnic Torghut, Dzungar clan, Yashkul village, Yashkuly District, Republic of Kalmykia.

Informant 2. Shindya Kh. Tserenova, b. 1930, ethnic Torghut, Tokhan Ketsg clan, Yashkul village, Yashkuly District, Republic of Kalmykia.

Informant 3. Ekaterina L. Adyaeva, b. 1952, ethnic Torghut, Doyda Bagut clan, Lagan, Lagansky District, Republic of Kalmykia. Rec. in Elista, 2018.

Informant 4. Marina I. Erdni-Goryaeva, b. 1963, ethnic Torghut, Tsaatn clan, Lagan, Lagansky District, Republic of Kalmykia.

Informant 5. Andrey B. Boldyrev, b. 1936, ethnic Torghut, Komsomolsky village, Chernozemelsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 6. Alla M. Bembeeva, b. 1957, ethnic Torghut, Doyda Bagut clan, Lagan, Lagansky District, Republic of Kalmykia. Rec. in Elista, 2019.

Informant 7. Chogra P. Daganova, b. 1932, ethnic Dorbet, Ketchenery village, Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 8. Bulgun A. Shuraeva, b. 1925, ethnic Dorbet, Bag Ketchener clan, Ketchenery village, Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 9. Tevkya N. Kitaeva, b. 1957, ethnic Dorbet, Bagshin Shemnir clan, Zet arvan (minor patrilineage), Ketchenery, Ketchenerovsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 10. Galina B. Tserenova, b. 1938, ethnic Dorbet, Khonchnur clan, Malye Derbety village, Maloderbetovsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 11. Petr Ts. Dordzhiev, b. 1951, ethnic Dorbet, Dundu Khurla clan, Bargas arvan, Khanata village, Maloderbetovsky District, Republic of Kalmykia.

Informant 12. Delya N. Sandzhieva, b. 1921, ethnic Dorbet, Ik Bukhsa clan, Mangd arvan, Iki Bukhus village, Maloderbetovsky District, Republic of Kalmykia.

References

Bakaeva E. P., Guchinova E.-B. M. Kalmyk traditional representations about life cycles and their traces in wedding rites. In: [Customs and Rites of Mongolic Peoples]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. Pp. 3–16. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Kalmyk Traditions: Family and Marriage]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)

Bentkovskiy I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetovskiy District: physiological, religious and social aspects. In: [Stavropol Governorate: Collected Statistical Data]. Stavropol: Stavropol Statistical Committee, 1869. Is. II. Pp. 147–167. (In Russ.)

Budina O. R. Relations between general and local traditions: a case study of Balkan ethnic groups in Ukraine and Moldova. *Sovetskaya etnografiya*. 1984. No. 2. Pp. 15–27. (In Russ.)

Darbakova V. P. Kalmyk national traditions and the shaping of modern customs and rituals in the Kalmyk ASSR. In: [Lamaism in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 92–100. (In Russ.)

Darbakova V. P. Some (contemporary) ethnic and cultural household processes revisited. In: [Ethnographic Newsletter]. Vol. 2. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. Pp. 83–99. (In Russ.)

Dugarov D. S. Ornitho- and zoomorphic symbols in women's costumes of some Turko-Mongolic peoples. In: [Material and Spiritual Culture of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 36–52. (In Russ.)

Dushan U. D. Pre-revolutionary Kalmykia: customs and rites. In: [Ethnographic Collection]. Vol. 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. Pp. 5–89. (In Russ.)

Erdniev U. E. [The Kalmyks (Late 19th — Early 20th Centuries): Historical and Ethnographic Sketches]. Elista: Kalmyk Book Publ., 312 p. (In Russ.)

Erdniev U. E. Changes in household and material culture of Kalmykia's population during the Soviet era. In: [Ethnographic Newsletter]. Vol. 2. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. Pp. 3–36. (In Russ.)

Erendzhenov K. E. [The Spring of Wisdom]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1980. 188 p. (In Kalm.)

Gerasimova K. M. [Traditional Tibetan Beliefs in the Cult System of Lamaism]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.)

- Guchinova E.-B. M. [Contemporary Kalmyk Family Rites]. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1989. 24 p. (In Russ.)
- Kanukov Kh. B. Galyn Okon Tengri: fire-worship among Lamaist Buddhists. *Kalmytskaya step*. 1928. No. 11–12. Pp. 83–89. (In Russ.)
- Khabunova E. E. [Kalmyk Wedding Ceremonial Poetry]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1998. 224 p. (In Russ.)
- Khabunova E. E. [The Hearth: Life-Cycle Rites and Ceremonial Folklore of the Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 2005. 206 p. (In Russ.)
- Markaryan E. S. Theory of cultural tradition: key problems. *Sovetskaya etnografiya*. 1981. No. 2. Pp. 78–96. (In Russ.)
- Nasibullina G. R. Ethnocultural traditions in modern world: the problem of preservation. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2009. No. 2. Pp. 49–53. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. [Kalmyks of Khosheutovsky District: Sketches of Everyday Life]. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Pavlov D. A. Kalmyk ASSR: introduction of new rites and festivities revisited. In: [Ethnographic Newsletter]. Vol. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1968. Pp. 23–47. (In Russ.)
- [Rites in Buryat Traditional Culture]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 222 p. (In Russ.)
- Shalkhakov D. D. [Kalmyk Family and Marriage (19th – Early 20th Centuries): a Historical and Ethnographic Study]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. 86 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. [Kalmyk Life-Cycle Rites: 19th to Early 21st Centuries]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. 'Bridegroom show' in Kalmyk wedding rites: a case study of literary texts. *Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2009. No. 117. Pp. 87–93. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. 'When it comes to a wedding, even a dry skull rolls in that direction': the meaning of a sheep's head in Kalmyk wedding rites revisited. In: [Mongolian Studies (Mongol Sudlal)]. 2018. Vol. 13. Pp. 22–37. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Kalmyk wedding rites: ceremonial 'death' and 'resurrection' of the bride. In: [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China]. Conf. proc. In 3 vols. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute. Vol. 3. Pp. 91–95. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Wedding prologue among Turko-Mongols: ritual, functions, semantics (a comparative aspect). [Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture]. Vol. 3. 2015. Pp. 141–164. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Wedding rites. In: [The Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. Pp. 249–270. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. [Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life (Ethnographic Observations of 1884–1886)]. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1096–1106, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 316.4

Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии

Екатерина Сергеевна Кованова¹, Ноган Вячеславовна Бадмаева²,
 Руслан Артемович Удаев³, Саян Геннадьевич Алексеев⁴

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат экономических наук, доцент
 ORCID: 0000-0002-4269-3795. E-mail: ekovanova@yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий
 ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000
 Элиста, Российская Федерация)
 аспирант
 ORCID: 0000-0002-4252-502X. E-mail: rus3080@list.ru

⁴ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (стр. 1, д. 40В,
 ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат экономических наук, доцент
 ORCID: 0000-0002-5499-2434. E-mail: sayan.alexeev@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Язык является одним из факторов этнокультурной безопасности. Он выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. Язык формирует и развивает культуру, выполняет важнейшие этносоциальные функции. Однако в последние десятилетия одной из актуальных мировых проблем стала проблема его сохранения в условиях глобализации. Все это актуализирует проблему титульных языков и языков малочисленных народов. Проблема сохранения этнической идентичности достаточно остро стоит как в Калмыкии, так и в Бурятии. Связано это с потерей языка и прерванной за годы советской власти религиозной традицией. *Цель* данной статьи — выявление общих и отличительных признаков современных этноязыковых процессов в Калмыкии и Бурятии. *Методы.* Используются сравнительно-сопоставительный метод, анализ статистической информации, экспертный опрос. *Результаты.* Проведенное исследование проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии выявило преимущественно схожие черты развития этноязыковых процессов в данных регионах. Калмыцкий и бурятский языки находятся под угрозой исчезновения. Численность населения, владеющего родным языком, стремительно

сокращается. При этом знание языка молодым поколением также снижается. Язык из реального этнодифференцирующего признака становится лишь символическим признаком народа. Однако опрос экспертов показал, что современное калмыцкое, бурятское общество транслирует возрастающий интерес к традиционной культуре и языку. Они отмечают популярность курсов по изучению калмыцкого и бурятского языков. В целом эксперты положительно оценивают государственные меры по развитию языка в этих республиках. *Выводы.* Таким образом, несмотря на глобальные угрозы и факторы, негативно влияющие на этническую идентичность, существуют позитивные тенденции и условия для развития культуры, языка в рассматриваемых нами республиках.

Ключевые слова: этнокультурная безопасность, этническая идентичность, глобализация, калмыцкий язык, бурятский язык, этноязыковая ситуация, билингвизм, языковые курсы, экспертный опрос

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Социально-экономические траектории развития монголоязычных регионов России (на примере республик Калмыкия и Бурятия)» (грант РФФИ 19-010-01082).

Для цитирования. Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Удаев Р. А., Алексеев С. Г. Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии. *Oriental studies*. 2019;(6): 1096–1106. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106.

UDC 316.4

Kalmykia and Buryatia: Ethnocultural Security and Language Preservation Issues

Ekaterina S. Kovanova¹, Nogan V. Badmaeva²,

Ruslan A. Udaev³, Sayan G. Alekseev⁴

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-4269-3795. E-mail: ekovanova@yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate
ORCID: 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

³ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Postgraduate student
ORCID: 0000-0002-4252-502X. E-mail: rus3080@list.ru

⁴ East Siberian State University of Technology and Management (building 1, 40V, Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
ORCID: 0000-0002-5499-2434. E-mail: sayan.alexeev@mail.ru

Abstract. Introduction. Language is one of the factors of ethnocultural security. It acts as one of the most important objective properties of an ethnic group, as well as a symbol of ethnic affiliation. Language forms and develops culture, performs the most important ethnosocial functions. However, in recent decades, the problem of language preservation in the context of globalization became one of the pressing global problems. All this actualizes the problem of titular languages and languages of small peoples. The problem of preserving ethnic identity is quite acute in both Kalmykia and Buryatia. This is due to the loss of language and interrupted during the years of Soviet power religious tradition. *The purpose* of this article is to identify common and distinctive features of modern

ethno-lingual processes in Kalmykia and Buryatia. *Methods.* A comparative method, analysis of statistical information, and an expert survey were used. *Results.* A study of the problem of language preservation in Kalmykia and Buryatia revealed mainly similar features of the development of ethno-lingual processes in these regions. Kalmyk and Buryat languages are threatened with extinction. The population of the native language is rapidly declining. At the same time, knowledge of the language by the younger generation is also declining. Language from the category of a real ethno-differentiating sign becomes only a symbolic sign of a people. However, a survey of experts showed that modern Kalmyk and Buryat societies convey increasing interest in traditional culture and language. They note the popularity of Kalmyk and Buryat languages learning courses. In general, experts positively assess government measures to develop the language in these Republics. *Conclusions.* Thus, despite global threats and factors negatively affecting ethnic identity, there are positive trends and conditions for the development of culture and language in the Republics under examination.

Keywords: ethnocultural security, ethnic identity, globalization, Kalmyk language, Buryat language, ethnolinguistic situation, bilingualism, language courses, expert survey

Acknowledgments. This article was prepared as part of the project «Socio-economic development paths of the Mongol-speaking regions of Russia (on the example of the republics of Kalmykia and Buryatia)» (grant RFBR 19-010-01082).

For citation. Kovanova E. S., Badmaeva N. V., Udaev R. A., Alekseev S. G. Kalmykia and Buryatia: Ethnocultural Security and Language Preservation Issues. *Oriental studies*. 2019;(6): 1096–1106. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106.

Введение

Актуальность этнокультурной безопасности обусловлена новыми вызовами общества, стоящими перед человечеством в связи с бурным развитием технологий в XX веке. Развитие средств коммуникации (телевидение, радио, интернет, мобильная связь), развитие современных транспортных средств активизировало коммуникационные и миграционные процессы в глобальном масштабе, что привело к их интенсификации и ускорению [Голенкова 2008: 2].

В эти процессы стали включаться огромные массы людей, представители самых разных культур. Однако интенсификация этих явлений привела к нарушению и сдвигам в воспроизводстве традиционных ценностных порядков, особенно в этнокультурном аспекте. Происходящие глобализационные процессы снижают значимость культурно-национальных оснований идентичности, ослабляют чувство принадлежности индивидов к своему государству, региону, этносу. В этой связи необходимость сохранения и защиты этнической идентичности и самобытности актуализирует проблему этнокультурной безопасности.

В настоящее время сформулировано несколько подходов к определению понятия «этнокультурная безопасность». Современные отечественные исследователи Л. С. Перепелкин и В. Г. Стельмах при определении понятия этнокультурной безопасности придерживаются социокультурного подхода. По их мнению, этнокультурная безопасность представляет собой сферу, в которой устойчиво функционируют и воспроизводятся культуры всех национальных групп, проживающих в рамках определенного государства, также у них имеется возможность участия в свободном взаимодействии культурными ценностями и сохранении их членами своей этнической идентичности. При этом на устойчивость этнокультурной безопасности могут повлиять следующие факторы — демографические процессы, неконтролируемые миграционные потоки и так называемый «этнический ренессанс», под которым Л. С. Перепелкин и В. Г. Стельмах понимают рост этнического / этноконфессионального сознания жителей страны [Перепелкин, Стельмах 2003: 16].

Р. И. Щукина отмечает, что другой подход в процессе формулировки и обоснова-

ния содержания понятия «этнокультурная безопасность» демонстрирует С. А. Панарин. Он дает следующее определение данного понятия: безопасность — это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды. При этом под «воспроизводством» понимается повторение во времени и пространстве, в последовательности поколений структурных, функциональных и семантических характеристик социального объекта/субъекта, взятых в их динамических связях с окружением [Щукина 2017: 180].

Резюмируя представленные определения понятия «этнокультурная безопасность», можно сделать вывод, что этнокультурная безопасность обеспечивает функционирование, воспроизводство социальных систем этнических групп, в которых выработаны устойчивые элементы связи между членами этих групп, однако ослабевающие и теряющие свою устойчивость в современных глобализационных процессах.

Важным аспектом этнокультурной безопасности является этническая идентичность. Именно этническая идентичность обеспечивает устойчивые социальные связи, культурные комплексы в жизнедеятельности этноса. В то же время этническая идентичность под воздействием различных факторов, происходящих в этносоциальном обществе, может расти или ослабевать.

Одной из базовых составляющих этнокультурной безопасности и этнической идентичности является язык. Он выполняет в обществе не только коммуникативную, когнитивную и другие функции, он так же выполняет важнейшие этносоциальные функции. Язык является основой этнического мировоззрения, формирует и развивает культуру. Он выступает как одно из важнейших объективных свойств этноса, а также как символ этнической принадлежности. При этом связь языка с этносом является наиболее устойчивой и естественной. В языке запечатлен весь опыт народа, его нравственные, художественные и воспитательные ценности. Язык является основным фактором этнокультурной идентичности, поскольку сохраняет в течение долгого времени историко-культурное наследие этносов, которое не применяется в современной

жизни, но закреплено в исторической памяти, этнических стереотипах, традициях, обрядах, обычаях, особенностях ментальности этноса, обеспечивая таким образом связь прошлого и настоящего [Икиликян 2017: 17].

Однако в последние десятилетия одной из актуальных мировых проблем стала проблема сохранения языка в условиях глобализации. В этой связи важнейшей задачей для поликультурных стран, в том числе для России, становится сохранение языкового многообразия под давлением внешней угрозы унификации культур. Языковая унификация обеспечивает прагматическую цель — облегчение коммуникации на мировом уровне и экономию усилий по освоению нескольких языков [Денисова 2015: 92].

Все это актуализирует проблему титульных языков и языков малочисленных народов. В России находятся два региона, в составе населения которых проживают монголоязычные народы, — Калмыкия и Бурятия. Республики территориально отдалены, однако сохраняют глубокие духовные связи, исповедуют одну религию. К настоящему времени проведено немало исследований по изучению историко-культурного, религиозного наследия этих этнически близких народов России, при этом сравнительных исследований современных этноязыковых процессов в этих регионах достаточно мало.

Проблема сохранения этнической идентичности достаточно остро стоит как в Калмыкии, так и в Бурятии. Связано это с потерей языка и прерванной за годы советской власти религиозной традицией. Статистические данные, результаты социологических исследований показывают, что активных носителей языка становится все меньше [ВПН 2002; РБ. ВПН 2010; Национальный состав ... 2013].

Активное возрождение буддизма, восстановление и развитие национальной культуры, проблемы сохранения национального языка — эти этносоциальные процессы в рассматриваемых республиках происходят параллельно. В связи с этим целью данной статьи является выявление общих и отличительных признаков современных этноязыковых процессов в Калмыкии и Бурятии.

Материалы и методы. Основные методы исследования — сравнительный метод, анализ статистической информации, экспертный опрос. В статье использованы

данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг. Представлены результаты экспертного опроса. Всего в двух изучаемых регионах было опрошено 30 экспертов. Данный метод подразумевает компетентную оценку специалистами сложившейся языковой ситуации в рассматриваемых регионах, участие в анализе и решении существующей проблемы. Выбор данного метода социологического исследования обоснован, поскольку информация, полученная от группы экспертов, как правило, оказывается достоверной и надежной. Отбор экспертов для исследования осуществлялся на основе добровольного участия в исследовании по следующим параметрам: уровень образования, профиль работы (связь с предметной областью), опыт работы по профилю, владение знаниями о ситуации в республике, опыт проживания на конкретной территории. Таким образом, были выбраны специалисты и практики, обладающие конкретными знаниями по проблеме.

Результаты. Сохранение языка является актуальной проблематикой в научных исследованиях ученых Калмыкии и Бурятии. В настоящее время разные аспекты изучения и сохранения калмыцкого языка представлены в работах ряда исследователей: оценка языковой ситуации [Сусеева 2016; Биткеев 2010], изучение вопросов сохранения родного языка [Намруева 2010; Намруева 2018; Денисова 2015; Лиджи-Горяева, Мукаева 2009], языковая политика [Дякиева 2010], языковое законодательство [Кожемякина 2008; Гунаев 2017] и др.

В Бурятии мониторинговые исследования языка проводят Г. А. Дырхеева [Дырхеева 2015; Дырхеева 2018], А. А. Елаев, Г.-Х. Ц. Гунжитова [Елаев, Гунжитова 2012], Б. Ж. Цыбденова [Цыбденова 2010] и др.

По данным ЮНЕСКО, сегодня каждый второй в мире язык находится под угрозой исчезновения [ЮНЕСКО посчитало... 2009]. Это является следствием глобализационных процессов, когда доминирующий язык вытесняет более слабые. Ученые предполагают, что к концу XXI в. исчезнет половина языков, существующих в настоящее время [Дырхеева, Буркина 2017]. На сегодняшний день бурятский и калмыцкий языки внесены в Атлас исчезающих языков мира ЮНЕСКО. По данным ЮНЕСКО, калмыцкий язык имеет некоторую опасность исчез-

новения. Статус бурятского языка по оценке ЮНЕСКО — есть угроза исчезновения [UNESCO Atlas 2010].

Число носителей национального языка в данных республиках постоянно сокращается. Рассмотрим уровень владения калмыцким и бурятским языками по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг.

Таблица 1. Владение языками населением по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг., в % от общей численности населения

Владение языком	2002	2010
калмыцкий язык	48,94	24,73
бурятский язык	23,58	13,42

Источник: [ВПН 2002; РБ. ВПН 2010; Национальный состав ... 2013: 137]

По результатам, представленным в таблице, видно, что в межпереписной период число владеющих национальным языком как в Калмыкии, так и в Бурятии сократилось в два раза. Число представителей титульной национальности, владеющих языком, в Калмыкии за межпереписной период сократилось с 141 565 человека до 70 549 человек, в Бурятии — с 222 107 человек до 122 882 человек [ВПН 2002; РБ. ВПН 2010; Национальный состав ... 2013: 137].

Также сокращаются сферы использования языка в регионах. Ряд исследователей отмечает, что в последнее время наблюдается сужение функций калмыцкого языка [Сусеева 2016]. Особенно настораживает, что калмыцкий язык практически не используется молодежью [Намруева 2018: 145]. При этом следует отметить, что число представителей титульной национальности, знающих язык как в Калмыкии, так и в Бурятии сократилось в два раза.

Г. А. Дырхеева отмечает, что сокращается объем функций, выполняемых бурятским языком. Бурятский язык перестает интенсивно употребляться в общественной, культурной жизни республики, сокращается и база литературного бурятского языка [Дырхеева 2018: 304].

Рассмотрим роль русского языка в данных республиках. Русский язык является государственным языком на всей территории Российской Федерации, он является языком

межнационального общения. В Бурятии и Калмыкии два государственных языка. В Бурятии русский язык начинает использоваться в XVII в., однако широкое распространение он получил в XX в. Г. А. Дырхеева отмечает, что русский язык в настоящее время присутствует во всех сферах общественной жизни республики — политической, хозяйственной, культурной и др. Кроме того, русский язык постепенно вытеснил бурятский язык в районах, где преобладает бурятское население [Дырхеева 2018: 304].

Коммуникативное использование калмыцкого языка уступает русскому языку. В исследованиях, проводимых в начале двухтысячных годов, было подсчитано, что русский язык в Калмыкии функционировал в более чем двадцати двух коммуникативных сферах. Калмыцкий язык на тот момент функционировал более чем в десяти сферах общения. Было отмечено, что калмыцкий язык не используется в таких сферах, как делопроизводство и судопроизводство. По данным исследования, русский язык выполнял большинство функций: информационные, деловые, образовательные и научные. Калмыцкий язык в основном применялся в сфере образования, телевидения, радио, печати, культуры, художественной литературы, фольклора [Мукаева 2007: 113].

Социологические исследования в Калмыкии и Бурятии также фиксируют снижение уровня владения языком представителями титульной национальности. В республиках проводятся мониторинговые исследования языковой ситуации: в Калмыкии — Центром этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (в настоящее время — Калмыцкий научный центр РАН), в Бурятии — отделом языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и др. При этом мониторинг языковой ситуации проводится на постоянной основе и органами власти республик.

Как известно, использование языка молодым поколением является одним из показателей витальности языка наряду с количеством говорящих на этом языке, их соотношением с общей численностью данной этнической группы, наличием правовой поддержки. Все это закладывается в расчеты ЮНЕСКО при определении статуса языка. Если молодежь не владеет языком,

то перспективы сохранения языка значительно уменьшаются, даже если старшее поколение хорошо владеет языком. Так, в Калмыкии молодежь не только не использует калмыцкий язык как средство общения в семье, в учебной среде и др., но и не ориентирована на изучение национального языка. Л. В. Намруева отмечает, что в повседневной жизни калмыки чаще используют русский язык, поскольку он дает им больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социальной мобильности [Намруева 2018: 150]. В Бурятии результаты проводимых социолингвистических обследований среди студентов и учащихся показали, что состояние бурятского языка внушает серьезные опасения, снижается уровень владения родным языком в молодежной среде [Дырхеева, Хилханова 2014: 219].

В рамках изучения проблемы сохранения языка были проведены экспертные интервью с представителями национально-культурных объединений, творческих коллективов, учеными, священнослужителями, общественными деятелями, учителями общеобразовательных школ, представителями органов власти Калмыкии и Бурятии.

Вопросы были распределены по следующему тематическому блоку:

- общая оценка языковой ситуации в республике;
- государственные меры по развитию языка;
- преподавание в школах, методика преподавания;
- языковые курсы;
- меры, которые помогут сохранить язык.

Языковая ситуация. Большая часть экспертов как в Калмыкии, так и в Бурятии отметила, что проблема сохранения языка, степень владения языком являются актуальными проблемами в данных республиках, связывая это с тем, что язык является основным механизмом сохранения этнической идентичности и самобытности народа. 13 экспертов в Калмыкии и 15 экспертов в Бурятии оценивают настоящую языковую ситуацию в своих республиках как крайне неудовлетворительную, используя следующие выражения: «язык находится под угрозой», «скоро не останется носителей язы-

ка», «молодежь не знает языка» и др. [ПМА 2019].

Государственные меры по развитию языка. В Калмыкии эксперты оценивают государственные меры по развитию языка положительно: «созданы благоприятные условия для сохранения и развития языка, культуры и религии», «поддержка республиканскими властями идет на всех уровнях: от Хурала до муниципалитетов», «многие нужные мероприятия закреплены на законодательном уровне», «поддерживаются молодые учителя калмыцкого языка». В Бурятии эксперты отмечают, что действует программа «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия», однако часть экспертов высказала мнение, что программа не работает в полной мере.

Преподавание в школах, методика преподавания. Эксперты отмечают, что в Калмыкии действуют этношкола, Калмыцкая национальная гимназия им. А. Ш. Кичикова, Этнокультурная гимназия им. Зая-Пандиты, в каждом дошкольном и общеобразовательном учреждении республики созданы национальные группы и классы. Со стороны научно-образовательных учреждений осуществляется методическая поддержка в виде создания новых, адаптированных к современной ситуации учебных пособий, программ и методов. Однако при этом много вопросов у экспертов вызывает методика преподавания калмыцкого языка в школах: «преподается литературный, а значит не „живой язык“», «детям нужно учить разговорный язык, чтобы могли хотя бы рассказать о себе на калмыцком» и др. Эксперты отмечают необходимость перехода на преподавание калмыцкого языка как иностранного.

В Бурятии также открываются национальные классы, лицеи, этношколы. Сегодня бурятский язык изучается по двум программам: как родной язык и как государственный. По первой программе — пять уроков в неделю, его изучают так только в Республиканском бурятском национальном лицее-интернате №1 и в некоторых сельских школах республики. По второй программе отводится два урока в неделю, причем ее придерживается большинство школ. Эксперты отмечают, что количество школьников, изучающих бурятский язык, сокращается. Одна из причин — добровольность изучения, другая — возросшая языковая на-

грузка на учеников. Нехватка учителей бурятского языка — еще одна проблема. При этом так же, как и в Калмыкии, опрошенные учителя говорят об отсутствии единой методики преподавания бурятского языка, необходимости преподавания бурятского как иностранного.

Языковые курсы. Эксперты обращают внимание, что современное калмыцкое общество транслирует возрастающий интерес к традиционной культуре, языку и религии. Они отмечают популярность курсов по изучению калмыцкого языка, приводят примеры общественных организаций — организаторов курсов: Фонд содействия и развития калмыцкого языка «Сяяхн келн», бесплатные курсы калмыцкого языка в г. Москве. Всеми экспертами отмечено, что самые массовые курсы по изучению калмыцкого языка проводит Центральный хурал Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни». Многие эксперты отмечают, что в республике «появляются и пользуются широкой популярностью самоорганизующиеся молодежные национально-культурные объединения („Иткл“, „Билгин дала“ и т. д.), в последнее время — интернет-сообщества, к примеру, каналы в Инстаграм „zametki_mandzhika“ (24,3 тыс. подписчиков), „HOTONfm“ (12,5 тыс. подписчиков)».

В Бурятии многие языковые школы открывают курсы по изучению бурятского языка, открыта Школа бурятского языка «Аян», центры сохранения и развития бурятской культуры «Буряад Соел» и многие другие. Эксперты отмечают, что курсы бурятского открываются также в Иркутске и Чите.

Меры по сохранению языка. Как в Калмыкии, так и в Бурятии эксперты отмечают сложность сохранения языка в условиях билингвизма. В Калмыкии эксперты считают необходимой мерой сохранения и спасения калмыцкого языка — ведение государственного делопроизводства на калмыцком языке. Такие меры приведут к массовости курсов калмыцкого языка, необходимости курсов для государственных служащих, повысит статус учителей и преподавателей. В Бурятии также часть экспертов упоминала, что необходимо принимать такие меры, как в Республике Татарстан: «в Татарстане официальные документы, бланки ведутся на русском и татарском языках».

В Калмыкии один из экспертов высказал мнение, что «детей надо отправлять на летние каникулы в те сохранившиеся поселки, где еще все говорят на калмыцком языке». Также эксперты высказывали предложения о проведении массовых бесплатных курсов по изучению языков, переводу вывесок, рекламных баннеров на калмыцкий или бурятский языки, популяризации важности изучения родного языка через социальные сети для молодежи и другие меры.

При этом эксперты обозначили целый ряд проблем, связанных с сохранением рассматриваемых языков. Это, в первую очередь, сокращение численности носителей языка, отсутствие преемственности передачи и трансляции языка в семье. По мнению опрошенных экспертов, сложилась ситуация, когда среднее поколение «плохо или совсем не знает» традиции и обычаи, язык своего народа, поэтому традиция преемственности передачи языка и традиционных знаний была нарушена. Молодое поколение вынуждено обращаться к внешним, внесемейным источникам знаний о традициях народа, с нуля изучать родной язык. Также эксперты Калмыкии и Бурятии отмечают сложное экономическое положение и миграцию населения как один из основных факторов потери языка. В Бурятии эксперты важной проблемой, влияющей на языковую ситуацию, считают дисперсное проживание

бурятского народа: в Бурятии, в Иркутской области и Забайкальском крае.

Заключение. Таким образом, сравнительное исследование проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии выявило преимущественно схожие черты развития этноязыковых процессов в данных регионах. Калмыцкий и бурятский языки находятся под угрозой исчезновения. Численность населения, владеющего родным языком, стремительно сокращается. При этом знание языка молодым поколением также снижается. Язык из разряда реального этнодифференцирующего признака становится лишь символическим признаком народа.

Однако эксперты отмечают и позитивные тенденции:

- созданы благоприятные условия для сохранения и развития языка, культуры и религии, поддерживаемые государством и закрепленные на законодательном уровне.
- современное калмыцкое, бурятское общество транслирует возрастающий интерес к традиционной культуре, языку и религии.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на глобальные угрозы и факторы, негативно влияющие на этническую идентичность, существуют позитивные тенденции и условия для развития культуры, языка в рассматриваемых нами республиках.

Источники

- UNESCO Atlas 2010 — UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [электронный ресурс] // UNESCO. Interactive Atlas. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 23.10.2019).
- ВПН 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 года [электронный ресурс] // Раздел 4. Национальный состав. Гражданство населения. Подраздел: распространенность владения языками (кроме русского). Республика Калмыкия, Республика Бурятия URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (дата обращения: 23.10.2019).
- РБ. ВПН 2010 — Республика Бурятия. Всероссийская перепись населения 2010 г. [электронный ресурс] // Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/2010_Pub-04-07-64-Республика+Бурятия.pdf (дата обращения: 23.10.2019).
- Национальный состав ... 2013 — Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, 2013. 841 с.
- ПМА 2019 — Экспертный опрос по проблеме сохранения и развития калмыцкого/бурятского языка, N=30 (г. Элиста, Республика Калмыкия, июль 2019 г., N=15; г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, август 2019 г., N=15).

Литература

- Биткеев 2010 — Биткеев П. Ц. Языковая ситуация в Республике Калмыкия (по результатам лингвосоциологического исследования) //

- Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. Элиста: КалмГУ, 2010. С. 6–10.
- Голенкова 2008 — *Голенкова З. Т.* Социальные изменения в мире в контексте глобализации [электронный ресурс] // официальный сайт ИС РАН. 15.12.2008. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1090> (дата обращения: 21.10.2019).
- Гунаев 2017 — *Гунаев Е. А.* Законы о языках Республики Калмыкия и других субъектов Российской Федерации: общее и особенное // *Монголоведение*. 2017. № 7. С. 193–202.
- Денисова 2015 — *Денисова А. В.* Языковая ситуация в Республике Калмыкия // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 24. С. 92–95.
- Дырхеева 2018 — *Дырхеева Г. А.* Языковая ситуация в Республике Бурятия // *Мир Большого Алтая*. 2018. № 4. С. 302–320.
- Дырхеева 2015 — *Дырхеева Г. А.* Буряты и бурятский язык в зеркале статистики (по результатам переписей населения) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2015. Т. 11. № 3. С. 158–166.
- Дырхеева, Буркина 2017 — *Дырхеева Г. А., Буркина А. А.* Бурятский язык и национальная интеллигенция // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2017. № 3. С. 3–9.
- Дырхеева, Хилханова 2014 — *Дырхеева Г. А., Хилханова Э. В.* Языковые установки молодежи Бурятии: система образования // *Сибирский филологический журнал*. 2014. № 3. С. 218–224.
- Дякиева 2010 — *Дякиева Б. Б.* Законодательное регулирование языковой политики как фактор сохранения языкового сознания титульного этноса (на примере Республики Калмыкия) // *Научная мысль Кавказа*. 2010. № 3 (63). С. 112–115.
- Елаев, Гунжитова 2012 — *Елаев А. А., Гунжитова Г.-Х. Ц.* Этноязыковые процессы в Бурятии в XX – начале XXI в. // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2012. № 7. С. 125–128.
- Икиликян 2017 — *Икиликян С. Г.* Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2017. № 2. С. 16–21.
- Кожемякина 2008 — *Кожемякина В. А.* Особенности языковой ситуации и языкового законодательства в Республике Калмыкия // *Альманах современной науки и образования*. 2008. № 2–1. С. 116–120.
- Лиджи-Горяева, Мукаева 2009 — *Лиджи-Горяева С. Э., Мукаева С. Г.* Социолингвистический аспект в изучении языковой ситуации (калмыцкий язык) в Республике Калмыкия // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2009. № 1. С. 120–123.
- Мукаева 2007 — *Мукаева С. Г.* Особенности функционирования родного языка в Республике Калмыкия // *Вестник Института комплексных исследований аридных территорий*. 2007. № 2. С. 112–114.
- Намруева 2010 — *Намруева Л. В.* Как калмыки знают свой язык // *Социологические исследования*. 2010. № 4. С. 138–141.
- Намруева 2018 — *Намруева Л. В.* Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) // *Новые исследования Тувы*. 2018. № 1. С. 143–152.
- Перепелкин, Стельмах 2003 — *Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г.* Этнокультурная безопасность России: общественные вызовы и государственная политика // *Россия и мусульманский мир*. 2003. № 9. С. 14–32.
- Сусеева 2016 — *Сусеева Д. А.* Языковая ситуация в Калмыкии // *Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: мат-лы Российской науч. конф. Элиста: Джангар*, 2016. С. 169–172.
- Щукина 2017 — *Щукина Р. И.* Этнические аспекты национальной безопасности в условиях региона // *Вестник Прикамского социального института*. 2017. № 8. С. 178–183.
- Цыбденова 2010 — *Цыбденова Б. Ж.* К вопросу о языковой ситуации // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2010. № 14. С. 219–222.
- ЮНЕСКО посчитало... 2009 — ЮНЕСКО посчитало исчезающие языки в России [электронный ресурс] // *Лента.ру. Культура*. 20 февраля 2009 г. URL: <https://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/> (дата обращения: 23.10.2019).

Sources

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. In: UNESCO. Interactive Atlas.

- An Internet resource: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (accessed: October 23, 2019). (In Eng.)
- Ethnic Composition. Citizenship (Section 4). Subsection: 'Command of Languages (besides Russian) ... Republic of Kalmykia. Republic of Buryatia'. In: [Russian Census of 2002]. An Internet resource: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12> (accessed: October 23, 2019). (In Russ.)
- Ethnic Composition and Command of Languages, Citizenship (Vol. 4). In: [Russian Census of 2010: Republic of Buryatia]. An Internet resource: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/2010_Pub-04-07-64-Respublika+Buryatiya.pdf (accessed: October 23, 2019). (In Russ.)
- Ethnic Composition and Command of Languages, Citizenship. In: [Russian Census of 2010: Outcomes]. Elista: Kalmykia Office of Russian Federal State Statistics Service, 2013. 841 p. (In Russ.)
- Authors' field data. [Preservation and Development of Kalmyk / Buryat Languages]. Expert Polls (Elista, Republic of Kalmykia, July 2019, N=15. Ulan-Ude, Republic of Buryatia, August 2019, N=15). (In Russ.)
- ### References
- Bitkeev P. Ts. Language situation in the Republic of Kalmykia: summarizing results of a linguo-sociological survey. In: [Languages in Polylingual Environment: Issues of Functioning and Development]. Conf. proc. Elista, 2010. Pp. 6–10. (In Russ.)
- Denisova A. V. Republic of Kalmykia: language situation revisited. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 24. Pp. 92–95. (In Russ.)
- Dyakieva B. B. Legislative regulation of language policies as a factor for the preservation of language identity of a titular nation: a case study of the Republic of Kalmykia. *Scientific Thought of Caucasus*. 2010. No. 3 (63). Pp. 112–115. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A. The Buryats and Buryat language in the mirror of statistics: summarizing results of censuses. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. Vol. 11. No. 3. Pp. 158–166. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A. The language situation in Buryat Republic. *World of the Great Altai*. 2018. No. 4. Pp. 302–320. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Burkina A. A. The Buryat language and national intellectuals. *The Buryat State University Bulletin*. Ser. 'Pedagogy. Philology. Philosophy'. 2017. No. 3. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Khilkhanova E. V. Language attitudes of Buryatia's youth: system of education. *Siberian Journal of Philology*. 2014. No. 3. Pp. 218–224. (In Russ.)
- Elaev A. A., Gunzhitova G-Kh. Ts. The ethnic and language processes in Buryatia in the XXth – beginning of the XXIst century. *The Buryat State University Bulletin*. Ser. 'Pedagogy. Philology. Philosophy'. 2012. No. 7. Pp. 125–128. (In Russ.)
- Golenkova Z. T. World's social changes in the context of globalization. An Internet resource: <https://www.isras.ru/publ.html?id=1090> (accessed: October 21, 2019). (In Russ.)
- Gunaev E. A. Republic of Kalmykia and other federal subjects of Russia: common and specific features of regional laws on languages revisited. In: [Mongolian Studies]. Vol. 7. Elista, 2017. Pp. 193–202. (In Russ.)
- Ikilikyan S. G. The role of language in the shaping of ethnic identity as a research object. *University News. North Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2017. No. 2. Pp. 16–21. (In Russ.)
- Kozhemyakina V. A. Republic of Kalmykia: peculiarities of language situation and language-related legislation. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2008. No. 2–1. Pp. 116–120. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E., Mukaeva S. G. Investigating language situation (Kalmyk language) in the Republic of Kalmykia: a sociolinguistic aspect. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2009. No. 1. Pp. 120–123. (In Russ.)
- Mukaeva S. G. Republic of Kalmykia: peculiarities of mother tongue's functioning. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2007. No. 2. Pp. 112–114. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Do the students of Kalmykia need Kalmyk language (according to sociological surveys of 2015 and 2017). *The New Research of Tuva*. 2018. No. 1. Pp. 143–152. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Kalmyks and their mother tongue: a case study of language proficiency. *Sociological Studies*. 2010. No. 4. Pp. 138–141. (In Russ.)
- Perepelkin L. S., Stelmakh V. G. Ethnocultural security of Russia: social challenges and state policies. *Russia and the Moslem World*. 2003. No. 9. Pp. 14–32. (In Russ.)
- Shchukina R. I. Ethnic aspects of national security in the context of the region. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2017. № 8. S. 178–183.

- Suseeva D. A. Language situation in Kalmykia. In: [Russian Language in Non-Russian Environment: Present-Day Conditions, Development Prospects, Cultural and Communication Problems]. Conf. proc. Elista, 2016. Pp. 169–172. (In Russ.)
- Tsybdenova B. Zh. Language situation revisited. *The Buryat State University Bulletin*. Ser. 'Pedagogy. Philology. Philosophy'. 2010. No. 14. Pp. 219–222. (In Russ.)
- UNESCO has counted Russia's endangered languages. At: Lenta.ru. Culture. February 20, 2009. An Internet resource: <https://lenta.ru/news/2009/02/20/languages/> (accessed: October 23, 2019). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1107–1118, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930

Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.)

Куканова Виктория Васильевна¹, Баянова Александра Тагировна², Долеева Айса Олеговна³,
 Каджиев Араш Юрьевич⁴, Манджикова Лариса Бадмаевна⁵

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор
 ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

заведующая Научной библиотекой и архивом им. П. Э. Алексеевой
 ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

⁴ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

инженер-исследователь
 ORCID: 0000-0002-3050-2816. E-mail: kadjievay@kigiran.com

⁵ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

Аннотация. Целью данной работы является реконструкция повседневной жизни населения Калмыцкой АССР в первые годы после возвращения на родину из ссылки в восточные районы страны, а также постановка проблемы изучения национальных газет как источника для исследований повседневности региональной истории, поскольку периодическая печать является одним из средств массовой коммуникации и трансляции информации. *Материалы.* В качестве источника для исследований были отобраны фотографии, опубликованные в национальной газете «Хальмг үнн» за 1957–1959 гг. Несмотря на то, что газета «Хальмг үнн» была «правительственной», на страницах газеты можно проследить каждодневное бытие человека. Методом сплошной выборки был отобран материал за 1957–1959 гг. для реконструкции, далее проанализированы фотоснимки, редко привлекались тексты. *Результаты.* Материалы газетных текстов не содержат прямых упоминаний о депортации калмыцкого народа, за редким исключением

имелись фотографии ветеранов Великой Отечественной войны. Можно найти в газете «Хальмг үнн» статьи, которые рассказывают о возвращении калмыков на родину из тех или иных сибирских городов, но не говорится о том, почему они там оказались. Подобные темы идеологическая цензура не пропускала до 1988 г. В газете «Хальмг үнн» за исследуемые годы недостаточно освещается частная жизнь рядовых граждан СССР, однако следует отметить, что если в 1957 г. еще можно встретить заметки об обычном человеке, его проблемах, то в последующие годы, видимо, с налаживанием работы цензурного органа все меньше и меньше встречается материалов, посвященных частным сторонам жизни рядовых граждан. *Выводы.* Несмотря на скудность материала о повседневной жизни граждан, все же имеющаяся часть формирует параллельный мир информации, противопоставленной информации, пропущенной через идеологический фильтр. Материалы газет только начинают вводиться в научный оборот и использоваться как источник для проведения различного рода исследований (язык, письменность, фольклорные материалы, переводы, повседневность, общественно-политическая история и др.), важно продолжить эту работу.

Ключевые слова: газета, повседневность, микроистория, фотография, источник, база данных
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (№ госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Куканова В. В., Баянова А. Т., Долеева А. О., Каджиев А. Ю., Манджикова Л. Б. Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.). *Oriental Studies*. 2019;(6): 1107–1118. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118.

UDC 930

National Newspaper *Khalmg Ünn* ('Kalmyk Pravda'): Analyzing Everyday Life (a Case Study of Photographs of 1957–1959)

Viktoriya V. Kukanova¹, Alexandra T. Bayanova², Aysa O. Doleeva³, Arash Yu. Kadzhiev⁴, Larisa B. Mandzhikova⁵

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director
 ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Head of P. E. Alekseeva's Scientific Library and Archives
 ORCID: 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Junior Research Associate
 ORCID: 0000-0002-5077-2821. E-mail: aisasarpa10@mail.ru

⁴ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Research Engineer
 ORCID: 0000-0002-3050-2816. E-mail: kadjievay@kigiran.com

⁵ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Junior Research Associate
 ORCID: 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

Abstract. Goals. The article seeks to reconstruct everyday life in the Kalmyk ASSR in the years straight after the return from the deportation, and view newspaper materials as a source for investigating mundanity, print media serving a universal means of mass communication and data translation. **Materials.** The paper analyzes photographs published by the national newspaper *Khalmg Ünn* in 1957–1959. Despite the periodical was essentially 'state-backed', one could still trace key mundanity patterns and issues dealt with by commoners. The continuous sampling method was employed to select materials of 1957–1959 for the reconstruction, special emphasis being laid upon photo analysis rather

than related texts. *Results.* Newspaper discourse contains no direct indications of the Kalmyk people's deportation and publishes somewhat few pictures of WWII veterans. There are scarce mentions of the return of the Kalmyks to their ancestral lands from Siberian towns but those give no clarifications of how /why they had appeared there. The official censorship offices banned such topics till 1988. During the examined period, *Khalmg Ünn* insufficiently covers private life of common Soviet citizens but it is noteworthy that in 1957 one could still find some messages dealing with commoners and their actual problems, while in subsequent years — as censorship system gathered pace — fewer and fewer articles considered actual aspects of Soviet mundanity. *Conclusions.* Despite the scarcity of mundanity-related materials, the available data was still shaping a parallel world of information somewhat opposed to that of censorship filters. Newspaper materials have started being introduced into scientific discourse as sources for diverse studies (language, script, folklore, translation patterns, mundanity, socio-political history, etc.) and it is essential to continue this work.

Keywords: newspaper, everyday life, mundanity, micro-history, photograph, source, database

Acknowledgements: The reported study was funded by government subsidy — project name 'National Information Resources in Scientific and Cultural Space' (state reg. no. AAAA-A19-119090590086-0).

For citation: Kukanova V. V., Bayanova A. T., Doleeva A. O., Kadzhiev A. Yu., Mandzhikova L. B. National Newspaper *Khalmg Ünn* ('Kalmyk Pravda'): Analyzing Everyday Life (a Case Study of Photographs of 1957–1959). *Oriental Studies*. 2019;(6): 1107–1118. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118.

Введение

Разработка истории Калмыкии в контексте повседневности является одной из важнейших задач, в особенности для ученых интересен период, когда калмыки вернулись из Сибири в 1957 г. из мест депортации, после 13 лет вынужденного пребывания на спецпоселении [Бугай 1991; Ссылка 1993], и стали возрождать республику. Описание событийной истории актуально и по сей день, однако в этой истории отсутствует в качестве главного героя — обычный человек с его повседневными заботами и проблемами, с бытовыми подробностями жизни (здоровье, питание, одежда, жилище, семья, работа, досуг и многое другое) [Козельчук, Тершукова 2006: 36]. Целью данной работы является реконструкция повседневной жизни населения Калмыцкой АССР в первые годы после возвращения на родину из ссылки в восточные районы страны, а также постановка проблемы изучения национальных газет как источника для исследований повседневности региональной истории, поскольку периодическая печать является одним из средств массовой коммуникации и трансляции информации.

Материалы и методы

Газета «Хальмг үнн», отметившая в 2019 г. свою вековую историю, является главной национальной газетой Респуб-

ки Калмыкия. Первый номер газеты вышел в октябре 1919 г. в г. Саратове. Эта газета имела первоначальное название «Улан хальмг» ('Красный калмык') и являлась органом печати политотдела калмыцких воинских подразделений, находившихся в составе 10-й армии. Основными задачами издания были агитационно-пропагандистская работа в воинских частях и просвещение широких масс трудящихся Калмыкии [Стоянов 2009: 32]. С декабря 1920 г. газета становится официальным органом Калмыцкого обкома РКП(б) и ЦИК Автономной области калмыцкого народа. Тиражи газеты «Улан хальмг» печатались в Астрахани, к этому периоду увеличился объем газеты: она стала 4-полосной, издавалась на двух языках — калмыцком и русском.

В годы депортации калмыцкого народа (1943–1957 гг.) издание газеты прервалось. С возвращением калмыков в 1957 г. газета стала вновь издаваться. Она поменяла название на «Хальмг үнн», что в переводе означает «Калмыцкая правда». Первый номер обновленной газеты увидел свет 14 апреля 1957 г. Редактором газеты был назначен Д. М. Мукебенов. Газета являлась печатным органом Калмыцкого обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров КАССР. Тираж газеты составлял 4 300 экземпляров. Исполняли периодически обязанности главного редактора газеты став-

шие впоследствии известными калмыцкими писателями С. К. Каляев и Б. Д. Дорджиев. В 1957 г. вышел 151 номер национальной газеты, в 1958 г. — 256 номеров, в 1959 г. — 256 номеров. Четыре полосы газеты «Хальмг үнн» имели устоявшуюся структуру: на первой полосе публиковались правительственные документы: распоряжения, указы, законы, постановления, речи политических деятелей. Две средние полосы освещали события, происходившие в стране и республике, на четвертой полосе размещались зарубежные новости [Баянова, Каджиев 2018: 79]. Среднее количество материалов в одном номере газеты — 25. Постоянными рубриками газеты были «Советск Союзар» ('По Советскому Союзу'), «Партийн төрмүд» ('Партийные вопросы'), «Редакцирн бичгүдэс» ('Из писем, пришедших в редакцию'), «Җазадын¹ ордудар» ('За рубежом'), «Мана таңһчар» ('По нашей республике'), «Мана краяр» ('По нашему краю'), «Специалистин селвг» ('Совет специалиста'), «Советск хальмгин туужас» ('Из истории советской Калмыкии'), «Литературн халх» ('Литературная страница') и др.

База данных «Полнотекстовая база данных газетного корпуса Республики Калмыкия» достаточно подробно описана в научных публикациях сотрудников Калмыцкого научного центра РАН [Баянова, Каджиев 2018; Баянова, Каджиев 2019]. На текущий момент оцифрованы и внесены в базу данных статьи из газеты «Хальмг үнн» за 1957–1959 гг. Для проведения исследования мы остановились только на подшивке газеты за указанные годы, поскольку нам интересен именно этот период — первые годы жизни калмыков по возвращении на родину, которые недостаточно исследованы, хотя имеются работы, раскрывающие историю республики в целом [Очерки истории 1970; Политические ... 1977; Городовиков 1984; Максимов 2009]. Мы бы хотели показать другую историю — историю человека, его повседневной жизни без сухой статистики, постановлений, указов и др., т. е. официальных документов. Несмотря на то, что газета «Хальмг үнн» была «правительственной», тем не менее на страницах газеты можно проследить каждодневное бытие человека. Сама газета не раз становилась источником в изучении микроистории [Нестерова 2013; Оконов 2017; Оконов 2018; Сизов 2018; Доржу, Ширап 2019; и др.], именно эти ра-

боты служили нам ориентиром в нашем исследовании.

Методом сплошной выборки был отобран для реконструкции материал за 1957–1959 гг., далее проанализированы фотоснимки, редко привлекались тексты. Поскольку мы работали с базой данных, то в качестве источника исследуемых материалов указываем именно газету, год издания и номер. В работе также использовались количественные методы.

Основная часть

В газете «Хальмг үнн», кроме статей, переводов, публиковались черно-белые фотографии, часть из которых была подретуширована. Если в 1957 г. фотографии, присланные из ТАСС, составляют минимальное количество (всего 5 ед.), то в последующие годы их становится в десятки раз больше (1958 г. — 196 ед., 1959 г. — 611 ед.), что говорит о налаживании работы по идеологическому контролю газеты и его возрастанию со стороны партии (см. табл. 1). КПСС осознавала, что периодическая печать является одним из важнейших и мощных средств формирования сознания и настроений человека и управления общественным сознанием, по этой причине она не могла не контролировать данный печатный орган, в особенности национальную газету народа, который был репрессирован по национальному признаку в Сибирь. Кроме того, отсылка на ТАСС указывала на то, что информация или фотография со вспомогательным текстом носит директивный характер и не может иметь альтернативных точек зрения. Скорее всего, наличие большого числа фотографий ТАСС, отражающих те процессы, которые происходили в стране и за рубежом, также способствовало и выявлению мнения граждан по определенным вопросам. На снимках, иллюстрировавших события из жизни капиталистических стран, отметим неулыбчивые лица; на фото зафиксированы большие очереди, митинги, безработица, прослеживается недовольство людей на фотографиях, что также не случайно, тем самым партия создавала негативный образ Запада.

Как видно из таблицы 1, количество фотографий местных фоторепортеров в 1958 г. (378 фото) стало значительно увеличиваться по сравнению с 1957 г. (221 фото), хотя в 1959 г. — всего 320 фотографий, причем в этом же году было опубликовано 611 фото

¹ В газете за 1957 г. написано: *Җазадын*.

Таблица 1. Количественная характеристика фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1959 гг.

[Table 1. Numbers of photographs published by *Khalmg Ünn* in 1957–1959]

Год	Фотохроника ТАСС	Фото репортеров газеты	всего
1957	5	221	226
1958	196	378	574
1959	611	320	931

ТАСС. В 1959 г. изменился формат газеты — с А3 на А2, появилась возможность публиковать больше материала, ввести новые рубрики. Но в то же время увеличение количества фото ТАСС в уже изменившейся формате газете косвенно свидетельствует о том, что к 1959 г. газета все больше наполнялась общесоюзными материалами, подготовка которых контролировалась партийными органами. Местные фотографии в основном делались в г. Элисте и близлежащих районах республики (например, Яшкульский, Целинный), что связано с трудностями, по-

рожденными отсутствием дорог, неразвитостью дорожной сети. Конечно, фоторепортерам было сложно добираться до других населенных пунктов из г. Элисты, к тому же газета была обязана доносить до своего читателя информацию, новости в краткие сроки, оперативно. Фотографии, сделанные в других районах, встречаются, но очень редко.

Далее мы рассмотрим фотографии, снятые местными репортерами, поскольку они отражают историю региона, в том числе историю повседневной жизни человека.

Таблица 2. Тематическое распределение фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1959 гг.

[Table 2. Thematic distribution of photographs published by *Khalmg Ünn* in 1957–1959]

№	Темы	1957	1958	1959	Итого:
1	Строительство, восстановление народного хозяйства	39	61	63	163
2	Сельское хозяйство	25	63	77	165
3	Рабочие моменты на производстве	27	59	29	115
4	Передовики производства, депутаты, известные люди республики	74	90	82	246
5	Возвращение на родину	14	12	2	28
6	Культура, образование, наука, спорт	19	57	53	129
7	Партийная и агитационная работа	20	29	11	60
8	Здравоохранение	3	7	3	13
Итого:		221	378	320	919

Как видно из таблицы 2, в основном среди фотографий, опубликованных в газете за указанные годы, превалирует советская тема: план и его выполнение, строительство нового общества, причем через фотографии стремились передать исторический оптимизм и утверждение нового быта. В итоге на первое место выходят общественные задачи, которые совпадают с личными целями советского человека. Само строительство показывалось буквально — через строительство новых объектов как жилого, так и нежилого фондов. Надо сказать, что жители Калмыкии действительно радовались, были воодушевлены тем, что вернулись на родину, что у них есть возможность возродить ее. Улыбки, которые не сходят с лиц людей, занятых работой, указывают, что труд им

в радость, он приносит счастье². Думается, что на фото — искренние улыбки, возможно, это характерно и для других регионов Советского Союза, поскольку народ в целом по стране был воодушевлен строительством «светлого будущего», но в Калмыкии это особая радость от созидательного труда во имя родины после долгой разлуки с ней.

Важно отметить, что нет ни текстов, ни фотографий, связанных с сибирским периодом калмыцкого народа. Имеются фоторепортажи (также статьи) о возвращении на родину (см. фото 1), но в них не упоминается ссылка калмыков в восточные регионы Советского союза. Они перестают появляться в 1959 г., поскольку основная масса людей уже вернулась в Калмыкию. Некоторые кал-

² За исключением официальных фотографий.

мыки возвращались из Сибири с тем немногим, что было нажито: были случаи, когда разбирали дома и привозили их на родину, привозили и домашний скот. Люди, напуганные ссылкой и первыми годами жизни в Сибири, когда им приходилось «с нуля» обустроиваться, находить пропитание, уже не верили государству, а полагались на себя. Зная, что будет трудно начинать жизнь в «заброшенной» Калмыкии (территория которой входила в состав других административно-территориальных единиц и являлась их окраиной, где послевоенное восстановление шло крайне медленно), они брали с собой самое важное на их взгляд: дома, корову, которая давала молоко, чтобы прожить в первое время [Хальмг үнн 1958:

№ 92]. В год возвращения калмыков из мест депортации многим негде было жить, ставили палатки, в которых жили целые семьи до того времени, пока не были построены дома (см. фото 2). Поэтому было важно найти быстрый способ возведения жилых построек. Справедливости ради следует отметить, что во многих районах была проведена определенная организованная работа по встрече ссыльных калмыков. В некоторых хозяйствах были подготовлены дома для их размещения, в день их приезда организовывали питание [Хальмг үнн 1957: №№ 24, 41, 53]. В газете имеются статьи со словами благодарности руководителям хозяйств, с радушием встретивших возвратившихся на родину калмыков.

Таблица 3. Жанровое распределение фотографий, опубликованных в газете «Хальмг Үнн» за 1957–1959 гг.

[Table 3. Genre distribution of photographs published by *Khalmg Ünn* in 1957–1959]

Год	Жанр фотографий									Итого:
	Портрет								фФоторепортаж	
	парт. деятели	представители интеллигенции	передовики производства	ветераны войны	депутаты	труженики села				
1957	10	4	35	5	20	14	88	8	125	221
1958	6	10	79	3	8	54	160	6	212	378
1959	5	8	47	—	17	31	108	19	193	320
Итого:	21	22	161	8	45	99	356	33	530	919

Кроме того, имеются единичные тексты статей и фотографии о Великой Отечественной войне. В подшивке газеты за 1957–1959 гг. имеется только несколько фотографий ветеранов Великой Отечественной войны, например: Лиджи Исмаиловича Манджиева, Бембель Манджиевича Хечеева, Баатра Манджиевича Басанова и Ивана Васильевича Гермашева — Героев Советского Союза. Номера за 9 мая анализируемых лет также содержат 1–2 статьи на тему Великой Отечественной войны.

Фоторепортажи преобладают над другими жанрами, что тоже не случайно, а связано с тем, что фоторепортер стремился показать производственную повседневность советского человека, выполнение хозяйственного плана и его перевыполнение. В центре фото находится не человек и не люди как основные герои, а процесс, который нельзя останавливать, прерывать. Другими слова-

ми, нет фотографий, которые были бы сделаны, когда группа людей или один человек сфотографированы на фоне уже выполненной работы и ее результата.

Интересно, что среди фотографий г. Элисты нет фото старого города, что, видимо, связано с тем, что город после оккупации фашистскими войсками был разрушен и до возвращения из ссылки калмыков не восстанавливался. Преимущественно имеются фотографии, фиксирующие строительство нового города, причем в основном жилых «комплексов». Дома, которые строились, в основном были одноэтажными или, редко, двухэтажными, рассчитанными на несколько семей. Двухэтажные жилые дома строились как в городе, так и в селах, и некоторые из них до сих пор существуют и функционируют. На фотографиях запечатлено строительство щитовых домов (см. фото 3), которое отличается от кустарных

ЗУРГТ: Аральскас—И. Джалаев болн А. Басангов, Красноярскас—А. Натиров, Алтаяс—Г. Тюрбеев эврәнн тѳргсн газрун—Хальмг тангъчурн ирдж йовцхана. А. БАЛАКАЕВИН Фото.

Фото 1. Возращение на родину

[Хальмг үнн 1957: № 3]

[Fig. 1. Arrival in ancestral lands]

На фото: Из Аральска — И. Джалаев и А. Басангов, из Красноярска — А. Натиров, с Алтая — Г. Тюрбеев возвращаются на родину — в Калмыцкую республику³.

Фото А. Балакаева.

ЗУРГТ: Целинн районон цѳнтр дѳер йитс бѳдх гермѳд тосхджх Х. У. Зархаев, Б. В. Каталаев, В. Г. Кикеев кѳдлашринь эсбн. Е. Шарапегин фото.

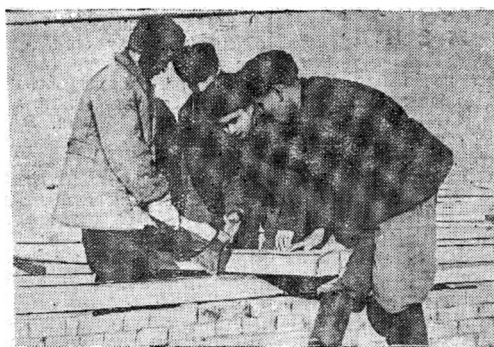
Фото 2. Палатки в Целинном районе

[Хальмг үнн 1957: № 55]

[Fig. 2. Tents in Tselinny District]

На фото: Х. У. Зархаев, Б. В. Каталаев, В. Г. Кикеев, строящие жилые дома в районном центре Целинного района, после работы.

Фото Е. Шарапова.

ЗУРГТ: Элст балгъснд, дѳрвѳд бул бѳдх щитовой герин ул елгън. Барун бийѳсн: бригадир Петр Игнатъевич Куцеков полин дор щит ягъдж тѳвдгинь заадж огчѳнѳ.

Фото 3. Постройка сборно-щитового дома

[Хальмг үнн: 1957: № 2]

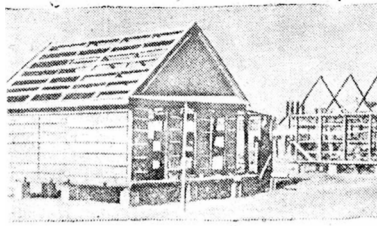
[Fig. 3. Erecting a prefab house].

На фото: Строительство четырехквартирных щитовых домов в г. Элисте. Справа: бригадир Петр Игнатъевич Куцеков объясняет, как устанавливать щиты под полом.

Фото А. Балакаева.

методов строительства быстротой возведения и относительной дешевизной строительного процесса. Переход к возведению щитовых домов также был связан и с тем, напомним, что калмыки, вернувшиеся на родину после ссылки, остро нуждались в жилье. Дома были максимально типовыми, чтобы снизить затраты на разработку проектной документации. Старались обходиться при строительстве домов местными строительными материалами. Буквально сразу же стали функционировать промышленные предприятия по производству строительных материалов: кирпичный завод в г. Элисте, черепично-кровельный завод в Башанте и др. (фотографий на эту тематику большое количество). В районах было налажено строительство камышитовых плит для строительства домов (см. фото 4), в г. Элисте преобладало строительство сборно-щитовых и редко кирпичных (из-за его дороговизны) домов. Одновременно восстанавливалась социальная инфраструктура: строились детские ясли, детские сады, школы, больницы, клубы, библиотеки, магазины, парки (в подшивке газеты за эти годы имеется большое количество снимков либо уже построенных, либо строящихся социальных объектов) (см., например, фото 5).

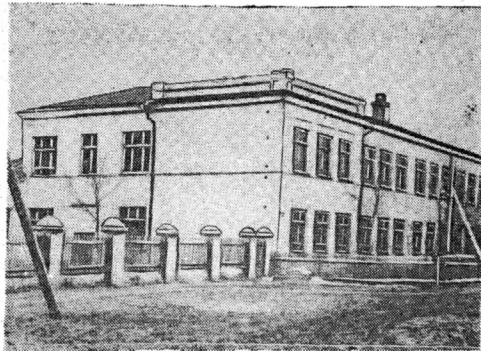
³ Здесь и далее перевод вспомогательного текста к фото А. Т. Баяновой.

Хальмг тангъгъ
чури хэрү нүүдл
ирдях хальмгудт
гидж хулен пайтк-
сэр ним гермүд бэр-
гддана.

А. БАЛАКА-
ЕВИН фото.

*Фото 4. Постройка дома из камышитовых плит [Хальмг үнн: 1957: № 15]
[Fig. 4. Constructing houses from reed-fiber mats]
Для возвратившихся в Калмыцкую республику калмыков строят дома из камышитовых плит. Фото А. Балакаева.*

ЗУРГТ: Хальмг тангъгъчин хотл балгъсн Элстд баях
1-ч номерт дундин школин гер.

А. БАЛАКАЕВИН болн Э. БАДМА-ГАРЯЕВИН фото.

*Фото 5. Школа № 1 г. Элисты
[Хальмг үнн: 1957: № 13]
[Fig. 5. School no. 1. Elista]*

*На фото: здание средней школы № 1 в столице Калмыцкой республики г. Элисте.
Фото А. Балакаева и Э. Бадма-Гаряева.*

В газетах за 1959 г. уже редко встречаются фотографии, фиксирующие строительство жилых домов, все чаще появляются фото крупных объектов, введенных в эксплуатацию.

Повседневная одежда жителей Калмыкии, судя по фотографиям, была такой же, как и во всем Советском Союзе. Женщины носили строгие платья, халаты или юбки ниже колена, обязательно были прикрыты плечи, грудь; на голове, скорее всего у замужних женщин, были платки, даже для официальных фотографий женщины предпочитали надевать платок на голову. Интересно, что в 1957 г. на фотографиях

**Хальмг тангъгъчин Советин депутат, Яшалтинск района Сталинэ нертэ колхозин сэн гисн саальч Наталья Бадминовна Джеванова.
Б. Михайловин фото.**

*Фото 6. Депутат Н. Б. Джеванова
[Хальмг үнн: 1957: № 10]
[Fig. 6. Deputy N. Dzhevanova]*

*Наши депутаты
Депутат Областного совета Калмыцкой АССР, лучшая доярка колхоза им. Сталина Яшалтинского района Наталья Бадминовна Джеванова. Фото В. Михайлова*

ЗУРГТ: Каспийск района универмагин сэн гисн худачирин негн—
Лиджи-Гаряева А. А.

*Фото 7. Продавец А. А. Лиджи-Гаряева
[Хальмг үнн: 1959: № 164]
[Fig. 7. Shop assistant A. Lidzhi-Goryaeva]
На фото: одна из лучших продавцов универмага в Каспийском районе
А. А. Лиджи-Гаряева.*

женщины-калмычки, как городские, так и сельские, в основном были в платках, а на фото 1958–1959 гг. картина совершенно иная: встретилось несколько фото, где молодые женщины-калмычки были с платком на голове (см. фото 6, 7, 8, 9), традиция ношения платка сохранялась в селах [Хальмг үнн 1958: №№ 62, 67], в городе женщины предпочитали ходить без платка [Хальмг үнн 1957: №№ 19, 27, 30; Хальмг үнн 1958: №№ 45, 48, 54, 208].

Национальная одежда встречается, но очень редко, она четко дифференцирована по возрасту: молодые девушки одеты в девичье платье и в головной убор *тоорцг* (см. фото 10), у замужних женщин — *цегдг*, *терлг* и *шиврлг* (см. фото 11). Как правило, фотографии, где люди запечатлены в национальных одеждах, сняты на фестивалях, праздниках, концертах и т. д., что тоже свидетельствует о процессе перехода к общегражданской одежде.

Мужчины одеты в широкие брюки, заправленные в кирзовые сапоги, светлые рубашки, в фуфайки, костюмы — в особенности на официальных фотографиях; на головах у них шапки-ушанки, картузы (см. фото 3, 8, 9).

Остановимся подробнее на одной из фотографий, снятой в детских яслях в сентябре 1957 г. (см. фото 12).

На фото запечатлены дети, обедающие на свежем воздухе в детских яслях, что выявлено из вспомогательного текста к фотографии, да и на самой фотографии видно, что дети маленькие, примерный возраст — 1,5–2 года. Дети одеты в майки и шорты, либо трусики (не ясно из фотографии). У мальчиков короткие стрижки, у девочек волосы заплетены в две косички. Рядом две воспитательницы, помогающие детям есть, но не «с ложечки», а просто контролируя или минимально обучая навыкам пользования столовыми приборами, причем только ложкой. Они одеты в белые халаты, волосы тщательно убраны, на головах белые косынки. Дети обслуживают себя сами, перед ними глубокие тарелки с первым блюдом. По двум концам стола, покрытого клеенкой, находятся кастрюли с поварешками.

В этом кадре, несмотря на то, что на нем много персонажей, отсутствует индивид как таковой. Все дети одинаково одеты, работ-

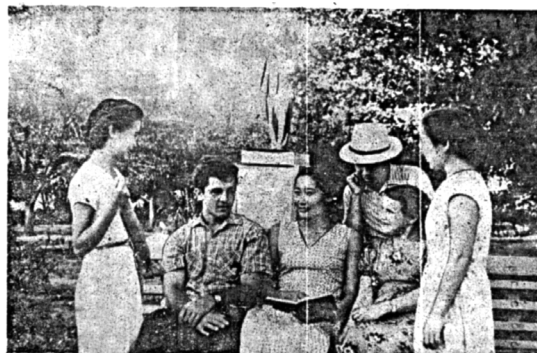

Фото 8. В парке г. Элисты
[Хальмг үнн: 1959: № 164]
[Fig. 8. In the park of Elista]
Фото Е. Шаранова.

ЗУРГТ: Хальмгын бичдчир—(зун бийсэн) Байдал Сангажара, Мацаа Иван, Сангаджиев Баян, Бадмаев Дулаан, Эрендженев Константин, Саян-Белгин Хасар, Инджиев Лийж, Коктайн Эльза, Хонина Михаил, Дорджиев Баск.

Фото 9. Калмыцкие писатели и поэты
[Хальмг үнн: 1958: № 162]
[Fig. 9. Kalmyk writers and poets]

На фото: калмыцкие писатели: слева направо — С. Байдыев, И. Мацаков, Б. Сангаджиева, Д. Бадмаев, К. Эрендженев, Х. Сян-Белгин, Л. Инджиев, Э. Кектеев, М. Хонинов, Б. Дорджиев.

Хальмг тань-
гъчин багъ-
чудин негдгч
фестиваль ор-
лцен Элст бал-
гъсна багъчуд
фестиваль сек-
гдлгънд.

Р. Астахован

фото

Фото 10. Калмыцкая молодежь на фестивале
[Хальмг үнн: 1958: № 32]
[Fig. 10. Kalmyk youth at the festival]

Молодежь г. Элисты на открытии первого фестиваля калмыцкой молодежи.

Фото Р. Астаховой.

ЗУРГТ: Хальмг таньгчнин багъчудин негдгч фестивалд орлсн Приютненск района хальмг күүкд фестивалд нэр-наад гаргэлж үзүхэр оч йовх цагнь.
Р. Астахован фото.

*Фото 11. Калмыцкая молодежь на фестивале
[Хальмг үнн: 1957: № 37]
[Fig. 11. Kalmyk youth at the festival]*

На фото: женицины-калмычки из Приютненского района в дороге на первый фестиваль калмыцкой молодежи. Фото Р. Астаховой.

ницы также одеты одинаково. Есть «масса», которая ничем не выделяется и соответствует общим нормам советской жизни «быть как все». Очень четко проявляется обезличенность советского человека. Даже детские ясли представляют собой институт культурного и социального воспроизводства советского человека. Газета «Хальмг үнн», как и многие другие советские СМИ, ненавязчиво унифицировала вкусы и потребности жителей Калмыцкой АССР.

Выводы

Материалы газетных текстов не содержат прямых упоминаний о депортации калмыцкого народа, за редким исключением имелись фотографии ветеранов Великой Отечественной войны. Можно найти в газете «Хальмг үнн» статьи, которые рассказывают о возвращении калмыков на родину из тех или иных сибирских городов, но не говорится о том, почему они там оказались. Подобные темы идеологическая цензура не пропускала до 1988 г. В газете «Хальмг үнн» за исследуемые годы недостаточно освещается частная жизнь рядовых граждан СССР, однако следует отметить, что если в 1957 г. еще можно встретить заметки об обычном человеке, его проблемах, то в последующие годы, видимо, с налаживанием работы цензурного

Баянчньгчтин детясльд күүч-кблсч-нрин бичкн күүкд-көвүд эк-эцкән көдлмшд йовсн арднь, эн яслин цеглächнрин килмджтә хәләврт бәә-цхәнә.

Энүнд бичкдүд бәәдг гермүдн цевр-цер. Дулан, төвшүн өдрт бичгдүд хотан газа, модна сүүдрт, цевр агъарт ууцхана.

ЗУРГТ: Бичгдүд газа хотан ууджацхана.

Астахова Р. фото.

Фото 12. Детские ясли [Хальмг үнн: 1957: № 90]

[Fig. 12. Day-nursery]

Под заботливым присмотром работников в детских яслях Башанты находятся маленькие дети трудящихся родителей.

В домах, где находятся дети, чисто.

В теплые ясные дни дети обедают на улице, в тени деревьев, на свежем воздухе.

На фото: дети обедают на свежем воздухе.

Фото Р. Астаховой.

органа все меньше и меньше встречается материалов, посвященных частным сторонам жизни рядовых граждан. Но, несмотря на скудность материала о повседневной жизни, все же имеющаяся часть формирует параллельный мир информации, противопоставленной информации, пропущенной через идеологический фильтр. Материалы газет только начинают вводиться в научный оборот и использоваться как источник для проведения различного рода исследований (язык, письменность, фольклорные материалы, переводы, повседневность, общественно-политическая история и др.), важно продолжить эту работу.

Источники

Хальмг үнн — Полнотекстовая база данных газетного корпуса Республики Калмыкия.

Литература

Ссылка 1993 — Ссылка калмыков: как это было. Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 262 с.

Баянова, Каджиев 2018 — Баянова А. Т., Каджиев А. Ю. Полнотекстовая база данных газетного корпуса Калмыкии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2018. № 5. С. 118–127.

Баянова, Каджиев 2019 — Баянова А. Т., Каджиев А. Ю. Проблематика и жанровая специфика медийного текста (по материалам выполнения госзадания «Формирование полнотекстовых информационных ресурсов в современном научном и культурном пространстве») // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VIII. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2019. С. 78–83.

Бугай 1991 — Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Рес. центр развития калм. культуры, науки и просвещения им. Зая-пандиты, 1991. 87 с.

Городовиков 1984 — Городовиков Б. Б. Советская Калмыкия на подъеме. М.: Сов. Россия, 1984. 224 с.

Доржу, Ширап 2019 — Доржу З. Ю., Ширап Р. О. Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961) // Oriental Studies. 2019. № 4. С. 645–660.

Козельчук, Тершукова 2006 — Козельчук Т. В., Тершукова Е. В. Проблемы городской повседневности в трудах архивистов. Из практики использования документов в Государственном архиве Курганской области // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 36–43.

Максимов 2009 — Максимов К. Н. Возвращение калмыцкого народа и восстановление автономии // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 2. Элиста: ИД «Герел», 2009. С. 610–641.

Нестерова 2013 — Нестерова В. Л. Отечественная женская периодическая печать XIX века как информационный источник по истории повседневности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 4. С. 34–38.

Оконов 2017 — Оконов Б. А. Перестройка деятельности высших органов власти Калмыкии в условиях Великой Отечественной войны: контент-анализ материалов газеты «Ленинский путь» 1942–1943 гг. // Вестник

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 65–73.

Оконов 2018 — Оконов Б. А. Патриотизм молодого поколения как условие восстановления Калмыкии в послеоккупационный период (контент-анализ газеты «Ленинский путь», 1943 год) // Oriental Studies. 2018. № 1. С. 69–77.

Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.

Политические ... 1977 — Политические и социально-экономические аспекты социалистического строительства в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. 182 с.

Сизов 2018 — Сизов С. Г. Омские газеты как источник повседневной жизни Белой столицы России (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // Одиннадцатые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (г. Томск, 29–30 мая 2018 г.) / отв. ред. С. Н. Лютов. Новосибирск: Гос. публ. науч.-тех. библи. СО РАН, 2018. С. 364–372.

Стоянов 2009 — Стоянов В. А. Развитие печати Калмыкии в XX веке. Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2009. 414 с.

Sources

[Full-Text Database of Kalmykia's Newspapers: Khal'mg Ünn]

References

[Deportation of the Kalmyks: How It Was. Kalmyk Deportation: Memorial Book]. Vol. 1. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 262 p. (In Russ.)

[Kalmyk ASSR: Historical Essays. Socialist Era]. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)

[Socialist Construction in Kalmykia: Political and Socio-Economic Aspects]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. 182 p. (In Russ.)

Bayanova A. T., Kadzhiev A. Yu. Newspaper Corpus of the Republic of Kalmykia: Full-Text Database. [Turko-Mongols: Issues of Ethnic History and Culture]. Vol. 5. 2018. Pp. 118–127. (In Russ.)

Bayanova A. T., Kadzhiev A. Yu. Problematics and genre specificity of print media text: summarizing results related to the implementation of the research project 'National Information Resources in Scientific and Cultural Space'. [Kalmyk Scientific Center of the RAS: Annual Readings – VIII]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2019. Pp. 78–83. (In Russ.)

- Bugay N. F. [The Ulusy Operation]. Elista: Zaya Pandita Republican Center for Development of Kalmyk Culture, Science and Education, 1991. 87 p. (In Russ.)
- Dorzhu Z. Yu., Shirap R. O. Kyzyl – the Capital of Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961): social and living conditions of the population. *Oriental Studies*. 2019. No. 4. Pp. 645–660. (In Russ.)
- Gorodovikov B. B. [The Soviets Gather Height]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1984. 224 p. (In Russ.)
- Kozelchuk T. V., Tershukova E. V. Problems of city mundanity in works of archivists: use of documents in the State Archive of Kurgan Oblast revisited. *Vestnik arkhivista*. 2006. No. 4–5. Pp. 36–43. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Return of the Kalmyk people and restoration of autonomy. In: [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 610–641. (In Russ.)
- Nesterova V. L. Women's periodicals of the 19th century as a source on the history of mundanity. *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2013. No. 4. Pp. 34–38. (In Russ.)
- Okonov B. A. Post occupation Kalmykia: patriotism of the younger generation as a factor for the sustainable revival (a content analysis of the *Leninsky Put* newspaper, 1943). *Oriental Studies*. 2018. No. 1. Pp. 69–77. (In Russ.)
- Okonov B. A. Restructuring activities of Kalmykia's executive agencies during the Great Patriotic War: content analysis of materials published by *Leninsky Put* newspaper in 1942–1943. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 5. Pp. 65–73. (In Russ.)
- Sizov S. G. Omsk newspapers as a source on everyday life of Russia's White Capital: June 1918 – November 1919. In: [11th Makushin Readings]. Conf. proc. (Tomsk; May 29–30, 2018.). S. N. Lyutov (ed.). Novosibirsk, 2018. Pp. 364–372. (In Russ.)
- Stoyanov V. A. [Development of Kalmykia's Print Media: 20th Century]. Elista: Dzhangar, 2009. 414 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1119–1144, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1119-1144
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3+ 811.581.11+ 81-112+801.82

Китайская транскрипция монгольских аффрикат в словаре *Дада юй/Бэйлу иуй* (конец XVI – начало XVII в.)

Павел Олегович Рыкин¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-7566-9591. E-mail: pavryk@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья является частью серии статей, посвященных китайско-монгольскому глоссарию *Дада юй* 韃靼語 / *Бэйлу иуй* 北虜譯語 — малоизвестному лексикографическому труду, датируемому между 1567 и 1603 гг. *Цель.* В статье рассматривается китайская транскрипция монгольских аффрикат в связи с проблемой их фонемного статуса и дистрибутивных особенностей в монгольском диалекте словаря, отражающем переходный этап между среднемонгольским и современным монгольским периодами в развитии монгольских языков. В работе также обсуждается влияние на систему транскрипций монгольских аффрикат нескольких стадий фонетического развития китайского языка, таких как: 1) северномандаринское диалектное койне XVI–XVII вв., на основе которого сформировался современный стандартный китайский; 2) т. н. стандартный позднеминский *гуаньхуа* 官話 XV–XVII вв., сложившийся на основе южномандаринских диалектов и обладавший рядом архаичных и диалектно специфичных черт; 3) древнемандаринский — разговорное койне XII–XIV вв., отражавшее произношение столицы династии Юань — г. Даду 大都 (совр. Пекин). *Результаты.* На основе китайской транскрипции в звуковой системе монгольского диалекта словаря выделяются две серии аффрикат: аспирированные ([ʃʰ], [tʰ], [tsʰ]) и неаспирированные ([ʃ], [t], [ts]). Интересной особенностью является наличие глухих аспирированных альвеопалатальных аффрикат *ʃʰ* [ʃʰ] и *ʈʰ* [ʈʰ], которые предположительно развились из более ранних среднемонгольских палатоальвеолярных *č* [ʃʰ] и *č̣* [ʈʰ] перед историческим *i. Что касается *с* [tsʰ] и *з* [ts], они засвидетельствованы только в нескольких лексических единицах и могут рассматриваться как маргинальные аллофоны фонем *č* [ʃʰ] и *č̣* [ʈʰ] соответственно. Автор приходит к выводу, что структуры как аспирированной, так и неаспирированной серий полностью идентичны: каждый из них состоит из базового аллофона ([ʃʰ] vs. [ʃ]) и двух неосновных позиционных аллофонов, один из которых ([tsʰ] vs. [ts]), кроме того, может рассматриваться как маргинальный или проблематичный из-за его крайне ограниченной дистрибуции.

Ключевые слова: китайско-монгольские словари, монгольские языки, среднемонгольский язык, китайский язык, аффрикаты, историческая фонетика, филология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков», проект № 18-012-00611.

Для цитирования: Рыкин П. О. Китайская транскрипция монгольских аффрикат в словаре *Дада юй/Бэйлу юй* (конец XVI – начало XVII в.). *Oriental Studies*. 2019;(6):1119-1144. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1119-1144.

UDC 811.512.3+ 811.581.11+ 81-112+ 801.82

The ‘*Dada yu / Beiluyiyu*’ Glossary (Late 16th – Early 17th Centuries): Chinese Transcriptions of Mongolian Affricates

Pavel O. Rykin¹

¹ Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (9, Tuchkov Str., St. Petersburg 199053, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

ORCID: 0000-0001-7566-9591. E-mail: pavryk@yandex.ru.

Abstract. The present paper is part of a series of articles dealing with the Sino-Mongol glossary *Dada yu* 韃靼語/*Beilu yiyu* 北虜譯語, a little-known lexicographical work dated between 1567 and 1603. The author concentrates on the Chinese transcription of Mongol affricates in connection with the problem of their phonemic qualities and position in the sound system of a transitional late Middle Mongol to early Modern Mongolian dialect as reflected in the glossary. The influence of different historical varieties of Chinese on the glossary’s system of transcriptions is emphasized, such as: (1) the northern koine pronunciation system of the 16th to 17th centuries, or the so-called “Northern Pronunciation” (*beyin* 北音), an ancestor form of Modern Standard Chinese; (2) standard Late Ming *Guanhua* 官話 sound system of the 15th to 17th centuries, or the so-called “Southern Pronunciation” (*nanyin* 南音), based on Nankingese and other Yangtze watershed Mandarin dialects; and (3) Old Mandarin, a spoken koine of the 12th to 14th centuries that reflects the pronunciation used at the Yuan 元 dynasty capital, Dadu 大都 (later to become Peking). On the basis of the Chinese transcriptions, two series of affricates, an aspirated one ([tʃ^h], [tɕ^h], [ts^h]) and an unaspirated one ([tʃ], [tɕ], [ts]), can be identified in the sound system of the Mongol dialect of the glossary. An interesting feature of the latter is the presence of voiceless aspirated alveopalatal affricates *tɕ* [tɕ^h] and *ʈɕ* [tɕ] that may have developed from earlier Middle Mongol palato-alveolars *č* [tʃ^h] and *ǰ* [tʃ] before an original *i. As for *c* [ts^h] and *z* [ts], they are attested in just a few lexical items and may be considered to be marginal allophones of the phonemes *č* [tʃ^h] and *ǰ* [tʃ], respectively. The author comes to the conclusion that the structures of both aspirated and unaspirated series are fully identical: each of them consists of a basic allophone ([tʃ^h] vs. [tʃ]) and two non-basic positional allophones, one of which ([ts^h] vs. [ts]) may furthermore be viewed as marginal or problematic due to its highly restricted distribution.

Keywords: Sino-Mongol glossaries, the Mongolic languages, Middle Mongol, Chinese, affricates, historical phonology, philology

Acknowledgements: This paper was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-012-00611).

For citation: Rykin P. O. The ‘*Dada yu / Beiluyiyu*’ Glossary (Late 16th – Early 17th Centuries): Chinese Transcriptions of Mongolian Affricates. *Oriental Studies*. 2019;(6):1119-1144. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1119-1144.

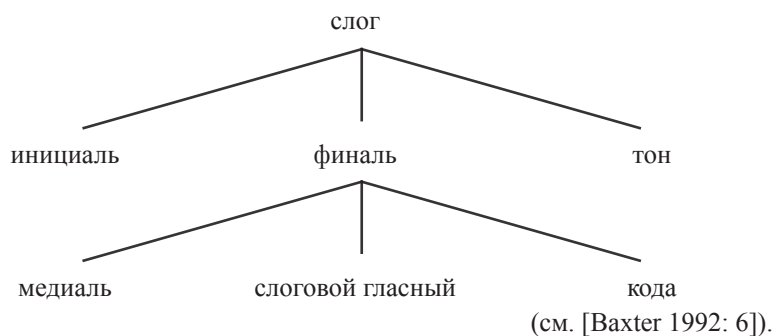
Введение

Настоящая статья продолжает мою серию работ, посвященных исследованию малоизвестного памятника китайско-монгольской лексикографии эпохи династии Мин — словаря *Дада юй 韃靼語/Бэйлу иуэй 北虜譯語* (между 1567 и 1603) (далее — DY). На сегодняшний день мной опубликовано несколько статей, содержащих общие сведения о текстологии памятника, проблемах его датировки и места составления, а также освещающих некоторые аспекты его языковой системы [Рыкин 2007; Рыкин 2012; Рыкин 2013а; Рыкин 2013б; Rykin 2012; Rykin 2015; Rykin 2016; Rykin 2018а; Rykin 2018b]. Отдельные вопросы изучения монгольского материала словаря рассматриваются также в статьях Э. Шимунека [Shimunek 2014] и А. Б. Апатощко [Apatóczyk 2018]. В данной работе речь пойдет о китайской транскрипции мон-

гольских аффрикат в связи с вопросом об их фонологической характеристике и месте в звуковой системе монгольского диалекта DY, отражающего переходный этап между среднемонгольским и современным монгольским периодами в развитии монгольских языков.

Поскольку монгольская лексика в словаре транскрибирована китайскими иероглифами, ее фонетическая реконструкция должна исходить из структуры китайского слога, который традиционно разделяется на три основные части: *инициаль* (начальный согласный), *финаль* (сегменты, следующие за инициальной) и *тон*; в свою очередь, в составе финали выделяются *слоговой гласный* (ядерный элемент слога), *медиа́ль* (сегменты финали, предшествующие слоговому гласному), и *кода* (конечный согласный слога). Строение слога в китайском языке наглядно представлено на схеме (1):

(1)

Кроме того, при реконструкции монгольских форм словаря необходимо учитывать три исторических разновидности китайского языка:

1) северномандаринское диалектное койне XVI–XVII вв. — т. н. «северное произношение» (*бэйинь* 北音), на основе которого сформировался современный стандартный китайский (ср. [Coblin 2007b: 23–72]);

2) т. н. стандартный позднеминский *гуаньхуа* 官話 (далее — ПМГХ) — разговорное койне XV–XVII вв., сложившееся на основе южномандаринских диалектов, или «южного произношения» (*наньинь* 南音), и обладавшее рядом архаичных и диалектно специфичных черт;

3) древнемандаринский — разговорное койне XII–XIV вв., отражавшее произноше-

ние столицы династии Юань — г. Дадун 大都 (совр. Пекин).

Каждая из этих разновидностей оказала определенное влияние на систему транскрипций монгольской лексики в DY (подробнее см. [Рыкин 2013а; Rykin 2012])¹.

В структурном отношении китайская языковая система словаря весьма близка к корейским транскрипциям китайского языка XV–XVI вв., которые следует рассматривать не «как точное отображение гомогенной фонетической системы какого-то одного мандаринского варианта, а скорее как сплав разных систем, изобилующих вариантными чтениями, обусловленными либо диалектным смешением, либо внутренним развитием» [Kim 1991: 288] (здесь и далее переводы с английского выполнены автором. — П. Р.).

Монгольские сегменты в инициальной (начало слога/слова) и финальной (исход слога/слова) позиции в словаре передаются по-разному, однако в силу фонотактического запрета на финальное употребление аффрикат в диалекте DY (как и в среднемонгольском языке в целом) нами будет рассматриваться только их транскрипция в начале слова или слога.

Изучение принципов китайской транскрипции DY в сопоставлении с данными других синографических памятников и прочих источников по среднемонгольскому языку (прежде всего текстов на квадратной письменности, отличавшейся особой точностью в передаче фонетических реалий) приводит к выводу о том, что монгольские взрывные и аффрикаты в монгольском диалекте словаря представляли собой две серии глухих согласных, которые противопоставлялись между собой в рамках параметра времени начала озвончения по признаку наличия/отсутствия аспирации (ср. [Svantesson et al. 2005: 119–120]). Однако в приводимых ниже реконструкциях монгольских форм мы следуем давно сложившейся в монголоведении традиции транскрибировать глухие неаспираторные знаками для звонких согласных, а глухие аспираторные — знаками для глухих согласных. Такая традиция уходит корнями

в XIX в. и базируется на устаревших представлениях об устройстве звуковых систем монгольских языков, которые были кодифицированы в рамках системы т. н. академической транскрипции монгольских текстов. Не желая отступать от этой системы, привычной и понятной большинству монголоведов, мы тем не менее во избежание недоразумений параллельно используем транскрипцию символами Международного фонетического алфавита (далее — МФА), в которой особенности фонетики монгольского диалекта DY (далее — МЯД) отображаются настолько точно, насколько это возможно сделать исходя из анализа способов их передачи с помощью китайских иероглифов.

Основная часть

1. Аспираторные аффрикаты

1.1. Кит. ch $[tʂʰ]$ = монг. $č$ $[tʂʰ]$

Китайская² глухая аспираторная ретрофлексная аффриката $[tʂʰ]$ используется в транскрипции 55 надежно реконструируемых³ лексических основ DY общемонгольского происхождения, в 23 из них — в начале слова (анлауте) (2a), в 32 — внутри слова (в инлауте) (2b). Это самый частотный из всех аффрикативных согласных, употребляющихся в словаре.

(2) Примеры употребления аффрикаты $[tʂʰ]$ в транскрипциях монгольской лексики

(a) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
1	叉/插汗	chā hàn	<i>čaxān</i>	$[tʂʰaxa:n]$	‘белый’
2	插兒	chā ér	<i>čar</i>	$[tʂʰar]$	‘наст’
3	叉牙	chā yá	<i>čaya</i>	$[tʂʰaja]$	‘скорпион’
4	扯林兒	chě lín ér	<i>čelir</i>	$[tʂʰelir]$	‘мотыга’
5	掣計	chè jì	<i>čēdzi</i>	$[tʂʰe:tei]$	‘грудь’
6	扯/赤勞	chě/chì láo	<i>čilau</i>	$[tʂʰilau]$	‘камень’
7	赤納	chì nà	<i>čina-</i>	$[tʂʰina]$	‘варить’
8	勑訥/赤納	chì nuò/chì nà	<i>čino</i>	$[tʂʰino]$	‘волк’
9	稱	chēng	<i>čing</i>	$[tʂʰin]$	‘честный’
10	喘計	chuǎn jì	<i>čondzi</i>	$[tʂʰontei]$	‘окно’

¹ В статье термин «китайский» используется как сокращенное обозначение современного стандартного китайского. Формы, близкие к современному стандартному китайскому произношению или к предшествовавшему ему северномандаринскому диалектному койне, наиболее часто встречаются в транскрипциях монгольской лексики словаря, как показано в [Рыкин 2013а; Rykin 2012].

² Эта оговорка важна, поскольку некоторая часть лексического материала DY в силу ошибок транскрипции и наличия неизвестных по другим источникам форм может быть реконструирована лишь на гипотетической основе; такой материал здесь исключается из рассмотрения.

11	戳該	chuō gāi	čögei	[ʧʰokei]	‘шершень’
12	膳不兒	chǔn bù ér	čulbūr	[ʧʰolpɔ:r]	‘корда’

(b) В инлаутной позиции

13	阿赤喇	ā chì lǎ	a[b]čira-	[apʧʰira]	‘приносить’
14	補兒插	bǔ ér chā	burča[ɣ]	[porʧʰak]	‘бобы; горох; соя’
15	插兒察	chā ér chá	čarčā	[ʧʰarʧʰa:]	‘саранча’
16	扯扯	chě chě	čěčē[g]	[ʧʰetʧʰek]	‘цветок’
17	扯克掣	chě kè chè	čökeče	[ʧʰokʰetʧʰe]	‘чашка, чарка’
18	額朝	é cháo	e[b]čēü	[epʧʰeu]	‘грудинка’
19	影吉兒叉	yǐng jí ér chā	iŋgirča[ɣ]	[iŋkirʧʰaq]	‘голый остов седла’
20	苦徹	kǔ chè	küčē	[kʰuʧʰe:]	‘горлица’
21	苦兒徹	kǔ ěr chè	külče-	[kʰulʧʰe]	‘ждать, ожидать’
22	陌趣	mò chèn	möčün	[moʧʰin]	‘созвездие’
23	我綽都兒	wǒ chuò dū ěr	öčö[g]dür	[oʧʰoktur]	‘вчера’
24	五出漢	wǔ chū hàn	üčüxen	[uʧʰuxen]	‘мелкий’

Встает вопрос о том, сегменты какого качества в DY передавались с помощью китайских слогов с инициальной [tʂʰ-]. Основную сложность здесь представляет характеристика этих сегментов по месту образования. Можно было бы предположить, что китайская транскрипция в точности отображает дифференциальные признаки соответствующего монгольского сегмента, который в таком случае также должен получить ретрофлексную интерпретацию. Ретрофлексные аффрикаты в качестве регулярных рефлексов протомонгольских *č и *j встречаются в таких современных монгольских языках, как дунсянский [Liu Zhaoxiong 1981: 12; Böke 1986: 52; Nugteren 2011: 218] и мангуэр (в последнем только перед гласными непереднего ряда) [Slater 2003: 45–48; Nugteren 2011: 218],

однако в силу существенных различий между МЯД и этими двумя языками, в частности в структурном устройстве подсистемы аффрикат и дистрибуции ее отдельных элементов, данный аргумент не может иметь решающего значения. Скорее, напрашивается вывод о близости или даже полном тождестве обсуждаемого сегмента аффрикате č, широко представленной в языке среднемонгольских памятников XIII–XIV вв. Об этом свидетельствует сопоставление транскрипций монгольских слов, содержащих эту аффрикату, в DY и более ранних синографичных памятниках, самыми известными из которых являются «Тайная история монголов» (SHM) и словарь Хуай иуэй 華夷譯語 1389 г. (HY), отличавшиеся особой точностью в передаче среднемонгольской фонетики (3).

(3) DY č = SHM/HY č

(a) В анлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
1	叉/插汗	čaxān	察罕/察罕	čaqān
16	扯扯	čěčē[g]	扯扯	čěček
7	赤納	čina-	赤納	čina-

(b) В инлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
14	補兒插	burča[ɣ]	卜兒察	burča
18	額朝	e[b]čēü	額, 扯兀	ebče'ü
24	五出漢	üčüxen	兀出干	üčügen

Конечно, обе системы транскрипций различаются как субстанциально, в силу отличий отображаемых ими фонологических систем, так и формально — в DY отсутствуют диакритические знаки, характерные для SHM и HҮ, и число транскрипционных иероглифов для записи монгольских слогов с начальным *č* (17) существенно меньше, чем в обоих этих памятниках (в SHM — 39, в HҮ — 25⁴), в которых, кроме того, развитая аллография может иметь семантическую мотивировку [Lewicki 1949: 51; Hattori 1957: 70; Hattori 1976: 268–269; Dava 1990: 20–25; Кузьменков 1993: 298–300; Mostaert 1999: 232–233], совершенно не прослеживаемую в системе DY⁵. Однако при этом они совпадают в том, что при передаче монгольского *č*-ими используются иероглифы для слогов с аспираторной ретрофлексной инициальной [tʂʰ-], которая, судя по всему, имела такое же произношение в древнемандаринском [Pulleyblank 1991: 9; Coblin 2007a: 42, 77]⁶ и ПМГХ [Coblin 1997: 263–264, 269–271; Coblin 2000: 272, 280]. Отождествление обозначаемого этими иероглифами монгольского сегмента вызывает определенные затруднения, так как фонетическая интерпретация китайских транскрипций и квадратного письма, не говоря уже об арабографических памятниках среднемонгольского языка, в данном случае далеко не однозначна [Rykin 2014:

426–427]. Вероятно, наиболее приемлемой следует считать палатоальвеолярную трактовку этого сегмента (т. е. *č* = [tʃʰ]), которая традиционно предлагается многими исследователями, судя по всему, исключительно на основе экстраполяции произношения его рефлексов в большинстве современных монгольских языков и диалектов (см., напр. [Poppe 1955: 110–111, 114–115; Songqor 1996: 60–62; Garudi 2001: 225–228; Qasardeni et al. 2008: 114–115]).

Приведенные в (2) примеры фонетической реконструкции монгольских слов с аффрикатой *č* также исходят из ее палатоальвеолярной интерпретации. Таким образом, использование слогов с ретрофлексными инициалами в транскрипциях данного класса может быть связано с отсутствием палатоальвеолярной серии согласных в фонетической системе китайского языка, а значит, здесь мы имеем дело с *принципом слабой фонетической субституции*, при котором китайский и монгольский сегменты различаются по какому-то одному дифференциальному признаку (подробнее см.: [Рыкин 2013a: 45–46; Rykin 2012: 329–331]). В данном случае происходит субституция по месту образования: [палатоальвеолярный] → [ретрофлексный].

Всего в DY выделяется 15 типов слогов с начальным *č*, обозначаемых с помощью 17 транскрипционных иероглифов (4).

(4) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального *č* [tʃʰ]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ ⁷	Число употреблений	Номера примеров
<i>ča</i> [tʃʰa]	1) 叉	[tʂʰa1]	[tʂʰa] P, C [tʂʰaj] C		18	1, 3
	2) 插	[tʂʰa1]	[tʂʰa] P		10	1, 2
<i>čā</i> [tʃʰa:]	察	[tʂʰa2]	[tʂʰa] P, C		1	15

⁴ Статистические данные приводятся по работам [Hattori 1946: 118–119, 139–140; Hattori 1973: 40–41; Lewicki 1949: 29–50; Dava 1990: 65–68; Qasbayan-a 1996: 469–470; Burigude 2012: 143–144, tab. 14], где опубликованы списки транскрипционных иероглифов, встречающихся в SHM и HҮ.

⁵ Ср., в частности, чередования знаков в транскрипции одних и тех же монгольских слов: 叉汗 *chā hàn* ~ 挿汗 *chā hàn* = монг. *čaxān* ‘белый’ (№ 1), 扯劳 *chě láo* ~ 赤劳 *chì láo* = монг. *čilau* ‘камень’ (№ 6).

⁶ Впрочем, существует альтернативная трактовка этого древнемандаринского аффрикативного сегмента как альвеопалатального, принятая, в частности, в работах [Cheng Tsai Fa 1985: 83; Norman 1988: 50].

⁷ Пробелы в этой графе означают отсутствие данных для соответствующих иероглифов в работах [Coblin 1997, 2000], на которые я опираюсь.

<i>ča</i> [ɣ] [ʃ ^h aq]	1) 叉	[tʂ ^h a1]	[tʂ ^h a] P, C [tʂ ^h aj] C		1	19
	2) 插	[tʂ ^h a1]	[tʂ ^h a] P		1	14
<i>če</i> [ʃ ^h e]	1) 扯	[tʂ ^h ɤ3]	[tʂ ^h ɛ] P		3	4, 16
	2) 掣	[tʂ ^h ɤ4]	[tʂ ^h ɛ] P [tʂ ^h jɛ] C		1	17
<i>čē</i> [ʃ ^h e:]	1) 掣	[tʂ ^h ɤ4]	[tʂ ^h ɛ] P, [tʂ ^h jɛ] C		1	5
	2) 徹	[tʂ ^h ɤ4]	[tʂ ^h ɛ] P [tʂ ^h jɛ] C [tʂɛ] P [tʂjɛ] C		1	20
<i>čē</i> [g] [ʃ ^h ek]	扯	[tʂ ^h ɤ3]	[tʂ ^h ɛ] P		1	16
<i>čei</i> [ʃ ^h eu]	朝	[tʂ ^h au2]	[tʂ ^h ɛw] P [tʂɛw] P, C [dzɛw] C		1	18
<i>či</i> [ʃ ^h i]	1) 赤	[tʂ ^h z4]	[tʂ ^h i] P, C		34	6–8, 13
	2) 扯	[tʂ ^h ɤ3]	[tʂ ^h ɛ] P		2	6
	3) 勑	[tʂ ^h z4]	[tʂ ^h i] P, C		1	8
<i>čin</i> [ʃ ^h in]	趣	[tʂ ^h ən4]	[tʂ ^h in] P, C		2	22
<i>čij</i> [ʃ ^h in]	稱	[tʂ ^h ən1]	[tʂ ^h in] P, C		1	9
<i>čon</i> [ʃ ^h ən]	喘	[tʂ ^{hw} æn3]	[tʂ ^h wɛn] P [tʂ ^h yɛn] C		1	10
<i>čō</i> [ʃ ^h o]	1) 扯	[tʂ ^h ɤ3]	[tʂ ^h ɛ] P		1	17
	2) 戳	[tʂ ^{hw} o1]	[tʂ ^h waw] P		1	11
<i>čō</i> [g] [ʃ ^h ok]	綽	[tʂ ^h wo4]	[tʂ ^h ɛw] P, C		1	23
<i>čul</i> [ʃ ^h ol]	膳	[tʂ ^{hw} ən3]	?		1	12
<i>čü</i> [ʃ ^h u]	出	[tʂ ^{hw} u1]	[tʂ ^h y] P, [tʂ ^h uɛ] C	[tʂ ^h o?] [tʂ ^h u?]	2	24

Приведенные в (4) соответствия между монгольскими сегментами и транскрипционными иероглифами достаточно тривиальны, за исключением отдельных случаев. Так, частотный слог *či* транскрибируется в словаре с помощью трех иероглифов — 赤 [tʂ^hz4], 扯 [tʂ^hɤ3] и 勑 [tʂ^hz4], ни один из которых, в сущности, не отображает монгольский конечный согласный с достаточной степенью точности. В истории китайского языка наблюдается отчетливая тенденция к устранению гласных переднего ряда верхнего подъема в позиции после ретрофлексных согласных. И если в древнемандаринском финаль [-i] еще могла сочетаться с некоторыми (но не всеми!) типами ретрофлексных инициалей, то в современном стандартном китайском после дентоальвеолярных и ретрофлексных такие финали не встречаются вообще, развившись в т. н. слоговые согласные или, в другой трактовке, апиальные гласные [Pulleyblank 1984: 25; San Duanmu 2007: 34–35]. ПМГХ демонстрирует некий промежуточный этап в эволюции сочетаний ретрофлексных с гласными переднего ряда

верхнего подъема, так как в этой позиции там фиксируется чередование [-i] с апиальным [-ɿ], которые, впрочем, в источниках вообще слабо различаются [Coblin 1997: 267–268; Coblin 2000: 299–300]. В силу проблематичного статуса финали [-i] при передаче монгольского слога *či* в ДУ использовались знаки для слогов либо с конечным [-z], либо с конечным [-ɿ] — одним из аллофонов фонемы /ə/ в современном стандартном китайском.

Представляет интерес также употребление иероглифа 喘 [tʂ^{hw}æn3] для транскрипции слога *čon*, которое, по-видимому, также связано с особенностями фонетической системы ПМГХ. В стандартном китайском финали типа *[-ən] являются недопустимыми, в отличие от ПМГХ, где [-ən] ~ [-uən] часто соответствует современным сочетаниям слогового гласного нижнего подъема с кодой [n] и лабиальным глайдом [w] в качестве медиали [Coblin 1997: 278]. Такой же способ использования слогов с современной финалью [-wæn] встречается и в китайских транскрипциях чжурчжэньской

лексики конца XV – начала XVI в. [Kane 1989: 101]. Кроме того, обращает на себя внимание транскрипция слога *цэ* иероглифами с на первый взгляд довольно сильно различающимися чтениями 扯 [tɕʰɿ3] и 戮 [tɕʰwɔ1]. Здесь следует отметить, что [ɿ] и [o] в современном стандартном китайском являются аллофонами одной гласной фонемы среднего подъема /э/, которая в большинстве контекстов, в том числе после ретрофлексных согласных, реализуется как [ɿ], но после глайда [w] имеет своим вариантом только [o] [Chen 1976: 146–148; San Duanmu 2007: 37–38, 51–52, 65–66, 69–70]. Соответственно, чтобы передать монгольский [ø] после палатоальвеолярного [tʃʰ], китайцы вынуждены были использовать или слоги с финалью [-ɿ], или слоги с финалью [-wɔ]. Оба варианта, разумеется, не вполне адекватно отображали реальное монгольское произношение.

1.2. Kum. q [tɕʰ] = монг. tɕ [tɕʰ]

DY содержит определенное число примеров использования китайской глухой аспирированной альвеопалатальной аффрикаты [tɕʰ] (< др.-манд., ПМГХ [kʰ] ~ [tɕʰ]) в транскрипциях монгольской лексики. Эти примеры распадаются на две группы: 1) кит. q [tɕʰ] = монг. k [kʰ], т. е. употребления аффрикаты [tɕʰ] в соответствии с ее древнемандаринским и ПМГХ произношением для передачи монгольского велярного смычного (о них см.: [Рыкин 2012: 102–105]); 2) кит. q [tɕʰ] = монг. tɕ [tɕʰ], т. е. употребления аффрикаты [tɕʰ] в соответствии с ее стандартным китайским произношением для передачи монгольского аффрикативного сегмента⁸. Здесь будет рассматриваться только вторая группа примеров. Эту группу образуют употребления [tɕʰ] в 18 надежно реконструируемых общемонгольских лексических основах, в 2 из которых в анлаутной позиции (5a), в 16 — в инлаутной (5b).

(5) Примеры употребления аффрикаты [tɕʰ] в транскрипциях монгольской лексики (a) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
25	恰	qià	tɕa[ɣ]	[tɕʰak]	‘время; период’
26	千	qiān	tɕen	[tɕʰen]	‘род журавля’

(b) В инлаутной позиции

27	迭氣	dié qì	dōtei	[toteʰi]	‘сорок’
28	滅乞	miè qǐ	metei	[meteʰi]	‘обезьяна’
29	陌乞	mò qǐ	mōtei	[moteʰi]	‘созвездие’
30	我克氣	wǒ kè qì	ōketei	[okʰeteʰi]	‘старшая сестра’
31	他不氣	tā bù qì	tobtei	[tʰɔpteʰi]	‘пуговица’
32	眼乞	yǎn qǐ	yantei-	[janteʰi]	‘бить, ударять’

Фонологическая характеристика реализуемого в этих примерах монгольского сегмента требует специальных пояснений. Высказанное мной ранее предположение, что речь идет об одном из способов обозначения палатоальвеолярного [tʃʰ] [Rykin

2012: 325; Рыкин 2013а: 42], не может быть признано вполне убедительным, так как система транскрипций DY ожидаемо действует в этих целях слоги с ретрофлексной инициальной [tɕʰ-] (см. 2.1). Так, для всех типов слогов, записываемых с началь-

⁸ Согласно наблюдениям У. С. Коблина, «в стандартном бэйиньском (т. е. северномандаринском. — П. Р.) произношении ок. 1600 г. палатализация гуттуральных перед гласными переднего ряда верхнего подъема еще не произошла. Это, конечно, не означает, что такая палатализация не присутствовала в каком-либо региональном северном идиоме того времени (выделено мной. — П. Р.). Это лишь показывает, что палатализация, если она вообще имела место, не рассматривалась как стандартный признак северного диалектного койне» [Coblin 2007b: 52]. Данная группа монгольских транскрипций словаря, скорее всего, отражает именно какой-то региональный инновативный вариант северномандаринского койне, по этому признаку очень близкий к современному стандартному китайскому.

ным [tɕ^h-]⁹, в словаре имеются соответствия с инициальным [tɕ^h-], которые наверняка и были бы использованы в том случае, если бы требовалось передать монгольскую палатоальвеолярную аффрикату [tɕ^h]. Коль скоро в одинаковых контекстах применяются знаки двух разных классов, значит, они с большой долей вероятности скрывают за собой разные фонетические реалии. По-видимому, в данном случае китайские слоги с инициалью [tɕ^h-] служат для передачи монгольских слогов с глухой аспирированной альвеопалатальной аффрикаторой [tɕ^h], которая встречается во многих современных монгольских

языках и диалектах, таких как халхаский, дагурский и ордосский (подробнее см. [Rykin 2014: 427, note 2]). Следовательно, можно утверждать, что ее транскрипция в ДУ исходит из принципа фонетической идентичности, при котором китайский и монгольский сегменты полностью совпадают по своим характеристикам (см.: [Rykin 2012: 328–329; Рыкин 2013а: 44]).

Реконструируемая мной для МЯД аффриката *tɕ* [tɕ^h] соответствует стандартному палатоальвеолярному *č* [tɕ^h] языка китайско-монгольских памятников XIII–XIV вв., как это видно из (6).

(6) ДУ *tɕ* = SHM/HY *č*

(a) В анлаутной позиции

ДУ			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
25	恰	<i>tɕa</i> [ɣ]	察黑	<i>čaq</i>

(b) В инлаутной позиции

ДУ			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
27	迭氣	<i>dōtɕi</i>	朵臣 / 朵嗔	<i>dōčīn</i>
28	滅乞	<i>metɕi</i>	別嗔	<i>bečīn</i>
30	我克氣	<i>ōketɕi</i>	額格赤	<i>egeči</i>
32	眼乞	<i>yantɕi-</i>	札赤	<i>janči-</i>

Таким образом, в SHM и HY аффрикативные согласные примеров (2) и (5) транскрибируются единообразно, и это дает возможность сделать вывод о том, что сегмент *tɕ* в МЯД является сравнительно поздним вариантом общесреднемонгольского *č* (< ПМ *č), возникшим в особых фонетических условиях. Что это были за условия, легко установить на основе дистрибуции данного сегмента в тексте памятника.

В подавляющем большинстве случаев (16 из 18 лексических основ) *tɕ* встречается в слогах с центральной (слоговым гласным) [i] и нулевой кодой, в которых, по всей вероятности, он развился из *č под палатализирующим воздействием последующего *i. В двух оставшихся основах с анлаутным *tɕ*, по-видимому, уже в протомонгольском наблюдалось чередование гласных *a ~ *i (7a) или *e ~ *i (7b):

- (7) а. *tɕa*[ɣ] ‘время; период’ (№ 25), ср. письм.-монг. *čay* [L: 156b], письм.-ойр. *saq* [MOM, III: 620a], халх. *ts^hak* [BAMPC, IV: 242a], орд. *ɣ^hak* [DO: 690a], хорч. *jak* [MYUC: 556], бур. *sag* [BPC, II: 1316], ст.-барг. *sag* [BAÜ: 152], хам. *ts^hak* [J: 93; Y: 110], калм. *ts^hag* [KWb: 419a], ш.-юг. *ɣ^hak* [JYKÜ: 133], мнгл. *tɕ^haq* [MKÜ: 202], дунс. *ts^ha* [Liu Zhaoxiong 1981: 120] < *čag, но даг. *ɣ^hekⁱ* [DKÜ: 297], ш.-юг. *ɣ^hek* ‘час; время’ [JYKÜ: 135], мнгр. *ts^hɣq ~ ts^hɣ:* [Č: 385, 391], орд. *ɣ^hik* ‘отрезок времени, сеанс’ [DO: 701a] < *čig;

⁹ Кроме слога *teen* (см. № 26), который, впрочем, мог бы альтернативно обозначаться, например, знаком 趣 [tɕ^hən4], применяемым для транскрипции монг. *čīn*.

b. *teen* ‘род журавля’ (№ 26), ср. письм.-ойр. *sen* ‘лебедь, небольшой аист’ [МОН, III: 622a], халх. *ts^hij* [БАМПС, IV: 288a], бур. *sen* ‘лебедка, лебедица’ [БРС, II: 209a], калм. *ts^hen* ‘молодой лебедь (?)’; белый аист’ [KWb: 427a] < *čen, но письм.-монг. *čin* ‘чайка’ [L: 186b], халх. *ʃ^hij* ‘разновидность аиста’ [БАМПС, IV: 315a] < *čin.

В целом сегмент *te* [te^h] в МЯД с фонологической точки зрения допустимо рассматривать не как самостоятельную фонему, а как факультативный вариант (аллофон) фонемы *č* /ʃ^h/ в позиции перед *i. Об этом сви-

детельствует, в первую очередь, отсутствие смысловоразличительного противопоставления [ʃ^h] и [te^h], а также пример их чередования в одной и той же лексической основе (8):

(8) *möčin* (№ 22) ~ *mötei* (№ 29) ‘созвездие’ < *möči/n ‘id.’

Три типа монгольских слогов с начальным *te*- обозначаются в ДУ с помощью 4

транскрипционных иероглифов. Таблицу соответствий см. в (9).

(9) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального *te* [te^h]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ	Число употреблений	Номера примеров
<i>tea</i> [ɣ] [te ^h aɣ]	恰	[te ^h a4]	[k ^h ja] P, C		2	25
<i>teen</i> [te ^h en]	千	[te ^h æn1]	[ts ^h jen] P, C		1	26
<i>tei</i> [te ^h i]	1) 氣	[te ^h i4]	[k ^h i] P, C	[k ^h i]	11	27, 30, 31
	2) 乞	[te ^h i3]	[k ^h i] P, C		5	28, 29, 32

С учетом сказанного выше, данные соответствия являются вполне закономерными и ожидаемыми.

1.3. Kum. c [ts^h] = монг. c [ts^h]

Особую и крайне немногочисленную категорию в транскрипционной системе ДУ образуют употребления китайской глухой аспирированной дентальной аффрикаты [ts^h]. Слоги с такой инициальной использова-

ны в транскрипции всего двух лексических основ, одна из которых, часто встречающаяся в различных географических названиях, к тому же не является общемонгольской (*caiġa* ‘крепость’ ← кит. *zhàizi* 寨子 ‘укрепленный пункт; поселение (деревня), обнесенное частоколом’ [БКРС, III: № 9032]) (10a), а внутри слова они не употребляются вообще (10b).

(10) Примеры употребления аффрикаты [ts^h] в транскрипциях монгольской лексики

(a) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
33	才	cái	<i>cai-</i>	[ts ^h ai]	‘рассветать’
34	採着	cǎi zhe	<i>caiġa</i>	[ts ^h aiġa]	‘крепость’

(b) В инлаутной позиции: — .

Идентификация обозначаемого в (10) монгольского сегмента также связана с определенными трудностями, обусловленными прежде всего его весьма ограниченной дистрибуцией. Данный аффрикативный сегмент употребляется в начале слова исключительно перед дифтонгом (или

дифтонгоидной последовательностью) [ai] и находится в строго дополнительном распределении как с [ʃ^h], так и с [te^h] (слоги *čai и *teai в ДУ отсутствуют). Слоги подобной структуры вообще нетипичны для языка китайско-монгольских словарей XVI – начала XVII в.; так, например, в словаре *Июй* 譯語

из сочинения Ван Минхэ 王鳴鶴 *Дэнтань бицзю* 登壇必究 (1599), исследованном А. Б. Апаточким, они в принципе не засвидетельствованы [Apatóczy 2009: ch. 8]. А в более ранних китайско-монгольских памят-

никах, судя по (11), они должны были соответствовать двусложным образованиям с интервокальным глайдом [j] и палатоальвеолярным $\check{c}$ [tʃʰ] в анлауте.

(11) $DY\ c = SHM/HY\ \check{c}$

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
33	才	<i>cai-</i>	察亦	<i>čay-</i>

По существу, у нас имеются основания либо усматривать в примерах класса (10) окказиональную передачу одного из двух выделенных ранее аффрикативных согласных ([tʃʰ] или [tʃʰ]), либо признавать определенную самостоятельность соответствующего сегмента и утверждать, что он может реализовываться только в одном конкретном фонетическом окружении. Мы склоняемся ко второму варианту трактовки, хотя и

не отрицаем произвольность нашего выбора. Соответственно, мы условимся считать c [tsʰ] маргинальным аллофоном фонемы $\check{c}$ /tʃʰ/, возникшим в результате нерегулярной депалатализации исконного * $\check{c}$ в начале слова перед * ay > [ai].

В таблице (12) представлены два иероглифа, задействованные в транскрипции монгольского слога *cai*.

(12) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального c [tsʰ]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ	Число употреблений	Номера примеров
<i>cai</i> [tsʰai]	1) 採	[tsʰai3]	[tsʰaj] P, C		23	34
	2) 才	[tsʰai2]	[tsʰaj] P, [dzaj] C		1	33

2. Неаспирированные аффрикаты

2.1. *Kum. zh* [tʃ] = монг. $\check{j}$ [tʃ]

Глухая неаспирированная ретрофлексная аффриката [tʃ] встречается в китайских транскрипциях 33 надежно рекон-

струируемых общемонгольских лексических основ DY, в 15 из них в анлауте (13a), в 18 — в инлауте (13b). Данная аффриката является самой употребительной среди аффрикативных согласных неаспирированной серии.

(13) Примеры употребления аффрикаты [tʃ] в транскрипциях монгольской лексики (а) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
35	扎案	zhā àn	<i>ja'an</i>	[tʃa.an]	‘слон’
36	召	zhào	<i>jau</i>	[tʃao]	‘сто’
37	只苔	zhǐ dā	<i>jida</i>	[tʃita]	‘копье’
38	准卜喇	zhǔn bǔ lǎ	<i>jumbura</i>	[tʃompura]	‘суслик’
39	諄	zhūn	<i>jun</i>	[tʃon]	‘лето’
40	住魯忽	zhù lǔ hū	<i>juruχ</i>	[tʃorox]	‘рисунок’
41	主兒宸	zhǔ ér wā	<i>jurwā</i>	[tʃorwa:]	‘шесть’
42	主薛	zhǔ xiē	<i>jūse</i>	[tʃuse]	‘продолжительный дождь’

(b) В инлаутной позиции

43	採着	cǎi zhe	<i>caiṣa</i>	[tsʰaiʈʂa]	‘крепость’
44	眼只个	yǎn zhǐ gè	<i>elṣige</i>	[elʈʂike]	‘осел’
45	爪宅	zhǎo zhái	<i>ṣauṣai</i>	[ʈʂaʊʈʂai]	‘удила; мундштук’
46	我着害	wǒ zhuó hài	<i>oṣoḥoi</i>	[ʊʈʂɔḥoi]	‘пенис’
47	失兒喇 ¹⁰ 真	shī ér lǎ (hā) zhēn	<i>širḥa[l]ṣin</i>	[ʃirxalʈʂin]	‘муравей’
48	討兒召	tǎo ér zhào	<i>tōrjo[ɣ]</i>	[tʰɔ:rʈʂɔk]	‘шапочка’
49	兀者/折	wù zhě/zhé	<i>üṣe-</i>	[uʈʂe]	‘смотреть; видеть’
50	兀軸兒	wù zhú ér	<i>üṣür</i>	[uʈʂu:r]	‘кончик’

По причинам, которые изложены в разделе 1.1, мы склонны отождествлять реализуемый в этих примерах монгольский сегмент с глухой неаспирированной палатально-альвеолярной аффрикатой [ʈʂ], которая обозначается в (13) традиционным для академической транскрипции символом *ṣ*. В DY ее

передача закономерно осуществляется при помощи китайских слогов с ретрофлексной инициальной [ʈʂ-] (< др.-манд., ПМГХ [ʈʂ-]) по принципу слабой фонетической субституции. Такой же способ обозначения монгольского *ṣ* применяется в текстах более раннего периода, в частности, в SHM и HY (14).

(14) DYṣ = SHM/HYṣ

(a) В анлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
35	扎案	<i>ṣa'an</i>	札安	<i>ṣa'an</i>
37	只荅	<i>ṣida</i>	只荅	<i>ṣida</i>
38	准卜喇	<i>ṣumbura</i>	竹木 ^ṣ 瀾	<i>ṣumuran</i>
42	主薛	<i>ṣüse</i>	主薛	<i>ṣüse</i>

(b) В инлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
44	眼只个	<i>elṣige</i>	額里只干	<i>elṣigen</i>
47	失兒喇真	<i>širḥa[l]ṣin</i>	石 ^ṣ 羅 ^ṣ 罕真	<i>široqalṣin</i>
49	兀者/折	<i>üṣe-</i>	兀者	<i>üṣe-</i>
50	兀軸兒	<i>üṣür</i>	兀主兀兒	<i>üṣü'ür</i>

Как демонстрирует приведенная в (15) обобщающая таблица, 13 типов монгольских слогов с начальным *ṣ*-транскрибиру-

ются 15 различными китайскими иероглифами.

(15) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального *ṣ* [ʈʂ]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ	Число употреблений	Номера примеров
<i>ṣa</i> [ʈʂa]	1) 着	[ʈʂau2], [ʈʂɔ0]	[ʈʂew] P, C [dzew] C [ʈʂɔ] P		23	43
	2) 扎	[ʈʂa1]	?		6	35
<i>ṣai</i> [ʈʂai]	宅	[ʈʂai2]	[ʈʂaj] P [dzaj] C	[ʈʂeʔ]	1	45

¹⁰ 喇 *lǎ* ошибочно вместо 哈 *hā*.

<i>jau</i> [tʃau]	1) 召	[tʃau4]	[tʃew] P [dzew] C [zew] C		3	36
	2) 爪	[tʃau3]	[tʃaw] P, C		1	45
<i>je</i> [tʃe]	1) 者	[tʃɤ3]	[tʃia] P [tʃje] C	[tʃe]	3	49
	2) 折	[tʃɤ2]	[tʃe] P [tʃje] C		1	49
<i>ji</i> [tʃi]	只	[tʃzɤ3]	[tʃi] P [tʃi] C		28	37, 44
<i>jin</i> [tʃin]	1) 真	[tʃən1]	[tʃin] P, C	[tʃin]	2	47
<i>jo</i> [tʃɔ]	着	[tʃau2], [tʃɤ0]	[tʃew] P, C [dzew] C [tʃɔ] P		2	46
<i>jo</i> [ɣ] [tʃɔk]	召	[tʃau4]	[tʃew] P [dzew] C [zew] C		1	48
<i>ju</i> [tʃu]	1) 主	[tʃʷu3]	[tʃy] P, C	[tʃu]	2	41
	2) 住	[tʃʷu4]	[tʃy] P [dzy] C		1	40
<i>jum</i> [tʃum]	准	[tʃʷən3]	[tʃyn] P, C		1	38
<i>jun</i> [tʃun]	諄	[tʃʷən1]	[tʃyn] P, C		1	39
<i>jü</i> [tʃu]	主	[tʃʷu3]	[tʃy] P, C	[tʃu]	1	42
<i>jü</i> [tʃu:]	軸	[tʃʷu2]	[tʃy] P [tʃiw] P [dzy] C		1	50

Среди этих соответствий обращают на себя внимание нестандартные употребления двух иероглифов с финалью [-au]: 着 [tʃau2], [tʃɤ0] для транскрипции слогов *ja* и *jo*, 召 [tʃau4] — для транскрипции слога *jo*[ɣ]. Если передача с их помощью монгольских слогов *jo* ~ *jo*[ɣ] выглядит еще более или менее понятной ввиду отмеченных выше (см. 1.1) трудностей с обозначением монгольского лабиализованного гласного средне-верхнего подъема, то этого совершенно нельзя сказать относительно употребления 着 в значении *ja*, учитывая то, что для данного слога в словаре имелся ожидаемый и закономерный транскрипционный знак 扎 [tʃa1]. Впрочем, следует уточнить, что в этом значении 着 встречается только в транскрипции слова *cai**ja* ‘крепость’, которое в целом отличается своей фонетической нерегулярностью (ср. 1.3). Напротив, соответствие кит. 准 [tʃʷən3] = монг. *jum* вполне объяснимо в свете того, что среднекитайская и древнемандаринская кода [-m] в ПМГХ и современном стандартном китайском повсеместно развилась в [-n] [Chen 1976: 210–211; Coblin 2000: 297], при-

чем и в древнемандаринском действовал фонотактический запрет на ее употребление со слоговым гласным [-u-] [Cheng Tsai Fa 1985: 106–107; ср.: Pulleyblank 1991: 9–10].

2.2. Kum. j [tɕ] = монг. dz [tɕ]

Аффрикативный сегмент [tɕ] (< др.-манд., ПМГХ [k]) китайских транскрипций ДУ выступает неаспирированным коррелятом глухого альвеопалатального [tɕ^h] и демонстрирует два различных типа употреблений: (1) кит. *j* [tɕ] = монг. *g* [k], т. е. употребления аффрикаты [tɕ] в соответствии с ее древнемандаринским и ПМГХ произношением для передачи монгольского веллярного смычного (о них см. [Рыкин 2012: 108–110]); (2) кит. *j* [tɕ] = монг. *dz* [tɕ], т. е. употребления аффрикаты [tɕ] в соответствии с ее стандартным китайским произношением для передачи монгольского аффрикативного сегмента. Здесь нас интересуют лишь употребления второго типа, которые [tɕ] имеет в 17 надежно реконструируемых общемонгольских лексических основах — в 5 в начале слова (16a), в 12 внутри слова (16b).

(16) Примеры употребления аффрикаты [tɕ] в транскрипциях монгольской лексики

(a) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
51	賈苔	jiǎ dā	ɕada	[tɕata]	‘копье’
52	甲哈速	jiǎ hā sù	ɕaxasu	[tɕaxaso]	‘рыба’
53	甲里皓	jiǎ lǐ hào	ɕalɣau	[tɕalxau]	‘лентяйка’
54	加力	jiā lì	ɕār	[tɕa:r]	‘мускатный орех’
55	解喇	jiě lǎ	ɕera	[tɕera]	‘шестьдесят’

(b) В инлаутной позиции

56	掣計	chè jì	čēɕi	[ʧ ^h e:tei]	‘грудь’
57	哈甲兒	hā jiǎ ér	ɣadɕar	[xatear]	‘земля; местность’
58	哈甲兒	hā jiǎ ér	ɣadɕār	[xatear]	‘узда’
59	克盡	kè jìn	kedɕim	[k ^h eteim]	‘чепрак’
60	哭炆	kū jiǒng	küɕiŋ	[k ^h uteu:ŋ]	‘шея’
61	我近	wǒ jìn	ō[l]ɕin	[o:ltein]	‘удод’
62	失喇計	shī lǎ jì	šira[l]ɕi	[širaltei]	‘полюнь’
63	五金麦兒氣	wǔ jīn mò ér qì	üɕimmertei	[uteimmer-te ^h i]	‘гадатель’

Есть веские основания полагать, что в примерах типа (16) с помощью китайских слогов с инициальной [tɕ] на основе принципа фонетической идентичности транскрибируются монгольские слоги с глухой неаспир-

рованной альвеопалатальной аффрикатой [tɕ] (ср. 1.2). В языке SHM и HY эта аффриката ожидаемо соответствует общесреднемонгольскому *j* [ʧ] (< ПМ *j), еще не подвергшемуся палатализации (17).

(17) DY ɕ = SHM/HY j

(a) В анлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
51	賈苔	ɕada	只苔	jida
52	甲哈速	ɕaxasu	只 ^中 合速	jigas
54	加力	ɕār	只哈兒	jigar
55	解喇	ɕera	只 ^舌 瀾	jiran

(b) В инлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
56	掣計	čēɕi	徹額只	če'eji
57	哈甲兒	ɣadɕar	中合札 ^(舌) 兒	qajar
60	哭炆	küɕiŋ	窟諸溫	küjü'ün
62	失喇計	šira[l]ɕi	石 ^舌 刺里真	širaljin

Как и в случае с [tɕ^h], дистрибуция данного сегмента в DY обнаруживает следующую закономерность: в 8 из 17 основ, при этом только в инлауте, он выступает в составе слогов с центральной [i], но и в остальных примерах ɕ [tɕ] употребляется либо

перед историческим *i, изменившим свою артикуляцию под воздействием соседних гласных (18a), либо в основах с исконным протомонгольским чередованием *a ~ *i (18b) или *ü ~ *i (18c)¹¹:

¹¹ Исключение составляет форма ɕalɣau ‘лентяйка’ (№ 58), для которой не реконструируется (альтернативная) праформа с *i в первом слоге. Впрочем, в реконструкции Х. Нугтерена *i появляется в одном из вариантов исхода слова — *jalkai ~ *jalkau ‘ленивый’ [Nugteren 2011: 381], и, таким образом, здесь мы можем иметь дело с дистантным влиянием этого *i на анлаутный согласный.

- (18) а. *dzada* ‘копье’ (№ 51), ср. письм.-монг. *jida* [L: 1049a], письм.-ойр. *jida* ~ *jide* ~ *jidi* ~ *jid* [MOM, III: 690a–b], халх. *teat* [БАМРС, II: 1556], орд. *ʃita* [DO: 193b], хорч. *ʃet* [МYYC: 421], бур. *žadə* [БРС, I: 3486], ст.-барг. *ɖad* [BAÜ: 206], хам. *tsita* [J: 22], калм. *ɖid* [KWb: 108b], ш.-юг. *ʃota* [JYKÜ: 147], мнгл. *teita*: [MKÜ: 222], кнцз. *ʃita* [KYYJ: 303b] < *jida;
- ɖaxasu* ‘рыба’ (№ 52), ср. письм.-монг. *jīyasu/n* [L: 1050a], письм.-ойр. *zayasun* ~ *zaxasun* [MOM, III: 656a–b], халх. *tsagəs* [БАМРС, II: 196a], орд. *ʃakasu* ~ *ʃakas* [DO: 179a], хорч. *ʃaks* [МYYC: 423], бур. *zagəhən* [БРС, I: 3716], ст.-барг. *dzagv*: [BAÜ: 211], хам. *tsakahv* [J: 22], калм. *zagsn* [KWb: 463b], даг. *ʃaus* [DKÜ: 309], ш.-юг. *ʃakasrɪn* ~ *ʃɪkasrɪn* [JYKÜ: 142, 143], мнгл. *teiqasi* [MKÜ: 220], бн. *tealqason* [BKÜ: 196], кнцз. *ʃikason* ~ *ʃakason* [KYYJ: 303a] < *jigasun/;
- ɖār* ‘мускатный орех’ (№ 54), ср. письм.-монг. *jīyar* ~ *jaɣar* ‘мускус’ [L: 1023b, 1050a], письм.-ойр. *zār* id. [MOM, III: 663a], халх. *tsa:r* ~ *tsa:rʲ* id. [БАМРС, II: 191a–6], орд. *ʃa:r* id. [DO: 187a], хорч. *ʃa:r* id. [МYYC: 419], бур. *za:r* ‘резкий запах’ [БРС, I: 68a], ст.-барг. *dza:r* ‘мускус’ [BAÜ: 209], калм. *za:r* id. [KWb: 469b], даг. *ʃa:r* ‘мускус; ароматическая трава’ [DKÜ: 308], ш.-юг. *ʃa:r* ‘мускус’ [JYKÜ: 141] < *jigar ← тюрк.; ср. ПТ *yīrār ‘мускус; запах, аромат’ [EDT: 878b];
- ɖera*¹² ‘шестьдесят’ (№ 55), ср. письм.-монг. *jīra/n* [L: 1058b], письм.-ойр. *jiran* ~ *jiren* ~ *jirin* ~ *jirān* [MOM, III: 693a–b, 694b], халх. *tear* [БАМРС, II: 160a], орд. *ʃira* [DO: 200b], хорч. *ʃer* [МYYC: 432], бур. *žarən* [БРС, I: 352a], ст.-барг. *ɖzar* [BAÜ: 206], хам. *tsira* [J: 25], калм. *ɖirn* [KWb: 113a], даг. *ʃar* [DKÜ: 312], ш.-юг. *ʃiran* [JYKÜ: 145], мнгл. *teiran* [MKÜ: 222] < *jira/n;
- ɖadzar* ‘узда’ (№ 58), ср. письм.-монг. *qajayar* [L: 947b], письм.-ойр. *xazār* ~ *xazar* [MOM, II: 253a], халх. *xatsar* [БАМРС, IV: 166], орд. *xatʃa:r* [DO: 323a], хорч. *xatʃar* [МYYC: 316], бур. *xazar* [БРС, II: 379a], ст.-барг. *xadzar* [BAÜ: 96], калм. *xazar* [KWb: 174b], мнгр. *qatšər* [DS: 207a] < *kaɣihar;
- б. *ɖadzar* ‘земля; местность’ (№ 57), ср. письм.-монг. *ɣajar* [L: 355b], письм.-ойр. *ɣazar* ~ *ɣazār* [MOM, II: 309a], халх. *gatsər* [БАМРС, I: 3426], орд. *kaɣar* [DO: 285b], хорч. *kaɣər* [МYYC: 277], бур. *gazər* [БРС, I: 187a], ст.-барг. *gadzar* [BAÜ: 131], хам. *katsar* [J: 40], калм. *gazr* [KWb: 148a], даг. *kaɣər* [DKÜ: 167], ш.-юг. *kaɣar* [JYKÜ: 75], мнгл. *qatear* [MKÜ: 95], бн. Т *qatear* [BKÜ: 86], кнцз. *kaɣar* [KYYJ: 288a], дунс. *kaɣsa* [DüKÜ: 80], мог. *gadzar* [MKS: 344] < *gaɣar ~ *kaɣar, но бн. Д *qateir* ~ *qateʰir* [Buhe, Liu Zhaoxiong 1982: 71, 89a], бн. Т *qateir* [BKÜ: 86], кнцз. *ketfe* [KYYJ 288a] < *gaɣir ~ *kaɣir;
- с. *küɖzün* ‘шея’ (№ 60), ср. письм.-монг. *küjügüü* ~ *küjügün* [L: 510a–b], письм.-ойр. *küzöün* ~ *küzüün* [MOM, III: 755b, 756a], халх. *xutsu* [БАМРС, IV: 182a], орд. *kʰuɣu*: [DO: 434a], хорч. *xuɣu* [МYYC: 397], бур. *xuzun* [БРС, II: 484a], ст.-барг. *xudzu* [BAÜ: 125], хам. *kʰutsu*: [J: 24], калм. *kʰuzyn* [KWb: 249a], даг. *xuɣu* [DKÜ: 129], ш.-юг. *kufy:n* [JYKÜ: 85], мнгл. *kutei* [Zhaonasi 1981: 101a], бн. *kuteun* [BKÜ: 98], кнцз. *kufun* [KYYJ: 290a], дунс. *qutšun* [Liu Zhaoxiong 1981: 116b], мог. *kudžun* [MKS: 363] < *küjügü/n, но мнгр. *kutši* [Č 381], дунс. *qutšen* [DüKÜ: 85] < *küjigü/n ~ *küjegü/n.

Исходя из дистрибутивных критериев, а также из отсутствия минимальных пар, реализующих противопоставление [ʃ] и [te], мы склонны квалифицировать *ɖ* [te] как факультативный вариант фонемы

č /ʃ/ в позиции перед *i. К такому выводу склоняет и пример несмыслоразличительного варьирования обоих неаспираторованных аффрикативных сегментов в основе (19):

¹² Слоговой гласный [e] в форме *ɖeɣa*, по-видимому, представляет собой промежуточную стадию регрессивной ассимиляции *i, а именно его сдвиг вниз и превращение в гласный среднего подъема. Вероятно, аналогичное развитие, но в регулярном масштабе, имело место при т. н. расщеплении *i, произошедшем в некоторых говорах Внутренней Монголии, таких как хорчинский и бааринский, где *i > [e] в словах заднего ряда, *i > [i] в словах переднего ряда, за исключением случаев ассимиляции. Подробнее см.: [Svantesson et al. 2005: 182, 195]; ср. также: [Bayarmendü 1997: 36–37; Bayančoytu 2002: 8, 20].

(19) *jida* (№ 37) ~ *ɖada* (№ 51) ‘копье’ < **jida* ‘id.’

7 типов монгольских слогов с начальным *ɖ*-, выделяемых в МЯД, транскрибируются при помощи 9 китайских иероглифов, сведенных в таблицу (20).

(20) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального *ɖ* [tɕ]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ	Число употреблений	Номера примеров
<i>ɖa</i> [tɕa]	1) 甲	[tɕa3]	[kja] P, C	[kiaʔ]	4	52, 53, 57
	2) 賈	[tɕa3]	[kja] P, C		1	51
<i>ɖā</i> [tɕa:]	1) 甲	[tɕa3]	[kja] P, C	[kiaʔ]	2	58
	2) 加	[tɕa1]	[kja] P, C		1	54
<i>ɖe</i> [tɕe]	解	[tɕe3]	[kja] P, C [ɣja] C	[kia]	1	55
<i>ɖi</i> [tɕi]	1) 計	[tɕi4]	[ki] P [kji] C		5	56, 62
<i>ɖin</i> [tɕin]	近	[tɕin4]	[kin] P [gin] C	[kin]	1	61
<i>ɖim</i> [tɕim]	1) 金	[tɕin1]	[kim] P, C		1	63
	2) 盡	[tɕin4]	[tsin] P [dzin] C	[tsin]	1	59
<i>ɖūŋ</i> [tɕu:ŋ]	炆	[tɕuŋ3]	?		1	60

2.3. *Kum. z* [ts] = *монг. з* [ts]

Дистрибуция китайской глухой неаспирированной дентальной аффрикаты [ts] в системе транскрипций DY ограничена

двумя лексическими основами, в одной из которых она встречается в анлауте (21a), в другой — в инлауте (21b).

(21) Примеры употребления аффрикаты [ts] в транскрипциях монгольской лексики

(a) В анлаутной позиции

№	Форма	Романизация на пиньине	Реконструкция	Транскрипция МФА	Значение
64	雜啞	zá yǎ	ʒa'a[r]	[tsa.ar]	‘мускатный орех’

(b) В инлаутной позиции

65	兀遵	wù zūn	üzüm	[utsum]	‘виноград’
----	----	--------	------	---------	------------

Второй случай, скорее всего, следует исключить из рассмотрения, так как он представлен не общемонгольской основой, а поздним (постпротомонгольским) тюркизмом (ср. НУ 兀遵 *üzüm* ‘виноград’ ← тюрк. *üzüm* id. [EDT: 288a–b]), в котором [ts] выступает субституту тюркского фриктивного

/z/ по способу образования: [фрикативный] → [смычно-фрикативный]. Остается форма *ʒa'a[r]*, которая имеет альтернативный вариант с палатальным [tɕ] (22), при этом она также является тюркской по происхождению, хотя и довольно рано вошедшей в общемонгольский лексический фонд; ср. (18a):

(22) *ʒa'a[r]* (№ 64) ~ *ɖār* (№ 54) ‘мускатный орех’ < **jihar* ‘мускус’ ← тюрк.

Если речь идет не об ошибке в транскрипции, китайская инициаль [ts-] в (21a) должна передавать идентичный монгольский сегмент, т. е. глухую неаспирированную дентальную аффрикату [ts], согласно

принципу фонетической идентичности. Эта аффриката также соответствует палатоальвеолярному *j* [tɕ] языка ранних китайско-монгольских памятников, как показано в (23):

(23) $DY \text{з} = SHM/HY \text{ж}$

(a) В анлаутной позиции

DY			SHM/HY	
№	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
64	雜啞	ʒa'a[r]	只哈兒	jīqar 'кабарга'

(b) В инлаутной позиции: — .

По моему мнению, несмотря на довольно проблематичный статус з [ts] в фонетической системе МЯД, порождающий неоднозначность его трактовки, этот аффрикативный сегмент допустимо рассматривать как маргинальный аллофон фонемы ж /ʃ/ < *j в начале слова перед *iha > [a.a], где

он развился, вероятно, в результате депалатализации исконного *j после т. н. «перелома» (точнее, *prebreacking* в терминах Ю. Янхунена [Janhunen 1990b: 183]) *i первого слога.

Данные по китайской транскрипции монгольского з- приводятся в таблице (24).

(24) Монгольско-китайский слоговой индекс: транскрипция начального з [ts]

Монг. слог	Иероглиф	Транскрипция МФА	Др.-манд.	ПМГХ	Число употреблений	Номера примеров
ʒa [tsa]	雜	[tsa2]	[tsa] P [dza] C		1	64
ʒüm [tsym]	遵	[tsʷən1]	[tsyn] P, C		1	65

Заключение

Обобщая сказанное, систему монгольских аффрикат в МЯД можно представить

в виде таблицы (25) (маргинальные аллофоны выделены круглыми скобками):

(25) Система аффрикативных согласных в монгольском диалекте DY

Фонема	Аллофон	Определение	Фонетический контекст
č /tʃʰ/	č [tʃʰ]	Глухая аспираторованная палатоальвеолярная аффриката	В начале слова/слога
	tɕ [tɕʰ]	Глухая аспираторованная альвеопалатальная аффриката	В начале слова/слога перед *i
	(c [tsʰ])	Глухая аспираторованная дентальная аффриката	В начале слова перед *aui
j /tʃ/	j [tʃ]	Глухая неаспираторованная палатоальвеолярная аффриката	В начале слова/слога
	tɕ [tɕ]	Глухая неаспираторованная альвеопалатальная аффриката	В начале слова/слога перед *i
	(z [ts])	Глухая неаспираторованная дентальная аффриката	В начале слова перед *iha

Как можно видеть, структура аспираторованной и неаспираторованной серий полностью идентична: в каждой из них выделяется основной аллофон ([tʃʰ] vs. [tʃ]), наименее зависимый от контекста, а также два неосновных (факультативных) варианта с более

или менее четкой контекстной обусловленностью, при этом второй из данных вариантов ([tsʰ] vs. [ts]) в силу крайне узкой дистрибуции обладает проблематичным или маргинальным статусом. Интересно, что дистрибуция основного аллофона каждой

из аффрикативных фонем связана с дистрибуцией факультативного немаргинального аллофона отношением включения, а с дистрибуцией факультативного маргинального аллофона (насколько об этом можно судить) отношением противопоставления: так, [tʃ^h] может встречаться в тех же позициях, что и [tɕ^h], при этом имея гораздо более широкую сферу употребления, но не встречается в позиции, характерной для [ts^h]. То

же самое действительно и для отношений между аллофонами неаспирированной аффрикаты /tʃ/ — [tʃ], [tɕ] и [ts] соответственно. Впрочем, предложенный нами анализ имеет силу только в том случае, если мы признаем фонетическую самостоятельность обоих маргинальных сегментов, а не считаем их употребления банальными ошибками транскрипции.

Сокращения

БАМРС — Пюрбеев (ред.) 2001–2002; БКРС — Ошанин (ред.) 1983–1984; бн. — баоаньский язык; бн. Д — дахэцзянский (цзишишаньский) диалект баоаньского языка; бн. Т — тунжэньский диалект баоаньского языка; БРС — Шагдаров, Черемисов 2010; бур. — бурятский язык; даг. — дагурский язык; др.-манд. — древнемандаринский язык; дунс. — дунсянский язык; калм. — калмыцкий язык; кит. — китайский язык; кнцз. — язык канцзя; мнгл. — монгульский язык; мнгр. — язык мангуэр; мог. — могольский язык; монг. — монгольский язык; МФА — Международный фонетический алфавит; МЯД — монгольский диалект ДУ; орд. — ордосский говор; письм.-монг. — письменный монгольский язык; письм.-ойр. — письменный ойратский язык; ПМ — протомонгольский язык; ПМГХ — позднеминский *гуаньхуа*; ПТ — прототюркский язык; тюрк. — тюркские языки; ст.-барг. — старобаргутский говор; хам. — хамниганский язык; халх. — стандарт-

ный халхаский (халха-монгольский) язык; хорч. — хорчинский говор; ш.-юг. — шира-югурский язык; БАÜ — Uuda et al. 1985; BKÜ — Chen Naixiong et al. 1986; С — Coblin 2007a; Č — Čenggeltei 1991; DKÜ — Engkebatu et al. 1984; DO — Mostaert 1968; DS — Dpal-Idan-bkra-shis, Slater et al. 1996; DÜKÜ — Böke et al. 1983; ДУ — китайско-монгольский словарь *Дада юй* 韃靼語 / *Бэйлу иуэй* 北虜譯語 (между 1567 и 1603) (реконструкция автора); EDT — Clauson 1972; НУ — китайско-монгольский словарь *Хуаи иуэй* 華夷譯語 Конинчи 火原潔 и Ма Шайх Мухаммада 馬沙亦黑 (1389) [Huayi yiyu 1918; Kuribayashi 2003]; J — Janhunen 1990a; JYKÜ — Buluçilay et al. 1985; KWb — Ramstedt 1935; KYJ — Siqinchaoketu 1999; L — Lessing (ed.) 1960; MKS — Böke 1996; MKÜ — Qasbayatur et al. 1986; MOM — Krueger 1978–1984; MYC — Sun Zhu (ed.) 1990; P — Pulleyblank 1991; SHM — «Тайная история монголов» (сер. XIII в.) [Zhang Xingtang 1975; Kuribayashi, Choijinjabu 2001]; Y — Yu Wonsoo 2011.

Литература

Кузьменков 1993 — Кузьменков Е. А. Фонетическая реконструкция монгольского текста «Юань-чао би-ши» // ред. В. М. Солнцев. *Mongolica: K 750-летию «Сокровенного сказания»*. М.: Наука, 1993. С. 294–327.
Ошанин (ред.) 1983–1984 — Ошанин И. М. (ред.). Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах: Ок. 250 000 слов и выражений. М.: Наука, 1983–1984. 553, 1100, 1104, 1062 с.
Пюрбеев (ред.) 2001–2002 — Пюрбеев Г. Ц. (ред.). Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. Т. 1–4. М.: Academia, 2001–2002. XXXII, 486, 507, 438, 506 с.

Рыкин 2007 — Рыкин П. О. Китайско-монгольский словарь начала XVII в. 韃靼語 *Дада юй* ‘Татарские слова’: введение в изучение памятника // Проблемы исторического развития монгольских языков: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.) / отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 112–126.

Рыкин 2012 — Рыкин П. О. Китайская транскрипция монгольских велярных и увулярных согласных в словаре *Дада юй/Бэйлу иуэй* (конец XVI – начало XVII в.) // «Живём дружно, “молодые” разного возраста»: Сб. ст. в память востоковеда-тюрколога А. Н. Самойловича / отв. ред.: А. Д. Васильев, С. В. Дмитриев. М.: Пробел-2000, 2012. С. 87–120.

- Рыкин 2013а — Рыкин П. О. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу иуй» (конец XVI—начало XVII в.) // *Mongolica-X*: Сб. науч. ст. по монголоведению: Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович / отв. ред. И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 41–48.
- Рыкин 2013б — Рыкин П. О. О времени и месте составления китайско-монгольского словаря *Дада юй/Бэйлу иуй* // *Acta Linguistica Petropolitana* = Труды ИЛИ РАН. 2013. Т. 9. Ч. 3. С. 189–217.
- Шагдаров, Черемисов 2010 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 635, 707 с.
- Apatóczy 2009 — Apatóczy Á. B. Yiyu 譯語 (Beilu yiyu 北虜譯語): An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-century Sino-Mongolian Glossary [Languages of Asia 5]. Folkestone: Global Oriental, 2009. xviii, 258 p.
- Apatóczy 2018 — Apatóczy Á. B. Early Mandarin Profanity and Its Middle Mongolian Reflection in the Vocabulary of the *Wu Bei Zhi* 武備志 // *Rocznik Orientalistyczny*. 2018. Т. 71, z. 2. P. 9–38.
- Baxter 1992 — Baxter W. H. A Handbook of Old Chinese Phonology [Trends in Linguistics: Studies and Monographs 64]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1992. xiii, [1], 922 p.
- Bayančoytu 2002 — Bayančoytu. Qorčın aman ayalun-u sudulul = Ke'erqin tuyu yanjiu 科尔沁土语研究 [Исследование хорчинского говора] [Mongyol kelen-ü sayuri ayalun-u sudulul-un čuburil 001]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un yeke surayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 2002. 2, 28, 626 p.
- Bayarmendü 1997 — Bayarmendü B. Bayarin aman ayalun-u sudulul [Исследование бааринского говора]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1997. 2, 2, 236 p.
- Böke 1986 — Böke. Dünsiyang kele ba Mongyol kele = Dongxiangyu he Mengguyu 东乡语和蒙古语 [Дунсянский язык и монгольский язык] [Mongyol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 007]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 2, 4, 265 p.
- Böke 1996 — Böke. Moγol kelen-ü sudulul = Mogeleyu yanjiu 莫戈勒语研究 [Исследование могольского языка]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un yeke surayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 1996. 2, 8, 4, 410 p.
- Böke et al. 1983 — Böke et al. Dünsiyang kelen-ü üges = Dongxiangyu cihui 东乡语词汇 [Лексика дунсянского языка] [Mongyol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 008]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1983. 1, 16, 192 p.
- Buhe, Liu Zhaoxiong 1982 — Buhe 布和, Liu Zhaoxiong 刘照雄. Bao'an yu jianzhi 保安语简志 [Краткое описание баоаньского языка] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1982. 4, 2, 94 p.
- Bulučilaγu et al. 1985 — Bulučilaγu et al. Jēgün Yuyur kelen-ü üges = Dongbu Yuguyu cihui 东部裕固语词汇 [Лексика шира-югурского языка] [Mongyol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 017]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 2, 14, 160 p.
- Burigude 2012 — Burigude 布日古德. «Huayi yiyu» (jiazhong ben) yinyi Hanzhi yanjiu 《华夷译语》(甲种本)音译汉字研究 = A Study of Chinese Characters Denoting Mongolian Vocabulary in the *Hua Yi Yi Yu* (Version A) [Zhongguo shehui kexue boshihou wenku 中国社会科学博士后文库]. Beijing 北京: Zhongguo shehui kexue chubanshe 中国社会科学出版社, 2012. [3], 3, 3, 5, 2, 1, 2, 2, 197 p.
- Čenggeltei 1991 — Čenggeltei. Mongyor kele ba Mongyol kele = Tuzuyu he Mengguyu 土族语和蒙古语 [Монгорский язык и монгольский язык] [Mongyol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 013]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1991. 2, 28, 396 p.
- Chen 1976 — Chen M. Y. From Middle Chinese to modern Peking // *Journal of Chinese Linguistics*. 1976. Vol. 4, No. 2/3. P. 113–277.
- Chen Naixiong et al. 1986 — Chen Naixiong 陈乃雄 et al. Boo an kelen-ü üges = Bao'an yu cihui 保安语词汇 [Лексика баоаньского языка] [Mongyol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 011]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 14, 6, 239 p.
- Cheng Tsai Fa 1985 — Cheng Tsai Fa. Ancient Chinese and Early Mandarin [Journal of Chinese Linguistics Monograph Series 2]. Berkeley, CA: Project on Linguistic Analysis, 1985. vi, 182 p.
- Clauson 1972 — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

- Coblin 1997 — *Coblin W. S.* Notes on the Sound System of Late Ming *Guanhua* // *Monumenta Serica*. 1997. Vol. 45. P. 261–307.
- Coblin 2000 — *Coblin W. S.* A Diachronic Study of Ming *Guānhuà* Phonology // *Monumenta Serica*. 2000. Vol. 48. P. 267–335.
- Coblin 2007a — *Coblin W. S.* A Handbook of ‘Phags-pa Chinese [ABC Chinese Dictionary Series]. Honolulu: University of Hawai‘i Press, 2007. xv, [1], 307 p.
- Coblin 2007b — *Coblin W. S.* Modern Chinese Phonology: from *Guānhuà* to Mandarin [Collection des Cahiers de Linguistique — Asie Orientale 11]. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales, Centre de Recherches Linguistiques sur l’Asie Orientale, 2007. 4, 97 p.
- Dava 1990 — *Dava*. Erten-ü Mongγol kele surqu lablalta [Учебное пособие по древнемонгольскому языку]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un surγan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 1990. [1], 3, 230 p.
- Dpal-ldan-bkra-shis, Slater et al. 1996 — *Dpal-ldan-bkra-shis, Slater K. et al.* Language Materials of China’s Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer [Sino-Platonic Papers 69]. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1996. xi, 266 p.
- Engkebatu et al. 1984 — *Engkebatu et al.* Dayur kelen-ü üges = Dawo’eryu cihui 达斡尔语词汇 [Лексика дагурского языка] [Mongγol töröl-ün kele ayalun-u sudulul-un čuburil 005]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1984. 1, 13, 337 p.
- Farudi 2001 — *Farudi*. Dumdadu erten-ü mongγol kelen-ü sudulul [Исследование среднемонгольского языка] [Dumdadu ulus-un mongγol sudulul-un kömürge]. Šenyang: Liyooning-un ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2001. 1, 12, 7, 53, 744 p.
- Hattori 1946 — *Hattori Shirō* 服部四郎. Genchō hishi no Mōkogo o arawasu kanji no kenkyū 元朝秘史の蒙古語を表はす漢字の研究 [Исследование китайских иероглифов, передающих монгольский язык в Тайной истории монголов]. Tōkyō 東京: Bunkiyūdō 文求堂, 1946. 4, 146 p.
- Hattori 1957 — *Hattori S.* 咕連 in *Yüan-ch’ao Mi-shih* // *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag am 8. August 1957* [Ural-Altäische Bibliothek 5]. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. P. 69–70.
- Hattori 1973 — *Hattori S.* The Chinese Dialect on which the Transcription of the *Yüan-ch’ao Mi-shih* was Based // *Acta Asiatica*. 1973. Vol. 24. P. 35–44.
- Hattori 1976 — *Hattori S.* Some Problems of the Reconstruction of the Mongolian Sounds of the Secret History of the Mongols: On the Word Gu-un // *Tractata altaica: Denis Sinor, sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata* / Ed. by W. Heissig et al. Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. P. 261–272.
- Huayi yiyu 1918 — *Huayi yiyu* 華夷譯語 [Китайско-варварские переводные слова]. Pt. 1–2. [Hanfenglou biji 涵芬樓秘笈 4]. Shanghai 上海: Shangwu yinshuguan 商務印書館, 1918.
- Janhunen 1990a — *Janhunen J.* Material on Manchurian Khamnigan Mongol [Castrenianumin toimitteita 37]. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1990. 110 p.
- Janhunen 1990b — *Janhunen J.* On Breaking in Mongolic // *Altaica Osloensia: Proceedings from the 32nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Oslo, June 12–16, 1989* / Ed. by B. Brendemoen. Oslo: Universitetsforlaget, 1990. P. 181–191.
- Kane 1989 — *Kane D.* The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters [Uralic and Altaic Series 153]. Bloomington IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989. xi, [1], 439 p.
- Kim 1991 — *Kim Kwangjo*. A Phonological Study of Middle Mandarin: Reflected in Korean Sources of the Mid-15th and Early 16th Centuries. Ph.D. Thesis. University of Washington, 1991. xvi, 316 p.
- Krueger 1978–1984 — *Krueger J. R.* Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary. Pt. 1–3. [Publications of the Mongolia Society]. Bloomington, IN: The Mongolia Society, 1978–1984. 6, 816 p.
- Kuribayashi 2003 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均. “Ka-I yakugo” (kōshuhon) Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『華夷訳語』(甲種本) モンゴル語全単語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti [Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series 10]. Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Senta 東北大学東北アジア研究センター, 2003. 4, xxiv, 178 p.
- Kuribayashi, Chojinjabu 2001 — *Kuribayashi Hitoshi* 栗林均, *Chojinjabu* 確精扎布. “Genchō hishi” Mongorugo zen tango, gobi sakuin 『元朝秘史』モンゴル語全単語・語尾索引 = Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti [Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究セ

- ンター叢書 = CNEAS Monograph Series 4]. Sendai 仙台: Tōhoku Daigaku Tōhoku Ajia Kenkyū Senta 東北大学東北アジア研究センター, 2001. 6, vi, 954 p.
- Lessing (ed.) 1960 — *Lessing F. D.* (ed.). *Mongolian–English Dictionary*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press: Cambridge University Press, 1960. xv, 1217 p.
- Lewicki 1949 — *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389: Édition critique précédée des observations philologiques et accompagnée de la reproduction phototypique du texte [Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Ser. A 29]. Wrocław: Nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1949. 228 p.
- Liu Zhaoxiong 1981 — *Liu Zhaoxiong* 刘照雄. *Dongxiangyu jianzhi* 东乡语简志 [Краткое описание дунсянского языка] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1981. 4, 2, 122 p.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire ordos. 2e éd. New York — London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XX, 951 p.
- Mostaert 1999 — *Mostaert A.* Quelques problèmes phonétiques dans la transcription en caractères chinois du texte mongol du *Iuen tch'ao pi cheu* // Antoine Mostaert (1881–1971), C.I.C.M. Missionary and Scholar / Ed. by K. Sagaster. Vol. 1. Papers [Louvain Chinese Studies 4]. K. U. Leuven: Ferdinand Verbiest Foundation, 1999. P. 225–271.
- Norman 1988 — *Norman J.* Chinese [Cambridge Language Surveys]. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xi, [1], 292 p.
- Nugteren 2011 — *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden [Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics 289]. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies [Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 110]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Pulleyblank 1984 — *Pulleyblank E. G.* Middle Chinese: A Study in Historical Phonology. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984. xix, [1], 268 p.
- Pulleyblank 1991 — *Pulleyblank E. G.* Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, [1], 488 p.
- Qasbaγan-a 1996 — *Qasbaγan-a.* Dumdadu jaγun-u Mongγol kelen-ü sudulul [Исследование среднемонгольского языка]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un surγan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 1996. [1], 6, 3, 490 p.
- Qasbaγatur et al. 1986 — *Qasbaγatur et al.* Mongγor kelen-ü üges = Tuzuyu cihui 土族语词汇 [Лексика монгорского языка] [Mongγol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 014]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1986. 2, 18, 244 p.
- Qaserdeni et al. 2008 — *Qaserdeni, Bayanbaγatur, Garudi, Engkebaγatur.* Erten-ü Mongγol keke [Древнемонгольский язык] [Bükü ulus-un degedü surγayuli-yin jiyaqu materiial]. Kökeqota: Öbör Mongγol-un yeke surγayuli-yin keblel-ün qoriy-a, 2008. [2], 4, 1, 496 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch [Lexica Societatis Fenno-Ugricae 3]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 p.
- Rykin 2012 — *Rykin P.* On the principles of Chinese transcription of Mongolian sounds in the Sino-Mongolian glossary *Dada yu / Beilu yiyu* (late 16th–early 17th century) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2012. Vol. 65, No. 3. P. 323–334.
- Rykin 2014 — *Rykin P.* Middle Mongol affricates and the reconstruction of (Pre-)Proto-Mongolic affricates // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2014. Vol. 67, No. 4. P. 425–452.
- Rykin 2015 — *Rykin P.* Chinese Transcription of Mongol Affricates in the Sino-Mongol Glossary *Dada yu / Beilu yiyu* from the Ming Period // Dumdadu ulus-un dörbedüger quyučayan-u mongγol sudulul-un olan ulus-un erdem sinjilegen-ü sudulun yarilcaqu qural-un ögülel-ün emkidkel = Zhongguo disi jie mengguxue guoji xueshu yantaohui lunwen huibian 中国第四届蒙古学国际学术研讨会论文汇编 = Proceedings of the Chinese Fourth International Symposium on Mongolian Studies. Vol. 1. Huhhot: Inner Mongolia Academy of Social Sciences: Chinese Association for Mongolian Studies, 2015. P. 218–228.
- Rykin 2016 — *Rykin P.* The Sino-Mongolian Glossary *Dada yu / Beilu yiyu* and the Problem of its Dating // *Central Asian Sources and Central Asian Research: Selected Proceedings from the International Symposium “Central Asian Sources and Central Asian Research”*, October 23rd–26th, 2014 at Göttingen State and University Library / Ed. by J. Reckel

- [Göttinger Bibliotheksschriften 39]. Göttingen: Universitätsverlag, 2016. P. 147–163.
- Rykin 2018a — *Rykin P.* Noun Cases in the Language of the Sino-Mongol Glossary *Dada yu/Beilu yiyu* from the Late Ming Period // *Journal Asiatique*. 2018. Vol. 306, No. 2. P. 229–234.
- Rykin 2018b — *Rykin P.* Reflexes of the *VgV and *VxV Groups in the Mongol Vocabulary of the Sino-Mongol Glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (Late 16th–Early 17th Cent.) // *Philology of the Grasslands: Essays in Mongolic, Turkic, and Tungusic Studies* / Ed. by Á. B. Apatóczy, C. P. Atwood, and B. Kempf [Languages of Asia 17]. Leiden: Brill, 2018. P. 308–330.
- San Duanmu 2007 — *San Duanmu*. The Phonology of Standard Chinese [The Phonology of the World's Languages]. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007. xix, [1], 361 p.
- Shimunek 2014 — *Shimunek A.* The Phonology and Lexicon of Early Modern Mongolian and Late Southern Middle Mongol as Documented in a 17th century Ming Chinese-Mongolian Dictionary // *Ming Qing Yanjiu*. 2013–2014. Vol. 18. P. 97–131.
- Siqinchaoketu 1999 — *Siqinchaoketu* 斯钦朝克图. Kangjiayu yanjiu 康家语研究 [Исследование языка канцзя] [Zhongguo xin faxian yuyan yanjiu congshu 中国新发现语言研究丛书]. Shanghai 上海: Yuandong chubanshe 远东出版社, 1999. [3], 2, 2, 330 p.
- Slater 2003 — *Slater K. W.* A Grammar of Mangghuer: A Mongolic language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund [RoutledgeCurzon Asian Linguistics Series]. London – New York: RoutledgeCurzon, 2003. xviii, 382 p.
- Šongqor 1996 — *Šongqor*. Erten-ü Mongyol kelen-ü sudulul [Исследования по древнемонгольскому языку]. Köke qota: Öber Mongyol-un suryan kümüjil-ün keblel-ün qoriy-a, 1996. 4, 808 p.
- Sun Zhu (ed.) 1990 — *Sun Zhu* 孙竹 (ed.). Menggu yuzu yuyan cidian 蒙古语族语言词典 [Словарь монгольских языков]. Xining 西宁: Qinghai renmin chubanshe 青海人民出版社, 1990. 2, 844 p.
- Svantesson et al. 2005 — *Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V.* The Phonology of Mongolian [The Phonology of the World's Languages]. New York: Oxford University Press, 2005. XIX, 314 p.
- Uuda et al. 1985 — *Uuda et al.* Baryu aman ayalyun-u üges = Ba'erhu tuyu cihui 巴尔虎土语词汇 [Лексика баргутского говора] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 003]. Kökeqota: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 10, 226 p.
- Yu Wonsoo 2011 — *Yu Wonsoo*. A Study of the Mongol Khamnigan Spoken in Northeastern Mongolia [Altaic Languages Series 4]. Seoul: Seoul National University Press, 2011. xii, 254 p.
- Zhang Xingtang 1975 — *Zhang Xingtang* 張興唐. Yuanchao bishi sanzong 元朝秘史三種: Ju Sibü congkan ben, Ye Dehui ben, shiwu juan ben yingyin 據四部叢刊本 葉德輝本 十五卷本: Fulu Yuan bishi dili kaozheng, Yuan bishi shanchuan diming kao 附錄元秘史地理攷證 元秘史山川地名攷 [Три разновидности Тайной истории монголов: Факсимильное воспроизведение издания Сыбу цункань, издания Е Дэхуя и издания в пятнадцати цзюанях: С приложением критического исследования географии Тайной истории монголов и исследования топонимики Тайной истории монголов]. Kyōto 京都: Zhongwen chubanshe 中文出版社, 1975. 30, 639 p.
- Zhaonasi 1981 — *Zhaonasi* 照那斯图. Tuzuyu jianzhi 土族语简志 [Краткое описание монгорского языка] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing 北京: Minzu chubanshe 民族出版社, 1981. 4, 2, 108 p.

References

- Apatóczy Á. B. *Yiyu* 譯語 (*Beilu yiyu* 北虜譯語): *An Indexed Critical Edition of a Sixteenth-century Sino-Mongolian Glossary* [Languages of Asia 5]. Folkestone: Global Oriental, 2009. xviii, 258 p.
- Apatóczy Á. B. Early Mandarin Profanity and Its Middle Mongolian Reflection in the Vocabulary of the *Wu Bei Zhi* 武備志. *Rocznik Orientalistyczny*. 2018. T. 71, z. 2. Pp. 9–38.
- Baxter W. H. *A Handbook of Old Chinese Phonology* [Trends in Linguistics: Studies and Monographs 64]. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1992. xiii, [1], 922 p.
- Bayančoytu. *Qorčin aman ayalyun-u sudulul = Ke'erqin tuyu yanjiu* 科尔沁土语研究 [A Study of the Khorchin Dialect] [Mongyol kelen-ü sayuri ayalyun-u sudulul-un čuburil 001]. Hohhot: Inner Mongolia University Publishing House, 2002. 2, 28, 626 p. (In Mong.)
- Bayarmendü B. *Bayarin aman ayalyun-u sudulul* [A Study of the Baarin Dialect]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1997. 2, 2, 236 p. (In Mong.)
- Böke. *Düngsiyang keke ba Mongyol keke = Dongxiangyu he Mengguyu* 东乡语和蒙古语 [Dongxiang and Mongolian] [Mongyol töröl-

- ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 007]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 2, 4, 265 p. (In Ch. and Mong.)
- Böke. *Moyol kelen-ü sudulul = Mogeleyu yanjiu* 莫戈勒语研究 [A Study of the Moghol Language]. Hohhot: Inner Mongolia University Publishing House, 1996. 2, 8, 4, 410 p. (In Mong.)
- Böke et al. *Düngsiyang kelen-ü üges = Dongxiangyu cihui* 东乡语词汇 [Dongxiang Vocabulary] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 008]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1983. 1, 16, 192 p. (In Ch. and Mong.)
- Buhe 布和, Liu Zhaoxiong 刘照雄. *Bao'anyu jianzhi* 保安语简志 [Concise Grammar of Baoan] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing: Nationalities Press, 1982. 4, 2, 94 p. (In Ch.)
- Bulučilayū et al. *Jegün Yuyur kelen-ü üges = Dongbu Yuguyu cihui* 东部裕固语词汇 [Eastern Yugur Vocabulary] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 017]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1985. 2, 14, 160 p. (In Ch. and Mong.)
- Burigude 布日古德. «Huayi yiyu» (jiazhong ben) yinyi Hanzi yanjiu 《华夷译语》(甲种本)音译汉字研究 = *A Study of Chinese Characters Denoting Mongolian Vocabulary in the Hua Yi Yi Yü (Version A)* [Zhongguo shehui kexue boshihou wenku 中国社会科学博士后文库]. Beijing: Chinese Social Sciences Press, 2012. [3], 3, 3, 5, 2, 1, 2, 2, 197 p. (In Ch.)
- Čenggeltei. *Mongyor keke ba Mongyol keke = Tuzuyu he Mengguyu* 土族语和蒙古语 [Monguor and Mongolian] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 013]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1991. 2, 28, 396 p. (In Ch. and Mong.)
- Chen M. Y. From Middle Chinese to modern Peking. *Journal of Chinese Linguistics*. 1976. Vol. 4, No. 2/3. Pp. 113–277.
- Chen Naixiong 陈乃雄 et al. *Boo an kelen-ü üges = Bao'an cihui* 保安语词汇 [Baoan Vocabulary] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 011]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 14, 6, 239 p. (In Ch. and Mong.)
- Cheng Tsai Fa. *Ancient Chinese and Early Mandarin* [Journal of Chinese Linguistics Monograph Series 2]. Berkeley, CA: Project on Linguistic Analysis, 1985. vi, 182 p.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
- Coblin W. S. Notes on the Sound System of Late Ming *Guanhua*. *Monumenta Serica*. 1997. Vol. 45. Pp. 261–307.
- Coblin W. S. A Diachronic Study of Ming *Guānhuà* Phonology. *Monumenta Serica*. 2000. Vol. 48. Pp. 267–335.
- Coblin W. S. *A Handbook of 'Phags-pa Chinese* [ABC Chinese Dictionary Series]. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. xv, [1], 307 p.
- Coblin W. S. *Modern Chinese Phonology: from Guānhuà to Mandarin* [Collection des Cahiers de Linguistique — Asie Orientale 11]. Paris: École des Hautes Études en Sciences Sociales, Centre de Recherches Linguistiques sur l'Asie Orientale, 2007. 4, 97 p.
- Dava. *Erten-ü Mongyol keke surqu lablalta* [An Old Mongol Textbook]. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 1990. [1], 3, 230 p. (In Mong.)
- Dpal-Idan-bkra-shis, Slater K. et al. *Language Materials of China's Monguor Minority: Huzhu Mongghul and Minhe Mangghuer* [Sino-Platonic Papers 69]. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1996. xi, 266 p.
- Engkebatu et al. *Dayur kelen-ü üges = Dawo'eryu cihui* 达斡尔语词汇 [Dagur Vocabulary] [Mongyol töröl-ün keke ayalyun-u sudulul-un čuburil 005]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1984. 1, 13, 337 p. (In Ch. and Mong.)
- Farudi. *Dumdadu erten-ü mongyol kelen-ü sudulul* [A study of Middle Mongol] [Dumdadu ulus-un mongyol sudulul-un kömürge]. Shenyang: Liaoning Nationalities Press, 2001. 1, 12, 7, 53, 744 p. (In Mong.)
- Hattori Shirō 服部四郎. *Genchō hishi no Mōkogo o arawasu kanji no kenkyū* 元朝秘史の蒙古語を表はす漢字の研究 [A Study of the Chinese Characters Rendering the Mongolian Language in the *Secret History of the Mongols*]. Tokyo: Bunkyoūdō, 1946. 4, 146 p. (In Jap.)
- Hattori S. 咕連 in Yüan-ch'ao Mi-shih. In: *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag am 8. August 1957* [Ural-Altaische Bibliothek 5]. Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. Pp. 69–70.
- Hattori S. The Chinese Dialect on which the Transcription of the Yüan-ch'ao Mi-shih was Based. *Acta Asiatica*. 1973. Vol. 24. Pp. 35–44.
- Hattori S. Some Problems of the Reconstruction of the Mongolian Sounds of the Secret History of the Mongols: On the Word Gu-un. In: *Tractata altaica: Denis Sinor, sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata*. W. Heissig et al. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. Pp. 261–272.

- Huayi yiyu* 華夷譯語 [Translated Terms in Chinese and Barbarian]. Pt. 1–2. [Hanfenglou biji 涵芬樓秘笈 4]. Shanghai: Commercial Press, 1918.
- Janhunen J. *Material on Manchurian Khamnigan Mongol* [Castrenianumin toimitteita 37]. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1990. 110 p.
- Janhunen J. On Breaking in Mongolic. In: *Altaica Osloensia: Proceedings from the 32nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Oslo, June 12–16, 1989*. B. Brendemoen (ed.). Oslo: Universitetsforlaget, 1990. Pp. 181–191.
- Kane D. *The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters* [Uralic and Altaic Series 153]. Bloomington IN: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1989. xi, [1], 439 p.
- Kim Kwangjo. *A Phonological Study of Middle Mandarin: Reflected in Korean Sources of the Mid-15th and Early 16th Centuries*. Ph.D. Thesis. University of Washington, 1991. xvi, 316 p.
- Krueger J. R. *Materials for an Oirat-Mongolian to English Citation Dictionary*. Pt. 1–3. [Publications of the Mongolia Society]. Bloomington, IN: The Mongolia Society, 1978–1984. 6, 816 p.
- Kuribayashi Hitoshi 栗林均. “*Ka-I yakugo*” (*kōshuhon*) *Mongorugo zen tango, gobi sakuin* 『華夷訳語』(甲種本) モンゴル語全単語・語尾索引 = *Word- and Suffix-Index to Hua-yi Yi-yü, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti* [Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series 10]. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2003. 4, xxiv, 178 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuribayashi Hitoshi 栗林均, Chojinjabu 確精扎布. “*Genchō hishi*” *Mongorugo zen tango, gobi sakuin* 『元朝秘史』モンゴル語全単語・語尾索引 = *Word- and Suffix-Index to The Secret History of the Mongols, based on the Romanized Transcription of L. Ligeti* [Tōhoku Ajia Kenkyū Sentā sōsho 東北アジア研究センター叢書 = CNEAS Monograph Series 4]. Sendai: The Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2001. 6, vi, 954 p. (In Jap. and Mong.)
- Kuzmenkov E. A. Phonetic reconstruction of the Mongol text of the *Yuan-chao bi-shi*. In: *Mongolica: K 750-letiyu «Sokrovennogo skazaniya»* [Mongolica: To the 750th anniversary of the *Secret History*]. V. M. Solntsev (ed.). Moscow: Nauka, 1993. Pp. 294–327. (In Rus.)
- Lessing F. D. (ed.). *Mongolian–English Dictionary*. Berkeley—Los Angeles—London: University of California Press: Cambridge University Press, 1960. xv, 1217 p.
- Lewicki M. *La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yiyu de 1389: Édition critique précédée des observations philologiques et accompagnée de la reproduction phototypique du texte* [The Mongol Language of the 14th Century Chinese Transcriptions: A Critical Edition Preceded by Philological Observations and Followed by a Photoreproduction of the Text] [Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego. Ser. A 29]. Wrocław: Nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1949. 228 p. (In Fr., Mong. and Ch.)
- Liu Zhaoxiong 刘照雄. *Dongxiangyu jianzhi* 东乡语简志 [Concise Grammar of Dongxiang] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing: Nationalities Press, 1981. 4, 2, 122 p. (In Ch.)
- Mostaert A. *Dictionnaire ordos* [An Ordos Dictionary]. 2e éd. New York — London: Johnson Reprint Corporation, 1968. XX, 951 p. (In Fr. and Mong.)
- Mostaert A. Quelques problèmes phonétiques dans la transcription en caractères chinois du texte mongol du *luen tch’ao pi cheu* [Some Phonetic Problems in Transcribing the Mongol Text of the *Yuanchao bishi* into Chinese Characters]. In: *Antoine Mostaert (1881–1971), C.I.C.M. Missionary and Scholar*. K. Sagaster (ed.). Vol. 1: *Papers* [Louvain Chinese Studies 4]. K. U. Leuven: Ferdinand Verbiest Foundation, 1999. Pp. 225–271. (In Fr., Mong. and Ch.)
- Norman J. *Chinese* [Cambridge Language Surveys]. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xi, [1], 292 p.
- Nugteren H. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden* [Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap = Netherlands Graduate School of Linguistics 289]. Utrecht: LOT, 2011. 563 p.
- Oshanin I. M. (ed.). *Bol’shoy kitaysko-russkiy slovar po russkoy graficheskoy sisteme v chetyrekh tomakh: Ok. 250 000 slov i vyrazheniy* [A Large Chinese-Russian Dictionary according to the Russian Graphic System in Four Volumes: Ca. 250 000 Words and Expressions]. Moscow: Nauka, 1983–1984. 553, 1100, 1104, 1062 p. (In Ch. and Rus.)

- Pyurbeyev G. Ts. (ed.). *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar': V 4 t.* [A Large Mongolian–Russian Academic Dictionary: In 4 vols.]. T. 1–4. Moscow: Academia, 2001–2002. XXXII, 486, 507, 438, 506 p. (In Mong. and Rus.)
- Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies* [Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 110]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p.
- Pulleyblank E. G. *Middle Chinese: A Study in Historical Phonology*. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984. xix, [1], 268 p.
- Pulleyblank E. G. *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*. Vancouver: UBC Press, 1991. vii, [1], 488 p.
- Qasbayar-a. *Dumdadu jayun-u Mongyol kelen-ü sudulul* [A Study of the Middle Mongol Language]. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 1996. [1], 6, 3, 490 p. (In Mong.)
- Qasbayatur et al. *Mongyor kelen-ü üges = Tuzuyu cihui* 土族语词汇 [Monguor Vocabulary] [Mongyol töröl-ün kele ayalyun-u sudulul-un čuburil 014]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1986. 2, 18, 244 p. (In Ch. and Mong.)
- Qaserdeni, Bayanbayatur, Farudi, Engkebayatur. *Erten-ü Mongyol kele* [Old Mongol] [Bükü ulus-un degedü suryayuli-yin jīyaqu materiyal]. Hohhot: Inner Mongolia University Publishing House, 2008. [2], 4, 1, 496 p. (In Mong.)
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch* [A Kalmuck Dictionary] [Lexica Societatis Fennougricae 3]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Rykin P. O. The Sino-Mongol glossary *Dada yu* 韃靼語 ‘Tatar Words’: Introduction to the study of the monument. In: *Problemy istoricheskogo razvitiya mongolskikh yazykov: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 24–26 oktyabrya 2007 g.)* [Problems of the historical developments of the Mongolic languages: Proceedings of the international conference (St. Petersburg, October 24–26, 2007)]. P. O. Rykin (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. Pp. 112–126. (In Rus., Ch. and Mong.)
- Rykin P. O. Chinese transcription of the Mongol velar and uvular consonants in the glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th cent.). In: *«Zhivem družno, “molodye” raznogo vozrasta»: Sb. st. v pamyat' vostokovedatyurkologa A. N. Samoylovicha* [“We live together, “young people” of different age: A collection of papers dedicated to Professor A. Samoilovich, Orientalist and Turkologist]. A. D. Vasilyev, S. V. Dmitriyev (eds.). Moscow: Probel-2000, 2012. Pp. 87–120. (In Rus., Ch. and Mong.)
- Rykin P. On the principles of Chinese transcription of Mongolian sounds in the Sino-Mongolian glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th century). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2012. Vol. 65, No. 3. Pp. 323–334.
- Rykin P. O. On the principles of Chinese transcription of Mongol words in the Sino-Mongol glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th cent.). In: *Mongolica-X: Sb. nauch. st. po mongolovedeniyu: Posvyashchayetsya 90-letiyu L. K. Gerasimovich* [Mongolica-X: A collection of research papers commemorating the 90th birthday of Professor L. Gerasimovich]. I. V. Kulganek (ed.). St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2013. Pp. 41–48. (In Rus., Ch. and Mong.)
- Rykin P. O. On the dating and origin of the Sino-Mongol glossary *Dada yu/Beilu yiyu*. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2013. Vol. 9, pt. 3. Pp. 189–217.
- Rykin P. Middle Mongol affricates and the reconstruction of (Pre-)Proto-Mongolic affricates. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2014. Vol. 67, No. 4. Pp. 425–452.
- Rykin P. Chinese Transcription of Mongol Affricates in the Sino-Mongol Glossary *Dada yu / Beilu yiyu* from the Ming Period. In: *Dumdadu ulus-un dörbedüger quyučayan-u mongyol sudulul-un olan ulus-un erdem sinjilegen-ü sudulun yarılcaqu qural-un ögülel-ün emkidkel = Zhongguo disi jie mengguxue guoji xueshu yantaohui lunwen huibian* 中国第四届蒙古学国际学术研讨会论文汇编 = *Proceedings of the Chinese Fourth International Symposium on Mongolian Studies*. Vol. 1. Huhhot: Inner Mongolia Academy of Social Sciences: Chinese Association for Mongolian Studies, 2015. Pp. 218–228.
- Rykin P. The Sino-Mongolian Glossary *Dada yu / Beilu yiyu* and the Problem of its Dating. In: *Central Asian Sources and Central Asian Research: Selected Proceedings from the International Symposium “Central Asian Sources and Central Asian Research”, October 23rd–26th, 2014 at Göttingen State and University Library* [Göttinger Bibliotheksschriften 39]. J. Reckel (ed.). Göttingen: Universitätsverlag, 2016. Pp. 147–163.
- Rykin P. Noun Cases in the Language of the Sino-Mongol Glossary *Dada yu/Beilu yiyu* from the

- Late Ming Period. *Journal Asiatique*. 2018a. Vol. 306, No. 2. Pp. 229–234.
- Rykin P. Reflexes of the **VgV* and **VxV* Groups in the Mongol Vocabulary of the Sino-Mongol Glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (Late 16th–Early 17th Cent.). In: *Philology of the Grasslands: Essays in Mongolic, Turkic, and Tungusic Studies*. Á. B. Apatóczy, C. P. Atwood, and B. Kempf (eds.) [Languages of Asia 17]. Leiden: Brill, 2018b. Pp. 308–330.
- San Duanmu. *The Phonology of Standard Chinese* [The Phonology of the World's Languages]. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2007. xix, [1], 361 p.
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli = Buryatsko-russkiy slovar: V 2 t.* [Buryat-Russian Dictionary: In 2 vols.]. Ulan-Ude: Republic Publishing House, 2010. 635, 707 p. (In Bur. and Rus.)
- Shimunek A. The Phonology and Lexicon of Early Modern Mongolian and Late Southern Middle Mongol as Documented in a 17th century Ming Chinese-Mongolian Dictionary. *Ming Qing Yanjiu*. 2013–2014. Vol. 18. Pp. 97–131.
- Siqinchaoketu 斯钦朝克图. *Kangjiayu yanjiu* 康家语研究 [A Study of the Kangjia Language] [Zhongguo xin faxian yuyan yanjiu congshu 中国新发现语言研究丛书]. Shanghai: Far Eastern Press, 1999. [3], 2, 2, 330 p. (In Ch.)
- Slater K. W. *A Grammar of Mangghuer: A Mongolic language of China's Qinghai-Gansu Sprachbund* [RoutledgeCurzon Asian Linguistics Series]. London — New York: RoutledgeCurzon, 2003. xviii, 382 p.
- Šongqor. *Erten-ü Mongyol kelen-ü sudulul* [Studies in Old Mongol]. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 1996. 4, 808 p. (In Mong. and Ch.)
- Sun Zhu 孙竹 (ed.). *Menggu yuzu yuyan cidian* 蒙古语族语言词典 [A Dictionary of the Mongolic Languages]. Xining: Qinghai People's Publishing House, 1990. 2, 844 p. (In Ch. and Mong.)
- Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V. *The Phonology of Mongolian* [The Phonology of the World's Languages]. New York: Oxford University Press, 2005. XIX, 314 p.
- Uuda et al. *Baryu aman ayalyun-u üges = Ba'erhu tuyu cihui* 巴尔虎土语词汇 [Bargut Vocabulary] [Mongyol töröl-ün kele ayalyun-u sudulul-un čuburil 003]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House, 1985. 10, 226 p. (In Ch. and Mong.)
- Yu Wonsoo. *A Study of the Mongol Khamnigan Spoken in Northeastern Mongolia* [Altaic Languages Series 4]. Seoul: Seoul National University Press, 2011. xii, 254 p.
- Zhang Xingtang 張興唐. *Yuanchao bishi sanzong* 元朝秘史三种: *Ju Sibü congkan ben*, *Ye Dehui ben*, *shiwu juan ben yingyin* 據四部叢刊本 葉德輝本 十五卷本: *Fulu Yuan bishi dili kaozheng*, *Yuan bishi shanchuan diming kao* 附錄元秘史地理攷證 元秘史山川地名攷 [Three Variants of the *Secret History of the Mongols*: Facsimile Reproductions of the *Sibü Congkan* Edition, Ye Dehui's Edition and the Edition in 15 *Juans*: Supplemented by a Critical Study of the Geography of the *Secret History of the Mongols* and a Study of the Place Names in the *Secret History of the Mongols*]. Kyoto: Chinese Language Press, 1975. 30, 639 p. (In Ch.)
- Zhaonasiu 照那斯图. *Tuzuyu jianzhi* 土族语简志 [Concise Grammar of Monguor] [Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi congshu 中国少数民族语言简志丛书]. Beijing: Nationalities Press, 1981. 4, 2, 108 p.

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1145–1155, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 881.512.156

Лексика родильного обряда в тувинском языке

Любовь Салчаковна Кара-оол¹

¹ Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Лексика тувинского языка, связанная с родильным обрядом, как и в других тюркских языках, представляет собой относительно замкнутую и обособленную лексико-семантическую группу, которая складывалась веками. Но со временем многие лексемы стали уходить или исчезать из активного словарного запаса современного тувинского языка, а другие стали использоваться на ограниченной территории или стали вытесняться описательными новообразованиями. *Актуальность* исследования обусловлена отсутствием в тувиноведении работ, содержащих фронтальное обследование лексики родильного обряда в рамках представлений тувинцев о мире. *Цель* статьи — анализ лексики родильного обряда в тувинском языке в контексте описания действий самого обряда, что может дать ценную не только лингвистическую, но также историко-этнографическую информацию. Имеющиеся материалы и отдельные работы по данному вопросу требуют систематизации и корректировки с привлечением для анализа значительного языкового материала. *Источниковую базу исследования* составили полевые материалы автора, собранные во время комплексных экспедиций с 1999 по 2019 гг., а также лексические и фразеологические материалы, извлеченные из словарей тувинского языка, из трудов этнографов, лингвистов. *Результаты.* На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что лексика родильного обряда включает несколько групп, отражающих следующие действия: *божудуушкун* 'прием родов', *уруг хини кезер* 'обрезание пуповины ребенка', *арыглаашкын* 'очищение', *чаи уруг чуур* 'купание ребенка', *уруг сырты шыгжаар* 'захоронение последа ребенка'. Значительную часть лексики родильного обряда в тувинском языке составляют собственно тувинские слова с общетюркской основой или фразеологизмы. Понятия, связанные с родильным обрядом, передаются эвфемизмами, чтобы обезопасить мать и уберечь ребенка от злых духов или «дурного глаза». Значения некоторых слов, связанных с родильными обрядами, подверглись сужению или расширению.

Ключевые слова: лексика, традиция, родильные обряды, тувинский язык, фразеологизмы, эвфемизмы, общетюркский пласт

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00073 «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)».

Для цитирования. Кара-оол Л. С. Лексика родильного обряда в тувинском языке. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1145–1155. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155.

Tuvan Vocabulary of Birth Rites

Liubov S. Kara-ool¹

¹ Tuva State University (36, Lenin str., Kyzyl 667000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ORCID: 0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The vocabulary of the Tuvan language associated with the birth rite, as in other Turkic languages, is a relatively closed and separate lexical and semantic group that has developed over the centuries. But over time, many lexemes began to leave or disappear from the active vocabulary of the modern Tuvan language, and others limited the territory of distribution or began to be replaced by descriptive new formations. *The relevance of the study* is due to the lack of works in Tuvanian studies that contain a frontal examination of the vocabulary of the birth rite within the framework of Tuvinians' ideas about the world. Analysis of this group of words and phrases can provide valuable not only linguistic, but also historical and ethnographic information. Available materials and individual works on this issue require systematization and adjustment with the involvement of significant language material for analysis. *The source base of the research* was made up of the author's field materials collected during complex expeditions from 1999 to 2019, as well as lexical and phraseological materials extracted from the dictionaries of the Tuvan language, from the works of ethnographers and linguists. *Results.* Based on the research, the author comes to the conclusion that the vocabulary of the birth rite consists of several actions: bozhuduushkun 'receiving birth', urug hini Kezer 'circumcision of the umbilical cord of the child', aryglaashkyn 'purification', urug chuur 'bathing the child', urug syrtyy shygzhaar 'burial of the child's afterbirth'. A significant part of the vocabulary of birth rites in the Tuvan language is actually Tuvan words with a common Turkic basis or phraseological units. Concepts related to the birth ceremony are passed euphemisms to protect the mother and protect the child from evil spirits or "evil eye". The meanings of some words associated with birth rites have been narrowed or expanded.

Keywords: vocabulary, traditional, birth rites, Tuvan language, phraseological units, euphemisms, General Turkic

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-012-00073 — «Transformation processes in onomastics of the peoples of Central Asia: history and modernity (on the example of Tuva, Tofalaria, Kalmykia and Mongolia)».

For citation: Kara-ool L. S. Tuvan Vocabulary of Birth Rites. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1145-1155. DOI: 10.22162/2619-0990-46-6-1145-1155.

Введение

Первые сведения о лексике родильного обряда тувинцев появились в исследованиях ученого-тюрколога Н. Ф. Катанова [Катанов 1903] и этнографов Е. К. Яковлева [Яковлев 1900], Ф. Кона [Кон 1934], а также географа-путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2007]. В последующие периоды лексика родильных обрядов нашла отражения в работах С. И. Вайнштейна [Вайнштейн 1961], Л. П. Потапова [Потапов 1969], М. Б. Кенин-Лопсана

[Кенин-Лопсан 1994; Кенин-Лопсан 1999; Кенин-Лопсан 2006]. В настоящее время указанная лексика исследуется с этнопедагогической и этнографической точек зрения. Например, Г. Д. Сундуй в монографии «Мир детства кочевой Азии» анализирует проблемы «внутриутробного воспитания» и рассматривает вопросы, связанные с положением беременной женщины, запретами и предписаниями, которым она должна была следовать [Сундуй 2009: 64–86]. Этнографы, рассматривая охранительную магию

семьи и семейного благополучия в традиционной культуре тувинцев [Айыжы, Чит 2015: 596–603; Айыжы 2015: 3–6], попытались систематизировать запреты и предписания у тувинцев и хакасов [Айыжы, Чалбак 2015: 84–92].

Лексика родильных обрядов тувинцев не получила должного освещения в лингвистике, имеются лишь несколько статей: Ш. Ч. Сата [Сат 1981: 42–45], Н. Д. Сувандии [Сувандии 2000: 72–74], Ц. Уламсурэнгийн [Уламсурэнгийн 2003: 12–17], П. С. Серен [Серен 2000: 26–32, 50–52; Серен 2006: 50–74; Серен 2013: 22–34; Серен 2014: 25–40, 44–50, 60–67], Л. С. Караоол [Караоол 2006: 7–19; Караоол 2008: 443–456; Караоол 2016: 256–268; Караоол 2019: 368–369]. В перечисленных работах лексика, связанная с рассматриваемой темой, отражена неполно, ее освещение требует корректировки и систематизации.

Основной целью данной статьи является изучение лексики родильного обряда в контексте описания действий самого обряда.

Основная часть

Особенности лексики родильных обрядов в тувинском языке

1. Божудуушкун ёзулалы ‘обряд приема родов’ (букв. «опорожнения-Caus-Gen обряд-3Poss») начинается с приема родов, обозначаемого в тувинском языке *божудуушкун* [поъжуду:кун]¹ ‘прием родов у женщины’ [ТСТЯ 2003: 272]; дериват *божу-* [поъжу-] ‘расшатываться, становиться шатким’, ‘освобождаться, опорожняться’, ‘рожать’ [ТРС 1968: 108] связан с общетюрк. *бош* с атрибутивным значением

¹ Здесь и в последующих словах специфический фарингализованный гласный при транскрипции обозначается знаком «ъ». При артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем нижнего глоточного резонатора» [Кунаа 1957: 23]. Здесь и в последующих словах несоответствие буквы «б» и звука [п] в начале слов объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т. е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полувзвонкий аллофон [СИГТЯ 2002: 624].

‘пустой, порожний, незанятый, свободный’ [Севортян 1978: 203–205; Татаринцев 2000: 262], ср. также тунг. *bogi* ‘родить’ [Севортян 1978: 170]. Сущ. *божудуушкун* употреблено в данном словосочетании в переносном значении ‘помочь беременной женщине «опорожниться»’, т. е. родить ребенка.

У тувинцев говорят, что при родах у роженицы отделяются сто суставов — «*Чүс чүзү адырлыр*». Традиционный *божудуушкун* ‘прием родов’ связан с религиозными верованиями народа, которые имели и имеют много общего с поверьями, отражающимися в аналогичном обряде других тюркских народов, преследующем одну цель — обезопасить мать и уберечь ребенка от *бак көрүш* (‘дурной глаз’, ‘сглаз’) или «злых духов», обеспечить необходимыми условиями, которые способствовали бы, особенно в первые дни, физическому выживанию и выздоровлению ребенка и матери.

Когда у роженицы начинались предродовые схватки, устанавливали *тыртыг* ‘приспособление для подтягивания, помощи’ высотой не более 60 см: аркан или уздечку протягивали от подпорки *‘багана’* к стене юрты *‘хана’* на западной стороне. И женщина рожала полусидя, налегая грудью *‘баартактанып олулар’* на *тыртыг*, ухватившись за протянутый аркан. Роженице развязывали пояс, пороли швы халата в подмышечной части, чтобы повитуха могла, просунув руки, делать массаж, облегчающий роды [Кенин-Лопсан 1999: 14–15]. По другим сведениям, при трудных родах вместо аркана натягивали кушак отца *‘адазының куру’*, считавшийся оберегом для дочери-роженницы [ПМА 1999–2019].

В традиционном обряде роженице помогала повитуха, для названия которой повсеместно служило слово *тудугжу* — букв. ‘держущая (новорожденного)’. Она владела навыками народного акушерства и могла исправить неправильное положение ребенка (см. в материалах М. Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 1999: 15]), а называлась *тудугжу кижии* — букв. ‘держущий человек’. Оба тувинских основных словаря поместили это слово как устаревшее, см. *тудугжу кадай* [ТРС 1968: 422; РТС 1980: 392]. В настоящее время форма *тудугжу* осознается дериватом от другого значения многозначного др.-тюрк. гл. *тут-* [ДТС 1969: 591]:

тут- ‘строить’, *тут+уг* ‘стройка’, *тудуг+жу* ‘строитель’.

Момент окончания родов обозначается гл. *божаан* [по́жа:н] / *божупкан* — букв. «опорожнилась, освободилась» (см. *божуур* / *божу-* ‘расшатываться, становиться шатким’, ‘освобождаться, опорожняться’, ‘рожать’ [TPC 1968: 108]), связанным с общетюрк. *бош* с атрибутивным значением ‘пустой, порожний, незанятый, свободный’ [Севортян 1978: 203–205; Татаринцев 2000: 262]. Лексема *божаан* употреблена в переносном значении: ‘освободилась от «бремени»’, т. е. родила.

Наравне с рассмотренной лексемой в значении ‘родила’ используются следующие фразеологизмы и эвфемизмы:

1) *караа чыраан* — букв. «глаза-3 Poss засветилась-Pst», т. е. ‘родила’ [Сат 1981: 44; Курбатский 2001: 2009], *караа чырыыр* ‘разрешиться от бремени, родить’ (о женщине) [TPC 1968: 227] букв. ‘глаза засветятся’: *караа* ‘глаза [ее]’ ~ *карак* ‘глаз, око’, ‘очко’, ‘глазок’, ‘ячей’ [TPC 1968: 227], общетюрк. слово, зафиксированное в форме *қарақ* ‘зрачок’, ‘глаз’, ‘взгляд’ и под. [ЭСТЯ 2000: 295]. Э. В. Севортян предположил, что *карак* образовано от *кара* ‘чёрный’+ уменьшительный афф. -к [ЭСТЯ 2000: 296]; *чыраан* / *чыры-* ‘светить’, ‘становиться светлым, освещаться’ [TPC 1968: 559], общетюрк., см. *йары-* ‘светить’, ‘освещать’, ‘радоваться’ и под. [Севортян 1989: 134];

2) *олчалыг болган* — букв. ‘доходный иметь-Pst’, т. е. ‘заимела дар’ — благополучно родила ребенка: *олчалыг* ‘выгодный, доходный’, ‘несущий удачу’, ‘имеющий добычу’ [TPC 1968: 319], общетюрк. дериват *олча* ‘находка, добыча’, ‘выгода, удача’, перен. разг. ‘пополнение в семье’ (о родившемся ребенке) [TPC 1968: 319], в других тюркских языках *олжа* / *олйо* / *олдо* / *улца* ... с основным значением ‘добыча, находка, приобретение’ [Севортян 1974: 446–447]; *болган* от общетюрк. *бол-* ‘быть, бывать’, ‘быть в наличии, иметься, имеет место, существовать’ и под. [Севортян 1978: 185–188; Татаринцев 2000: 241], как вспомогательный глагол с модальным значением констатирует факт совершения действия;

3) *чиигээн* — букв. ‘стала лёгкой’, данный эвфемизм используется в разговорном тувинском языке в переносном значении ‘родила’: *чиигээр/чииге-* ‘становиться лег-

ким, облегчаться’, перен. ‘рожать’, ‘дешеветь, снижаться в цене’ [TPC 1968: 533], дериват *чиик* — прям. и перен. ‘лёгкий’, ‘дешёвый’, ‘низкий’ (о цене) [TPC 1968: 533], этимология слова отсутствует, хотя можно сравнить с именным образованием на -к, см. *йеңил* ‘легкий’, ‘нетрудный’, ‘легкомысленный’ и под. [Севортян 1989: 188–189].

В разговорном тувинском языке зафиксирован фразеологизм *адаа чиигээн* — букв. ‘нижняя часть облегчилась’, ‘стала лёгкой’, т. е. родила [Сат 1981: 44]: *адаа* / *адак-* ‘низ, нижняя часть’, ‘низовье’ [TPC 1968: 36], общетюрк., см. *адаа аартаан* [Татаринцев 2000: 56–57];

4) *төрүпкен* ‘родила’ [Сат 1981: 44], *төрүүр* ‘родить’ [Кенин-Лопсан 1999: 13], см. *төрүүр* / *төрү-* ‘рожать’ (о женщине), ‘приносить детенышей, давать приплод’ (о животных), ‘класть яйца’ (о птице), ‘родиться’ [TPC 1968: 420], общетюрк., см. *дөре-* с основными значениями ‘(по)рождаться, появляться на свет’, ‘родить, рожать, рождать’ [Севортян 1980: 283]. В современном тувинском языке глагол *төрүпкен* используется по отношению к животным со значениями ‘отелилась’, ‘ожеребилась’, ‘оягнилась’, ‘опоросилась’, тогда как цаган-нурские тувинцы активно используют его в отношении женщины: *Тос ай болгаи төрүүр* — ‘Родит через девять месяцев’ [Серен 2014: 27; ПМА 1999–2019];

5) *үндүрер* — букв. «выпустить, вывести» (термин бытует среди тувинцев Кобдоского (Ховдского) аймака Монголии [Уламсурэнгийн 2003: 159]), данный эвфемизм используется кобдоскими тувинцами в значении ‘родить’: *үндүрер* понуд. от *үн-* ‘выпускать, выводить’, ‘выпускать, издавать’, ‘исключать’, ‘увольнять’, ‘выселять’, ‘выживать’, ‘изымать’, прям. и перен. ‘выносить’ [TPC 1968: 448]. Данная лексема в значении ‘рождаться (о детях)’ употребляется в тофаларском и туркменском языках [Рассадин 1971: 238].

По отношению к родившемуся ребенку используется глагол *төрүттүнген* ‘родился- Caus-Rfl- Pst’ от общетюрк. *төрү-* ‘(по)рождаться, появляться на свет’ [Севортян 1980: 283].

В значении ‘родиться’ используется также фразеологизм *чырык хун көөр* — букв. ‘светлое солнце видеть’, т. е. ‘появиться на

свет', 'жить, существовать' [Хертек 1975: 195]: *чырык* 'свет /светлый' [ТРС 1968: 559] от общетюрк. *чыры-* 'светиться' [Рассадин 1971: 200], ср. также с др.-тюрк. *jari-/jaru-* 'светиться', 'сиять', 'радоваться' [ДТС 1969: 243]; *хүн* 'солнце', 'день', общетюрк. [ДТС 1969: 326; СИГТЯ 2001: 64–66]: *көөр* 'смотреть', 'глядеть', 'видеть' и под. [ТРС 1968: 258], общетюрк., см. *көр-* / *гөр* '(у)видеть' [Севортян 1980: 77; ЭСТЯ 1997: 116].

У кобдоских тувинцев (Монголия) в данном значении зафиксирован глагол *үнер* — букв. 'выходить-Fut' [Уламсурэнгийн 2003: 159], от общетюрк. *үн-* 'выходить, уходить, идти' [Рассадин 1971: 238].

В традиционной тувинской семье возраст человека считали с внутриутробного периода, поэтому родившийся ребенок считался уже годовалым *бир харлыг төл*.

II. Уруг хини кезер 'обрезание пуповины ребенка'

Введение ребенка в социум начинается со следующего действия — *уруг хини кезер* (лит. тув. язык и язык тувинцев сомона *Цагаан-Нуур* Монголии) [ПМА 1999–2019], *уруг хирни кезер* [Кенин-Лопсан 1999: 17].

Уруг[нуң] хини[н] кезер — букв. «ребенок-Gen пупок-3Poss-Асс резать-Fut», т. е. 'обрезать пупок ребенка'; компоненты тюркского изафета являются древнетюркскими: см. *уруг* 'зерно, семя, косточка', 'род, потомство' [ДТС 1969: 615] и стяженная форма *хин* от др.-тюрк. *хиндик* 'пупок' [ДТС 1969: 308]; *кезер* [кэзэр] 'резать, нарезать, отрезать', 'косить', 'жать', 'рубить', 'оперировать' [ТРС 1968: 236], а также 'стричь' [ТСТЯ 2011: 111] — общетюрк., во всех источниках основное значение 'резать', 'перерезать', 'срезать' [ЭСТЯ 2000: 55–56].

Обряд обрезания пупка совершала *тудугжу* 'повитуха'. Она завязывала пуповину ребенка сухожилием '*сиир*' и резала ножницами '*хачы*', смазанными топленным маслом и разогретыми на огне.

В значении 'повитуха' в современном тувинском языке преимущественно используется словосочетание *хин иези*, в первом компоненте которого видят сокращение др.-тюрк. слова *хиндик* 'пупок' [ДТС 1969: 308], т. е. в целом *хин иези* — близко к букв. 'пупочная мать'. Интересно, что реальность слова *хин* подтверждается употреблением его в посессивных образова-

ях слова *хиндик* 'пупок': 'мой пупок' — *хиним*, 'его пупок' — *хини* и т. д.

Судя по имеющимся диалектным материалам, раньше словосочетание *хин иези* не обладало современной повсеместной распространенностью, а ограничивалось южными тувинскими говорами (Тере-хольский, Эрзинский районы на юго-востоке Тувы, сомон *Цагаан-Нуур* Монголии).

В большинстве тувинских диалектов (западном диалекте, распространенном в Бай-Тайгинском, Баруун-Хемчикском районах Тувы, центральном диалекте, распространенном в Дзун-Хемчикском районе Тувы, а также в языке тувинцев Кызылского и Тере-Хольского районов Тувы) зафиксировано *хиндик иези* 'пупочная мать-3Poss' и более полное синтаксическое построение *хинин кескен иези* (*авазы*) (букв. «пупок-3Poss-Асс резать-Pst мать-3Poss (мама-3Poss)» — 'мать (мама), отрезавшая пуповину') // *хинин кескен адазы* (букв. «пупок-3Poss-Асс резать-Pst отец-3Poss» — 'отец, отрезавший пуповину'), которое, видимо, и стало источником *хин иези* так же, как и современного выражения *хинин кескен эмчи* 'доктор, отрезавший пуповину'. Тувинское *хин ие* ср. с кирг. *киндик*, алт. *киндик*, башк. *кендек инәһе*, уйг. *киндик-ана*, тоф. *хин* и т. д. [Батыршина 2008: 11; Чвырь 2006: 56; Дьяконова 1988: 168].

В ховдинском говоре (говоре кобдоских тувинцев Монголии) в значении 'повитуха' зафиксировано словосочетание *суйбажы кижси* [ПМА 1999–2019] — букв. «ощупывающий человек»: слово *суйбажы* не зафиксировано в словарях тувинского языка, дериват *суйба-* 'щупать, ощупывать', 'гладить (рукой)' [ТРС 1968: 390], в тофаларском языке *суйба-* 'щупать, ощупывать' [Рассадин 1995: 65]; *суйба* + афф. -*жы*, обозначающий имена лиц по их профессии, по роду их занятий и т. п. [Исхаков, Пальмбах 1961: 154]; *кижси* [киъжи] 'человек, человеческий' — др.-тюрк. слово [ДТС 1969: 310].

Цаган-нурские тувинцы (Монголия) серьезно подходят к выбору *хин иези*, так как верят, что ребенок может унаследовать определенные черты ее характера и даже судьбу [Серен 2000: 13; ПМА 1999–2019]. И *хин иези* должна быть не только почитаемой в роду, но и благополучной в отношении потомства.

По представлениям тувинцев, пуповина являетсяместищем жизненной силы *кут* и в период внутриутробного развития связывает ребенка не только с матерью, но и с верхним миром. Поэтому после отпадения пуповину хранили в *хин хавы* [Кенин-Лопсан 1999: 18] — букв. «пупок-Gen мешок» — в ‘мешочке пуповины’, который подвешивали к колыбели или на священной стреле *ыдык оык*. Это не только символизировало детей одной матери, но и было «той точкой в обрядовом цикле, от которой окончательно расходятся линии новорожденного и женщины-роженицы» [Соломатина 1985: 53].

III. Арыглаашкын (букв. «очищение») — следующее родинное действие. Термин *арыглаашкын* означает ‘очистка, очищение, чистка’, ‘вывеивание’, ‘сортирование, сортировка’, ‘уборка, приборка’, перен. ‘кастрирование’ → от гл. *арыгла-* ‘чистить, очищать’, ‘убирать, прибирать’, ‘веять’, ‘сортировать’, перен. ‘кастрировать’ → от прил. *арыг* ‘опрятный, аккуратный’, ‘чистый’ [TPC 1961: 71], дериват *ары-* ‘чиститься, очищаться’, ‘отчищаться’ [TPC 1961: 72], общетюрк., см. *ары-* ‘чистый’ и под. [Севортян 1974: 184–186]. Б. И. Татаринцев предположил, что глагол *ары-* может быть образован от именной основы, которая сохранилась в отдельных тюркских языках, например, як. *аар* ‘чистый, лучший’ [Татаринцев 2000: 142].

По традиционным представлениям тувинцев роженица и новорожденный обладали сакральной нечистотой, являлись *бужарлыг* (букв. ‘оскверненные’), были уязвимы для различных дурных воздействий, поэтому подлежали обряду очищения. Роженицу окуривали *артыштаар* ‘можжевельником’, дым которого служил очистительным средством: этого было достаточно, чтобы роженица и все ее вещи очистились от скверны и защитились от дурных воздействий. А *шара* ‘плодный пузырь новорожденного’ вытирали куском чистой мягкой шкуры *алгы*.

IV. Чаш уруг чуур ‘купание ребенка’ — традиционный обряд купания новорожденного [Серен 2000: 13] следует понимать условно: он проводился не с гигиенической, а с магической целью. Данное действие в основном схоже с алтайским: повитуха омыла ребенка в *артыштыг кара шай* ‘чер-

ном чае с можжевельником’, чтобы его тело было здоровым [ТБ 1990: 7].

Чаш уруг[ну] чуур — букв. «грудной ребенок-Асс мыть-Fut» — ‘мытье грудного ребенка’: здесь используется сочетание *чаш уруг* ‘младенец’ (соответствие зафиксировано в тофаларском языке *чеш уруг* [Рассадин 1995: 180]). Этимология лексемы *чаш* не ясна, хотя она встречается во многих тюркских языках, см. *йаш* ‘молодой’, ‘год (жизни)’ и т. д. [Севортян 1989: 161]; *уруг* — др.-тюрк. слово, см. *уруг* ‘род, потомство’ и под. [ДТС 1969: 615]; *чуур* ‘мыть, смывать’, ‘стирать’ [TPC 1968: 548], основа гл. *чу-* ‘мыть, стирать’ является др.-тюрк. [ДТС 1969: 277].

В материалах этнографов и историков, описавших данное действие, есть некоторые отличия. Например, у юго-восточных тувинцев лицо новорожденного омывали теплым чаем, затем — крепко заваренным чаем ‘*чемижи чедишкен шай*’ (считалось, что чай укрепляет организм и хорошо действует на кожу), смазывали салом ‘*чаг*’ или топленным маслом ‘*саржаг*’ пах, подмышки и глаза [Потапов 1969: 267]. У цаган-нурских тувинцев ребенка сначала омывали черным чаем, затем бульоном, сваренным из баранины ‘*кара мун*’. Только после этого отдавали матери, чтобы она покормила его грудью *уруг эмзирер* [Серен 2000: 13]. У монголов при рождении мальчика бульон варили из правой лямки барана, а при рождении девочки — из левой; сначала бульон пила роженица, а затем им омывали ребенка [Жуковская 2002: 114]. В данном случае, скорее всего, проявляется универсальная оппозиция мужского и женского начал.

По завершении традиционного действия купания новорожденного ‘*чаш уруг чуур ёзулал*’ повитуха приступала к захоронению последа ребенка.

V. Уруг сыртыын шыгжаар ‘захоронение последа ребенка’. По поверьям тувинцев, захоронение последа ребенка *уруг[нуң] сыртыы[н] шыгжаар* — букв. «ребенок-Gen подушка-3Poss-Асс хранить-Fut», т. е. ‘уберечь подушку ребенка’ [Кенин-Лопсан 1994: 124; Кенин-Лопсан 1999: 18] имело большое значение для жизни новорожденного: считалось, что послед ребенка связан с его душой, поэтому

жизнь его во многом зависит от того, какие предосторожности предпринимались относительно *уруг сыртыы* ‘послед, плацента’. Отметим, что *уруг* ‘ребенок’ — др.-тюрк. слово [ДТС 1969: 615] (см. выше); *сыртыы* — букв. ‘[его] подушка’/ *сыртык* ‘подушка’, ‘подставка, упор’; *уруг сыртыы* анат. ‘послед’ (у женщины) [ТРС 1968: 398], в тофаларском языке *сыстық* ‘подушка’ [Рассадин 1995: 214], этимология этого слова неясна; *шыгжаар* / *шыгжа-* ‘хранить, сохранять’, ‘беречь’, ‘укладывать, класть во что-л.’ [ТРС 1968: 585], тоф. *чыгжаар* ‘хранить’ [Рассадин 1995: 273], общетюрк., см. *йыг-* ‘сберегать’, ‘класть’, ‘бережно класть’, ‘хоронить кости умершего’, ‘прятать’ [Севортян 1989: 271];

По этнографическим материалам М. Б. Кенин-Лопсана послед завертывали в белый войлок вместе с узелком ячменя и закапывали ‘*чаларадыр*’ в восточной части юрты [Кенин-Лопсан 1994; Кенин-Лопсан 1999], поэтому тувинцы говорят: «*Хиним тудуш төрээн черим*» ‘Родная моя земля, с которой связана моя пуповина’.

У юго-восточных тувинцев послед заворачивали в шкуру, на которой родился ребенок, и прятали в листе молодых деревьев, у западных — закапывали под кроватью роженицы. В ямку, вырытую для последа, помещали кусок баранины с пожеланием, чтобы ребенок рос физически крепким и здоровым, и косточку-астргал ‘*кажык*’, что символизировало пожелание, чтобы у ребенка было много сверстников, с которыми он играл бы в бабки; затем придавливали все это камнем и засыпали землей [Потапов 1969: 267–268].

Цаган-нурские тувинцы послед ребенка называют *соңгу*, заворачивают его в белую ткань и оставляют в сухом тенистом месте, куда не падают лучи солнца [Серен 2014: 28], а по нашим сведениям цаган-нурцы во время проведения действия ‘*соон шыгжаар*’ прячут послед в сухом месте холма [ПМА 1999–2019].

Аналогичное действие существует у алтайцев и унгинских бурят, что обусловлено верой в связь последа с жизнью ребенка, а следовательно, в то, что правильное захоронение последа может уберечь его от осквернения, а жизнь ребенка будет долговечной [Шатинова 1981: 79–80]. Закапывание по-

следа в землю у монголов «означает и его возвращение в лоно матери и одновременно связь родившегося человека с миром предков» [Жуковская 2002: 113].

Выводы

Традиционный родильный обряд тувинцев имеет много общего с аналогичными обрядами других тюркских народов, нацеленными на обеспечение условий, способствующих физическому выживанию и выздоровлению ребенка и матери и в целом благополучному исходу родов.

Анализ лексики традиционных родильных обрядов позволил выявить следующие особенности: а) лексика родильного обряда связана с несколькими этапами действий участников обряда: *божудуушкун* ‘прием родов’, *уруг хини кезер* ‘обрезание пуповины ребенка’, *арыглаашкын* ‘очищение’, *чап уруг чуур* ‘купание ребенка’, *уруг сыртыы шыгжаар* ‘захоронение последа ребенка’; б) в структурном и этимологическом отношении значительную часть лексики родильных обрядов в тувинском языке составляют собственно тувинские слова с общетюркской основой или фразеологизмы; в) многие понятия, связанные с родильным обрядом, передаются эвфемизмами, что направлено на обеспечение безопасности матери и охрану ребенка от злых духов или «дурного глаза»; г) понятие, обозначающее момент окончания родов, выражается лексемами, употребляющимися в переносном значении; д) с течением времени значения некоторых слов, связанных с родильными обрядами, подверглись сужению или расширению.

Глоссы

- Асс — аккузатив (В. п.)
- Сaus — каузатив (понуд. з.)
- Fut — будущее время
- Gen — генитив (Р. п.)
- Poss — посессивность
- Pst — прошедшее время
- Rfl — возвратный залог
- 3 – 3 лицо

Сокращения

- афф. — аффикс
- букв. — буквально
- гл. — глагол
- др.-тюрк. — древнетюркский
- общетюрк. — общетюркское

перен. — переносное
 понуд. — понудительное
 прям. — прямое
 разг. — разговорное

сущ. — существительное
 тоф. — тофаларский язык
 як. — якутский язык.

Полевой материал автора

ПМА 1999–2019 — Полевые материалы автора с 1999 по 2019 гг.

Author's Field Data

Field materials collected by the author from 1999 to 2018.

Литература

- Айыжы 2015 — *Айыжы Е. В.* Историографический анализ изучения культов, связанных с охранительной магией семьи и семейного благополучия у тувинцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Мат-лы XII междунар. науч. конф. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. С. 3–6.
- Айыжы, Чит 2015 — *Айыжы Е. В., Чит О. А.* Охранительная магия семьи и семейного благополучия в традиционной культуре тувинцев (сравнительный анализ с хакасами) // Oxford Review of Education and Science. 2015. № 1 (9). С. 596–603.
- Айыжы, Чалбак 2015 — *Айыжы Е. В., Чалбак А. В.* Обряды и обычаи, связанные с беременностью женщины, у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 84–92.
- Батыршина 2008 — *Батыршина Г. Р.* Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 26 с.
- Вайнштейн 1961 — *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы // Историко-этнографические очерки. М.: Вост. лит., 1961. 218 с.
- Грум-Гржимайло 2007 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населенниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.). С. 496–638.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дьяконова 1988 — *Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 152–185.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Исхаков, Пальмбах 1961 — *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.
- Кара-оол 2006 — *Кара-оол Л. С.* Лексика родины // Эртем бижиктери [Ученые записки]. Кызыл: РИО ТывГУ, 2006. Вып. 1. С. 7–19.
- Кара-оол 2008 — *Кара-оол Л. С.* Тувинская семья // Российская семья: энциклопедия. М.: Изд-во РГСУ, 2008. С. 443–456.
- Кара-оол 2016 — *Кара-оол Л. С.* Лексика предродовых обрядов и магических действий в тувинском языке // Общественные науки. 2016. № 6. Т. 1. С. 256–268.
- Кара-оол 2019 — *Кара-оол Л. С.* Лексика родильных обрядов в топонимах Тувы // Мир науки, культуры, образования. Вып. 3 (76). 2019. С. 368–369.
- Катанов 1903 — *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1903. 1600 с.
- Кенин-Лопсан 1994 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тыва чоннуң бурунгу ужурлары (= Традиционная этика тувинцев). Кызыл: Новости Тувы, 1994. 192 с.
- Кенин-Лопсан 1999 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары (= Тувинские традиции. Священные традиции тувинского народа). Кн. II. Кызыл: Новости Тувы, 1999. 352 с.
- Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За 50 лет. Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 296 с.
- Кунаа 1957 — *Кунаа А. Ч.* Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл: Тип.

- упр. культуры, 1957. 54 с.
- Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 404 с.
- Рассадин 1971 — *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1971. 252 с.
- Рассадин 1995 — *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 288 с.
- РТС 1980 — Русско-тувинский словарь: 32 000 слов // ред. Д. А. Монгуш. М.: Русский язык, 1980. 664 с.
- Сат 1981 — *Сат Ш. Ч.* Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Советская тюркология. 1981. № 5. С. 42–45.
- Севортян 1974 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Б». М.: Наука, 1978. 352 с.
- Севортян 1980 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1980. 396 с.
- Севортян 1989 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 296 с.
- Серен 2000 — *Серен П.* Моолда тываларнын чаңчылдары (орук демдегелдер) (= Обряды тувинцев в Монголии (путевые заметки)). Кызыл: Тип УПО «Аныяк», 2000. 58 с.
- Серен 2006 — *Серен П.* Моолда сенгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) (= Обычаи цэнгэльских тувинцев в Монголии (материалы языка, культуры)). Кызыл: Респ. тип., 2006. 104 с.
- Серен 2013 — *Серен П. С.* Моолда хомду тываларының ёзулалдары (= Обычаи ховдинских тувинцев в Монголии). Кызыл: Тываполиграф, 2013. С. 22–34.
- Серен 2014 — *Серен П.* Моолда цагаан-нуур тываларының ёзу-чаңчылдары: дылының, культуразының материалдары (= Обряды и обычаи цаган-нурских тувинцев в Монголии: материалы языка, культуры). Кызыл: Тываполиграф, 2013. 192 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 768 с.
- Соломатина 1985 — *Соломатина С. Н.* Об обычае сохранения детских пуповин у народов Саяно-Алтая // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР: краткое содержание докладов. Л.: Наука, ЛО, 1985. С. 52–54.
- Сувандии 2000 — *Сувандии Н. Д.* Наречение именем у тувинцев: мат-лы междунар. конф. «Становление и развитие науки в Туве», посвященной 70-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 11–14 сентября 2000 г.). Ч. 1. Кызыл: РИО ТывГУ, 2000. С. 72–74.
- Сундуй 2009 — *Сундуй Г. Д.* Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: ИРНИШ, 2009. 168 с.
- Татаринцев 2000 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. А – Б. 341 с.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II. Д – Й. 388с.
- ТБ 1990 — Тувинские благопожелания. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. 140 с.
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Тенишев Э. Р. М.: Сов. энц., 1968. 648 с.
- ТСТЯ 2003 — Толковый словарь тувинского языка. Т. I. А – Й / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2003. 600 с.
- ТСТЯ 2011 — Толковый словарь тувинского языка Т. II. К – С / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2011. 800 с.
- Уламсурэнгийн 2003 — *Уламсурэнгийн Ц.* Образцы фольклора и речи кобдоских тувинцев / Ц. Уламсурэнгийн. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. 192с.
- Хертек 1975 — *Хертек Я. Ш.* Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. 204 с.
- Чвырь 2006 — *Чвырь Л. А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М.: Вост. лит., 2006. 288 с.
- Шатинова 1981 — *Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1981. 184 с.

- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «К», «К». Вып. 1 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «К». Вып. 2 / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. 265 с.
- Яковлев 1900 — Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородного населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Вып. 4. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 214 с.
- References**
- [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Lexis]. E. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Regional Reconstructions]. E. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2002. 768 p. (In Russ.)
- [Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ. and Turk.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters 'K', 'K']. Vol. 1. G. Blagova (ed.). Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1997. 368 p. (In Russ. and Turk.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letter 'K']. Vol. 2. G. Blagova (ed.). Moscow: Indrik, 2000. 265 p. (In Russ. and Turk.)
- [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. I: 'A – Ы'. D. Mongush (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2003. 600 p. (In Tuv. and Russ.)
- [Explanatory Dictionary of the Tuvan Language]. Vol. II: 'K – C'. D. Mongush (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2011. 800 p. (In Tuv. and Russ.)
- [Russian-Tuvan Dictionary]. 32 000 word entries. A. Mongush (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 664 p. (In Russ. and Tuv.)
- [Tuvan Well-Wishing Verses]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1990. 140 p. (In Russ. and Tuv.)
- [Tuvan-Russian Dictionary: 22 000 Word Entries]. E. Tenishev (ed.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 648 p. (In Tuv. and Russ.)
- Aiyzhy E. V. Investigating cults related to Tuvan family protection and welfare magic: historiographic analysis. In: [Western Mongolia and Adjacent Regions: Natural Conditions, History and Culture]. Conf. proc. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2015. Pp. 3–6. (In Russ.)
- Aiyzhy E. V., Chalbakh A. V. Rituals and customs connected with woman's pregnancy among the peoples of the Sayan-Altai Region (the case study of the Tuvans and the Khakass). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 3. Pp. 84–92. (In Russ.)
- Aiyzhy E. V., Chit O. A. Охранительная магия семьи и семейного благополучия в традиционной культуре тувинцев (сравнительный анализ с хакасами). *Oxford Review of Education and Science*. 2015. No. 1 (9). Pp. 596–603. (In Russ.)
- Batyrshina G. R. [Bashkir Birth Rites: Terminology (Ethnolinguistic Analysis)]. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2008. 26 p. (In Russ.)
- Chvyr L. A. [Rituals and Beliefs of the Uighurs in the 19th-20th Centuries: Sketches of Folk Islam in Turkestan]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 288 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Tuvans and Telengits: childhood in traditional culture. In: [Peoples of Siberia: Traditional Parenting (Methods)]. Leningrad: Nauka, 1988. Pp. 152–185. (In Russ.)
- Grumm-Grzhimaylo G. E. Western Mongolia and the Uriankhai Country. Anthropological and Ethnographic Review of These Territories. In: [Uryankhay. Tyva Depter: Anthology of Scientific and Educational Thought about the Ancient Tuvan Land and Its Inhabitants, about Uryankhay-Tannu-Tuva, Uryankhay-Tuvans, (and) Tuva's Antiquities]. In 7 vols. S. Shoygu (comp.). Moscow: Slovo, 2007. Vol. 2: 'Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay People (4th to early 20th centuries)'. Pp. 496–638. (In Russ.)
- Iskhakov F. G., Palmbakh A. A. [Tuvan Grammar]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 472 p. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Lexis of maternal rites in toponyms of Tuva. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No. 3 (76). Pp. 368–369. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Motherland's vocabulary. In: [Ertem bizhikteri: Scholarly Notes]. Kyzyl: Tuvan State University, 2006. Vol. 1. Pp. 7–19. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Pre-birth rituals and magic arrangements: Tuvan vocabulary. *Social Science*. 2016. No. 6. Vol. 1. Pp. 256–268. (In Russ.)

- Kara-ool L. S. Tuvan family. In: [Russian Family: Encyclopedia]. Moscow: Russian State Social University, 2008. Pp. 443–456. (In Russ.)
- Katanov N. F. [A Case Study of the Uriankhai Language, with Its Indicated Ties to Other Turkic Languages]. Kazan: Imperial Kazan University, 1903. 1600 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. [Tuvan Traditional Culture]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2006. 232 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. [Tuvan Traditional Ethics]. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1994. 192 p. (In Tuv.)
- Kenin-Lopsan M. B. [Tuvan Traditions: Sacred Traditions of the Tuvan People]. Vol. II. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1999. 352 p. (In Tuv.)
- Khertek Ya. Sh. [Tuvan-Russian Phraseological Dictionary]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1975. 204 p. (In Tuv. and Russ.)
- Kon F. Ya. [Over the 50 Years. Expedition to Soyotia]. Moscow: All-Union Society of Pre-Revolutionary Political Convicts and Special Settlers, 1934. 296 p. (In Russ.)
- Kunaa A. Ch. [Sound System of Modern Tuvan]. Kyzyl: Dept. of Culture, 1957. 54 p. (In Russ.)
- Kurbatsky G. N. [Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [The Tuvans: Sketches of Everyday Life]. Moscow: Nauka, 1969. 404 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [Tofalar Phonetics and Lexis]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1971. 252 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [Tofalar-Russian Dictionary. Russian-Tofalar Dictionary]. Irkutsk: East Sib. Book Publ., 1995. 288 p. (In Russ. and Tof.)
- Sat Sh. Ch. Taboos and euphemisms in the Tuvan language. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1981. No. 5. Pp. 42–45. (In Russ.)
- Seren P. [Tsagaan Nur Tuvans of Mongolia: Rituals and Customs (Language and Cultural Materials)]. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2013. 192 p. (In Tuv.)
- Seren P. [Tsengel Tuvans of Mongolia: Rituals (Language and Cultural Materials)]. Kyzyl: Republican Publ. House, 2006. 104 p. (In Tuv.)
- Seren P. [Tuvans of Mongolia: Rituals (Travel Notes)]. Kyzyl: Anyyak, 2000. 58 p. (In Tuv.)
- Seren P. S. [Khovd Tuvans of Mongolia: Rituals]. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2013. Pp. 22–34. (In Tuv.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 768 p. (In Russ. and Turk.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letter ‘Б’]. Moscow: Nauka, 1978. 352 p. (In Russ. and Turk.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Б’, ‘Г’, ‘Д’]. Moscow: Nauka, 1980. 396 p. (In Russ. and Turk.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Ж’, ‘К’, ‘У’]. Moscow: Nauka, 1989. 296 p. (In Russ. and Turk.)
- Shatinova N. I. [Altaian Family]. Gorno-Altaysk, 1981. 184 p. (In Russ.)
- Solomatina S. N. Peoples of the Sayan-Altai: a tradition of preserving naval cords. In: [Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences: Annual Academic Session]. Report abstracts. Leningrad: Nauka, 1985. Pp. 52–54. (In Russ.)
- Sunduy G. D. [World of Childhood in Nomad Asia: Experiences of Spiritual and Moral Education]. Kyzyl: IRNSh, 2009. 168 p. (In Russ.)
- Suvandii N. D. Tuvan name giving (traditions). In: [Shaping and Development of Science in Tuva]. Conf. proc. (Kyzyl; September 11–14, 2000). Kyzyl: Tuvan State University, 2000. Part 1. Pp. 72–74. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk: Nauka, 2000. Vol. I: ‘А – Б’. 341 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. Novosibirsk: Nauka, 2002. Vol. II: ‘Д – Ё’. 388 p. (In Tuv. and Russ.)
- Ulamsurengiyn Ts. [Khovd Tuvans: Folklore and Speech Patterns]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2003. 192 p. (In Russ.)
- Vaynshteyn S. I. Tozhu Tuvans. In: [Historical and Ethnographic Essays]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 218 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. [Ethnographic Review of Non-Russian Populations of the Lower Yenisei Valley, Supplemented with an Explanatory Catalogue of the Museum’s Ethnographic Department]. Vol. 4. Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 214 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1156–1175, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1156-1175
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81

Категориально-семантическая нотация базовых лексем монгольского языка в количественном освещении

Сергей Александрович Крылов¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0001-52070949. E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. *Цель.* В статье задаётся категориально-семантическая нотация словоформ базовых лексем монгольского языка; эти словоформы охарактеризованы по их встречаемости. В статье приводится список, содержащий базовую лексику современного монгольского языка (454 словоформы). *Материалы и методы.* Подсчет частотности словоформ велся на материале Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ). Настоящая работа опирается на те же принципы квантитативной монголистики, что и предшествующие работы автора. Однако наиболее оригинальной особенностью данной словарной таблицы является наличие в ней особой категориально-семантической нотации. Такая нотация ориентирована на разработку семантической типологии языков мира. Она рассчитана на потенциальную типологическую сопоставимость данного базового лексикона с аналогично построенными базовыми лексиконами других языков мира. В статье приводятся базовые 454 словоформы современного монгольского языка, употребительные в ГКМЯ-1а: абсолютная частотность в ГКМЯ превышает 255, а относительная — соответственно 220 ipm. (I.) Имя словоформы в квази-орфографической записи. Квази-орфографическая запись отличается от собственно орфографической снятием всех различий по регистру (заглавности/строчности). (II.) Обобщённая грамматема (т. е. сюда включаются не только собственно грамматемы, но и пучки омографических грамматем). (III.) Обобщённая лексема (т. е. сюда включаются не только собственно лексем, но и пучки омографических лексем). (IV.) Семантическая помета-гlossa, приписанная соответствующей словоформе или лексеме (строго говоря, она приписана одному из членов пучка омографических сегментов, совпадающему с именем словоформы). Этот столбец имеет функцию неформального мнемонического напоминания пользователю-типологу (особенно не знакомому с монгольским языком), какое лексическое значение имеет данная словоформа. (V.) Категориально-семантическая помета, приписываемая данной словоформе (точнее говоря, пучку омографических словоформ) в ГКМЯ. Этот столбец в данной таблице является ключевым. (VI.) Абсолютная частотность словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в ГКМЯ-1а. (VII.) Ранг словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в ГКМЯ-1а. (VIII.) Количество текстов из ГКМЯ-1а, в которых данная словоформа (точнее говоря, пучок омографических словоформ) встречается. (IX.) Ранг словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в частотном словаре, упорядоченным по убыванию количества текстов из ГКМЯ-1а. Категориально-семантическая нотация словоформ базовых лексем монгольского языка представлена в виде таблицы, упорядоченной по прямому алфавитному порядку категориально-семантических помет.

Ключевые слова: семантические классы слов, части речи, частотные словари, монгольский язык, количественные методы, корпусная лингвистика, категориально-семантическая нотация, семантическая типология, семантический метаязык, категориальная семантика, базовая лексика, частотность словоформ, частотность лексем, сопоставительный метод, искусственные языки.

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы», направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка», а также РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Крылов С. А. Категориально-семантическая нотация базовых лексем монгольского языка в количественном освещении. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1156–1175. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1156-1175.

UDC 81

Categorical–Semantic Markup of Basic Mongolian Lexemes: a Quantitative Perspective

Sergey A. Krylov¹

¹Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate
ORCID: 0000-0001-52070949. E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. The article defines the categorical-semantic notation (tagging) of the word-forms of the basic lexemes of the Mongolian language; these word-forms are characterized by their occurrence. The article provides a list, containing the basic vocabulary of the modern Mongolian language (454 word-forms). The calculation of the frequency of word-forms was carried out on the material of the General Corpus of the Modern Mongolian Language (GCML). This work is based on the same principles of quantitative Mongolian Study as the previous works of the author. However, the most original feature of this dictionary is the presence of a special categorical-semantic notation (tagging) in it. Such a notation is focused on the tasks of the semantic typology of the world languages. It is designed for potential typological comparability of this dictionary with similarly compiled dictionaries of the other languages of the world. In this article, the basic 454 word-forms of the modern Mongolian language can be found, and they are rather common in the GCML-1a: the absolute frequency in the GCML is over 255, and the relative frequency is respectively 220 ipm (I.) The name of the word-form in a quasi-orthographic recording. The quasi-orthographic recording differs from the proper spelling by removing all the differences in the registers (capital/small letters). (II.) The generalized grammateme (i. e., not only the grammatemes themselves, but also bundles of homographic grammatemes are included here). (III.) The generalized lexeme (i. e., not only proper lexemes are included here, but also homographic lexeme bundles). (IV.) The semantic gloss-mark, attributed to the corresponding word-form or lexeme (strictly speaking, it is assigned to one of the members of the bundle of homographic segments, which coincides with the name of the word-form). This column has a function of an informal mnemonic reminder to indicate which lexical meaning possesses the given word-form. The reminder is intended for a typologist-user, especially not familiar with the Mongolian language (V.) The categorical- semantic gloss-mark, attributed to the given word-form (more precisely, to a bundle of homographic word-forms) in the GCML. This column in the given table is the key. (VI.) The absolute frequency of the word-form (more precisely, the bundle of homographic word-forms) in the GCML-1a. (VII.) The rank of the word-form (more precisely, the bundle of homographic word-forms) in the GCML-1a. (VIII.) The number of the texts from the GCML-1a, in which the given word-form (more precisely, a bundle of homographic word-forms) occurs. (IX.) The rank of the word-form (more precisely, a bundle of homographic word-forms) in the frequency dictionary,

ordered by decreasing the number of the texts from the GCML-1a. The categorical-semantic notation (tagging) of the word-forms of the basic lexemes of the Mongolian language is presented in the form of a table, ordered in the direct alphabetical order of the categorical-semantic marks.

Keywords: semantic word classes, parts of speech, frequency dictionaries, Mongolian language, quantitative methods, corpus linguistics, categorical-semantic notations, semantic typology, semantic metalanguage, categorial semantics, basic vocabulary, word-form frequency, lexical frequency, comparative method, constructed languages.

Acknowledgements: The reported study was funded by comprehensive fundamental research program of the Department of Historical and Philological Sciences of the RAS ('Eurasianist Heritage and Its Contemporary Narratives', subprogram 'General Corpus of Modern Mongolian: Creating Version No. 3'), and by RFBR (project numbers 18-012-00611 'Structural and Probabilistic Morphology of Mongolic Languages' and 19-512-44017 'Structural and Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages').

For citation: Krylov S. A. Categorical–Semantic Markup of Basic Mongolian Lexemes: a Quantitative Perspective. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1156–1175. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1156–1175.

Введение

Важной задачей современной квантитивной монголистики¹ является изучение квантитативных свойств (абсолютной и относительной частотности и др.) основных морфологических единиц монгольского языка методами корпусной лингвистики на материале корпуса монгольского языка большого объёма. Актуальность проблемы изучения квантитативных свойств морфологического строя монгольского языка обусловлена тем обстоятельством, что большинство этих характеристик до сих пор не известны учёным из-за отсутствия представительных и хотя бы относительно сбалансированных корпусов монгольского языка с морфологической разметкой, на материале которых могут быть применены дистрибутивно-статистические методы, позволяющие профессионально составлять высококачественные частотные морфологические инвентари и квантитативные модели морфологии, описывающие частотность реализации элементарных морфологических единиц монгольского языка².

¹ В понимании задач квантитативного и дистрибутивно-статистического анализа языка автор опирался прежде всего на работы: [Шайкевич 1990; Шайкевич 2009; Шайкевич, Андрищенко, Ребецкая 2013; Шайкевич, Андрищенко, Ребецкая 2016].

² При решении задач теоретического описания монгольской морфологии в «неколичественном» аспекте автор опирался, в частности, на работу [Крылов 2004] и на указанную там литературу.

Современное состояние исследований по данной проблеме таково. На сегодня существует лишь следующие работы, имеющие отдалённое касательство к данной теме: 1) речевой корпус современного монгольского языка [Dawa & al. 2006], однако эта работа имеет узкую ориентацию на задачу оптимизации распознавания устной речи, не содержит данных о частотности лексем и грамматических форм, не учитывает частотности служебных слов, а также не описывает в явном виде состава того корпуса источников, на материале которых проводилось исследование, и, самое главное, в этом корпусе отсутствует грамматическая разметка; 2) статьи Ж. Пурэва и его соавторов (Х. Одбаяр, Х. Алтангэрэл, З. Цолмон, О. Хеол-Янг о работе над корпусом современного монгольского языка [Purev, Odbayar 2008; Purev & al. 2005; Purev & al. 2003]. Этот цикл статей отражает большую и полезную работу коллектива квалифицированных исследователей, работавших над созданием корпуса. Однако в работах этой группы недостаточно явно формулируется сам теоретический аппарат, лежащий в основе работы (в частности, принципы работы частеречного анализатора охарактеризованы лишь с программистской точки зрения и с точки зрения решения задач информационного поиска, но не охарактеризована теоретико-лингвистическая основа морфологического разбора словоформ). Какая бы то

ни было категориально-семантическая разметка отсутствует полностью. Задача создания структурно-вероятностной модели монгольского языка в этих работах не только не решается, но и не ставится. Из этого с очевидностью вытекает, что задача структурно-вероятностного моделирования морфологии монгольских языков не ставится тем более.

Основное содержание работы

В статье задаётся категориально-семантическая нотация словоформ базовых лексем монгольского языка; эти словоформы охарактеризованы по их встречаемости. Инвентарь словоформ содержит базовую лексику современного монгольского языка (454 словоформы). Подсчёт частотности словоформ вёлся на материале Генерального корпуса современного монгольского языка. Настоящая работа опирается на те же принципы количественной монголистики, что и предшествующие работы автора³. Однако наиболее оригинальной особенностью данного словаря является наличие в нём особой категориально-семантической нотации. Такая нотация ориентирована на задачи семантической типологии языков мира⁴. Она рассчитана на возможность типологического сопоставления данной словарной таблицы с аналогично построенными таблицами для других языков мира.

В настоящей таблице приводятся 454 базовые словоформы современного монгольского языка, весьма употребительные в ГКМЯ-1а: абсолютная частотность в ГКМЯ превышает 255, а относительная — соответственно 220 ipm⁵.

Пояснения к столбцам.

I. Имя словоформы в квази-орфографической записи. Квази-орфографическая за-

пись отличается от собственно орфографической снятием всех различий по регистру (заглавности/строчности).

II. Обобщённая грамматема (т. е. сюда включаются не только собственно грамматемы, но и пучки омографических грамматем)⁶.

III. Обобщённая лексема (т. е. сюда включаются не только собственно лексемы, но и пучки омографических лексем). Этот параметр является ключевым в данной таблице.

IV. Семантическая помета-гlossa, приписанная соответствующей словоформе или лексеме (строго говоря, такая помета приписана одному из членов пучка омографических сегментов, совпадающего с именем словоформы). Этот столбец имеет функцию неформального мнемонического напоминания пользователю-типологу (особенно не знакомому с монгольским языком), какое (NB приблизительно, т. е. в самом грубом, «первом» приближении!) лексическое значение имеет данная словоформа.

V. Категориально-семантическая помета, приписываемая данной словоформе (точнее говоря, пучку омографических словоформ) в ГКМЯ. Этот столбец в данной таблице является ключевым.

VI. Абсолютная частотность словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в ГКМЯ-1а.

VII. Ранг словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в ГКМЯ-1а.

VIII. Количество текстов из ГКМЯ-1а, в которых данная словоформа (точнее говоря, пучок омографических словоформ) встречается.

IX. Ранг словоформы (точнее говоря, пучка омографических словоформ) в частотном словаре, упорядоченном по убыванию количества текстов из ГКМЯ-1а.

Список словоформ базовых лексем представлен в виде таблицы, упорядоченной по прямому алфавитному порядку категориально-семантических помет.

³ См.: [Крылов 2012а; Крылов 2012б; Крылов 2013; Крылов 2014; Крылов 2016; Крылов 2017а; Крылов 2017б; Крылов 2017в; Крылов 2018а; Крылов 2018б].

⁴ Она также может оказаться полезной при разработке других видов семантической нотации, см.: [Крылов, Дыбо, Шеймович 2015; Крылов, Дыбо, Шеймович 2016].

⁵ Относительную частоту принято (и удобно) измерять в особых единицах (ipm), см.: [Sharoff 2002; Ляшевская, Шаров 2009].

⁶ Грамматемы даются в особой грамматической нотации, представляющей собой особый монголистический вариант т. н. «лейпцигского» стандарта («Лейпцигские правила глоссирования»).

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
өндөр	NOM	[өндөр]	‘высокий’	[Adj. Altus]	820	155	238	91
сайн	NOM	[сайн]	‘хороший’	[Adj. Bon1]	1 767	51	272	63
халуун	NOM	[халуун]	‘горячий’	[Adj. Calid]	646	203	223	111
цагаан	NOM	[цагаан]	‘белый’	[Adj. Color. Alb]	1560	64	314	39
хөх	NOM	[хөх]	‘синий’	[Adj. Color. Caeruleus]	692	188	189	172
улаан	NOM	[улаан]	‘красный’	[Adj. Color. Carmin]	1 142	94	266	69
бор	NOM	[бор]	‘коричневый’	[Adj. Color. Ciner]	526	267	144	307
шар	NOM	[шар]	‘жёлтый’	[Adj. Color. Flav]	827	149	172	217
хар	NOM @ VF. OPT. IMP	[хар] @ [харах]	‘чёрный / смотри’	[Adj. Color. Nigr] @ [Vb. Perc. Vigil]	2 100	40	323	35
буй	NOM	[буй]	‘есть’	[Adj. Cop. Exist]	541	258	148	294
баруун	NOM	[баруун]	‘правый’	[Adj. Dexter]	711	186	152	271
залуу	NOM	[залуу]	‘молодой’	[Adj. Juven]	1 066	100	292	48
урт	NOM	[урт]	‘долгий’	[Adj. Long]	647	202	158	254
их	NOM	[их]	‘большой, очень’	[Adj. Magn1] & [Adv. Intensif. Magn0]	3 361	20	435	15
том	NOM	[том]	‘большой’	[Adj. Magn2]	1 415	75	228	103
муу	NOM	[муу]	‘плохой’	[Adj. Mal]	1 123	95	219	117
шинэ	NOM	[шинэ]	‘новый’	[Adj. Nov]	755	172	221	113
бага	NOM	[бага]	‘малый’	[Adj. Parv]	684	191	242	86
сайхан	NOM	[сайхан]	‘красивый’	[Adj. Pulchr1]	2 563	29	439	14
өвгөн	NOM	[өвгөн]	‘старик’	[Adj. Senex]	1 239	88	161	240
хонгор	NOM	[хонгор]	‘милый’	[Adj. Simplex]	529	266	105	531
зүүн	NOM	[зүүн]	‘восточный’	[Adj. Sinister]	570	236	133	368
ганц	NOM	[ганц]	‘только’	[Adj. Sol]	927	129	241	89
зөв	{PART}	[зөв]	‘правильный’	[Adv. Intensif. Magn1]	334	477	127	392
тун	{PART}	[тун]	‘весьма’	[Adv. Intensif. Magn2] & [Adv. Plene]	570	237	126	404
маш	{PART}	[маш]	‘очень’	[Adv. Intensif. Magn3]	461	321	93	622
тас	{ADV}	[тас]	‘сильно’	[Adv. Intensif. Total1] & [Adv. Modo. Absoluto1]	438	344	146	301
яг	{ADV}	[яг]	‘именно’	[Adv. Justus]	488	298	165	232
харин	{PART}	[харин]	‘но’	[Cnj. Coord. Advers1]	1 680	58	312	40
буюу	{PART}	[буюу]	‘или’	[Cnj. Coord. Disjunct. Alternat]	372	420	100	563
бөгөөд	{PART}	[бөгөөд]	‘и’	[Cnj. Coord. Et1]	1 761	52	190	170
ба	{PART}	[ба]	‘и’	[Cnj. Coord. Et2]	488	295	78	794
за	{COMM}	[за]	‘ну ладно, хорошо’	[Comm. Sic]	1 459	70	209	148
бий	{PART}	[бий]	‘есть’	[Cop. Exist. 3]	868	140	213	130
маань	{PART}	[маань]	‘наш’	[Def. Art. Poss. 1Pl]	963	115	240	90
минь	{PART}	[минь]	‘мой’	[Def. Art. Poss. 1Sg]	4 810	14	499	6
чинь	{PART}	[чинь]	‘твой’	[Def. Art. Poss. 2Sg]	3 594	18	344	25
нь	{PART}	[нь]	‘его’	[Def. Art. Poss. 3]	28276	1	682	1
түүнээс	ABL	[тэр]	‘от него’	[Dem. Dist. 1]	337	475	132	373
түүнийг	ACC	[тэр]	‘его’	[Dem. Dist. 1]	973	114	216	125
тэр	NOM	[тэр]	‘тот’	[Dem. Dist. 1]	6 706	7	435	16
тэд	PL3-NOM	[тэд]	‘они’	[Dem. Dist. Hum. Pl]	516	271	139	336
тэдний	PL3-REL- GEN-NOM	[тэд]	‘их’	[Dem. Dist. Hum. Pl]	426	359	122	427
тийш	{LOC}LAT	[тийш]	‘туда’	[Dem. Dist. Loc. Adv]	373	419	121	435
тэнд	DAT	[тэнд]	‘там’	[Dem. Dist. Loc]	447	332	152	277

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
тийм	NOM	[тийм]	‘такой’	[Dem. Dist. Qual. Adv]	1 450	71	258	73
төдий	NOM	[төдий]	‘столько’	[Dem. Dist. Quant1]	268	594	103	547
тэгээд	CVB. ANT	[тэгэх]	‘затем’	[Dem. Dist. Vb]	1 724	54	235	94
тэгж	CVB. CNGR	[тэгэх]	‘так’	[Dem. Dist. Vb]	399	393	136	347
тэгвэл	CVB. COND1	[тэгэх]	‘в таком случае’	[Dem. Dist. Vb]	356	441	134	364
түүнд	DAT	[тэр]	‘ему’	[Dem. Dist1]	331	482	124	421
түүний	GEN-NOM	[тэр]	‘его’	[Dem. Dist1]	1 408	77	256	74
өөр	NOM	[өөр]	‘другой’	[Dem. Idem. Alter1]	1 331	80	259	72
өөрийгөө	ACC-POSS. REFL	[өөр]	‘себя’	[Dem. Idem. Alter1] & [Refl. Hum]	277	573	121	431
өөрийн	GEN-NOM	[өөр]	‘свой’	[Dem. Idem. Alter1] & [Refl. Hum]	861	141	226	106
өөрөө	POSS. REFL	[өөр]	‘сам’	[Dem. Idem. Alter1] & [Refl. Hum]	834	146	219	116
нөгөө	NOM	[нөгөө]	‘другой’	[Dem. Idem. Alter2]	962	117	191	167
бусад	{ADV} DAT	[бусад]	‘другие’	[Dem. Idem. Alter3]	370	423	110	496
өнөөх	NOM	[өнөөх]	‘тот самый’	[Dem. Idem]	487	299	97	587
энэ	NOM	[энэ]	‘этот’	[Dem. Prox. 1]	7 665	6	488	7
үүнийг	ACC	[үүн]	‘его, т.е. он [вин.п.]’	[Dem. Prox. 2]	370	422	135	351
эд	PL3-NOM	[эд]	‘они’	[Dem. Prox. Hum. Pl]	391	407	120	442
ийм	NOM	[ийм]	‘такой’	[Dem. Prox. Qual. Adv]	1 260	86	275	60
маргааш	{TEMP} NOM	[маргааш]	‘завтра’	[Dem. Prox. Temp. Cras. Adv]	513	273	132	372
өнөөдөр	{TEMP} NOM	[өнөөдөр]	‘сегодня’	[Dem. Prox. Temp. Hodie. Adv]	294	542	107	518
одоо	{TEMP} NOM	[одоо]	‘сейчас’	[Dem. Prox. Temp. Prox1. Nunc. Adv]	2 178	38	291	49
сая	{TEMP} ABS-NOM	[сая]	‘недавно / 1000000’	[Dem. Prox. Temp. Prox2. Recente. Adv][Num. =====1000000]	405	383	162	237
ингээд	CVB. ANT	[ингэх]	‘так’	[Dem. Prox. Vb]	502	284	133	369
ингэж	CVB. CNGR	[ингэх]	‘так’	[Dem. Prox. Vb]	919	131	198	154
энд	DAT	[энд]	‘здесь’	[Dem. Prox1. Loc]	934	126	192	166
гэнэт	{TEMP} NOM	[гэнэт]	‘вдруг’	[Dem. Temp. Repente. Adv] & [Adj. Subit]	716	184	185	181
ч	{PART}	[ч]	‘же’	[Foc. Consoc] & [Cnj. Coord. Etiam1]	11423	4	546	2
л	{PART}	[л]	‘только’	[Foc. Contrast]	7 858	5	443	13
бас	{PART}	[бас]	‘также’	[Foc. Etiam]	2 727	26	354	21
мөн	{PART}	[мөн]	‘именно’	[Foc. Rhem. Contr]	1 466	69	250	81
юм	{PART} @ ABS-NOM	[юм] @ [юм(ан)]	‘вещь’	[Foc. Rhem] @ [N. Subst]	11619	3	544	3
юмаа	{PART} EMPH @ POSS. REFL	[юм] @ [юм(ан)]	‘вещь’	[Foc. Rhem] @ [N. Subst]	457	438	126	408
бол	{PART}	[бол]	‘если’	[Foc. Topic]	4 170	16	367	20
шүү	{PART}	[шүү]	‘ведь, не правда ли?’	[Mod. Cert]	2 534	31	267	66
билээ	{PART}	[билээ]	‘был’	[Mod. Cop. Loc]	2 706	27	306	43
ээ	{PART}	[ээ]	‘действительно’	[Mod. Emph1]	1 416	74	266	70

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>аа</i>	{PART}	[аа]	‘действительно’	[Mod. Emph1]	908	133	210	137
<i>дээ</i>	{PART}	[дээ]	‘ведь’	[Mod. Perspic]	3 304	21	298	47
<i>даа</i>	{PART}	[даа]	‘действительно’	[Mod. Perspic]	1 935	45	286	53
<i>доо</i>	{PART}	[доо]	‘действительно’	[Mod. Perspic]	397	396	134	359
<i>биз</i>	{PART}	[биз]	‘наверное’	[Mod. Probab]	945	125	215	126
<i>тус</i>	NOM	[тус]	‘помощь’	[N. Abstr. Auxilium]	479	305	144	309
<i>учир</i>	{PART} NOM	[учир]	‘причина’	[N. Abstr. Caus] & [Cnj. Subord. Caus]	834	147	204	145
<i>хэсэг</i>	NOM	[хэсэг]	‘часть’	[N. Abstr. Collect]	767	168	178	201
<i>явдал</i>	NOM	[явдал]	‘событие’	[N. Abstr. Cursus]	477	307	142	322
<i>зүгээр</i>	INSTR	[зүгээр]	‘нормально’	[N. Abstr. Directio]	587	229	157	257
<i>зүг</i>	NOM	[зүг]	‘направление (к)’	[N. Abstr. Directio]	820	157	165	229
<i>талд</i>	DAT	[тал]	‘в области, на стороне’	[N. Abstr. Loc. Area]	374	417	139	335
<i>талын</i>	GEN-NOM	[тал]	‘области, стороны’	[N. Abstr. Loc. Area]	426	358	149	290
<i>тал</i>	NOM	[тал]	‘область’	[N. Abstr. Loc. Area]	575	234	180	192
<i>талаар</i>	INSTR	[тал]	‘о’	[N. Abstr. Loc. Area] & [Relat. Delib2]	324	492	104	538
<i>үед</i>	DAT	[үе]	‘когда’	[N. Abstr. Membr]	758	171	187	175
<i>үе</i>	NOM	[үе]	‘период’	[N. Abstr. Membr]	634	207	181	188
<i>аргагүй</i>	CAR-NOM	[арга]	‘невозможно’	[N. Abstr. Modus]	571	238	190	169
<i>арга</i>	NOM	[арга]	‘способ’	[N. Abstr. Modus]	487	300	147	297
<i>ажил</i>	NOM	[ажил]	‘работа’	[N. Abstr. Opus]	603	221	158	250
<i>уулын</i>	GEN-NOM	[уул]	‘горы’	[N. Abstr. Origo]	590	228	156	263
<i>хувьд</i>	DAT	[хувь]	‘с точки зрения’	[N. Abstr. Pars]	335	476	90	654
<i>хувь</i>	NOM	[хувь]	‘часть’	[N. Abstr. Pars]	379	413	123	425
<i>зэрэг</i>	NOM	[зэрэг]	‘степень’	[N. Abstr. Rang]	747	175	226	108
<i>морьтой</i>	COM-NOM	[морь (морин)]	‘имеющий лошадь’	[N. Anim. Bestia. Equus]	279	568	75	844
<i>морины</i>	GEN-NOM	[морь (морин)]	‘лошади’	[N. Anim. Bestia. Equus]	272	583	76	829
<i>морь</i>	NOM	[морь (морин)]	‘лошадь’	[N. Anim. Bestia. Equus]	958	120	143	313
<i>морио</i>	POSS. REFL	[морь (морин)]	‘свою лошадь’	[N. Anim. Bestia. Equus]	307	522	72	892
<i>амьтан</i>	NOM	[амьтан]	‘животное’	[N. Anim. Bestia]	839	144	218	120
<i>дарга</i>	NOM	[дарга]	‘начальник’	[N. Hum. Dux]	601	222	117	459
<i>охин</i>	NOM	[охин]	‘дочь’	[N. Hum. Fem. Filia]	593	225	154	266
<i>ээж</i>	NOM	[ээж]	‘мама’	[N. Hum. Fem. Mater. Famil]	569	240	114	479
<i>эх</i>	NOM @ ABS-NOM	[эх] @ [эх(эн)]	‘мать’	[N. Hum. Fem. Mater] @ [N. Source]	1 094	98	291	50
<i>хүүхэн</i>	NOM	[хүүхэн]	‘девочка’	[N. Hum. Fem. Mulier]	560	249	154	267
<i>эхнэр</i>	NOM	[эхнэр]	‘женщина’	[N. Hum. Fem. Uxor]	490	292	114	478
<i>хүү</i>	NOM	[хүү]	‘сын’	[N. Hum. Fil]	1 706	57	235	95
<i>хүүхэд</i>	NOM	[хүүхэд]	‘дети’	[N. Hum. Fil-Pl]	814	158	217	123
<i>хүмүүсийн</i>	GEN-NOM	[хүмүүс]	‘люди’	[N. Hum. Homo. Pl]	317	501	103	549
<i>хүмүүс</i>	NOM	[хүмүүс]	‘люди’	[N. Hum. Homo. Pl]	1 016	107	213	133
<i>хүнийг</i>	ACC	[хүн]	‘человека’	[N. Hum. Homo]	564	247	149	292
<i>хүнд</i>	DAT	[хүн]	‘человеку’	[N. Hum. Homo]	906	135	227	105
<i>хүний</i>	GEN-NOM	[хүн]	‘человеческий’	[N. Hum. Homo]	2 037	43	404	18

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
хүн	NO	[хүн]	‘человек’	[N. Hum. Homo]	6 093	10	515	5
гуай	NOM	[гуай]	‘уважаемый’	[N. Hum. Honor]	586	230	96	598
аав	NOM	[аав]	‘папа’	[N. Hum. Masc. Pater1]	659	197	136	342
эцэг	NOM	[эцэг]	‘отец’	[N. Hum. Masc. Pater2]	497	288	130	379
эр	NOM	[эр]	‘мужчина’	[N. Hum. Masc]	1 288	84	255	77
цэргийн	GEN-NOM	[цэрэг]	‘воинский’	[N. Hum. Milit]	449	330	79	790
ах	NOM	[ах]	‘старший брат’	[N. Hum. Senior]	679	194	143	312
тэнгэрийн	GEN-NOM	[тэнгэр]	‘неба’	[N. Loc. Cael]	357	437	149	291
тэнгэр	NOM	[тэнгэр]	‘небо’	[N. Loc. Cael]	510	276	185	183
гэрт	A. COM	[гэр]	‘дома’	[N. Loc. Dom]	472	314	141	324
гэртээ	DAT-POSS. REFL	[гэр]	‘у себя дома, к себе домой’	[N. Loc. Dom]	503	282	159	247
гэрийн	GEN-NOM	[гэр]	‘домашний’	[N. Loc. Dom]	659	198	157	256
гэр	NOM	[гэр]	‘дом’	[N. Loc. Dom]	779	165	226	107
голын	GEN-NOM	[гол]	‘речной’	[N. Loc. Flumen]	333	479	90	649
гол	NOM	[гол]	‘река’	[N. Loc. Flumen]	502	283	156	262
оронд	DAT	[орон]	‘в стране’	[N. Loc. Hospitium]	487	301	140	330
орны	GEN-NOM	[орон]	‘страны’	[N. Loc. Hospitium]	286	558	111	490
орон	NOM	[орон]	‘страна / входя’	[N. Loc. Hospitium]	957	122	242	87
уул	ABS-NOM @ NOM	[уул(ан)]	‘гора’	[N. Loc. Mont] @ [N. Origo]	566	245	196	158
газрын	GEN-NOM	[газар]	‘места(GEN)’	[N. Loc. Terra1]	473	311	178	199
газар	NOM	[газар]	‘место, местность’	[N. Loc. Terra1]	2 095	41	338	28
зам	NOM	[зам]	‘дорога’	[N. Loc. Via]	509	277	165	230
дуугаар	INSTR	[дуу]	‘голосом, песней’	[N. Loqu. Cant]	409	377	89	657
дуугүй	CAR-NOM	[дуу] @ [дуу(н)]	‘молча’	[N. Loqu. Cant] @ [N. Loqu. Vocem]	367	431	98	579
дуу	NOM @ ABS-NOM	[дуу] @ [дуу(н)]	‘голос, песня’	[N. Loqu. Cant] @ [N. Loqu. Vocem]	1 158	91	285	55
хэл	NOM @ VF. OPT. IMP	[хэл(эн)]	‘язык’	[N. Loqu. Lingua] @ [Vb. Loqu. Dic]	490	293	140	333
нэр	NOM	[нэр]	‘имя’	[N. Loqu. Nomen]	482	302	150	285
үг	ABS-NOM	[үг] @ [үг(эн)]	‘слово’	[N. Loqu. Verbum]	1 528	66	276	58
үгийг	ACC	[үг(эн)]	‘слово [вин.п.]’	[N. Loqu. Verbum]	470	315	126	396
сэтгэлийг	ACC	[сэтгэл]	‘душу’	[N. Ment. Idea1]	392	406	128	388
сэтгэлд	DAT	[сэтгэл]	‘в душе’	[N. Ment. Idea1]	506	280	121	434
сэтгэлийн	GEN-NOM	[сэтгэл]	‘душевный’	[N. Ment. Idea1]	326	488	142	319
сэтгэл	NOM	[сэтгэл]	‘душа’	[N. Ment. Idea1]	1 705	56	329	29
санаа	ABS-NOM	[санаа(н)]	‘мысль, намерение’	[N. Ment. Idea2] & [N. Ment. Intent1]	823	153	212	135
бодол	NOM	[бодол]	‘мысль’	[N. Ment. Idea3] & [N. Ment. Intent2]	505	281	152	272
ухаан	NOM	[ухаан]	‘ум’	[N. Ment. Scientia]	608	219	178	200
үнэн	NOM	[үнэн]	‘правда’	[N. Ment. Verum]	498	286	179	194
ёстой	COM-NOM	[ёс(он)]	‘надо’	[N. Mod. Debit] & [N. Abstr. Ordo]	906	134	227	104
ёс	NOM	[ёс(он)]	‘закон’	[N. Mod. Debit] & [N. Abstr. Ordo]	270	589	101	559
дуртай	COM-NOM	[дур]	‘с удовольствием’	[N. Mod. Delectatio]	308	518	126	401
хэрэггүй	CAR-NOM	[хэрэг]	‘не нужно’	[N. Mod. Necess]	370	427	122	429
хэрэгтэй	COM-NOM	[хэрэг]	‘нужно’	[N. Mod. Necess]	657	199	160	246

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
хэрэг	NOM	[хэрэг]	‘случай’	[N. Mod. Necess]	1 206	89	210	139
бололтой	COM-NOM	[болол]	‘возможно’	[N. Mod. Visibl]	671	196	150	282
нутгийн	GEN-NOM	[нутаг]	‘родины’	[N. Soc. /Loc. Patria]	392	405	148	295
нутаг	NOM	[нутаг]	‘родина’	[N. Soc. /Loc. Patria]	540	260	170	220
монголын	GEN-NOM	[монгол]	‘монгольский’	[N. Soc. Ethn. Mong]	501	285	131	375
монгол	NOM	[монгол]	‘монгольский’	[N. Soc. Ethn. Mong]	1 163	90	216	124
ардын	GEN-NOM	[ард]	‘народный’	[N. Soc. Popul]	593	224	117	458
ард	NOM	[ард]	‘народ’	[N. Soc. Popul]	727	183	180	191
улсын	GEN-NOM	[улс]	‘государственный’	[N. Soc. Societas]	441	339	153	270
улс	NOM	[улс]	‘государство’	[N. Soc. Societas]	861	142	162	239
толгой	NOM	[толгой]	‘голова’	[N. Som. Caput]	824	152	213	132
толгойгоо	POSS. REFL	[толгой]	‘свою голову’	[N. Som. Caput]	279	569	100	568
зүрх	NOM	[зүрх(эн)]	‘сердце’	[N. Som. Card]	498	287	212	134
бие	NOM	[бие]	‘тело’	[N. Som. Corp]	1 299	83	299	46
биеэ	POSS. REFL	[бие]	‘своё тело’	[N. Som. Corp]	449	329	145	304
царай	NOM	[царай]	‘лицо’	[N. Som. Fac]	582	231	166	227
нүд	ABS-NOM	[нүд(эн)]	‘глаза’	[N. Som. Ocul]	1 011	109	228	102
нүдээ	POSS. REFL	[нүд(эн)]	‘свои глаза’	[N. Som. Ocul]	538	264	149	288
нүдэнд	REL-DAT	[нүд(эн)]	‘на глазах’	[N. Som. Ocul]	409	378	135	357
ам	ABS-NOM	[ам(ан)]	‘рот’	[N. Som. Or]	535	263	172	214
хөл	NOM	[хөл]	‘нога’	[N. Som. Ped]	543	257	175	209
гар	NOM @ VF. OPT. IMP	[гар] @ [гарах]	‘рука’ & ‘выйди’	[N. Som3] @ [Vb. Mov. Exit]	708	187	194	162
ус	ABS-NOM	[ус(ан)]	‘вода’	[N. Subst. Aqua]	738	180	209	141
усны	GEN-NOM	[ус(ан)]	‘воды’	[N. Subst. Aqua]	256	610	98	581
алтан	REL-NOM	[алт(ан)]	‘золотой’	[N. Subst. Aur]	656	200	218	119
хоол	NOM	[хоол(он)]	‘пища’	[N. Subst. Cib]	572	235	129	384
төмөр	NOM	[төмөр]	‘железо’	[N. Subst. Ferr]	754	173	99	576
гал	NOM	[гал]	‘огонь’	[N. Subst. Flam]	627	209	173	213
үр	NOM	[үр]	‘плод’	[N. Subst. Semen]	518	270	193	164
нас	NOM	[нас(ан)]	‘возраст’	[N. Temp. Aetas]	481	303	167	224
онд	DAT	[он]	‘в году’	[N. Temp. Ann1]	421	364	188	174
он	NOM	[он]	‘год’	[N. Temp. Ann1]	429	353	354	22
жилийн	GEN-NOM	[жил]	‘года’	[N. Temp. Ann2]	627	211	213	131
жил	NOM	[жил]	‘год’	[N. Temp. Ann2]	833	148	232	97
өдөр	NOM	[өдөр]	‘день’	[N. Temp. Dies]	1 300	82	268	65
дахин	NOM	[дахин]	‘снова’	[N. Temp. Iter1]	959	118	185	182
удаа	NOM	[удаа]	‘раз’	[N. Temp. Iter2]	716	185	180	193
зуур	NOM	[зуур]	‘момент’	[N. Temp. Momentum]	567	244	152	274
шөнийн	GEN-NOM	[шөнө]	‘ночной’	[N. Temp. Noct]	297	539	133	370
шөнө	NOM	[шөнө]	‘ночь’	[N. Temp. Noct]	779	166	191	168
цагт	DAT	[цаг]	‘во время’	[N. Temp1]	622	213	187	179
цагийн	GEN-NOM	[цаг]	‘времени’	[N. Temp1]	300	534	161	243
цаг	NOM	[цаг]	‘время’	[N. Temp1]	838	145	242	88
биш	{PART}	[биш]	‘не’	[Neg1]	2 272	35	309	41
үгүй	{PART}	[үгүй]	‘нет’	[Neg2. Exist]	2 075	42	307	42
алга	{PART}	[алга]	‘отсутствует’	[Neg3. Exist]	950	124	186	180
үл	{PART}	[үл]	‘не’	[Neg4]	859	143	217	122
битгий	{PART}	[битгий]	‘не’	[Neg5]	405	382	125	409
эс	{PART}	[эс]	‘не’	[Neg6]	403	388	117	464

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>бүү</i>	{PART}	[бүү]	‘не’, ‘не делай’	[Neg7]	379	412	156	260
<i>бус</i>	{PART}	[бус]	‘не’	[Neg8]	276	574	114	476
<i>түмэн</i>	REL-NOM	[түмэн]	‘1000’	[Num. =====10000]	571	241	194	163
<i>зуун</i>	REL-NOM	[зуу(н)]	‘100’	[Num. ===100]	426	357	135	356
<i>арван</i>	REL-NOM	[арав (арван)]	‘10’	[Num. ==10]	625	212	205	144
<i>хорин</i>	REL-NOM	[хорь(хорин)]	‘20’	[Num. ==20]	257	609	105	533
<i>тавин</i>	REL-NOM	[тавь (тавин)]	‘50’	[Num. ==50]	310	515	87	680
<i>нэг</i>	ABS-NOM	[нэг(эн)]	‘1’	[Num. =1]	6 540	8	411	17
<i>нэгэнт</i>	REL-A. COM-NOM	[нэг(эн)]	‘однажды’	[Num. =1]	332	480	124	419
<i>нэгэн</i>	REL-NOM	[нэг(эн)]	‘1’	[Num. =1]	1 829	49	343	26
<i>анх</i>	ABS-NOM	[анх(ан)]	‘первый’	[Num. =1a] & [Anum. Prim]	432	350	146	300
<i>хоёрын</i>	ABS-GEN-NOM	[хоёр]	‘2-х’	[Num. =2]	568	242	172	216
<i>хоёрыг</i>	ACC	[хоёр]	‘2-х’	[Num. =2]	450	328	127	394
<i>хоёр</i>	NOM	[хоёр]	‘2’	[Num. =2]	5 307	13	450	12
<i>гурав</i>	ABS-NOM	[гурав]	‘три’	[Num. =3]	427	355	125	412
<i>гурван</i>	REL-NOM	[гурав]	‘три’	[Num. =3]	1 073	99	228	100
<i>дөрвөн</i>	REL-NOM	[дөрөв (дөрвөн)]	‘четыре’	[Num. =4]	627	210	177	202
<i>таван</i>	REL-NOM	[тав(ан)]	‘пять’	[Num. =5]	549	253	170	221
<i>зөвхөн</i>	NOM	[зөвхөн]	‘только’	[Part. Sol2]	416	368	108	508
<i>манай</i>	GEN-NOM	[манай]	‘наш’	[Pers. 1Pl. ex]	1 148	92	228	101
<i>бидний</i>	GEN-NOM	[бид(эн)**]	‘наш’	[Pers. 1Pl. in]	395	398	126	397
<i>бид</i>	SBJ	[бид(эн)**]	‘мы’	[Pers. 1Pl]	1 866	48	286	52
<i>намайг</i>	ACC	[би]	‘меня’	[Pers. 1Sg]	1 301	81	255	76
<i>надад</i>	DAT	[би]	‘мне’	[Pers. 1Sg]	764	169	174	212
<i>над</i>	DAT	[би]	‘мне’	[Pers. 1Sg]	292	545	99	574
<i>миний</i>	GEN-NOM	[би]	‘мой’	[Pers. 1Sg]	2 169	39	350	23
<i>би</i>	SBJ	[би]	‘я’	[Pers. 1Sg]	6 279	9	477	9
<i>таны</i>	GEN-NOM	[та]	‘ваш’	[Pers. 2Pl]	269	592	82	738
<i>та</i>	SBJ	[та]	‘вы’	[Pers. 2Pl]	2 272	36	266	68
<i>чамайг</i>	ACC	[чи]	‘тебя’	[Pers. 2Sg]	556	250	161	244
<i>чамд</i>	DAT	[чи]	‘тебе’	[Pers. 2Sg]	463	320	136	350
<i>чиний</i>	GEN-NOM	[чи]	‘твой’	[Pers. 2Sg]	490	291	146	302
<i>чи</i>	SBJ	[чи]	‘ты’	[Pers. 2Sg]	3 029	24	305	44
<i>үнэхээр</i>	NOM	[үнэхээр]	‘действительно’	[Praed. Verum]	491	290	164	233
<i>вэ</i>	{PART}	[вэ]	‘[показатель частного вопроса]’	[Q. Dict. Quest]	2 369	33	285	54
<i>бэ</i>	{PART}	[бэ]	‘[показатель частного вопроса]’	[Q. Dict. Quest]	1 030	106	229	98
<i>хэн</i>	SBJ	[хэн]	‘кто’	[Q. Hum. Quis]	1 357	79	273	62
<i>аль</i>	NOM	[аль]	‘любой’	[Q. Ident. Adj]	976	113	223	110
<i>хаана</i>	{ADV}ESS1	[хаа]	‘где’	[Q. Loc. Ubi]	369	426	135	358
<i>хаа</i>	{ADV}NOM	[хаа]	‘где’	[Q. Loc. Ubi]	403	387	159	249
<i>уу</i>	{PART}	[уу]	‘ли’	[Q. Mod. Interrog]	2 792	25	324	31
<i>үү</i>	{PART}	[үү]	‘ли’	[Q. Mod. Interrog]	1 441	72	260	71
<i>юу</i>	{PART} @ ABS-NOM	[юу] @ [юу(н)]	‘что?’	[Q. Mod. Interrog] @ [Q. Subst. Quid]	3 147	22	322	36
<i>ямар</i>	NOM	[ямар]	‘какой’	[Q. Qual. Adj]	1 819	50	284	57

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
хэд	ABS-NOM	[хэд(эн)]	‘сколько’	[Q. Quant1. Numerabil]	643	206	170	222
хэдэн	REL-NOM	[хэд(эн)]	‘сколько’	[Q. Quant1. Numerabil]	1 872	47	269	64
юунд	DAT	[юу(н)]	‘зачем?’	[Q. Subst. Quid]	317	502	107	522
хэзээ	{TEMP} NOM	[хэзээ]	‘когда’	[Q. Temp. Adv]	488	297	187	178
яагаад	{ADV} & CVB. ANT	[яах]	‘почему?’	[Q. Vb. Abstr]	489	294	142	321
яаж	{ADV} & CVB. CNGR	[яах]	‘как?’	[Q. Vb. Abstr]	822	154	197	156
яасан	PC. PRF- NOM	[яах]	‘что случилось?’	[Q. Vb. Abstr]	423	363	145	305
яах	PC. PROSP- NOM	[яах]	‘что делать?’	[Q. Vb. Abstr]	802	163	200	152
яахав	PC. PROSP- QUEST(S)	[яах]	‘что делать?’	[Q. Vb. Abstr]	536	262	144	310
хичнээн	NOM	[хичнээн**]	‘сколько’	[Q. Quant3'. Mensurabil]	271	588	115	474
хамт	NOM	[хамт]	‘вместе’	[Quant. Collect]	873	139	201	149
ер	NOM	[ер]	‘вообще’	[Quant. General]	1 142	93	203	146
зарим	NOM	[зарим]	‘иногда’	[Quant. Indef. Aliquam]	524	269	132	371
олны	GEN-NOM	[олон]	‘многих’	[Quant. Magn]	309	516	104	537
олон	NOM	[олон]	‘много’	[Quant. Magn]	1 913	46	391	19
бүх	NOM	[бүх]	‘все’	[Quant. Omni. 1]	807	160	183	186
бүхнийг	ACC	[бүхэн]	‘всех’	[Quant. Omni. 2]	404	386	127	390
бүхэн	NOM	[бүхэн]	‘все’	[Quant. Omni. 2]	540	259	162	236
хамаг	NOM	[хамаг]	‘все’	[Quant. Omni. 3]	382	411	150	286
хамгийн	GEN-NOM	[хамаг]	‘всех, самый’	[Quant. Omni. 3] & [Relat. Superlat1]	536	261	167	225
бүр	NOM	[бүр]	‘каждый’	[Quant. Omni. Quisque1]	1 014	108	237	92
бүрэн	REL-NOM	[бүрэн]	‘полный’	[Quant. Omni. Tot]	261	603	90	648
нар	{ART}	[нар]	‘мн. ч.’	[Quant. Pl]	1 712	55	323	34
нарын	{ART} GEN- NOM	[нар]	‘мн. ч.’	[Quant. Pl]	305	526	93	623
болгон	NOM	[болгон]	‘каждый’	[Quant. Quisque2]	308	520	123	424
тул	{POST. REL} NOM	[тул]	‘поскольку, для того чтобы’	[Relat. Caus] & [Cnj. Subord. Caus]	1 103	97	151	281
тухай	{POST. REL} NOM	[тухай]	‘о, про’	[Relat. Delib1]	1 030	105	207	143
төлөө	{POST. REL} NOM	[төлөө]	‘ради’	[Relat. Enim]	435	346	134	363
илүү	{POST. REL} NOM	[илүү]	‘более’	[Relat. Grad. Excess. Nimis]	428	354	175	208
адил	{POST. REL} NOM	[адил]	‘одинаковый’	[Relat. Grad. Ident]	592	226	209	140
урд	{LOC} DAT	[урд]	‘перед’	[Relat. Loc. Ante]	369	425	108	512
дэргэд	{LOC} NOM	[дэргэд]	‘наличие’	[Relat. Loc. Apud]	683	192	172	215
гадаа	{LOC} ABS- NOM	[гадаа(н)]	‘снаружи’	[Relat. Loc. Extra1]	278	571	104	535
гадна	{LOC} ESS1	[гадна]	‘кроме того’	[Relat. Loc. Extra2] & [Relat. Excepto]	272	581	92	629
дунд	{LOC} NOM	[дунд]	‘среди’	[Relat. Loc. Inter1]	890	138	301	45
дотор	{LOC} ESS2- NOM	[дотор]	‘внутри’	[Relat. Loc. Intra]	924	130	248	83

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>дотоо</i>	{LOC} ESS2-POSS. REFL	[дотор]	‘у себя внутри, к себе внутрь’	[Relat. Loc. Intra]	370	424	126	400
<i>руу</i>	{PART}	[руу]	‘в направлении к’	[Relat. Loc. Mov. Dir]	1 006	110	197	155
<i>рүү</i>	{PART}	[рүү]	‘в направлении к’	[Relat. Loc. Mov. Dir]	512	275	138	339
<i>хойноос</i>	{LOC}ESS1- ABL	[хойно]	‘от задней стороны’	[Relat. Loc. Post1]	466	319	110	498
<i>хойно</i>	{LOC}ESS1- NOM	[хойно]	‘сзади’	[Relat. Loc. Post1]	474	308	176	206
<i>хойш</i>	{LOC}LAT	[хойш]	‘сзади’	[Relat. Loc. Post1]	761	170	190	171
<i>өмнө</i>	{LOC}NOM	[өмнө]	‘перед’	[Relat. Loc. Prae]	1 409	76	252	79
<i>цааш</i>	{LOC}LAT	[цааш]	‘перед’	[Relat. Loc. Praeter]	457	326	120	440
<i>хол</i>	{LOC}NOM	[хол]	‘далеко’	[Relat. Loc. Remot]	387	409	141	327
<i>дор</i>	{LOC}NOM	[дор]	‘под’	[Relat. Loc. Sub]	426	356	170	219
<i>өөд</i>	{LOC}NOM	[өөд]	‘вверх’	[Relat. Loc. Superior]	394	399	143	311
<i>дээрээс</i>	{LOC}ABL	[дээр]	‘с’	[Relat. Loc. Supra]	329	484	117	460
<i>дээр</i>	{LOC}ESS2	[дээр]	‘на’	[Relat. Loc. Supra]	3 860	17	466	10
<i>дээрээ</i>	{LOC} POSS-REFL	[дээр]	‘на’	[Relat. Loc. Supra]	739	179	195	160
<i>дээгүүр</i>	{LOC} TRANSL	[дээгүүр]	‘над’	[Relat. Loc. Supra]	346	455	152	273
<i>улам</i>	NOM	[улам]	‘все более’	[Relat. Magis(meme)]	507	278	162	238
<i>арай</i>	NOM	[арай]	‘едва’	[Relat. Pauc] & [Adv. Modo. Solo1]	473	309	165	228
<i>шиг</i>	{PART}	[шиг]	‘похожий на’	[Relat. Simil1]	5 339	12	527	4
<i>мэт</i>	NOM	[мэт]	‘подобный’	[Relat. Simil2]	1 742	53	287	51
<i>дараа</i>	{TEMP} NOM	[дараа]	‘после’	[Relat. Temp. Post]	896	137	183	187
<i>урьд</i>	{TEMP} NOM	[урьд]	‘раньше’	[Relat. Temp. Prior]	515	272	143	316
<i>эрт</i>	{TEMP} NOM @ ABS-NOM @ A. COM- NOM @ DAT	[эрт] @ [эрт(эн)] @ [эр] @ [эр]	‘ранний’	[Temp. Praecox. 1. Adv] & [Temp. Praecox. 2. Adv] @ [N. Hum. Masc] @ [N. Hum. Masc]	292	546	111	492
<i>орой</i>	{TEMP} NOM	[орой]	‘поздно’	[Temp. Vesper. Adv]	596	223	171	218
<i>гаргаж</i>	CVB. CNGR	[гаргах]	‘извлекая’	[V. Act. Extract]	592	227	166	226
<i>гарган</i>	CVB. MOD	[гаргах]	‘извлекая’	[V. Act. Extract]	286	557	81	746
<i>аж</i>	RENARR	[аж]	‘быт’	[V. Cop. Exist2]	678	195	136	343
<i>ажээ</i>	VF. IND. RENARR- EMPH	[ажээ]	‘был’	[V. Cop. Exist2]	1 030	104	162	235
<i>хүрч</i>	CVB. CNGR	[хүрэх]	‘достигая’	[Vb. Act. Tang]	644	204	161	242
<i>хүрэн</i>	CVB. MOD	[хүрэх]	‘касясь’	[Vb. Act. Tang]	458	325	125	413
<i>хүртэл</i>	{PART} CVB. TERM	[хүрэх]	‘вплоть до’	[Vb. Act. Tang] @ [Relat. UsqueAd]	737	181	215	128
<i>хийгээд</i>	CVB. ANT	[хийх]	‘сделав’	[Vb. Act1]	287	556	126	406
<i>хийж</i>	CVB. CNGR	[хийх]	‘делая’	[Vb. Act1]	994	111	200	151
<i>хийсэн</i>	PC. PRF- NOM	[хийх]	‘сделавший’	[Vb. Act1]	424	361	125	414

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>хийх</i>	PC. PROSP-NOM	[хийх]	‘делать’	[Vb. Act1]	397	397	126	407
<i>байгаад</i>	CVB. ANT	[байх]	‘являясь’	[Vb. Cop. Exist]	690	189	156	261
<i>байж</i>	CVB. CNGR	[байх]	‘быть’ [‘будучи’]	[Vb. Cop. Exist]	1 558	65	274	61
<i>байвал</i>	CVB. COND1	[байх]	‘если’	[Vb. Cop. Exist]	337	468	130	377
<i>байн</i>	CVB. MOD	[байх]	‘часто’	[Vb. Cop. Exist]	472	313	86	686
<i>байтал</i>	CVB. TERM	[байх]	‘пока не’	[Vb. Cop. Exist]	553	251	147	298
<i>байгааг</i>	PC. DUR-ACC	[байх]	‘бывшего’	[Vb. Cop. Exist]	524	268	141	323
<i>байгаа</i>	PC. DUR-NOM	[байх]	‘бывший’	[Vb. Cop. Exist]	4 238	15	344	24
<i>байсан</i>	PC. PRF-NOM	[байх]	‘бывший, побывавший’	[Vb. Cop. Exist]	3 371	19	339	27
<i>байснаа</i>	PC. PRF-POSS. REFL	[байх]	‘бывшего’	[Vb. Cop. Exist]	420	365	103	542
<i>байхдаа</i>	PC. PROSP-DAT-POSS. REFL	[байх]	‘когда был’	[Vb. Cop. Exist]	295	541	107	515
<i>байх</i>	PC. PROSP-NOM	[байх]	‘быть’	[Vb. Cop. Exist]	2 674	28	318	37
<i>байдаг</i>	PC. US-NOM	[байх]	‘бывает’	[Vb. Cop. Exist]	1 615	60	284	56
<i>байхгүй</i>	PC-PROSP-CAR-NOM	[байх]	‘нет’	[Vb. Cop. Exist]	616	216	176	204
<i>байв</i>	VF. IND. AOR	[байх]	‘был’	[Vb. Cop. Exist]	1 429	73	220	114
<i>байлаа</i>	VF. IND. PROF-EMPH	[байх]	‘был’	[Vb. Cop. Exist]	2 532	30	266	67
<i>байна</i>	VF. IND. PRS1	[байх]	‘является’	[Vb. Cop. Exist]	5 606	11	453	11
<i>байжээ</i>	VF. IND. RENARR-EMPH	[байх]	‘был’	[Vb. Cop. Exist]	748	176	145	303
<i>бай</i>	VF. OPT. IMP	[байх]	‘будь’	[Vb. Cop. Exist]	293	551	105	525
<i>байтугай</i>	VF. OPT. SALUT	[байх]	‘пусть’	[Vb. Cop. Exist]	331	481	113	483
<i>байхад</i>	PC. PROSP-DAT & {PART}	[байх]	‘когда был’	[Vb. Cop. Exist] & [Cnj. Coord. Compar]	904	136	218	121
<i>болоод</i>	CVB. ANT	[болох]	‘став’	[Vb. Cop. Pfv]	804	161	224	109
<i>болж</i>	CVB. CNGR	[болох]	‘становясь’	[Vb. Cop. Pfv]	2 334	34	323	32
<i>боловч</i>	CVB. CONC	[болох]	‘хотя’	[Vb. Cop. Pfv]	1 612	62	215	127
<i>болсон</i>	PC. PRF-NOM	[болох]	‘ставший’	[Vb. Cop. Pfv]	1 966	44	323	33
<i>болохыг</i>	PC. PROSP-ACC	[болох]	‘то, что стал’	[Vb. Cop. Pfv]	316	503	96	595
<i>болохгүй</i>	PC. PROSP-CAR-NOM	[болох]	‘нельзя’	[Vb. Cop. Pfv]	608	220	158	251
<i>болоход</i>	PC. PROSP-DAT	[болох]	‘когда стал’	[Vb. Cop. Pfv]	260	606	105	526

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>болохоор</i>	PC. PROSP-INSTR	[<u>болох</u>]	‘поскольку’	[Vb. Cop. Pfv]	818	156	179	197
<i>болох</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>болох</u>]	‘стать’	[Vb. Cop. Pfv]	1 257	87	243	85
<i>болов</i>	VF. IND. AOR	[<u>болох</u>]	‘стал’	[Vb. Cop. Pfv]	1 523	67	248	82
<i>боллоо</i>	VF. IND. PROF-EMPH	[<u>болох</u>]	‘стал’	[Vb. Cop. Pfv]	621	214	179	196
<i>болно</i>	VF. IND. PRS1	[<u>болох</u>]	‘станет’	[Vb. Cop. Pfv]	1 113	96	233	96
<i>болжээ</i>	VF. IND. RENARR-EMPH	[<u>болох</u>]	‘стал’	[Vb. Cop. Pfv]	746	177	187	176
<i>болон</i>	CVB. MOD & {PART}	[<u>болох</u>]	‘а также’	[Vb. Cop. Pfv] & [Cnj. Coord. Etiam2]	619	215	181	189
<i>аваад</i>	CVB. ANT	[<u>авах</u>]	‘братъ, получать’ [‘взяв’]	[Vb. Hab. Accep]	927	128	183	185
<i>авч</i>	CVB. CNGR	[<u>авах</u>]	‘братъ, получать’ [‘беря’]	[Vb. Hab. Accep]	1 624	59	250	80
<i>авсан</i>	PC. PRF-NOM	[<u>авах</u>]	‘братъ, получать’ [‘взявший’]	[Vb. Hab. Accep]	478	306	128	385
<i>авах</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>авах</u>]	‘братъ, получать’	[Vb. Hab. Accep]	434	348	120	437
<i>өгч</i>	CVB. CNGR	[<u>өгөх</u>]	‘давая’	[Vb. Hab. Donat]	374	416	124	416
<i>өгсөн</i>	PC. PRF-NOM	[<u>өгөх</u>]	‘давший’	[Vb. Hab. Donat]	479	304	151	278
<i>өгөх</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>өгөх</u>]	‘дать’	[Vb. Hab. Donat]	298	535	99	570
<i>өгнө</i>	VF. IND. PRS1	[<u>өгөх</u>]	‘даст’	[Vb. Hab. Donat]	262	602	93	618
<i>өглөө</i>	VF. IND. PROF @ ABS-NOM	[<u>өгөх</u>] @ [<u>өглөө(н)</u>]	‘утро’	[Vb. Hab. Donat] @ [N. Temp. Dem]	743	178	210	136
<i>олж</i>	CVB. CNGR	[<u>олох</u>]	‘находя’	[Vb. Hab. Inven]	685	190	179	198
<i>алдан</i>	CVB. MOD	[<u>алдах</u>]	‘потеряв’	[Vb. Hab. Perd]	315	507	113	482
<i>барьж</i>	CVB. CNGR	[<u>барих</u>]	‘схватив’	[Vb. Hab. Ten]	778	167	184	184
<i>барин</i>	CVB. MOD	[<u>барих</u>]	‘хватая’	[Vb. Hab. Ten]	336	471	76	826
<i>барьсан</i>	PC. PRF-NOM	[<u>барих</u>]	‘схваченный’	[Vb. Hab. Ten]	312	513	103	543
<i>хэлээд</i>	CVB. ANT	[<u>хэлэх</u>]	‘сказав’	[Vb. Loqu. Dic]	492	289	118	456
<i>хэлж</i>	CVB. CNGR	[<u>хэлэх</u>]	‘говоря’	[Vb. Loqu. Dic]	569	239	158	255
<i>хэлсэн</i>	PC. PRF-NOM	[<u>хэлэх</u>]	‘сказавший’	[Vb. Loqu. Dic]	417	367	120	439
<i>хэлэхэд</i>	PC. PROSP-DAT	[<u>хэлэх</u>]	‘когда сказал’	[Vb. Loqu. Dic]	458	324	103	550
<i>хэлэх</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>хэлэх</u>]	‘сказать, говорить’	[Vb. Loqu. Dic]	469	316	142	320
<i>хэлэв</i>	VF. IND. AOR	[<u>хэлэх</u>]	‘сказал’	[Vb. Loqu. Dic]	681	193	100	569
<i>ярьж</i>	CVB. CNGR	[<u>ярих</u>]	‘разговаривая’	[Vb. Loqu. Loqui]	551	252	148	296
<i>яриа</i>	PC. DUR-NOM	[<u>ярих</u>]	‘разговор’	[Vb. Loqu. Loqui]	340	464	114	481

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>ярих</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>ярих</u>]	‘разговаривать’	[Vb. Loqu. Loqui]	260	607	97	594
<i>гээд</i>	CVB. ANT	[<u>гэх</u>]	‘говоря’	[Vb. Loqu. Quot]	3 035	23	275	59
<i>гээж</i>	CVB. CNGR	[<u>гэх</u>]	‘что’	[Vb. Loqu. Quot]	16048	2	483	8
<i>гэвэл</i>	CVB. COND1	[<u>гэх</u>]	‘но’	[Vb. Loqu. Quot]	731	182	174	211
<i>гэтэл</i>	CVB. TERM	[<u>гэх</u>]	‘тем не менее’	[Vb. Loqu. Quot]	1 568	63	229	99
<i>гэгч</i>	PC. ACT-NOM	[<u>гэх</u>]	‘называемый’	[Vb. Loqu. Quot]	415	370	144	308
<i>гэсэн</i>	PC. PRF-NOM	[<u>гэх</u>]	‘что; сказавший’	[Vb. Loqu. Quot]	2 417	32	314	38
<i>гэхэд</i>	PC. PROSP-DAT	[<u>гэх</u>]	‘к’	[Vb. Loqu. Quot]	1 405	78	195	159
<i>гэхдээ</i>	PC. PROSP-DAT-POSS. REFL	[<u>гэх</u>]	‘но’	[Vb. Loqu. Quot]	392	404	131	374
<i>гэх</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>гэх</u>]	‘сказать’	[Vb. Loqu. Quot]	825	151	210	138
<i>гэдгийг</i>	PC. US-ACC	[<u>гэх</u>]	‘что’	[Vb. Loqu. Quot]	348	449	119	445
<i>гэлээ</i>	VF. IND. PROF-EMPH	[<u>гэх</u>]	‘сказал’	[Vb. Loqu. Quot]	810	159	150	283
<i>гэнэ</i>	VF. IND. PRS1	[<u>гэх</u>]	‘говорят’	[Vb. Loqu. Quot]	962	116	188	173
<i>гэвч</i>	CVB. CONC	[<u>гэх</u>]	‘но’	[Vb. Loqu. Quot] & [Cnj. Subord. Concess1]	1 267	85	187	177
<i>гэдэг</i>	PC. US-NOM	[<u>гэх</u>]	‘называемый’	[Vb. Loqu. Quot] & [Cnj. Subord. Interrog. AnNon]	2 226	37	327	30
<i>гэв</i>	VF. IND. AOR @ {PART}	[<u>гэх</u>]	‘сказал’	[Vb. Loqu. Quot] @ [Adv. Intensif. Magn1]	825	150	153	269
<i>хэмээн</i>	CVB. MOD	[<u>хэмээх</u>]	‘говорить’	[Vb. Loqu. Utter]	957	121	175	210
<i>хэмээх</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>хэмээх</u>]	‘называемый’	[Vb. Loqu. Utter]	263	601	109	506
<i>бодоод</i>	CVB. ANT	[<u>бодох</u>]	‘подумав’	[Vb. Ment. Cogit1]	365	434	119	443
<i>бодож</i>	CVB. CNGR	[<u>бодох</u>]	‘думая’	[Vb. Ment. Cogit1]	802	162	179	195
<i>бодох</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>бодох</u>]	‘думать’	[Vb. Ment. Cogit1]	304	527	102	553
<i>мэдэж</i>	CVB. CNGR	[<u>мэдэх</u>]	‘зная’	[Vb. Ment. Sci]	366	432	122	426
<i>мэдэхгүй</i>	PC. PROSP-CAR-NOM	[<u>мэдэх</u>]	‘не знать’	[Vb. Ment. Sci]	616	218	158	252
<i>мэдэх</i>	PC. PROSP-NOM	[<u>мэдэх</u>]	‘знать’	[Vb. Ment. Sci]	488	296	157	258
<i>мэднэ</i>	VF. IND. PRS1	[<u>мэдэх</u>]	‘знает’	[Vb. Ment. Sci]	440	342	152	275
<i>чадахгүй</i>	PC. PROSP-CAR-NOM	[<u>чадах</u>]	‘не мочь’	[Vb. Mod. Posse]	532	265	155	264
<i>очоод</i>	CVB. ANT	[<u>очих</u>]	‘придя’	[Vb. Mov. Adit]	302	533	102	555
<i>очиж</i>	CVB. CNGR	[<u>очих</u>]	‘приходя’	[Vb. Mov. Adit]	656	201	159	248
<i>яваад</i>	CVB. ANT	[<u>явах</u>]	‘уйдя’	[Vb. Mov. Decess]	415	372	140	334
<i>явж</i>	CVB. CNGR	[<u>явах</u>]	‘уходя’	[Vb. Mov. Decess]	954	123	197	157
<i>явсаар</i>	CVB. PERSEV	[<u>явах</u>]	‘шёл’	[Vb. Mov. Decess]	328	485	91	645

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
<i>яваа</i>	PC. DUR-NOM	[явах]	‘идуший’	[Vb. Mov. Decease]	959	119	214	129
<i>явсан</i>	PC. PRF-NOM	[явах]	‘ушедший’	[Vb. Mov. Decease]	1 044	102	247	84
<i>явахад</i>	PC. PROSP-DAT	[явах]	‘когда шел’	[Vb. Mov. Decease]	358	436	111	493
<i>явах</i>	PC. PROSP-NOM	[явах]	‘уйти’	[Vb. Mov. Decease]	794	164	219	118
<i>явдаг</i>	PC. US-NOM	[явах]	‘уходит’	[Vb. Mov. Decease]	401	392	147	299
<i>явлаа</i>	VF. IND. PROF-EMPH	[явах]	‘ушёл’	[Vb. Mov. Decease]	547	255	154	268
<i>явна</i>	VF. IND. PRS1	[явах]	‘уйдёт’	[Vb. Mov. Decease]	576	233	199	153
<i>гараад</i>	CVB. ANT	[гарах]	‘выйдя’	[Vb. Mov. Exit]	376	415	125	411
<i>гарч</i>	CVB. CNGR	[гарах]	‘выходя’	[Vb. Mov. Exit]	1 498	68	255	75
<i>гарсан</i>	PC. PRF-NOM	[гарах]	‘вышел; вышедший’	[Vb. Mov. Exit]	543	256	176	205
<i>гарах</i>	PC. PROSP-NOM	[гарах]	‘выйти’	[Vb. Mov. Exit]	350	447	119	444
<i>гараа</i>	PC. DUR-NOM @ POSS. REFL	[гарах] @ [гар]	‘свою руку’ & ‘выйдет’	[Vb. Mov. Exit] @ [N. Som. Manu]	394	401	133	367
<i>орж</i>	CVB. CNGR	[орох]	‘входя’	[Vb. Mov. Init]	1 614	61	254	78
<i>орсон</i>	PC. PRF-NOM	[орох]	‘вошедший’	[Vb. Mov. Init]	398	394	143	314
<i>орох</i>	PC. PROSP-NOM	[орох]	‘входить’	[Vb. Mov. Init]	336	472	127	393
<i>ор</i>	VF. OPT. IMP	[орох]	‘войди’	[Vb. Mov. Init]	270	590	95	608
<i>ирээд</i>	CVB. ANT	[ирэх]	‘прийдя’	[Vb. Mov. Ven]	916	132	203	147
<i>ирж</i>	CVB. CNGR	[ирэх]	‘приходя’	[Vb. Mov. Ven]	1 038	103	220	115
<i>ирсэн</i>	PC. PRF-NOM	[ирэх]	‘пришедший’	[Vb. Mov. Ven]	1 052	101	236	93
<i>ирэхэд</i>	PC. PROSP-DAT	[ирэх]	‘когда он приходит’	[Vb. Mov. Ven]	440	341	136	345
<i>ирэх</i>	PC. PROSP-NOM	[ирэх]	‘прийти’	[Vb. Mov. Ven]	579	232	193	165
<i>ирэв</i>	VF. IND. AOR	[ирэх]	‘пришёл’	[Vb. Mov. Ven]	614	217	165	231
<i>ирлээ</i>	VF. IND. PROF-EMPH	[ирэх]	‘пришёл’	[Vb. Mov. Ven]	643	205	168	223
<i>ирнэ</i>	VF. IND. PRS1	[ирэх]	‘придёт’	[Vb. Mov. Ven]	271	587	109	501
<i>эргэж</i>	CVB. CNGR	[эргэх]	‘вращаясь’	[Vb. Mov. Vert]	568	243	155	265
<i>эргэн</i>	CVB. MOD	[эргэх]	‘вращаясь’	[Vb. Mov. Vert]	411	376	117	463
<i>үзээд</i>	CVB. ANT	[үзэх]	‘увидев’	[Vb. Percep. Vid]	273	577	112	484
<i>үзэж</i>	CVB. CNGR	[үзэх]	‘видя’	[Vb. Percep. Vid]	388	408	135	352
<i>үзсэн</i>	PC. PRF-NOM	[үзэх]	‘видевший’	[Vb. Percep. Vid]	278	570	110	494
<i>хараад</i>	CVB. ANT	[харах]	‘посмотрев’	[Vb. Percep. Vigil]	547	254	149	293
<i>харж</i>	CVB. CNGR	[харах]	‘смотря’	[Vb. Percep. Vigil]	931	127	221	112

I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	VIII.	IX.
харвал	CVB. COND1	[харах]	‘если смотреть’	[Vb. Percep. Vigil]	273	580	82	741
харан	CVB. MOD	[харах]	‘смотря’	[Vb. Percep. Vigil]	284	561	86	698
харсан	PC. PRF-NOM	[харах]	‘посмотревший’	[Vb. Percep. Vigil]	326	489	112	485
харахад	PC. PROSP-DAT	[харах]	‘когда посмотрел’	[Vb. Percep. Vigil]	287	555	107	520
хэвтэж	CVB. CNGR	[хэвтэх]	‘лежа’	[Vb. Posit. Jace]	316	505	96	604
сууж	CVB. CNGR	[суух]	‘сидя’	[Vb. Posit. Sed]	750	174	208	142
суугаад	PC. DUR-DAT	[суух]	‘посидев’	[Vb. Posit. Sed]	278	572	114	477
суусан	PC. PRF-NOM	[суух]	‘посидевший’	[Vb. Posit. Sed]	291	547	140	331

Заключение

Нетрудно заметить, что предлагаемая категориально-семантическая нотация построена на некоторых принципах, допускающих ее принципиальную экстраполяцию на любые другие языки мира (за пределами монгольского). Возможны разные подходы к построению типологически ориентированного метаязыка для описания грамматикализации. Среди этих подходов возможен, в частности, такой, который можно называть апостериорным. Он может использоваться как эвристический инструмент поиска в данном языке L1 набора таких конструкций, которые хоть в какой-то степени являются грамматикализованными. Предложенный подход опирается на то, что для языка L1 уже есть: (1) корпус текстов K1; (2) «рабочее» описание морфологии, в т. ч.: (2а) набор G1 грамматических категорий (ГК) и грамем; (2б) интерпретация G1 в общепонятных терминах морфологической теории (по понятным причинам претендующей на универсальную применимость); (2в) набор M1 условных аббревиатур; (2г) набор соответствий между M1 и G1; (2д) морфологический анализатор (с выходом G1). Апосте-

риорный подход к построению типологически ориентированного метаязыка для описания грамматикализации включает такие этапы: I.) Для L1 (K1), строится частотный словарь словоформ FD1. II.) Выделяется основа типологически ориентированного метаязыка — частотная «верхушка» словаря T1(FD1), превышающая порог Thr1. III.) Для T1 строится буквальный перевод на искусственный универсальный семантический метаязык. При этом игнорируются малоупотребительные омонимы и переносные значения слов. Ядро этого УСМЯ — широко известный лейпцигский стандарт морфологической нотации («Лейпцигские правила глоссирования») плюс некоторые элементы латинского языка. Специфика типологически ориентированного метаязыка — его ориентация на базовую (а потому главным образом аналитическую, строевую!) лексику T1(FD1) (а не только на аффиксы). К настоящему времени автором предпринята попытка реализовать апостериорный подход для основ примерно 400 словоформ современного монгольского языка, составляющих его базовую лексику.

Литература

Крылов 2004 — Крылов С. А. Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики. Ч. 1. Морфемика, морфонология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей) М.: Вост. лит., 2004. 479 с.

Крылов 2012а — Крылов С. А. Структурно-вероятностная модель монгольского языка на базе Генерального корпуса современного монгольского языка // Дыбо А. В. (отв. ред.). Урало-алтайские исследования. № 1(6), 2012. С. 78–105.

Крылов 2012б — Крылов С. А. The general corpus of the modern Mongolian language and its structural-probabilistic model // Кибрик А. Е.

- (гл. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодн. Междунар. конф. «Диалог» (с. Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 331–341.
- Крылов 2013 — *Крылов С. А.* Опыт изучения современного монгольского языка в количественном освещении // Николаева Т. М. (отв. ред.). Вопросы языкознания, № 5, 2013. С. 46–57.
- Крылов 2014 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука, Вост. лит., 2014. 637 с.
- Крылов, Дыбо, Шеймович 2015 — *Крылов С. А., Дыбо А. В., Шеймович А. В.* Some possibilities of semantic and etymological tagging of corpora for turkic languages (= Некоторые возможности семантической и этимологической разметки для корпусов тюркских языков (расстановка семантических тэгов в электронном хакасско-русском словаре)) // Сб. тр. междунар. конф. TurkLang – 2015 (Turkic Languages Processing: TurkLang 2015). Казань, 2015. С. 304–327.
- Крылов, Дыбо, Шеймович 2016 — *Крылов С. А., Дыбо А. В., Шеймович А. В.* Расстановка семантических и деривационных тэгов в электронном хакасско-русском словаре // Российская тюркология, 2016, № 2. С. 28–39.
- Крылов 2016 — *Крылов С. А.* О принципах синтаксического анализа в сводном корпусе монгольских языков // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сент. 2016 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 198–199.
- Крылов 2017а — *Крылов С. А.* Сочетаемость монгольских синтетических словоформ: количественный аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 108–133.
- Крылов 2017б — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические конструкции в количественном аспекте // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 155–179.
- Крылов 2017в — *Крылов С. А.* Монгольские аналитические словоформы: опыт лингвостатистического исследования // Куканова В. В. (отв. ред.). Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 79–93.
- Крылов 2018а — *Крылов С. А.* Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ // Oriental studies, Vol. 36, Is. 2, 2018. С. 88–101.
- Крылов 2018б — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // Панина А. С. (сост.). Востоковедные чтения – 2018. Лексикология и лексикография. К 200-летию ИВ РАН. Тезисы докладов межинститутской науч. конф. (г. Москва, 4–6 апреля 2018 г.). М.: ИВ РАН, 2018. С. 33–34.
- Крылов 2018в — *Крылов С. А.* О гибридных жанрах словарей (на материале монгольского языка) // Шаляпина З. М. (отв. ред.), Панина А. С. (ред.-сост.). Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19. Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография. М.: ИВ РАН, 2018. С. 156–165.
- Ляшевская, Шаров 2009 — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Новый частотный словарь русской лексики [электронный ресурс] // Электронная версия издания: *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 10.09.2019).
- Шайкевич 1990 — *Шайкевич А. Я.* Количественные методы в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 231.
- Шайкевич 2009 — *Шайкевич А. Я.* Количественные методы в языкознании // Большая Российская энциклопедия. Т. 14 («Киреев – Конго»). М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. С. 478.
- Шайкевич, Андриященко, Ребецкая 2013 — *Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 504 с.
- Шайкевич, Андриященко, Ребецкая 2016 — *Шайкевич А. Я., Андриященко В. М., Ребецкая Н. А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2016. 850 с.
- Dawa & al. 2006 — *Dawa I., Husal, Liu Yue, Yue Yao Ming, Uulang, Bai Shuang Cheng, Batsaihan, Arai Y., Mitsunaga M., Isahara H., Nakamura S.*

- Multilingual Text — Speech Corpus of Mongolian // International Symposium on Chinese Spoken Language Processing (ISCSLP 2006), Kent Ridge, Singapore, December 13–16, 2006. Vol. II. Pp. 759–770. ISCA Archive https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/iscslp2006/B74.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
- Purev & al. 2003 — Purev J., Hyun Seok Park, Altangerel Ch. Tree adjoining grammars for Mongolian // Proceedings of 3-rd International Conference on East-Asian Language, Processing and Internet Information Technology, EALPIIT 2003. Ulaan-baatar, 2003. Pp. 321–323. (In Eng.)
- Purev & al. 2005 — Purev J., Tsolmon Z., Altangerel Ch., and Cheol-Young O. PC-KIMMO-based Description of Mongolian Morphology // International Journal of Information Processing Systems. 2005. Vol. 1. No.1. Pp. 41–48. (In Eng.)
- Purev, Odbayar 2008 — Purev J., Odbayar Ch. Corpus Building for Mongolian Language // Proceedings of the 6th Workshop on Asian Language Resources (11–12 January 2008, India). Hyderabad, 2008. Pp. 97–98. (In Eng.)
- Sharoff 2002 — Sharoff, Serge. Meaning as use: exploitation of aligned corpora for the contrastive study of lexical semantics. // *Proc. of Language Resources and Evaluation Conference (LREC02)*. May, 2002, Las Palmas, Spain, 2002.
- References**
- Dawa I. et al. Multilingual Text — Speech Corpus of Mongolian. In: International Symposium on Chinese Spoken Language Processing (ISCSLP 2006). Proceedings. (Kent Ridge, Singapore; December 13–16, 2006). Vol. II. Pp. 759–770. An Internet resource: https://www.isca-speech.org/archive_open/archive_papers/iscslp2006/B74.pdf (accessed: October 10, 2018). (In Eng.)
- Krylov S. A. [Theoretical Grammar of Modern Mongolian and Related Issues of General Linguistics]. Vol. 1: ‘Morphemics, Morphology, Elements of Phonological Transformatomics’. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 479 p. (In Russ.)
- Krylov S. A. [Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics]. In 6 vol. Vol. 2: ‘A Structure-and-Frequency Model of Modern Mongolian’. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. 637 p. (In Russ.)
- Krylov S. A. A Consolidated Corpus of Mongolic Languages: Principles of Syntactical Analysis Revisited. [The Humanities in Southern Russia: International and Regional Cooperation]. Conf. proc. (Elista; September 14–15, 2016). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 198–199. (In Russ.)
- Krylov S. A. A structure-and-frequency model of the Mongolian language on the basis of the General Corpus of Modern Mongolian. *Ural-Altaic Studies*. 2012. No. 1(6). Pp. 78–105. (In Russ.)
- Krylov S. A. Compatibility of Mongolian synthetic word forms: a quantitative aspect. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 4. Pp. 108–133. (In Russ.)
- Krylov S. A. Hybrid genres of dictionaries revisited: a case study of the Mongolian language. In: [Oriental Studies Readings 2018]. Panina A. S. (comp.). Conf. proc. (Moscow; April 4–6, 2018). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2018. Pp. 33–34. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical constructions: a quantitative perspective. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 5. Pp. 155–179. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of distributive and statistical classification. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 36. Is. 2. Pp. 88–101. (In Russ.)
- Krylov S. A. Mongolian analytical word forms: an effort of quantitative research. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 6. Pp. 79–93. (In Russ.)
- Krylov S. A. On hybrid dictionaries, exemplified by Mongolian. In: [Institute of Oriental Studies of the RAS: Transactions]. Vol. 19: ‘Issues of General and Oriental Linguistics: Lexicology and Lexicography’. Shalyapina Z. M. (ed.), Panina A. S. (ed., comp.). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2018. Pp. 156–165. (In Russ.)
- Krylov S. A. The General Corpus of the Modern Mongolian Language and its structural-probabilistic model. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Conf. proc. (Bekasovo; May 30 – June 3, 2012). Vol. 11 (18). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012. Pp. 331–341. (In Eng.)
- Krylov S. A., Dybo A. V., Sheymovich A. V. A digital Khakass-Russian dictionary: semantic and derivative tagging. *Russian Turkology*. 2016. No. 2. Pp. 28–39. (In Russ.)
- Krylov S. A., Dybo A. V., Sheymovich A. V. Some possibilities of semantic and etymological tagging of corpora for Turkic languages. In:

- Turkic Languages Processing: TurkLang 2015. Conf. proc. Kazan, 2015. Pp. 304–327. (In Russ. and Eng.)
- Krylov S. A. Investigating modern Mongolian: a quantitative perspective. *Voprosy Jazykoznanija*. 2013. No. 5. Pp. 46–57. (In Russ.)
- Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. New Frequency Dictionary of Russian. In: Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. [Frequency Dictionary of Modern Russian: as Exemplified by Russian National Corpus]. Moscow: Azbukovnik, 2009. An Internet resource: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed: September 10, 2019). (In Russ.)
- Purev J., Hyun Seok Park, Altangerel Ch. Tree adjoining grammars for Mongolian. In: Proceedings of the 3rd International Conference on East-Asian Language, Processing and Internet Information Technology, EALPIIT 2003. Ulaanbaatar, 2003. Pp. 321–323. (In Eng.)
- Purev J., Odbayar Ch. Corpus building for Mongolian language. In: Proceedings of the 6th Workshop on Asian Language Resources (11–12 January 2008, India). Hyderabad, 2008. Pp. 97–98. (In Eng.)
- Purev J., Tsolmon Z., Altangerel Ch., and Cheol-Young O. PC-KIMMO-based description of Mongolian morphology. *International Journal of Information Processing Systems*. 2005. Vol. 1. No. 1. Pp. 41–48. (In Eng.)
- Sharoff S. Meaning as use: exploitation of aligned corpora for the contrastive study of lexical semantics. In: Proc. of Language Resources and Evaluation Conference (LREC02). (Las Palmas, Spain; May 2002). 2002. (In Eng.)
- Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. P. 231. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya. Quantitative research methods in linguistics. In: [Great Russian Encyclopedia]. Kravets S. L. (ed.). Vol. 14: 'Купеев – Кольцо'. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2009. P. 478. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. [Russian Prose of 1850–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2013. 504 p. (In Russ.)
- Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. [Russian Prose of 1850–1870s: Distributive-Statistical Analysis of Its Language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2016. 850 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1176–1188, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 026:61

Частица *же* в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов)

Анна Владимировна Дыбо¹, Виктория Васильевна Куканова²,
 Наталья Григорьевна Егорова³

¹ Институт языкознания РАН (стр. 1, д. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
 член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом урало-алтайских языков
 ORCID: 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор
 ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

³ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
 магистрант
 ORCID: 0000-0001-5359-6029. E-mail: natalia_egorova13@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Частицы всегда выступали той частью речи, которую относили к словам со «скрытой семантикой». В калмыцком языкознании данная часть речи менее всего исследована, существуют фрагментарные работы; к сожалению, до сих пор не выявлен еще полный инвентарь частиц, не проведена их классификация в зависимости от функциональной нагруженности и семантики и мн. др. *Цель.* В статье анализируются этимология, функционирование и семантика частицы *же* на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов. *Материалом* послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка, размер которого составляет около 9 млн токенов, из них почти 7 млн словоупотреблений. Методом сплошной выборки были изъяты примеры с анализируемой частицей *же* 'ладно, хорошо; ну'. *Результаты.* Согласно данным Национального корпуса калмыцкого языка, частица *же* не является высокочастотной, в текстах используется редко, в основном в фольклорных произведениях и исторических преданиях, а также в произведениях писателей и поэтов, язык которых можно отнести к торгутскому диалекту. По данным информантов, в настоящее время частица почти не используется в калмыцкой речи. Частица *же* выполняет дискурсивные функции в речевом акте: во-первых, она передает согласие на побуждение, выраженное в предыдущем высказывании, во-вторых, она может вводить побуждение в начале речевого акта, которое выражено в последующей предикации. Согласно этимологическому анализу, частица *же* реконструируется как П.-Монг. **žīya*, которая в свою очередь восходит

к П.-Алт. **d̥iðge*. Из монгольских языков частица была заимствована в некоторые тюркские языки (казах., киргиз., тув. и др.), кроме того, видимо, частица **ʒiɣa* вошла и в тунгусо-маньчжурские языки, где начальный **ʒ* был передан при заимствовании как *z*.

Ключевые слова: калмыцкий язык, корпусная лингвистика, агглютинация, морфология, изменимость / неизменяемость, частицы

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ (проекты: № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Дыбо А. В., Куканова В. В., Егорова Н. Г. Частица *же* в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов). *Oriental Studies*. 2019;(6): 1176-1188. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188.

UDC 026:61

Kalmyk Particle *же*: Etymology, Functioning and Semantics (a Case Study of Kalmyk National Corpus and Informant Discourse)

Anna V. Dybo¹, Viktoriya V. Kukanova², Natalia G. Egorova³

¹ Institute of Linguistics of the RAS (bldg. 1/1, Bolshoi Kislovodsky St., Moscow 125009, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr.Sc. (Philology), Head of Department for Uralic and Altaic Language Studies

ORCID: 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand.Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director

ORCID: 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

M.A. Student

ORCID: 0000-0001-5359-6029. E-mail: natalia_egorova13@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Particles have always served as a part of speech with somewhat ‘hidden semantics’. In Kalmyk linguistics, this part of speech remains most understudied, and despite there had emerged certain fragmentary works, no complete description and classification of particles – neither functional, nor semantic – have been made. *Goals.* The paper analyzes etymology, functioning and semantics of the particle *же*. *Materials.* The work examines informant discourse and texts of Kalmyk National Corpus (<http://kalmcorp.ru>), the latter including approximately 9 mn tokens of which 7 mn are actual word usage patterns. The continuous sampling method was employed to select examples with the analyzed particle *же* ‘all right, okay; well’. *Results.* The insight into Kalmyk National Corpus shows the particle *же* is not used that frequently, and is rarely found in texts – primarily in folklore, historical narratives, and works by Kalmyk writers and poets whose language tends to be identified as Torghut dialect. Analysis of informant discourse attests to that the particle has almost become obsolescent to contemporary Kalmyk speech. Still, it performs discursive functions: firstly, it may express consent to the incentive of the preceding statement; secondly, it may introduce an initial incentive to be expressed in further predication. The etymological analysis concludes the particle *же* is reconstructed from the Proto-Mongolic **ʒiɣa* which can be traced to the Proto-Altaic **d̥iðge*. The particle was borrowed from Mongolic languages into some Turkic ones (Kazakh, Kyrgyz, Tuvan, etc.), and is likely to have entered Tungusic languages too: **ʒiɣa* with the initial **ʒ* transformed into **g*.

Keywords: Kalmyk language, corpus linguistics, agglutination, morphology, alterability / inalterability, particles

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR (projects no. 18-012-00611 ‘Structural Probabilistic Morphology of Mongolic Languages’ and no. 19-512-44017 ‘Structural Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages’).

For citation: Dybo A. V., Kukanova V. V., Egorova N. G. Kalmyk Particle *же*: Etymology, Functioning and Semantics (a Case Study of Kalmyk National Corpus and Informant Discourse). *Oriental Studies*. 2019;(6): 1176-1188. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176–1188.

1. Введение

Описание грамматики калмыцкого языка является актуальной проблемой на современном этапе. Очевидно, что двигаться к реализации этой фундаментальной задачи следует постепенно, исследуя отдельные грамматические темы, создавая тем самым базис для последующего комплексного исследования структуры и семантики калмыцкого языка: «Углубление и накопление знаний, фиксация объективных изменений в языке, совершенствование приемов описания — все это можно осуществить путем исследований более частного порядка, которые затем с определенной периодичностью (10–15 лет) необходимо обобщить в фундаментальной академической грамматике» [Кононов 1984: 4].

Национальный корпус калмыцкого языка (далее — НККЯ) позволяет собрать материал для описания морфологии и синтаксиса калмыцкого языка. Академические грамматики, посвященные фонетике, морфологии и синтаксису [ГКЯ 1983; Пюрбеев 2010¹], являются единственными до настоящего времени обобщающими трудами.

Данная статья является продолжением ряда публикаций, объектом которых являются частица калмыцкого языка [Куканова 2019а; Куканова 2019б]. Серьезных и комплексных исследований указанной части речи в калмыцком языкознании не проводилось (за исключением работы [Мулаева 2011], где рассматривались только модальные частицы), хотя данная часть речи во многих (в том числе и в калмыцком) языках носит частотный характер; кроме того, традиционно к частицам всегда относятся так называемые «проблемные» лексемы, которые трудно классифицировать в силу сложностей выделения их значения и функции.

В связи с малоизученностью этой особой служебной части речи определяется необходимость исследования частиц в калмыцком языке. Целью данной работы является анализ этимологии, функционирования и семантики частицы *же* на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов.

2. Материал и методы исследования

Материалом для исследования послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка [НККЯ], размер которого составляет около 9 млн токенов, из них почти 7 млн словоупотреблений [Куканова 2013]. В корпус вошли тексты художественного (в том числе и фольклорные произведения), газетного стилей; незначительный процент текстов принадлежит научной функциональной сфере. В хронологическом отношении корпус можно охарактеризовать как информационную систему с текстами преимущественно второй половины XX и начала XXI в. Для проведения данного исследования мы использовали ту версию корпуса, которая является локальной и доступна в специализированной программе TextAnalyzer [Куканова, Каджиев 2014]. Кроме того, для анализа привлекались также тексты песен эпоса «Джангар», включенные в отдельную базу данных (далее — БД «Джангар»). Методом сплошной выборки были изъятые примеры с анализируемой частицей *же*. В работе используется корпусный подход к исследованию материала, что свидетельствует о том, что результаты, полученные в ходе анализа, носят объективный характер. Кроме того, некоторые моменты уточнялись непосредственно в работе с информантами, т. е. использовались методы полевой работы. В качестве информантов выступили носители калмыцкого языка, для которых язык выступает не толь-

¹ Первое издание было опубликовано в 1977 г.

ко средством коммуникации, но и объектом изучения и орудием труда [Богданова 2001: 58].

3. Общая характеристика частицы *же*

Как мы уже упоминали в работе [Куканова 2019а], частицами мы называем, как это традиционно принято в грамматиках монгольских языков, неизменяемые слова с нечетко выраженной синтаксической функцией (в отличие от, например, послелогов и союзов). Еще одно свойство, присущее словам, определяемым как частицы, в языках «алтайского типа», это пограничность в смысле выделяемости их как отдельных слов или же аффиксов, входящих в состав словоформ других, изменяемых слов. Частица *же* по своим позиционным характеристикам со всей определенностью должна быть выде-

лена как отдельное слово. По критериям П. П. Дамбуевой [Дамбуева 2001: 220–221], она ближе к так называемым модальным словам.

Описываемая частица зафиксирована в словаре [Ramstedt 1935: 108] в виде *džā*, *džē* (обе формы маркированы как олётские) с переводом ‘ладно, хорошо’ и с примером: *Odā jovij! — džā!* ‘Пойдем сейчас! — Ладно!’.

В Калмыцко-русском словаре лексема *же* переводится как ‘ладно, хорошо’² [КРС 1977: 224]. В словаре имеется также омонимичная нашей частице лексема с другим значением, «префикс» по терминологии В. И. Рассадина, образующий композиты с глаголами и именами, придавая им семантику «изнемогать», «изнеможение»:

(1) <i>Бригадир</i>	<i>күлэ-һэд</i>	<i>же_ги-жа-дз³</i> ,	<i>бол-х.</i>
бригадир.Nom	ждать-Conv.Ant	страдать-Dur-Ptcpl.Hab	стать-Ptcpl.Fut
‘Бригадир, наверное, изнемог от ожидания’ ⁴			

[НККЯ. Эрендженев К. Э. Олна засг].

(2) <i>Күүкн</i>	<i>же_гитлэн</i>	<i>уул-яд</i>	<i>суу-на.</i>
девушка.Nom	изнеможение.Adv	плакать-Conv.Ant	сидеть-Pres
‘Девушка, до изнеможения рыдая, сидела’			

[НККЯ. Бутаев С. Седкүр бурхни тууж].

Согласно материалам НККЯ, цепочка *же_* употребляется 217 раз; лексема-структурный компонент сложного слова насчитывает 174 словоупотребления. В 43 словоупотреблениях мы имеем дело с *же* как дискурсивной частицей. Омонимия в НККЯ была снята вручную.²³⁴

Как показано выше, частица *же* не является высокочастотной в калмыцком языке: она в основном встречается в фольклорных и исторических текстах (например, в «Хальмг баатрлг дуулвр»⁵, «Мазн Баатр болн Овлан Цаһан» «Дөрвн өөрд моңһлыг дарсн

тууж» и др.), а также у ряда калмыцких писателей — Т. О. Бембеева (1930–2003), Г. Д. Даваева (1913–1943), Э. М. Кектеева (1916–1965), Н. М. Манджиева (1905–1936), Б. Г. Очирова (1938–1999). Кроме того, в эпических песнях эпоса «Джангар» (напомним, которые включены в отдельную базу данных) эта частица также редко встречается — 17 словоупотреблений. Отметим, что данная частица обнаружена только в песнях Багацохуровского цикла, в остальных циклах и репертуарах не встретилось ни одного примера. Интересно, что художественные тексты, в которых обнаружены примеры с употреблением частицы *же*, принадлежат авторам, которые проживали в восточных районах Калмыкии, традиционно считающимися территорией проживания субэтнической группы калмыков-торгутов. Считается, что торгутский диалект наиболее консервативен: он в большей степени сохраняет архаичные черты [Убушаев 2006: 22].

² В [ГКЯ 1983: 283–295] анализируемая частица не описана.

³ В примерах знак нижнего подчеркивания «_» маркирует сложные слова.

⁴ Здесь и далее перевод научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Т. А. Михайловой.

⁵ В данном сборнике содержатся разные фольклорные тексты.

Возможно, что употребление частицы *же* имеет архаичный характер, поскольку по данным информантов в настоящее время изучаемая частица, в том числе и в значении 'ладно, хорошо'⁶, зафиксированном в словаре Г. Й. Рамстедта [Ramstedt 1935: 108], не используется в калмыцкой речи [ПМА], что и отражено в помете *редко* в [КРС 1977: 224]. Согласно сведениям, полученным от информанта, в 1940-е гг. данная лексема уже имела оттенок устаревшего слова.

К частице *же* не примыкает никаких других частиц, она функционирует отдельно (самостоятельно), не образует цепочек. Частица *же* в дискурсивной функции всегда находится в инициальной позиции: во всех обнаруженных примерах она находится в начале высказывания в отличие от подобных частиц в русском языке, которая может занимать место и в начале, и в середине, и в конце высказывания (ср. *ладно, хорошо, ну* из русского языка). Кроме того, дискурсивная частица может функционировать как отдельное (изолированное) высказывание, передающее согласие на побуждение, которое содержится в предыдущем высказывании (см. примеры ниже).

4. Функционирование и семантика частицы *же*

По материалам корпуса, частица выполняет дискурсивные функции, ее можно отнести к дискурсивным словам⁷, под которыми мы понимаем особые единицы, обладающие способностью структурировать дискурс (т. е. «единицы, которые, с одной

стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения степени важности, правдоподобности, вероятности, и т. п. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [Баранов и др. 1993: 7]).

Дискурсив преимущественно «работает» в диалогических высказываниях и, как правило, функционирует в ответной реплике. Дискурсив *же* выражает согласие говорящего с тем, что содержится в предыдущем эксплицитно представленном или имплицитно содержащемся в речевом акте (утвердительно/отрицательно) сообщении, которое принадлежит собеседнику или чаще всего является директивой (просьбой, предложением, приказом, предупреждением и пр.).

Частица *же* имеет, на наш взгляд, два основных значения:

1) «**ладно, хорошо**»; т. е. модальная частица-реплика, которая выражает согласие, при этом может функционировать изолированно (см. примеры (3)-(4)), а может вводить комментирующую реплику (см. пример (5), ср. рус. ладно_{1а} в [Шимчук, Щур 1999: 81]):

(3) — <...>Эн	хоюл-ан ⁸	хурд-ы[н]-нь	уз-ий!
этот.Pron	два-RefPart	быстрый-Gen-Poss	смотреть-Hort
— Же! —	зи-һад, /	Жола	сулд-х-в.
ладно.Part	говорить-Conv.Ant	поводья.Асс	ослабевать-Caus-Pst
- ‘— <...> Из них двоих кто резвее, посмотри!’
 — Ладно! — воскликнули они / И поводья ослабили’.

[БД «Джангар». Багацохуровский цикл].

⁶ По данным информантов, в качестве утвердительной частицы преимущественно используется в калмыцком языке лексема э-э 'да; ладно, хорошо'.

⁷ По вопросу определения термина «дискурсивные слова» высказывалось множество точек зрения, однако до сих пор в научной литературе отсутствует единство взглядов. К дискурсивам можно отнести не только частицы, хотя они и являются ядром, но и десемантизированные полнзначные единицы и словосочетания (устойчивые обороты), находящиеся на периферии.

⁸ Форма *хоюлан* является устаревшей, часто встречается в эпических текстах.

- (4) — *Би* *ода* *үдл-нэ-в, /* *Бий-им*
 я.Pron.Nom сейчас.Adv отдыхать-Pres-Per1Part персона-Poss1
бичэ *сер-үл. /* *Нөөр-м* *серг-эд*
 не.Neg просыпаться-Caus.Impr сон.Acc-Poss1 пробудиться-Conv.
 Ant
бос-хла, / *Нанур* *залу-с* *дууд-ул.*
 встать-Conv.Cond я.Dir мужчина-Pl звать-Caus.Impr
 — *Же, —* *ги-жэ* *кел-эд /* *Живжэ*
 ладно.Part говорить-Conv.Ipfv говорить-Conv.Ant Дживджи.Nom
сөөвң *һар-на, /* *Һаха* *кевтэ*
 слуга.Nom выйти-Pres свинья.Nom как.Conj
хоржңн-ад / *Һэрэ* *байн* *нөөрс-нэ.*
 храпеть-Conv.Ant Гаря.Nom богач.Nom спать-Pres
 ‘— Сейчас я останусь, меня не буди. Когда выплусь, вызови ко мне мужчин.
 — Ладно, — сказал слуга Дживджи и вышел; словно свинья похрапывая, богач Гаря спал’
 [НККЯ. Бембеев Т. О. Тегин зөөр].

В примере (4) Говорящий 1 высказывает приказ, а Говорящий 2 выражает согласие на действие, озвученное в предыдущем высказывании. В данном дискурсиве содержится уступительная коннотация, которая выявляется на материале русского языка у подобных частиц [Колокольцева 1998].

- (5) ХАР_БААТР: *Буйн* *бол-мха,* *эзн-хан, /*
 черный.Adj_ добродетель.Nom становится-Juss хозяин-хан.Nom
 богатырь.Nom
Буру-һим *тэв-жэ* *хээрли-т, /*
 вина.Acc-Poss1 отпускать-Conv.Ipfv помиловать-Impr
Сээхлэ *Гернзл-ин* *марһан-д*
 красавица.Nom Герензел-Gen состязание-Dat
ор-лц-х / *Селвг* *нанд*
 входить-Soc-Ptcpl.Fut совет.Acc я.Dat
эцк-м *өг-лэ, /* *Би*
 отец.Nom-Poss1 дать-Rem я.Nom
белм-б ... <...>
 готовый-Per1Part
 ХАН: *Же,* *ор-лц* *марһан-д, /*
 хан.Nom ладно.Part входить-Soc.Impr состязание-Dat
Зөр-сн *хамг-чн* *күү-мхэ.*
 стремиться-Ptcpl.Pst все-ConcPart достигать-Juss
 ‘Хар-баатыр: Пожалуйста, властитель-хан, простите милостиво меня. Участвовать в состязании за красавицу Герензел посоветовал мне отец. Я готов...
 Хан: Ладно, участвуй в состязании, пусть добьешься ты того, к чему стремишься’
 [НККЯ. Очиров Б. Г. Жидин үзүрт].

Предварительно выбирая между P^9 и $не-P$, говорящий склоняется к P , причем дискурсив *же* не отражает его колебания в процессе размышления, происходящего во время речевого акта. Однако *же* может маркировать так называемое «вынужденное» согласие, когда говорящий попадает в си-

туацию, ведущей к действию (или действиям), выполнение которых он сам не может обосновать для себя или других. В примере (5) персонаж дает согласие на действие собеседника, при этом обоснование необходимости выполнения действия из возможных существующих альтернатив, обозначенного в императиве, принадлежит именно собеседнику.

⁹ P — ситуация или объект.

Также устроен следующий пример, где персонаж дает согласие на продолжение речи собеседника:

- (6) *Бас* *көвү-г* *хойр* *күн* *ав-ч*
 тоже.Adv мальчик-Асс два.Num человек.Nom взять-Conv.Ipfv
һартл, / — *өөрд-ин* *зәңг* *мед-үл-нә-в*, — *ги-сн-д*, / —
 выходить- Conv. ойрат-Gen новость.Nom понимать- Caus- говорить-Ptcpl.
 Term Pres Per1Part Pst-Dat
Же, *көвүн*, *кел*, — *ги-в*.
 ну.Part мальчик.Nom рассказывать.Impr говорить-Pres
 ‘Еще юноши, пока двое не вынесли: «Ойратов весть сообщу», — когда сказали. Он:
 «Хорошо, юноша, говори», — сказал’

[НККЯ. Коллективный автор. Дөрвн өөрд монһлыг дарсн тууж].

2) «ну» (частица в начале побудительного предложения, выражающая побуждение слушающего к тому или иному действию, а также к продолжению речи, ср. рус. ну_{1а} в [Шимчук, Щур 1999: 96]), последнее значение зафиксировано в [КРС 1977: 224]:

- (7) *НЕГ-ДГЧ-НЬ:* *Ээж*, *би* *хар* *жолм-д-нь*
 один-Ord.Num-Poss бабушка.Nom я.Pron черный.Adj жоломейка-
болн *өвсн-д-нь* *һал* *ор-ул-на-в*.
 и.Conj сено-Dat-Poss огонь.Acc входить-Caus-
 Pres-Per1Part
АЛМС_ЭМГН: *Же*, *шулун* *йов*.
 старуха-ведьма.Nom ну.Part быстро.Adv идти.Impr
 ‘Первый: Бабушка, я огонь разожгу в их жоломейке и сене.
 Старуха-ведьма: Ну, иди быстрее’.

[НККЯ. Очиров Б. Г. Жидин үзүрт].

Частица *же* может выполнять функцию инициации речевого акта, связанного с просьбой, направленной говорящему. Другими словами, говорящий побуждает слушающего к действию, обозначенному в императиве:

- (8) *Ундас-гсн*¹⁰ *ундн* *хәр-в*, / *Өлс-гсн* *хот* *цад-в*, /
 жажда- жажда.Nom уходить-Pst голодать- еда.Nom наестся-
 Ptcpl.Pst Ptcpl.Pst Pst
Өөдән, *уру* *соль-гсн* *нүдн* *чикр-в*. /
 вверх.Adv вниз.Adv менять-Ptcpl.Pst глаз.Nom исправиться-Pst
 — *Же*, *көвүн*, *кел*, / *Ю* *соңс-в-ч*, *ю*
 ну.Part мальчик.Nom говорить. Impr что.Acc слышать- Pst- что.Acc
 Per2Part Per2Part
үз-в-ч? — *ги-ж* *зәрлг* *бол-в*.
 видеть-Pst- говорить- приказ.Nom стать-Pst
 Per2Part Conv.Ipfv

¹⁰ В калмыцком языке аффикс причастия прошедшего времени *-сн* восходит к ойратской форме **-qsan/-qsen/-qson/-qsön* [Яхонтова 1996: 87] и писался таким образом вплоть до начала XX в., о чем свидетельствуют письменные памятники и, возможно, произносился без утраты согласного звука: в [Котвич 1929: 288] прямо

не указано, что он именно таким образом произносился, однако он дается как *сн*, и *ксн*, где явно зафиксированы произносительные варианты, поскольку отражено, что звук *q* оглушается, а также имеется «неясный» согласный, скорее всего, в этот период сосуществовало два варианта произношения.

‘Изжаждавшаяся жажда ушла, изголодавшийся живот наелся, наверх и вниз поменявшиеся глаза выправились.

— Ну, мальчик, говори, что слышал, что видел? — повелел’.

[НККЯ. Коллективный автор. Хальмг баатрлиг дуулвр].

В примере (8) *же* деликатно вводит просьбу в начале речевого акта, которая выражена в последующей предикации. Частица здесь выполняет контактоустанавливающую функцию, т. е. имеет исключительно прагматическую роль, в этом примере она не выражает модальных значений.

Мы видим, что употребление частицы в целом совпадает с употреблением русских частиц *ладно* и побудительного *ну*. Отметим, что, хотя в словаре [Шимчук, Щур 1999: 81–82] у *ладно* не отмечено побудительных употреблений, однако они встречаются; в НКРЯ их обнаруживается несколько десятков, например: (9) *Но человек с ореховыми глазами приказал: — Ладно. Узнайте, кто это сделал и разберитесь. Кто-то из приближенных даже хихикнул от неожиданности, человек с ореховыми глазами посмотрел на него с лёгким раздражением и убил его.* [НКРЯ. Алексей Слаповский. *Не сбылась моя мечта* (1999)]; (10) *Пушкин с ней писал. Ладно. Пойдём-ка, Гриша, посмотрим, что там в чемодане лежит.* [НКРЯ. Людмила Улицкая. *Пиковая дама* (1995–2000)].

Русское *ладно* образовано от прилагательного *ладный* ‘добротнo сделанный, хорошо устроенный; вполне соответствующий требуемому качеству’ [МАС 1986: 160]. Ср. также похожее по употреблению английское дискурсивное слово *well*, связанное с *well* ‘in a successful or satisfactory way’ [Longman].

5. Этимология частицы *же*

Калмыцкая частица *же* имеет параллели в других монгольских языках, восходя к П.-Монг. **žīŋa*: письм.-монг. *žaŋa*, (*zaŋa-bala* ‘for certain’ [Lessing 1960: 1022]), монг. *жаа* ‘да, же, хорошо, слушаюсь, ладно; ну, итак; ну?, дальше?’ [БАМРС 2001: 151]; *заа* ‘ладно, хорошо, прекрасно (в ответ на просьбу); ну, итак’ [БАМРС 2001: 201]; бур. *заа*, *зай* ‘ладно, хорошо (в ответ на просьбу); ну, итак; ну?, дальше?’ [БМРС 1951: 260]; ойр. *жаа* (*жай*) ‘ну; ладно; хорошо’ [Тодаева 2001: 139]; диал.Вн.Монг. *заа* ‘ладно, хорошо; ну, итак’ [Тодаева 1981: 151]; ордос. *жā* ‘хорошо, ладно, да; также побуди-

тельное’ [Mostaert 1968: 175]; дагур. *жээ* ‘да, так; ладно, хорошо; ну, итак’ [КДРС 2014: 80]; *джэ* (*джā*) ‘хорошо, ладно’ [Тодаева 1986: 143]; монгор. Минхэ *джа* (*džiā*) [Smedt, Mostaert 1933: 154–155]) препозитивная частица, употребляющаяся в начале утвердительного предложения, следующего непосредственно после вопросительного предложения [Тодаева 1973: 153]; дунс. *жа*, *шира-юйгу жа* [MGCD 1990: 416].

Таким образом, на на прамонгольском уровне морфема восстанавливается именно как частица приблизительно с теми же значениями, что в калмыцком («ладно; да; ну»). Нерегулярности в отражении палатализации первого согласного перед **i* обычны для сочетаний типа **iŋa*, отражая разновременность процессов перелома гласных.

Очевидно, с заимствованиями из монгольских языков в тюркские мы имеем дело в следующих случаях:

– кумык. *же* ‘диал., част. усил. ‘ну, ну-ка, скорей, быстрее’ [КРС 2011: 120];

– карач. *дже* ‘межд. ‘ну’ [КБРС 1989: 240];

– башкир. *йә* ‘част. усил. означает согласие ‘ладно, хорошо’; усил. употр. в риторическом вопросе ‘ну’; межд. выражает призыв или побуждение к действию ‘ну, ну-ка, а ну’; выражает требование не надоедать, не приставать и т. п. ‘ну, а ну’ [БРС 1996: 247];

– казах. *жә* ‘част. ‘ну, ну-ка’; союз ‘или’; ‘да, хватит, ладно, оставь’ [КРС 2008: 314];

– киргиз. *же* ‘довольно, будет, ну’ [КРС 1965: 242];

– тув. *чаа* ‘част. ‘ладно, хорошо, пусть; ну’ [TPC 2008: 349]; *че* ‘межд. ну, давай[те]’ [TPC 2008: 367];

– хакас. *че* ‘межд. ‘ну’; разг. давай (выражает побуждение к действию; част. вопр. а, ну, ну а; част. ладно, хорошо, да (выражает согласие); против. союз ‘но, а, да’ [ХРС 2006: 959];

– алт. *је* ‘межд. ну, но-но; част. ладно, хорошо; но’ [АРС 2018: 195].

Судя по распространению (кыпчакские и сибирско-тюркские языки), это заимствование следует датировать поздним средневековьем.

Кроме того, явный монголизм представляют собой следующие частицы тунгусо-маньчжурских языков: эвенк. *ᠵ᠎ᠠ* 'ну!, вот!'; эвен. *ᠵᠠ* 'ладно'; ма. *ᠵ᠎ᠠ* 'ладно, хорошо; ну, итак; ну? дальше?' [ССТМЯ 1975: 279]. Слова нег. *ᠵᠠ* 'очень', сол. *ᠵ᠎ᠠ* 'очень, порядочно', нан. *ᠵ᠎ᠠ* 'очень' находятся в достаточно далеких семантических отношениях с этой группой, так что их объединение в одну этимологию в [ССТМЯ 1975: 279] спорно.

Возможно также, что ранним заимствованием из монгольских языков являются следующие тунгусо-маньчжурские частицы: нан. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ладно, согласен, хорошо; ох, ага; союз но; част. 1) усиливает утвердительный, контактирующий характер выражения вот, ну вот, и вот; 2) усиливает приглашение, побуждение к чему-либо ну вот, ну-ка' [НПС 1980: 123]; орок. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну!, ну, вот!'; ульч. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну!, ладно!, хорошо!, итак!'; орох. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну!, вот!'; уд. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну!, итак! (побуждение)'; нег. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну! вот!'; сол. *ᠵ᠎ᠠ* 'ладно, хорошо'; эвенк. *ᠵ᠎ᠠ* 'ну!, ну-ка!, так!, хорошо!'; эвен. *ᠵ᠎ᠠ* 'межд. ну!, ну-ка!, эй!, вот!' [ССТМЯ 1975: 176]. Позволяет предположить такое заимствование следующий факт: известен по крайней мере один случай заимствования из монгольских языков, когда начальное **ᠵ* было проинтерпретировано как *г* («фонетическое соотношение нестандартно ни для родства, ни для заимствования; бродячее слово?» [Дыбо 2015: 221]): Пмонг. **ᠵᠠᠳᠠ* 'копье' [БАМРС 2001: 155], вероятно, было заимствовано в маньчжурский и чжурчжэньский языки, откуда перешло в южно-тунгусские и северо-тунгусские языки: ма. *ᠵᠠᠳᠠ*, чж. *kīh-tāh*; ульч. *ᠵᠠᠳᠠ*, орок. *ᠵᠠᠳᠠ*, нан. *ᠵᠠᠳᠠ*; орох. *ᠵᠠᠳᠠ*, уд. *ᠵᠠᠳᠠ*,

нег. *ᠵᠠᠳᠠ*, сол. *ᠵᠠᠳᠠ*, эвенк. *ᠵᠠᠳᠠ*, эвен. *ᠵᠠᠳᠠ* [ССТМЯ 1975: 148–149].

Для П.-Монг. частицы **ᠵᠠᠳᠠ* была предложена следующая алтайская этимология. П.-Алт. **d̡iðge* 'хороший, лучший': ПТюрк. **jeg* 'хороший, лучший', др.-тюрк., караканид. *jeg*, тур. *yeğ*, *yeu*, аз. *jeg* (dial.), туркм. *jeg*; чуваш. *śi*, *śije* 'верх, поверхность' [EDT 1972: 909–910; VEWT 1969: 194; ЭСТЯ 1989: 165–166; TMN 1967: 184–185; Федотов 1996: 115–116] || Ср. П.-Кор. **tjōh* 'хороший' [KED 1967: 1488] || др.-яп. **d̡ə* 'хороший' [JLTT 1987: 845] || [EDAL 2003: 478–479]. Как видим, значения алтайских когнатов хорошо интерпретируют происхождение монгольской частицы.

6. Выводы

Согласно данным Национального корпуса калмыцкого языка, частица *ᠵ᠎ᠠ* не является высокочастотной, в текстах используется редко, в основном в фольклорных произведениях и исторических преданиях, а также у писателей и поэтов, язык которых можно отнести к торгутскому диалекту. По данным информантов в настоящее время частица почти не используется в калмыцкой речи. Согласно этимологическому анализу, частица *ᠵ᠎ᠠ* реконструируется как П.-Монг. **ᠵᠠᠳᠠ*, которая в свою очередь восходит к П.-Алт. **d̡iðge*. Из монгольских языков была заимствована в некоторые тюркские языки (казах., киргиз., тув. и др.), кроме того, видимо, частица **ᠵᠠᠳᠠ* вошла и в тунгусо-маньчжурские языки, где начальный **ᠵ* трансформировался в согласный *г*. Частица *ᠵ᠎ᠠ* выполняет дискурсивные функции в речевом акте: во-первых, она передает согласие на просьбу, выраженную в предыдущем высказывании, во-вторых, она может вводить просьбу в начале речевого акта, которая выражена в последующей предикации.

Сокращения

аз. — азербайджанский; алт. — алтайский; балкар. — балкарский; башкир. — башкирский; бур. — бурятский; дагур. — дагурский; диал. Вн.Монг. — диалекты Внутренней Монголии; др.-тюрк. — древнетюркский; др.-яп. — древнеяпонский; казах. — казахский; калм. — калмыцкий; караханид. — караханидско-тюркский; киргиз. — киргизский; кумык. — кумыкский; ма. — маньчжурский; монг. — монгольский;

нан. — нанайский; нег. — негидальский; орок. — орокский; орох. — орохский; Пмонг. — письменномонгольский; П.-Алт. — протоалтайский; П.-Кор. — протокорейский; П.-Монг. — протомонгольский; ПТюрк. — пратюркский; сол. — солонский; тув. — тувинский; тур. — турецкий; туркм. — туркменский; уд. — удэ́йский; ульч. — ульчский; хакас. — хакасский; чж. — чжурчжэньский; шор. — шорский; эвен. — эвенский; эвенк. — эвенкийский; якут. — якутский

Асс — аккумулятив; Adj — прилагательное; Adv — наречие; Caus — каузатив; Conj — союз; ConcPart — уступительная частица; Conv. Ant — разделительное деепричастие; Conv. Cond — условное деепричастие; Conv.Ipfv — соединительное деепричастие; Conv.Term — предельное деепричастие; Dat — датив; Dir — директив; Dur — дуратив; Gen — генитив; Juss — юссив; Hort — гортатив; Impr — императив; Neg — отрицание; Nom — номинатив; Num — числительное; Ord.Num — порядковое числительное; ReflPart — возвратная частица;

Rem — давнопрошедшее время; Part — частица; Per1Part — лично-предикативная частица 1-го лица ед. ч.; Per2Part — лично-предикативная частица 2-го лица ед. ч.; Pl — множественное число; Poss1 — притяжательная частица 1-го лица; Poss — притяжательная частица 3-го лица; Pres — настоящее время; Pron — местоимение; Pst — недавнопрошедшее время; Ptcpl.Fut — причастие будущего времени; Ptcpl.Hab — многократное причастие; Ptcpl. Pst — причастие прошедшего времени; Soc — социатив

Полевые материалы автора

ПИМА — Полевые материалы автора: Мучиряев Сергей Гучинович; Михалева Татьяна Алексеевна; Манджиева Байрта Барбаевна.

Author's Field Data

Informants: Sergey G. Muchiryaev, Tatiana A. Mikhaleva, Bayrta B. Mandzhieva.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // Локальная база данных. URL: <http://kalmcorpura.ru> (дата обращения: 01.09.2019).
НКРЯ — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 01.09.2019).
Longman — Dictionary of Contemporary English [электронный ресурс] // URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 01.09.2019).
БД «Джангар» — Локальная база данных эпических песен эпоса «Джангар» [электронный ресурс] // Калмыцкий научный центр Российской академии наук (дата обращения: 01.09.2019).

Sources

[Kalmyk National Corpus: Local Database] (accessed: September 1, 2019). (In Kalm.)
[Russian National Corpus] (accessed: September 1, 2019). (In Russ.)
[Jangar Epic Database] (accessed: September 1, 2019). (In Kalm.)
Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <https://www.ldoceonline.com> (accessed: September 1, 2019). (In Eng.)

Литература

АРС 2018 — Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: [б. и.], 2018. 936 с.
БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2: Д–О. М.: Academia, 2001. 508 с.

Баранов и др. 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 853 с.
Богданова 2001 — Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2001. 189 с.
БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / отв. ред. З. Г. Ураксин. М.: Дигора, Русский язык, 1996. 881 с.
ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
Дамбуева 2001 — Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке: дис. ... д-ра филол. наук. Улан-удэ, 2001. 353 с.
Дыбо 2015 — Дыбо А. В. Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Институт языкознания РАН, Изд-во «Канцлер», 2015. С. 209–254.
КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева, Х. И. Суюнчева. М.: Русс. яз., 1989. 832 с.
КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
Колокольцева 1998 — Колокольцева Т. Н. Семантика и прагматика специфических коммуникативных единиц / Т. Н. Колокольцева // Семантика языка и текста. Волгоград: Перемена, 1998. С. 58–67.

- Кононов 1984 — Кононов А. Н. Актуальные проблемы тюркского языкознания // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 4–13.
- Котвич 1929 — Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2. Прага: Изд. КККР в Чехословацкой Республике, Ржевнице у Праги, 1929. xi + 418 с.
- КРС 1965 — Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. 503 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- КРС 2008 — Казахско-русский словарь / под ред. Р. Г. Сыздыковой, К. Ш. Хусаина. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 962 с.
- КРС 2011 — Кумыкско-русский словарь / под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. 406 с.
- Куканова 2013 — Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 209–212.
- Куканова 2019а — Куканова В. В. Модальная частица *биз* в калмыцком языке: структурные схемы, морфосинтаксические свойства, частотность (на материале Национального корпуса калмыцкого языка). *Oriental Studies*. 2019;(5): 1007–1025. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1007-1025.
- Куканова 2019б — Куканова В. В. Семантика модальной частицы *биз* в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и данным информантов). *Монголоведение*. 2019;(19): 949–966. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-949-966.
- Куканова, Каджиев 2014 — Куканова В. В., Каджиев А. Ю. Алгоритм работы морфологического парсера калмыцкого языка // Писменото наследство и информационните технологии: Материали от V международна науч. конф. (г. Варна, 15–20 септември 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 116–119.
- МАС 1986 — Словарь русского языка (Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой): в 4-х тт. Изд. 3-е. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.
- Мулаева 2011 — Мулаева Н. М. Модальность возможности, необходимости и достоверности (на материале современного калмыцкого языка) / отв. ред. В. Н. Мушаев. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2011. 154 с.
- НРС 1980 — Нанайско-русский словарь / сост. С. Н. Оненко; под ред. В. А. Аврорина. М.: Русский язык, 1980. 552 с.
- Пюрбеев 2010 — Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Изд. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 298 с.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Том I: А–Н. Ленинград: Наука, 1975. xxx + 672 с.
- Тодаева 1973 — Тодаева Б. Х. Монгорский язык: Исследование, тексты, словарь. М.: Наука, 1973. 391 с.
- Тодаева 1981 — Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 275 с.
- Тодаева 1986 — Тодаева Б. Х. Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 191 с.
- Тодаева 2001 — Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангара» и полевым записям автора) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с.
- Убушаев 2006 — Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: АОр «НПП „Джангар“», 2006. 257 с.
- Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 2. С–Я. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.
- ХРС 2006 — Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
- Шимчук, Щур 1999 — Шимчук Э. Г., Щур М. Г. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин: Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 147 с.
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 293 с.
- Яхонтова 1996 — Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- EDAL 2003 — Starostin S. A., Dybo Anna V., and Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill Publ., 2003. 2096 p.
- EDT 1972 — Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-13th Century Turkish (English and Turkish Edition). Oxford, At the Clarendon Press, 1972. XLVIII + 989 pp.
- JLTT 1987 — Martin S. E. The Japanese Language Through Time. New Haven; London: Yale University Press, 1987. viii + 961 p.

- KED 1967 — *Martin S. E., Yang Ha Lee, Sung-Un Chang*, A Korean-English Dictionary. New Haven; London: Yale University Press, 1967. xviii + 1902 p.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p.
- MGCD 1990 — *Menggu yuzu uyuan cidian* (= Словарь монгольской языковой семьи). Xining: Qinghai renmin chubanshe (Синин: Народное издательство Цинхая), 1990. 844 p.
- Mostaert 1968 — *Mostaert A.* Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Company, 1968. 951 p.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. xxx + 560 s.
- Smedt, Mostaert 1933 — *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Pei-p'ing, 1933. III partie: Dictionnaire monguor-français. 521 p.
- TMN 1967 — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. Band II: Türkische Elemente im Neupersischen, alif bis tā, 1965, VIII + 671 S.; Band III: Türkische Elemente im Neupersischen, ġim bis kāf, 1967, V + 670 S.
- VEWT 1969 — *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969. XVI + 533 c.
- [Abridged Dagur-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- [Altaiian-Russian Dictionary]. A. E. Chumakaev (ed.). Gorno-Altaysk, 2018. 936 p. (In Alt. and Russ.)
- [Bashkir-Russian Dictionary]. Z. G. Uraksin (ed.). Moscow: Digora, Russkiy Yazyk, 1996. 881 p. (In Bash. and Russ.)
- [Buryat Mongolian-Russian Dictionary]. K. M. Cheremisov (comp.); Ts. B. Tsydendambaev (ed.). Moscow: Foreign and National Dictionaries Publ., 1951. 853 p. (In Bur. and Russ.)
- [Comparative Dictionary of Tungusic Languages: Etymological Materials]. Vol. I: A–H. Leningrad: Nauka, 1975. XXX + 672 p. (In Tung.)
- [Dictionary of Mongolic Languages]. Xining: Qinghai People's Publ., 1990. 844 p. (In Chin. and Mong.)
- [Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. 3rd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 1986. 736 p. (In Russ.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with 'Ж', 'Ж', 'Y']. L. S. Levitskaya (ed.). Moscow: Nauka, 1989. 293 p. (In Turk. and Russ.)
- [Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- [Karachay Balkar-Russian Dictionary]. E. R. Tenishev, Kh. I. Suyunchev (eds.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 832 p. (In Kar. and Russ.)
- [Kazakh-Russian Dictionary]. R. G. Syzdykova, K. Sh. Khusain (eds.). Almaty: Dayk-Press, 2008. 962 p. (In Kaz. and Russ.)
- [Khakas-Russian Dictionary]. O. V. Subrakova (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2006. 1115 p. (In Khak. and Russ.)
- [Kumyk-Russian Dictionary]. B. G. Bamatov (ed.). Makhachkala: Institute of Language, Literature and History (Dagestan Scientific Center) of RAS, 2011. 406 p. (In Kum. and Russ.)
- [Kyrgyz-Russian Dictionary]. K. K. Yudakhin (comp.). Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1965. 503 p. (In Kyrg. and Russ.)
- [Nanai-Russian Dictionary]. S. N. Onenko (comp.), V. A. Avronin (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 552 p. (In Nan. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. G. Ts. Pyurbayev (ed.). Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 508 p. (In Mong. and Russ.)
- Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V., Kodzasov S. V. [A Guidebook to Russian Conversational Words]. Moscow: Pomovsky & Partners, 1993. 207 p. (In Russ.)
- Bogdanova N. V. [Russian Speech: Living Phonetic Processes]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2001. 189 p. (In Russ.)
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-13th Century Turkish (English and Turkish Edition). Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII + 989 p. (In Eng. and Turk.)
- Dambueva P. P. [Category of Modality in Modern Buryat]. Dr. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2001. 353 p. (In Russ.)
- Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen-

- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. Vol. II: Türkische Elemente im Neupersischen, alif bis tā, 1965, VIII + 671 p.; Vol. III: Türkische Elemente im Neupersischen, ġīm bis kāf, 1967, V + 670 p. (In Germ.)
- Dybo A. V. Names of weapons: from Proto-Altaic to Mongolian. In: [Russian-Mongolian Linguistic Collection]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Institute of Linguistics (RAS), Kantsler, 2015. Pp. 209–254. (In Russ.)
- Fedotov M. R. [Etymological Dictionary of the Chuvash Language]. In 2 vols. Vol. 2: C – Я. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. 509 p. (In Chuv. and Russ.)
- Kolokoltseva T. N. Semantics and pragmatics of specific communicative units. In: T. N. Kolokoltseva [Semantics of Language and Text]. Volgograd: Peremena, 1998. Pp. 58–67. (In Russ.)
- Kononov A. N. Topical issues of Turkic linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*. 1984. No. 6. Pp. 4–13. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. [A Grammar of Spoken Kalmyk]. 2nd ed. Prague: Kalmyk Cultural Workers Commission, 1929. xi + 418 p. (In Russ. and Kalm.)
- Kukanova V. V. About Kalmyk National Corpus. In: [Languages of Russia: Topical Issues of Dialect Studies]. Conf. proc. (Ufa; September 13–14, 2013). Ufa, 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Kalmyk modal particle *буз*: morphosyntactic properties, structural patterns, frequency of use (a case study of Kalmyk National Corpus and interview data). *Oriental Studies*. 2019;(5): 1007–1025. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-1007-1025. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Semantics of the Kalmyk modal particle *буз*: a case study of Kalmyk National Corpus and interview data. *Mongolian Studies*. 2019;(19): 949–966. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-949-966. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. An algorithm for a morphological parser of the Kalmyk language. In: [Written Heritage and Information Technologies]. Conf. proc. (Varna; September 15–20, 2014). V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentiev (eds.). Sophia; Izhevsk, 2014. Pp. 116–119. (In Russ.)
- Lessing F. D. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. 1217 p. (In Mong. and Eng.)
- Martin S. E. The Japanese Language Through Time. New Haven; London: Yale University Press, 1987. viii + 961 p. (In Eng.)
- Martin S. E., Yang Ha Lee, Sung Un Chang, A Korean-English Dictionary. New Haven London: Yale University Press, 1967. xviii + 1902 p. (In Kor. and Eng.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York; London: Johnson Reprint Company, 1968. 951 p. (In Fr. and Mong.)
- Mulaeva N. M. [Modalities of Possibility, Necessity, and Authenticity: a Case Study of Modern Kalmyk]. V. N. Mushaev (ed.). Elista: Dzhangar, 2011. 154 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. [Kalmyk Grammar: Syntax]. 2nd ed. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 298 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. [A Dictionary of Kalmyk]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. XXX + 560 p. (In Kalm. and Germ.)
- Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. XVI + 533 p. (In Turk. and Finn.)
- Shimchuk E. G., Shchur M. G. [Dictionary of Russian Particles]. V. Gladrov (ed.). Berlin: Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 147 p. (In Russ.)
- Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Beijing, 1933. Vol. III: Dictionnaire monguor-français. 521 p. (In Mong. and Fr.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill Publ., 2003. 2096 p. (In Eng.)
- Todaeva B. Kh. [Dagur Language]. Moscow: Nauka, 1986. 191 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. [Dictionary of Xinjiang Oirat: a Case Study of Jangar Epic Songs and Author's Field Data]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 494 p. (In Oir. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. [Language of Inner Mongolia's Mongols: Materials and Dictionary]. Moscow: Nauka, 1981. 275 p. (In Mong. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. [Monguor Language: Study, Texts, Dictionary]. Moscow: Nauka, 1973. 391 p. (In Russ. and Mong.)
- Ubushaev N. N. [Kalmyk Dialect System]. Elista: Dzhangar, 2006. 257 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. [17th-Century Oirat Literary Language]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1189–1198, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'25 + 811.512.37

Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.)

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* Среди научных публикаций, рассматривающих особенности языка калмыцких деловых писем и их переводов, на сегодняшний день отсутствуют работы, в которых бы подробно анализировались принципы и стратегии перевода калмыцких деловых текстов. *Целью* настоящей статьи является выявление основных стратегий перевода официальных писем хана Аюки с калмыцкого языка на русский язык. *Материалы и методы.* Работа выполнена на материале писем калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русских переводов этих писем, также датированных 1714 г. Все материалы хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены Д. Б. Гедеевой. Для выявления стратегий перевода привлекаются как синхронические, так и диахронические переводы. Основными *методами* исследования являются описательный и сравнительно-сопоставительный, а также метод контекстуального анализа. *Результаты и выводы.* Сопоставление оригинальных и переводных текстов писем хана Аюки показывает, что в русских переводах сохраняется общая структура и содержательные компоненты письма-оригинала, жанровые и стилевые особенности оригинального текста, хотя тексты переводов не являются дословными. Авторы переводов придерживаются стратегии передачи существенной информации при сохранении семантических доминант сообщения, для русских переводов характерны замены и повтор лексических единиц, лексическое добавление, отражающее экстралингвистические особенности коммуникативной ситуации. Русские переводы писем хана Аюки выполнены с соблюдением норм оформления деловых документов, сформировавшихся к началу XVIII в.

Ключевые слова: стратегии перевода, калмыцкие деловые письма XVIII в., русский перевод XVIII в., добавление, замена, письменная традиция

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (№ госрегистрации: AAAA-A19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.). *Oriental Studies*. 2019; (6): 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1188-1197.

UDC 81'25 + 811.512.37

Translation Strategies for 18th–Century Kalmyk Official Texts: a Case Study of Khan Ayuka's Letters and Russian Translations of 1714

Galina M. Yarmarkina¹¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ORCID: 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* Among the scientific publications that research the features of the language of Kalmyk business letters and their translations, there are currently no works that analyze in detail the principles and strategies for translating Kalmyk business texts. The purpose of this article is to identify the main strategies for translating official letters of Khan Ayuka from Kalmyk language into Russian. *Materials and methods.* This work was based on material from the letters of the Kalmyk Khan Ayuka of 1714 and Russian translations of these letters, also dated 1714. All materials are preserved in the National Archives of the Republic of Kalmykia. Transliteration, transcription into modern Kalmyk graphics and literal translation of the original texts into Russian were made by D. B. Gedeeva. Both synchronous and diachronic translations are used to identify translation strategies. The main research methods are descriptive, contextual analysis method, and comparative method. *Results and conclusions.* A comparison of the original and translated texts of Ayuka Khan letters shows that in Russian translations kept the general structure and content components of the original letter, genre and style features of the original text, although the texts of the translations are not verbatim. Authors of translations adhere to the strategy of transferring essential information while preserving the semantic message dominants, Russian translations are characterized by substitutions and repetitions of lexical units, a lexical addendum reflecting the extra-linguistic features of the communicative situation. Russian translations of letters from Khan Ayuka are made in compliance with the rules for processing business documents that were formed by the beginning of the 18th century.

Keywords: translation strategies, Kalmyk business letters of the 18th century, Russian translation of the 18th century, addition, replacement, written tradition

Acknowledgements. Research was performed within a government subsidy – project ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (State Reg. № AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Yarmarkina G. M. Translation Strategies for 18th–Century Kalmyk Official Texts: a Case Study of Khan Ayuka's Letters and Russian Translations of 1714. *Oriental Studies*. 2019; (6): 1189–1198. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198.

Введение

Вопрос о языке русских переводов калмыцких деловых писем XVIII в. затрагивается в работе Д. А. Сусеевой, где среди важных особенностей языка русских переводов указывается наличие безэквивалентной лексики — калмыцких топонимов, элементов калмыцкого календаря и иных лексических единиц, не имеющих эквивалента в переводном тексте [Сусеева 2009: 77]. Иссле-

дователь считает, что существует возможность говорить о русском региональном деловом языке. В другой работе Д. А. Сусеева приводит мнение В. Н. Татищева о значимости калмыцкого языка и государственной необходимости подготовки переводчиков, владеющих калмыцким языком [Сусеева и др. 2013: 660]. Хотя имеются статьи и монографии, рассматривающие различные особенности языка калмыцких деловых пи-

сем и их переводов [Гедеева 2018; Гедеева 2019; Кокшаева 2013; Сусеева 2003; и др.], на сегодняшний день отсутствуют работы, в которых анализировались бы стратегии перевода калмыцких деловых текстов. Между тем роль переводческой деятельности в вопросах дипломатии трудно переоценить [Сусеева, Торопицын, Кундакбаева 2019], как и не теряющие актуальности проблемы адекватности и эквивалентности перевода [Шамова 2005].

Недостаточная разработанность вопросов перевода калмыцких текстов на другие языки уже отмечалась в современной научной литературе [Куканова и др. 2015]. В связи с этим закономерной можно считать цель настоящей работы — выявление основных стратегий синхронного¹ перевода официальных писем хана Аюка с калмыцкого языка на русский язык. В качестве рабочего определения стратегии перевода мы используем дефиницию, предложенную В. В. Сдобниковым: «Стратегия перевода — это программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников 2011: 172].

Материалы и методы. В качестве источника в статье используются письма калмыцкого хана Аюки за 1714 г. и русские переводы этих писем, также датированные

1714 г. Все материалы хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2]. Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и буквальный перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены Д. Б. Гедеевой. Для выявления стратегий перевода используется как синхронный перевод, выполненный в XVIII в., так и диахронный буквальный перевод на современный русский язык, поскольку сопоставление материала разновременных переводов позволяет обнаружить особенности переводческой традиции, объективно оценить адекватность и эквивалентность перевода, особенности изменения норм делового стиля и письменной речи. Основными методами исследования являются описательный и сравнительно-сопоставительный, а также метод контекстуального анализа.

Основная часть

В отношении документов на старокалмыцкой (ойратской) письменности, относящихся к XVIII в., И. В. Кульганек пишет, что их форма и содержание отражают сложившуюся (восходящую к монгольской) традицию создания деловых текстов [Кульганек 2009: 359]. Русская письменная традиция написания делового документа в этот же период — XVIII в. — характеризуется закрепляющейся формализацией и следованием стандартам.

Сопоставление оригинальных и переводных текстов писем хана Аюки показывает, что в русских переводах сохраняется общая структура и содержательные компоненты письма-оригинала, однако переводы трудно назвать буквальными; тексты переводов не являются дословными, выполнены с соблюдением норм оформления деловых документов, сформировавшихся к началу XVIII в. В качестве примера приведем текст письма хана Аюки (транслитерация) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131 (об.)], русский перевод, датированный 17 августа 1714 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132], и дословный перевод². В транслитерации синхронического перевода используются буквы современного русского алфавита, однако сохранены грамматические формы и пунктуация того времени.

¹ На наш взгляд, в ходе исследования стратегий перевода деловых текстов XVIII в. следует учитывать практику перевода текстов художественного стиля, где, по мнению В. С. Виноградова, важно разграничение «синхронного» и «диахронного» подходов. «Синхронный» перевод «выполняется в эпоху создания оригинала, когда временной уровень языков подлинника и перевода соотносительны и когда автор и переводчик являются современниками. Социальная среда оказывается для них исторически сходной, объединенной многими культурными, научно-техническими, бытовыми и т. п. общностями» [Виноградов 2004: 140]. В словаре Л. Л. Нелюбина такой перевод назван синхроническим [Нелюбин 2003: 195].

² Транслитерация и дословный перевод выполнены Д. Б. Гедеевой.

Транслитерация старокалмыцкого текста	Дословный перевод	Русский перевод XVIII в.
a yu xe xa:n ende bida бүгүде:r mendü..	Аюка хан здесь мы со всеми здоровы.	Я Аюка хан здесь со всеми здоров
tende ayidarxani kinas tende бүгүде:r mendü beyize..	Там астраханский князь все, надеюсь, здоровы.	Астраханской князь со всеми ль здоров
zanggi bolxuna mandu kelöülji ilgeqtün.	Если будут какие вести, прикажи нам сообщать.	Какие к вам есть вести прикажи ко мне писать.
tere tala dayin yabunai genei	Говорят, что на той стороне [Волги] передвигаются неприятели.	Слышно нам что есть за Волгою неприятельские люди.
tanai orus šarxadxaĵi	Ваш русский, оказывается, ранен.	И ранили черноморского жителя
yangxala kürtele xaroula:n sayitur ğarğaqtun..	Хорошо выставьте караулы до Черного Яра.	и ты прикажи пожалуй быть до Черного Яру по притчинным местам караулом крепким
ĵil bolĵun ögüdeq dari xorĵolĵi mönggün araki ide:n saĵa:n šoroi kükür tömör xabur ögüye geqçi zoun šedbür ide:teyige:n küce:ĵi ötür ögüqtün..	Срочно пришлите ежегодно выдаваемые нам порох, свинец, деньги, вино, продукты, селитру, серу и до конца четверть продуктов, обещанные дать весной.	Даетца мне по вся годы великого Государя денежное жалованье Порох и свинец и селитра и сера и железа и вина да хотели весною прислать ко мне сто четвертей муки и то прикажи прислать немедленно
elĵiyin amandu üge bei::	В устах посла есть сообщение.	С посылщиком моим словесной приказ есть. Посылщик мой Дондук с товарищи 5 человек.

В приведенную выше таблицу соответствий не включены реквизиты перевода, предваряющие изложение содержания письма (*1714-го августа въ 17 день Перевод с калмыцкого писма*) и завершающие документ (*У листа печать хана Аюки*). Оригинальный текст письма хана Аюки не датирован.

Специфика разных систем функциональных стилей заметна уже в переводе первых предложений, составляющих этикетную рамку письма. Инициальное этикетное сообщение о здоровье адресанта в русском переводе дополнено личным местоимением 1 л. ед. ч.: *Я Аюка хан здесь со всеми здоров*. Отметим, что личное местоимение я в переводе используется как средство индивидуализации и указывает на отправителя сообщения [Калмыкова 2004: 7], а рассматриваемая формула представляет собой элемент стандарта, который в переводах писем хана Аюки присутствует даже в тех случаях, когда в оригинале указана только титульная номинация *хан* без имени адресанта: *xa:n ende bida mendü..* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82] — *Я Аюка хан здесь со всеми здоров* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83].

Синтаксическая конструкция, содержащая выражение надежды на здоровье адресата, в переводе трансформируется в вопросительную структуру, что соответствует русской этикетной традиции и традиции эпистолярного текста. В массиве переводов указанная трансформация регулярно встречается, что также указывает на стандартность формулировки. В переводных текстах встречаются примеры дополнения этикетного осведомления о здоровье адресата именем адресата: см. в оригинале — *ayidar xani kinas ta tende mendü biyiza...* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82], в переводе — *Астраханской князь Михайло Иличь со всеми ль здоров?* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83].

Традиционная, близкая к стандартной фраза о наличии или отсутствии важной информации («формула вести» в обозначении Л. Б. Олядыковой [Олядыкова 2012]), содержащая просьбу сообщать новости в случае получения таковых, в русском переводе также имеет некоторые лексико-грамматические отличия от оригинального текста. В переводном тексте мы наблюдаем замену личного местоимения 2 л. мн. ч. в Д. п.

личным местоимением 1 л. ед. ч. в той же падежной форме. Обращает на себя внимание и замена глагола «сообщить» на глагол «писать». Вероятно, указанные глагольные лексемы переводчиком осмыслились как синонимичные.

Суть послания — сообщение о неприятелях, их локализации, просьба о выставлении караулов и напоминание о необходимости выдать жалование — передается четырьмя синтаксическими конструкциями как в оригинале, так и в переводе письма. Однако в каждом фрагменте перевода отмечаются лексико-грамматические особенности, которые позволяют предположить соединение в тексте перевода информации, содержащейся в оригинале письма, и сведений, переданных устно посыльным. Так, в оригинале локализация передвижений неприятеля определена при помощи указательного местоимения и существительного — *tere tala dayin yabunai genei*. Перевод же эксплицирует гидроним *Волга*: <...> *есть за Волгою неприятелские люди*. Отметим и предпочтение безличного «слышно» неопределенно-личному «говорят».

Экспликация информации, способствующая денотативной точности, наблюдается и в переводе следующего предложения. Если в оригинальном тексте говорится о ранении русского, то в переводе «*ваш русский*» заменяется сочетанием «*черноярский житель*», пассивная конструкция заменяется активной при сохранении содержательно значимой глагольной лексемы.

Формулировка просьбы выставить караулы, вызванная указанными в письме обстоятельствами, в переводе сохраняется, однако средства выражения просьбы выбираются переводчиком в соответствии с нормами, сложившимися на тот момент в русском языке. В результате конструкция переводного текста оказывается более громоздкой по сравнению с конструкцией в оригинальном тексте: появляется этикетное «*пожалуй*» после императива «*прикажи*», добавляется дополнительный элемент, указывающий на локализацию караулов.

В переводе следующего содержательно-го фрагмента письма — просьбы с оттенком напоминания — сохраняется указание на скорейшее выполнение данного ранее обещания, дается полный перечень ожидаемого от российской стороны жалования. От-

личия между оригинальным и переводным текстами в рассматриваемом фрагменте заключаются в четком оформлении левого контекста побуждения — указания на регулярность жалования и составляющих этого жалования (ежегодное жалование включало в себя не только деньги, но и боеприпасы, продукты и др.), а также в последовательности элементов перечисления. Собственно побуждение «*прикажи прислать немедленно*» перенесено в более сильную — конечную — позицию синтаксической конструкции. Характерна для русского языка и союзная связь в перечислительном ряду.

Финальное предложение текста письма содержит сообщение о наличии дополнительной информации, переданной с посыльным в устной форме. Частотность подобных фраз (таковые встречаются почти в каждом письме), их финальная позиция, устойчивость формулировки — все это позволяет считать данную конструкцию стандартной. Отмеченная стандартность сохраняется и в русских переводах: сообщение о дополнительной информации и устной форме ее передачи имеет характер устойчивой шаблонной формулировки. В рассматриваемом примере эта информация дополняется сообщением имени посыльного и точным указанием количества сопровождающих его лиц, при этом дополнительное сообщение оформляется от лица адресанта: «*посылицик мой Дондук*».

Таким образом, приведенный пример демонстрирует, что русский перевод письма хана Аюки не является дословным, автор перевода сохраняет жанровые и стилевые особенности оригинального текста, придерживается стратегии передачи существенной информации, сохраняя семантические доминанты сообщения; для русского перевода характерна замена лексических единиц и лексическое добавление.

Лексическое добавление в переводных текстах представлено, как правило, именами собственными и служит уточнению содержащейся в письме информации. Так, например, переводчик добавляет в текст фамилию лица, названного в письме-оригинале только по имени. Ср.: *bürüs ekilen dara:kon ende uda:n bayınai* / *Борис эклн дарагон энд удан бээнэ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.] — *Борис Кереитов с драгуны у нас жить долга будет* [НА РК.

Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76]. Аналогичный пример еще раз подтверждает разные традиции использования имен собственных в калмыцких и русских текстах: *manı endeki zanggiyigi bourse:se suraqtun..* / Мана эндк зэңгиг Борүсэс суртн [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119об.]. — А у нас какие ведомости были приказано Борису Керейтову [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120–120об.]. Пример добавления имени и отчества адресата в русский перевод см. выше.

В переводе одного из писем имеется добавление определения к имени собственному и титулу лица, упомянутого в тексте-оригинале: *idege:r xan-du elči ilgebebi..* / Идгэр хаанд элч илгэвв [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.]. — Послали мы посыльщиков своих к **хивинскому** Ядыгеру хану [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 85].

Тексты переводов могут содержать добавление не только единичных лексем, но и целых фраз, как правило, устойчивых, трафаретных. К устойчивой, близкой к этикетной в калмыцких письмах фразе о вестях может добавляться подобная повторяющаяся формула вести: *dörbön züge:se zanggi bolxına tandu bičiji ilge..* / Дөрвн үзгэс зэңг болхла, манд бичжэ илгэ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.]. — С четырех сторон какие вести есть, о том к нам пиши. Буде есть от Великого Государя какие вести, прикажи ко мне писать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76].

Добавление наблюдается и в финальных частях русских переводов, содержащих сведения об имени посыльного, количестве сопровождающих и наличии информации, переданной в устной форме. Как правило, финальная часть русского перевода оказывается более объемной и содержит больше информации, нежели финальное предложение письма-оригинала. Нередко в тексте оригинала адресант ограничивается указанием имени посла: *elči tazap:.* / Элч Мазн [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.].

Перевод же содержит добавочную информацию, которая, вероятно, является также отражением экстралингвистических особенностей коммуникативной ситуации: *Посыльник мой Моцан с товарищи 5 человек. Да с ним же послан Чабдаржапов посыльник Сумучи с товарищи 4 человека* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83].

Следующие примеры подтверждают указанную закономерность: *elči xatan caqdor zabiyn elči cürüm şuluun xaşxa neyide xorin nigen küün:.* / Элч Хатн, Чагдоржабин элч Цүрм, Шулун Хаиш – ниидэр хөрн негн кун [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.]. — Посыльник мой Хатан с ним словесной приказ есть да Чабдаржапов посыльник Чюрюм да присланной ко мне и с трухмены присыльник Шалун Кашка всего их посыльщиков наших и с кошевицки 20 человек [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 85]; *elči yeşi zamsu:.* / Элч Йеши Жамсу [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119об.]. — Посыльник мой Иши Замсо с товарищи 7 человек. С посыльником моим словесной приказ есть [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120об.]; *elči za:n darxan tayiji:.* / Элч Зан Дархн тээж [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123об.]. — Посыльник мой Зан Тар Ган Таши с товарищи 5 человек. С посыльником моим словесной приказ есть [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124].

Увеличение объема синтаксических конструкций, характерных для языка русских переводов писем хана Аюки, происходит и вследствие повтора лексических единиц, отражающего один из способов достижения точности в изложении деталей. В русских переводах частотны повторы имен собственных, наименований лиц по статусу / социальному положению в сочетании с указательными местоимениями: *dostogi arban köü kereqtei yuuma abxa: şamaxa-du ilgebebi bo:l ügei ötürkön na:ru sa:ru yabuuluqtun:.* / Достогиг арвн кү кергтэ юм авхар Шамахд илгэвв. Бол уга өтркн нааран-цааран йовултн [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 75]. — Досток с товарищи 10 человек и того Достока послал я в Шемаху для нужных покупок. Пожалуй того посланного моего из Астрахани в Шемаху и как возвратитца не задержав отпусти [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–76об.].

Выводы

Сопоставление оригинальных текстов писем хана Аюки и их переводов на русский язык показывает, что в русских переводах сохраняется общая структура и содержательные компоненты письма-оригинала, жанровые и стилевые особенности оригинального текста, хотя тексты переводов не являются дословными. Авторы переводов придерживаются стратегии передачи существенной информации при сохранении

семантических доминант сообщения. Для русских переводов характерны замены и повтор лексических единиц, лексическое добавление, отражающее экстралингвистические особенности коммуникативной ситуации. В некоторых случаях русские тексты напоминают пересказ или синтез перевода

и пересказа, о чем свидетельствуют упоминания в реквизитах переводного текста не только переводчика, но и толмача³. Русские переводы писем хана Аюки выполнены с соблюдением норм оформления деловых документов, сформировавшихся к началу XVIII в.

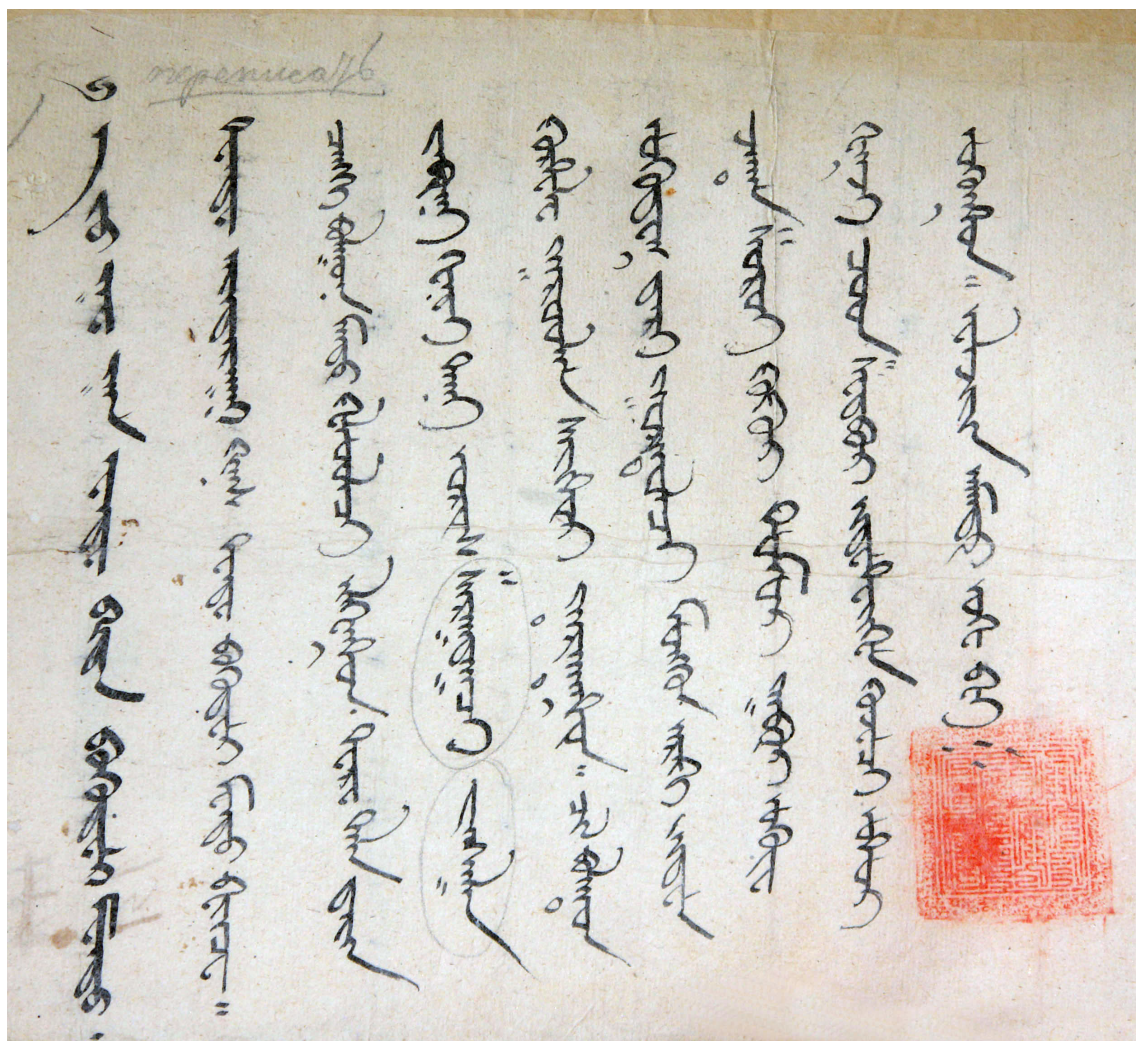
Литература

- Виноградов 2004 — Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: Кн. дом «Университет», 2004. 235 с.
- Гедеева 2018 — Гедеева Д. Б. О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // *Oriental Studies*. 2018. № 5 (39). С. 145–151.
- Гедеева 2019 — Гедеева Д. Б. Этнолингвистическое исследование языка калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук — VIII. Элиста, 2019. С. 93–96.
- Калмыкова 2004 — Калмыкова Т. С. Местоимения в деловом языке второй половины XVIII века: семантика, грамматика, функционирование (по архивным материалам): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 21 с.
- Куканова и др. 2015 — Куканова В. В., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б. Стратегии перевода имен собственных с калмыцкого на немецкий язык (на материале записей сказок Г. Й. Рамстедта) // *Язык как система и деятельность* — 5. Мат-лы Междунар. науч. конф. Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 118–122.
- Кульганек 2009 — Кульганек И. В. Указ Анны Иоанновны 1735 г. о назначении «Главным управителем» калмыцкого народа Дондук Омбо как памятник двуязычной письменности документного жанра XVIII в. // Мат-лы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в Единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). В двух частях. Ч. 1. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 358–363.

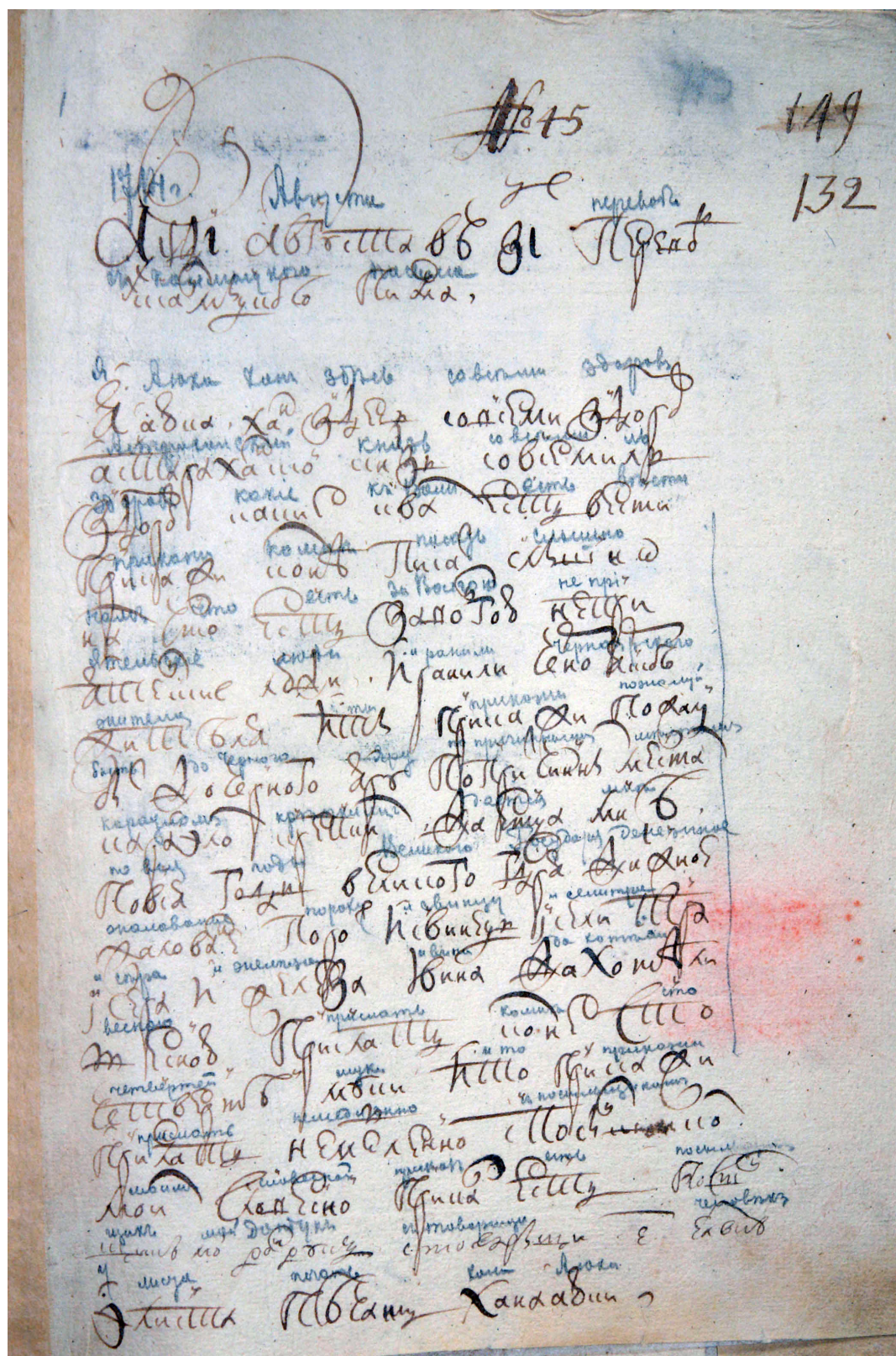
- Кокшаева 2013 — Кокшаева Н. О. Лингвистический анализ калмыцких авторских документов середины XVIII века (на материале писем калмыцкого хана Дондук-Даши): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 31 с.
- Кортава 1999 — Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 49 с.
- Нелюбин 2003 — Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Олядыкова 2012 — Олядыкова Л. Б. Формула *йэкэ цаһаан хан* в языке писем хана Аюки и его современников (1714–1723 гг.) // *Вестник Калмыцкого университета*. № 4 (16). 2012. С. 84–89.
- Сдобников 2011 — Сдобников В. В. Стратегия перевода: общее определение // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2011. № 1(13). С. 165–172.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — Сусеева Д. А. К постановке вопроса о языке русских переводов писем калмыцких ханов XVIII в. // *Русская речь в инонациональном окружении*. Вып. 5. Межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. Т. С. Есенова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 75–81.
- Сусеева и др. 2013 — Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М. Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.
- Сусеева, Торопицын, Кундакбаева 2019 — Сусеева Д. А., Торопицын И. В., Кундакбаева

³ В перспективе рассматривается возможность персонифицированного подхода к изучению переводческих стратегий с учетом особенностей языковой личности переводчика, которая при всей стандартизации языка может найти отражение в тексте (см., например: [Кортава 1999]).

- ва Ж. Б. Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII в. // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 114–123.
- Шамова 2005 — Шамова Н. В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 171–180.
- References**
- Gedeeva D. B. 17th–19th-century Kalmyk official writing: ethnolinguistic research. In: [Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: Annual Readings – VIII]. Elista, 2019. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. The word *bičiq* in the language of official Kalmyk writing: 18th-19th centuries. *Oriental Studies*. 2018. No. 5 (39). Pp. 145–151. (In Russ.)
- Kalmykova T. S. [Pronouns in the Mid-to-Late 18th-Century (Russian) Official Language: Semantics, Grammar, Functioning (a Case Study of Archival Materials)]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Chelyabinsk, 2004. 21 p. (In Russ.)
- Kokshaeva N. O. [Kalmyk Personal Documents of the Mid-18th Century: Linguistic Analysis (a Case Study of Letters Written by the Kalmyk Khan Donduk Dashi)]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2013. 31 p. (In Russ.)
- Kortava T. V. [17th-Century Moscow Language of Prikazes (Decrees) as a Special Type of Written Discourse]. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1999. 49 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bayanova A. T., Butaeva A. O., Goryaeva B. B. Kalmyk proper nouns: German-language translation strategies (a case study of fairy tale texts recorded by G. J. Ramstedt). In: [Language as System and Activity – 5]. Conf. proc. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2015. Pp. 118–122. (In Russ.)
- Kulganek I. V. The 1735 Decree of Anna Ioannovna appointing Donduk Ombo ‘Chief Administrator’ of the Kalmyk people as a monument of 18th-century official bilingual writing. In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). In 2 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 358–363. (In Russ.)
- Nelyubin L. L. [Theory of Translation: Explanatory Dictionary]. 3rd ed., rev. Moscow: Flinta, 2003. 320 p. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. *Yeke Tsahaan Khan* formula as a linguistic feature of Khan Ayuki and his contemporaries’ letters (in 1714–1723). *Vestnik of Kalmyk University*. 2012. No. 4 (16). Pp. 84–89. (In Russ.)
- Sdobnikov V. V. Translation strategy: general definition. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2011. No. 1(13). Pp. 165–172. (In Russ.)
- Shamova N. V. ‘Equivalence’ and ‘adequacy’ in translation: distinguishing between the concepts. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 19: ‘Linguistics and Cross-Cultural Communication’. 2005. No. 2. Pp. 171–180. (In Russ.)
- Suseeva D. A. [Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): a Linguistic Study]. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A. The language of Russian translations of 18th-century letters written by Kalmyk Khans: problem statement revisited. In: [Russian Speech in Non-Russian Environment]. Vol. 5. Coll. papers. T.S. Esenova (ed.). Elista: Kalmyk State University, 2009. Pp. 75–81. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Kotyaeva E. S., Olyadykova L. B., Yarmarkina G. M. [Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries: 18th-Century Russian Translations. Texts and Studies]. Elista: Kalmyk State University, 2013. 744 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Toropitsyn I. V., Kundakbaeva ZH. B. Problems of diplomatic translation in the Russian-Kalmyk-Kazakh relations in the middle of the XVIII century. *Voprosy istorii (Questions of History)*. 2019. No. 9. Pp. 114–123. (In Russ.)
- Vinogradov V. S. [Translation: General and Lexical Issues]. Moscow: Universitet, 2004. 235 p. (In Russ.)

Письмо хана Аюки астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову. Дата не указана
[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131об.].

Перевод письма хана Аюки астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову от 17 августа 1714 г.

Карандашом дана транслитерация перевода более позднего времени

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1199–1211, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1199-1211
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81'373.23

Борис Исакович Татаринцев: научное наследие ученого

Дамбыра Ирина Даш-ооловна¹, Кечил-оол Саида Владимировна²,
 Саая Оюмаа Маадыр-ооловна³

¹ ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-9195-8684. E-mail: oduchpa@mail.ru

² ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 ORCID: 0000-0001-5881-3977. E-mail: saida.kechilool@mail.ru

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (д. 7, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей
 ORCID: 0000-0002-3775-2391. E-mail: yu5bi@mail.ru

Аннотация. *Введение.* В данной статье анализируются результаты многолетних научных трудов известного ученого-тюрколога, крупного исследователя тувинского языка, специалиста исключительно глубоких познаний и эрудиции, доктора филологических наук, профессора Бориса Исаковича Татаринцева, которому в 2019 году исполнилось бы 80 лет. *Целью* исследования является рассмотрение научного наследия ученого, которое дало новый толчок в области изучения тувиноведения и тюркологии в целом. *Материалы.* В основу работы легли результаты многолетних научных трудов Бориса Исаковича Татаринцева, которые высоко оценены учеными-специалистами как определенная веха в развитии не только тувинского языкознания, но и всей российской тюркологии. *Результаты.* Борис Исакович, родившийся в семье служащих, прошел путь от школьного учителя до доктора наук, профессора, заведующего сектором словарей, главного научного сотрудника сектора языка и письменности Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Б. И. Татаринцевым было опубликовано свыше 150 научных трудов. Вся его научная деятельность ориентирована на историю тувинского языка, заимствованную лексику. В течение более чем трех десятков лет Б. И. Татаринцев занимался вопросами тувинской этимологии, семасиологии, терминологии, топонимии, этнонимии с точки зрения их происхождения. Борис Исакович участвовал в разработке и редактировании «Русско-тувинского словаря»: был автором словника, предисловия к нему, а также его редактором. Был составителем многочисленных русско-тувинских терминологических словарей. Кроме этого, он активно изучал тувинское горловое пение «Хөөмей». По данной проблеме им опубликованы не только статьи, но и были изданы книги. Велика его заслуга в подготовке кадров высшей квалификации по филологическому направлению в Туве.

Исследование основных проблем лексикологии и этимологии, разработанных Б. И. Татаринцевым, продолжено современными отечественными и зарубежными учеными.

Ключевые слова: Б. И. Татаринцев, тюркские языки Сибири, тувинский язык, лексикология, семасиология, заимствования, этимологический словарь.

Благодарность. Авторы выражают благодарность кандидату ист. наук Елене Валерьевне Айыжы за ценные замечания по статье.

Для цитирования: Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В., Саая О. М. Борис Исакович Татаринцев: научное наследие ученого. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1199–1211. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1199-1211.

UDC 81'373.23

Prof. Boris I. Tatarintsev: Scholarly Heritage Revisited

Irina D. Dambyra¹, Saida V. Kechil-ool², Oyumaa M. Saaya³

¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: 0000-0001-9195-8684. E-mail: oduchpa@mail.ru

² Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID: 0000-0001-5881-3977. E-mail: saida.kechilool@mail.ru

³ Tuva Institute of Humanities and applied social and economic research under the Government of the Republic of Tuva (7, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading researcher of the dictionary group
ORCID: 0000-0002-3775-2391. E-mail: yu5bi@mail.ru

Abstract. Introduction. This article analyzes the results of many years of scientific works of the famous scientist, Turkologist, a eminent scholars of the Tuvan language, a specialist of exceptionally deep knowledge and erudition, doctor of Philology, Professor Boris Isakovich Tatarintsev, who would have turned 80 years old in 2019. *The purpose of the study* is to examine the scientific heritage of the scientist, which gave a new impetus to the study of Tuvanian studies and Turkology in General. *Materials.* The work is based on the results of many years of scientific works by Boris Isakovich Tatarintsev, which are highly appreciated by scientists as a certain milestone in the development of not only Tuvan linguistics, but also the entire Russian Turkology. *Results.* Boris Isakovich, born in a family of employees, went from school teacher to doctor of science, Professor, head of the dictionary sector, chief researcher of the language and script section of the Tuva Institute of Humanities and applied social and economic research. B. I. Tatarintsev published more than 150 scientific works. All his scientific activity is focused on the history of the Tuvan language, borrowed vocabulary. For more than three decades, B. I. Tatarintsev was engaged in issues of Tuvan etymology, semasiology, terminology, toponymy, ethnonymy from the point of view of their origin. Boris Isakovich participated in the development and editing of the dictionary, was the author of the dictionary, Preface and numerous dictionaries. In addition, he was actively engaged in Tuvan throat singing “Hөөмөй”. On this issue, he published not only articles, but also books. His merit in the training of scientists and highly qualified science teachers in the philological direction in Tuva is great. The study of the main problems of lexicology and etymology, developed by B. I. Tatarintsev, continued by modern domestic and foreign scientists.

Keywords: B. I. Tatarintsev, Turkic languages of Siberia, Tuvan language, lexicology, semasiology, etymology, borrowings, etymological dictionary

Acknowledgement: The authors express deep gratitude to Dr. Elena V. Ayizhy for her most valuable comments on the article manuscript.

For citation: Dambyra I. D., Kechil-ool S. V., Saaya O. M. Prof. Boris I. Tatarintsev: Scholarly Heritage Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1199–1211. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1199-1211.

Введение

4 октября 2019 г. исполнилось бы 80 лет Борису Исаковичу Татаринцеву, доктору филологических наук, профессору Тувинского государственного университета, заслуженному деятелю науки Тувинской АССР.

Борис Исакович родился в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области Казахской ССР. В 1963 г., окончив Новосибирский педагогический институт по специальности «учитель русского языка, литературы и истории», работал преподавателем русского языка и литературы в школе № 7 г. Татарска Новосибирской области.

В 1964–1968 гг. Б. И. Татаринцев учился в аспирантуре Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Под руководством Е. И. Убрятовой успешно защитил диссертацию «Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка». В 1968 г. был направлен на работу в сектор языка и письменности Тувинского исследовательского института языка, литературы и истории (ныне — ТИГПИ). В институте Борис Исакович в течение семи лет работал в должности старшего научного сотрудника (1968–1975), четыре года заведовал сектором словарей (1975–1978) и семнадцать лет был ученым секретарем (1979–1996). С 1996 г. трудился главным научным сотрудником института.

Научная и творческая деятельность Б. И. Татаринцева многогранна и плодотворна, им опубликовано свыше 150 научных трудов. Вся его многолетняя научная деятельность была целенаправленно ориентирована на историю тувинского языка.

Уже в начале своего творческого пути, изучая монгольские и русские заимствования в тувинском языке, на многочисленных примерах ученый показал, как в разные периоды развития языка, в зависимости от состава (тувинско-монгольское или тувинско-русское) и типа (индивидуальное, групповое, массовое) двуязычия, входили в тувинский язык слова из монгольского и русского языков, или через их посредство из других языков.

Основная часть

В своей книге «Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику» [Татаринцев 1976б], опираясь на современные теоретические исследования отечественных и зарубежных лингвистов по теме и на основе анализа собранного им большого фактического материала, Борис Исакович учитывал историческое развитие тувинского языка в контексте его контактов с языками соседних народов и его носителей. Б. И. Татаринцев досконально проработал материал монгольских заимствований в тувинском языке, объем которых, по свидетельствам самых авторитетных ученых, значителен: от 25 до 30 %. Он обобщил как формально-фонетические, так и лексико-семантические признаки монгольских по происхождению слов в тувинской лексике. Особо остановился на вопросе диалектно-исторического разнообразия источников этих заимствований, что может помочь в хронологизации не только тувинского материала, но и собственно монгольского [Татаринцев 1976б; Татаринцев 1986б: 64–86; Татаринцев 1990в: 75–83] и др.

Вопросами заимствованной лексики Борис Исакович занимался в течение всей своей исследовательской деятельности. В последующие годы им опубликованы следующие работы по теме заимствований в тувинском языке: «О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора» [Татаринцев 1970: 174–188], «Русские лексические заимствования в современном тувинском языке» [Татаринцев 1974б], «Заимствования или исконная лексика?» [Татаринцев 1993в: 114–128], «Монголизмы в языке тувинских шаманов» [Татаринцев 2000г: 163–167].

Увлеченность темой заимствований помогла ему в дальнейшем стать авторитетным этимологом. При этимологизации слов тувинского языка, как считал ученый, без проработки иноязычного материала и нивелирования сомнений в отношении иноязычности исследуемого материала невозможно правильно выявить происхождение слова.

Интересом к истории тувинского языка также продиктована его увлеченность работами пионеров-тувиноведов. Из-под его пера вышли аналитические статьи о таких исследователях тувинского языка, как М. Л. Кастрен [Татаринцев 1973в: 169–180],

В. В. Радлов [Татаринцев 1973б: 181–190], Н. Ф. Катанов [Татаринцев 1983: 101–109; Татаринцев 1993б: 18–24; Татаринцев 1999а: 63–64; Татаринцев 2003: 20–23] и др.

И. В. Кормушин указывает, что одной из причин внимания Бориса Исаковича к старым материалам было его желание найти реальные доказательства теории, выдвинутой М. А. Кастреном о самодийской подоснове тувинского этноса и, следовательно, языка, с чем Б. И. Татаринцев, по изучении этих и других материалов, решительно не согласился, заявив: «Что касается участия самодийского компонента в этногенезе тувинцев, то его роль нередко представлялась М. А. Кастреном упрощенно и преувеличивалась им. Сам факт наличия такого компонента признается и современной исторической наукой. Однако в лингвистическом плане эта проблема, связанная с происхождением тувинского языка, остается еще неразработанной и ждет своего решения» [Татаринцев, Маннай-оол 1976а: 180–182]. На этой позиции, обретенной им уже в начальный период изучения лексических материалов тувинского языка, Б. И. Татаринцев оставался до конца. Смелость и решительность в отстаивании научных позиций Б. И. Татаринцев многократно проявлял в своей более чем сорокалетней научной карьере при рецензировании и обсуждениях, в статьях и книгах, в научно-организационной сфере деятельности [Кормушин 2013: 123].

Погружение в проблемы соотношения тувинского с другими ареально близкими тюркскими и нетюркскими языками приводит Б. И. Татаринцева к убеждению, что решать их нужно, прежде всего, на материале самого тувинского языка и близких ему языков/диалектов. При отсутствии памятников история этих языков, часто в запутанном виде, содержится в них самих, откладывается в особенностях фонетической системы, в переплетениях семантических нюансов современных лексем [Кормушин 2013: 123–124].

Как известно, этимологизация слов невозможна без реконструкции внешней и внутренней форм слова. Внешняя реконструкция опирается на материалы исторической фонетики, на закономерности, существовавшие и происходившие в фонетической системе языка, языковой семьи в прошлом.

Б. И. Татаринцев исследовал весьма дискуссионные вопросы в области исторической фонетики тувинского языкознания: о происхождении фарингализации в тувинском языке, о назализованных гласных, о реальности «первичных» долгих гласных и др. [Татаринцев 1973а: 209–211; Татаринцев 1974а: 18–27; Татаринцев 1986а: 153–156; Татаринцев 1990б: 107–108; Татаринцев 1990е: 17–18; Татаринцев 2001: 13–22].

В отношении «первичности» долгих гласных в тувинском языке Б. И. Татаринцев выражал свое сомнение и полагал, что те долгие гласные в тувинских основах, которые иными исследователями считаются «первичными», на самом деле образования, имеющие вторичный характер. Он говорил, что не совсем ясным остается происхождение долготы в слове *хөөлбек* ‘пруд, лужа’ [Татаринцев 1973а: 209–211].

При установлении этимологии слова важным является учет его лексико-семантических характеристик. Внутренняя реконструкция связана с лексико-семантической составляющей этимологизируемого слова. Исследование лексико-семантического аспекта слов, специфики смысловых связей анализируемого слова с его соответствиями в других родственных языках не менее важны, чем учет факторов фонетического и грамматического характера. Данной теме посвящена третья книга Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» [Татаринцев 1987а], которая легла в основу его докторской диссертации, успешно защищенной им в г. Москве в апреле 1989 года на заседании Специализированного ученого Совета по защите докторских диссертаций при Институте языкознания АН СССР.

В ней рассмотрены изменения семантических значений тувинских слов в синхронии и диахронии; развитие полисемии, омонимии, синонимии и др. с точки зрения их смысловых отношений и связей. В этой работе Б. И. Татаринцев через анализ семантических нюансов современных лексем выстраивал диахронию их последовательных изменений.

Семасиологии тувинского языка посвящены его следующие работы: «О смысловых связях ЛГВ в одном из видов лексем: на материале тувинского языка» [Татаринцев 1985б: 341–345], «Специфика реконструк-

ции в условиях отдаленности значений многозначного слова: на материале тюркских языков» [Татаринцев 1987б: 53–54].

На основе реконструкции звукового облика, первоначальной морфологической структуры и исходного лексического значения производится этимологический анализ. Большое научное наследие Б. И. Татаринцева посвящено этимологическим изысканиям: «О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации: на материалах тюркских языков» [Татаринцев 1985а: 32–42], «Семантические проблемы этимологизации названий частей тела в тюркских языках» [Татаринцев 1986в: 71–76], «Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и алтаизмов» [Татаринцев 1990д: 145–151], «Об алтайских этимологиях с точки зрения тюркологии» [Татаринцев 1995б: 77–78].

В течение более чем трех десятков лет Б. И. Татаринцев создавал труды по тувинской топонимии, этнонимии с точки зрения их происхождения. Тувинским топонимам посвящены следующие его работы: «О некоторых древних топонимах тюркского происхождения на территории Тувы» [Татаринцев 1993г: 105–112], «Происхождение гидронимов *Кызыл-Хем* и *Шишихид*» [Татаринцев 1998б: 78–82], «Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы» [Татаринцев 1973г: 142–144], «Местные географические термины Северо-восточной Тувы» [Татаринцев 1977б: 18–26], «О топонимии бассейна р. Каа-Хем» [Татаринцев 1977а: 88–98], «Туран и Уюк — откуда эти названия?» [Татаринцев 1994а: 99–101], «Была ли река владыкой» [Татаринцев 1997б: 62–66].

С этимологическими исследованиями и изысканиями связан интерес Б. И. Татаринцева к этногенезу тувинского народа и происхождению тувинских этнонимов. Данному исследованию посвящены следующие его труды: «К вопросу об участии кетоязычного компонента в этногенезе тувинцев» [Татаринцев, Маннай-оол 1976а: 180–182], «О происхождении этнонима „соян“ и его носителей» [Татаринцев 1984: 233–245], «Этноним *иргит*: опыт историко-этимологической интерпретации» [Татаринцев 1988: 70–85], «Происхождение этнонима *топа-туба-тыва* и некоторых сходных с ним наименований» [Татаринцев 1990в: 75–83],

«К вопросу об этнониме *хааш-хаас* и его соответствиях» [Татаринцев 1993а: 298–307], «Этноним *сам*» [Татаринцев 1999б: 20–25], «Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва)» [Татаринцев 1995а: 102–116], «О некоторых тувинских этнонимах» [Татаринцев 1980: 144–148], «Проблемы изучения этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения)» [Татаринцев 1986б: 64–86], «О корректности использования этнонимических данных в исследованиях по этногенезу» [Татаринцев 1995в: 26].

Обобщая критическое рассмотрение целого ряда сближений тюркских слов с нетюркскими, Борис Исакович предупреждал: «Мы считаем, что до тех пор, пока не исчерпаны возможности этимологии слов, относящихся к базисной лексике, как исконных для данного языка или группы родственных языков, прибегать к версии иноязычного происхождения подобных слов неоправданно. Во всяком случае, к выдвиганию таких версий следует относиться с большей осторожностью. Тюркская же этимология, несмотря на ее заметное развитие в последние десятилетия, еще далеко не достигла того уровня, когда возможности исконной (генуинной) этимологии использованы достаточно полно» [Татаринцев 1988: 70–85]. Эти слова вполне можно отнести к этимологизации тувинского этнонима «иргит», который Б. И. Татаринцев связывает с именным образованием *irkin-irgen* от тюркского глагола *ирк-* (*ирик-*) ‘собираться, объединяться’ и т. п.

Сочетание рассмотренных выше рабочих приемов, теоретически осмысленных и практически апробированных при создании ряда статей по этимологии, возводит Б. И. Татаринцевым в принцип его этимологических разысканий. Эти приемы он последовательно проводит в статьях своего выдающегося труда — «Этимологического словаря тувинского языка».

Этот словарь, по характеристике самого автора, является собственно этимологическим словарем. Анализ основной части слов содержит этимологический элемент. Сравнительный компонент словарной статьи приводится в том объеме, в каком он необходим для установления этимологии слова, — приводятся материалы других тюркских и монгольских языков. Данный

словарь составлен с учетом накопленных к этому времени данных по сравнительно-исторической фонетике, лексике, морфологии и существующих этимологических трудов в тюркологии. В каждой словарной статье проводится детальное этимологическое исследование фонетического, структурного, семантического аспектов слова. При анализе развития семантики слова автором учитывались исторические связи значений слов. В словарных статьях в обязательном порядке приводятся, в определенных случаях анализируются, дополняются и уточняются научные этимологические решения, предлагавшиеся другими тюркологами.

Бесспорным достоинством «Этимологического словаря тувинского языка» Б. И. Татаринцева является то, что в нем представлена обширная информация из прошлого и настоящего не только языка, но и этнографии, фольклора, а также материальной и духовной культуры тувинского народа [ЭСТЯ 2000–2008; ЭСТЯ 2018].

Общей исследовательской манерой Бориса Исаковича как этимолога является его органическая самостоятельность в оценке этимологических версий предшественников (сколь значительных имен ни касался бы автор), сочетающаяся со стремлением сохранить рациональные зерна в отвергаемых положениях.

Это поистине фундаментальный труд, который, по нашему мнению, не знает себе равных в тюркологии, так как, по крайней мере среди опубликованных работ по отдельным тюркским языкам, не встречались подобные.

Кроме этимологических исследований, имеются труды Б. И. Татаринцева по терминологии: «О некоторых явлениях в современном тувинском терминологическом образовании» [Татаринцев 1967: 75–82], «Тувинская терминология» [Татаринцев 2000б: 158–165].

Как известно, в научной и технической терминологии тувинского языка очень много заимствований из русского языка и через русский.

Б. И. Татаринцев в статье «О некоторых явлениях в современном тувинском терминологическом образовании» рассматривает терминологическую систему сельскохозяйственной отрасли и выделяет прямые заимствования, косвенные заимствования (кальки) и промежуточные заимствования (полукальки).

В статье им указывается, что при отсутствии продуктивного аффикса, калькирование производных слов в современном тувинском терминологическом образовании оказывается затрудненным. При этом в тувинском языке превращение непродуктивного аффикса в продуктивный не происходит. В результате анализа он пришел к выводу, что возможности оригинального (тувинского) словообразования при этом полностью не используются, а отдельные способы словообразования не находят себе применения в создании терминов.

На наш взгляд, такая же проблема актуальна для современного тувинского терминологического образования — в связи со стремительным развитием современных компьютерно-информационных технологий и с угрозой утраты многих функций тувинского языка в сфере официально-деловой и научно-технической коммуникации при доминировании в этих областях русских заимствований.

Еще одному направлению, касающемуся истории тувинского языка, а именно истории тувинской письменности, посвящен ряд статей Б. И. Татаринцева: «Тыва бижикти тургускан төөгүзүнүң айтырыглары» [Татаринцев 1989], «К вопросу о так называемом „заимствовании“: к 60-летию создания тувинской национальной письменности» [Татаринцев 1990а: 160–166], «Основные этапы работы в СССР над латинизированным алфавитом для тувинской национальной письменности» [Татаринцев 1990г: 8–9], «Н. Н. Поппе и его роль в создании тувинской национальной письменности» [Татаринцев 1997а: 3–4], «К истории создания тувинской письменности. Н. Н. Поппе» [Татаринцев 2000а: 71–77], «Еще раз о „белых пятнах“ в истории создания тувинской письменности» [Татаринцев 2004: 291–304], «Как создавалась тувинская письменность» [Татаринцев 2005: 3–4].

Своими работами он поднимал проблемы, которые не оставляли равнодушными к ним других ученых. Так в конце 1990-х, начале 2000-х гг. инициировались дискуссии о латинизированных проектах тувинской письменности. Эту проблему ученые отразили в своих трудах: «„Белые пятна“ в истории тувинской письменности» [Монгуш М. 2000: 18–19], «Тыва араттың үндезин сөзүнүң үжүү» [Монгуш Б. 1999: 83],

«Решения партии и правительства Тувинской Народной Республики (ТНР) по народному образованию и о создании тувинской письменности в 1921–1930 гг.» [Монгуш Б. 2000: 55], «Как создавалась тувинская письменность» [Татаринцев 2000в: 3].

Борис Исакович был тувиноведом широкого профиля, неравнодушным к традициям, к культуре тувинского народа, к жизни тувинского общества. Им были опубликованы труды: «О традиционном отношении тувинцев к памятникам „кожээ“» [Татаринцев 2002: 60–66], «„Кожээ“: загадки каменных изваяний» [Татаринцев 2006: 77–80], «Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве» [Татаринцев, Монгуш 1985: 3–15], «Прежде чем переименовывать: о названии населенных пунктов Тувы» [Моллеров, Санчай, Татаринцев 1988: 3].

Б. И. Татаринцев активно участвовал в мероприятиях, проводимых Международным центром «Хөөмей», который возглавляет З. К. Кыргыс. По данной проблеме им опубликованы статьи: «Свидетельство самостоятельного развития (о названиях основных стилей горлового пения тувинцев)» [Татаринцев 1992: 3], «О структуре и происхождении слов, обозначающих стили хоомей в тувинском и других тюркских языках» [Татаринцев 1994б: 20–26].

Отдельными книгами изданы: «Тувинское горловое пение. Проблемы происхождения» [Татаринцев 1998а] и «Кай и его связь с тувинским горловым пением» [Татаринцев 2008].

На основании сравнительного изучения данных ряда тюркских, монгольских и других языков с учетом исторических источников Б. И. Татаринцев сделал вывод о том, что горловое пение возникло примерно в XV–XVI вв. в Туве или, по крайней мере, в тех местах, где исторически жили тувинские племена. По поводу названий стилей горлового пения он пришел к выводу, что наименование *сыгыт* — собственно тувинское слово, а *хөөмей* и *каргыраа* — монголизмы, но семантика стиля *хөөмей*, связанная с видом искусства, развилась на тувинской почве, и ученый приводит неоспоримые языковые данные, охватывающие формально-фонетический аспект и лексико-семантическое развитие лексемы, которые, собственно, являются составляющими этимологического анализа слова.

Борис Исакович принимал активное участие в разработке крупных коллективных тем ТИГПИ, над которыми работали коллеги-языковеды. Сразу после прихода в институт он написал раздел «Слова, грамматически не связанные с предложением» для второй части научной грамматики тувинского языка — синтаксиса, который еще не опубликован.

Широту своих знаний Б. И. Татаринцев использует как для решения очень общих проблем, так и для исследования отдельных явлений. В 1970-е годы он участвовал в редактировании нового, более полного «Русско-тувинского словаря», был автором словника и предисловия, а также соавтором «Русско-тувинского словаря общественно-политических терминов» [Монгуш и др. 1979]. В эти же годы он написал «Инструкцию по сбору материалов для составления толкового словаря тувинского языка» (напечатанную ротاپринтным способом на тувинском языке) и сам активно участвовал в сборе материалов. После этого Б. И. Татаринцев принял участие еще и в разработке «Инструкции по составлению толкового словаря тувинского языка», завершенной в 1986 г. В соответствии с этой инструкцией в настоящее время в институте закончено составление толкового словаря тувинского языка, продолжается его редактирование и уже изданы два его тома.

Выводы

Работы Б. И. Татаринцева всегда воспринимаются и читаются с большим интересом. Он работал с увлечением и только над тем, что его интересовало. Отклики тюркологов на работы, печатавшиеся в центральных изданиях, в журнале «Советская тюркология» (Щербак, Черемисина, Кляшторный, Рассадин, Бутанаев и др.), которые получал автор, говорят об интересе именитых ученых к его оригинальным языковедческим интерпретациям, к его творчеству в целом. По оценке многих ученых, труды Бориса Исаковича отличаются научной глубиной и новизной, насыщенностью фактическими языковыми материалами [Монгуш Д. 1999: 96–99], [Доржу 2010: 458–462], [Кормушин 2013: 123–124].

С 1995 г. Б. И. Татаринцев активно сотрудничал с кафедрой тувинского и общего языкознания Тувинского государственного

университета. Для студентов специальности «Родной язык и литература» читал теоретические курсы «Тюркская лексикология и лексикография», «Алтаистика».

Руководил аспирантами, работавшими над диссертациями по специальности «10.02.02. Языки народов Российской Федерации (Тувинский язык)» при кафедре тувинского языка Тувинского государственного университета. Под его руководством успешно защитили кандидатские диссертации три аспиранта в академических институтах Москвы и Новосибирска. В 2008 г. ВАК присвоил ему звание профессора кафедры тувинского и общего языкознания ТывГУ.

Литература и источники

- Доржу 2010 — *Доржу Ч. М.* Татаринцев Борис Исакович: [70 лет со дня рождения] // Ученые записки ТИГИ. Кызыл: РИО ТывГУ, 2010. Вып. XXII. С. 458–462.
- Кормушин 2013 — *Кормушин И. В.* Борис Исакович Татаринцев (октябрь 1939 – январь 2011) // Урало-алтайские исследования. 2013. № 2 (9). С. 123–124.
- Моллеров, Санчай, Татаринцев 1988 — *Моллеров Н. М., Санчай А., Татаринцев Б. И.* Прежде чем переименовывать: о названии населенных пунктов Тувы // Тувинская правда. 1988. 20 марта. С. 3.
- Монгуш и др. 1979 — *Монгуш Д. А., Биче-оол М. Д., Доржу Ч. М., Мартан-оол М. Б. и др.* Русско-тувинский словарь общественно-политических терминов / гл. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1979. 377 с.
- Монгуш и др. 1980 — *Монгуш Д. А., Биче-оол М. Д., Делгел-оол А. К., Кунаа А. Ч.* Русско-тувинский словарь / гл. ред. Д. А. Монгуш. М.: Русский язык, 1980. 660 с.
- Монгуш Б. 1999 — *Монгуш Б. Д.* Тыва араттың үндэзин сөзүнүн үжүү (= Истоки тувинской письменности) // Башкы. 1999, № 4. Ар. 83.
- Монгуш Д. 1999 — *Монгуш Д. А.* Крупный исследователь тувинского языка // Башкы. Кызыл: Редакция журнала «Башкы», 1999. № 5, 6. С. 96–99.
- Монгуш Б. 2000 — *Монгуш Б. Д.* Решения партии и правительства Тувинской Народной Республики (ТНР) по народному образованию и о создании тувинской письменности в 1921–1930 гг. // Становление и развитие науки в Туве: мат-лы междунар. конф., посвященной 70-летию тувинской письменности. II часть. Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2000. С. 55–60.
- Монгуш М. 2000 — *Монгуш М. В.* «Белые пятна» в истории тувинской письменности // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности. Кызыл: Институт гуманитарных исследований Республики Тыва, 2000. С. 18–19.
- Татаринцев 1967 — *Татаринцев Б. И.* О некоторых явлениях в современном тувинском терминообразовании // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск: Наука, 1967. № 2. С. 75–82.
- Татаринцев 1970 — *Татаринцев Б. И.* О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1970. Вып. XIV. С. 174–188.
- Татаринцев 1973а — *Татаринцев Б. И.* О енисейской гипотезе происхождения фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: тезисы. Новосибирск: НГУ, 1973. С. 209–211.
- Татаринцев 1973б — *Татаринцев Б. И.* О материалах В. В. Радлова по тувинскому языку // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. Вып. 16. С. 181–190.
- Татаринцев 1973в — *Татаринцев Б. И.* Языковые материалы по Туве в публикациях М. А. Кастрена // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 16. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1973. С. 169–180.
- Татаринцев 1973г — *Татаринцев Б. И.* Об особенностях топонимии Северо-Восточной Тувы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 142–144.

- Татаринцев 1974а — *Татаринцев Б. И.* Характер изменений звукового комплекса с интервокальным *k* в тувинском языке // Советская тюркология. Баку, 1974. № 6. С. 18–27.
- Татаринцев 1974б — *Татаринцев Б. И.* Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1974. 113 с.
- Татаринцев, Маннай-оол 1976а — *Татаринцев Б. И., Маннай-оол М. Х.* К вопросу об участии кетоязычного компонента в этногенезе тувинцев // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 180–182.
- Татаринцев 1976б — *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. 130 с.
- Татаринцев 1977а — *Татаринцев Б. И.* О топонимии бассейна р. Каа-Хем // Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период. Кызыл: Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР, 1977. С. 88–98.
- Татаринцев 1977б — *Татаринцев Б. И.* Местные географические термины северо-восточной Тувы // Советская тюркология. Баку, 1977. № 5. С. 18–26.
- Татаринцев 1980 — *Татаринцев Б. И.* О некоторых тувинских этнонимах // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 144–148.
- Татаринцев 1983 — *Татаринцев Б. И.* О научном наследии Н. Ф. Катанова и его месте в тюркской и тувинской филологии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл: [б. и.], 1983. С. 101–109.
- Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении этнонима «соян» и его носителей // Проблемы истории Тувы. Кызыл: [б. и.], 1984. С. 233–245.
- Татаринцев 1985а — *Татаринцев Б. И.* О реконструкции мотивирующего семантического признака в процессе этимологизации: на материалах тюркских языков // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 32–42.
- Татаринцев 1985б — *Татаринцев Б. И.* О смысловых связях ЛГВ в одном из видов лексем: на материале тувинского языка // Тюркское языкознание: мат-лы III Всесоюз. тюркол. конф. Ташкент: Фан, 1985. С. 341–345.
- Татаринцев, Монгуш 1985 — *Татаринцев Б. И., Монгуш Д. А.* Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. Кызыл: [б. и.], 1985. С. 3–15.
- Татаринцев 1986а — *Татаринцев Б. И.* К вопросу о соответствиях типа «фарингализация – первичная долгота» // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние, 1986. С. 153–156.
- Татаринцев 1986б — *Татаринцев Б. И.* Проблемы изучения этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1986. С. 64–86.
- Татаринцев 1986в — *Татаринцев Б. И.* Семантические проблемы этимологизации названий частей тела в тюркских языках // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары: Чуваш. НИИЯЛИЭ, 1986. С. 71–76.
- Татаринцев 1987а — *Татаринцев Б. И.* Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 196 с.
- Татаринцев 1987б — *Татаринцев Б. И.* Специфика реконструкции в условиях отдаленности значений многозначного слова: на материале тюркских языков // Теория лингвистической реконструкции: мат-лы всесоюз. конф. М.: ИЯЗ, 1987. С. 53–54.
- Татаринцев 1988 — *Татаринцев Б. И.* Этноним *иргут*: опыт историко-этимологической интерпретации // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: Хакас. НИИЯЛИ, 1988. С. 70–85.
- Татаринцев 1989 — *Татаринцев Б. И.* Тыва бижикти тургускан төөгүзүнүн айтырыглары (= Вопросы истории создания тувинской письменности) // Шын. 1989. Октябрь 12, 13.
- Татаринцев 1990а — *Татаринцев Б. И.* К вопросу о так называемом «заимствовании»: к 60-летию создания тувинской национальной письменности // Альманах «Улуг-Хем». Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. № 26. С. 160–166.
- Татаринцев 1990б — *Татаринцев Б. И.* К вопросу о происхождении назализованных гласных в тувинском и других тюркских языках // Тюркская фонетика – 90: тезисы докладов. Алма-Ата, 1990. С. 107–108.
- Татаринцев 1990в — *Татаринцев Б. И.* Происхождение этнонима топа-туба-тыва и некоторых сходных с ним наименований // Советская тюркология. Баку, 1990. № 2. С. 75–83.
- Татаринцев 1990г — *Татаринцев Б. И.* Основные этапы работы в СССР над латинизированным алфавитом для тувинской национальной письменности // Тыва дыл болгаш бижикти хөгжүдеринин айтырыглары (= Проблемы развития тувинского языка и

- письменности): Тыва бижиктиң 60 чылынга тураскааткан эртем-практ. конф. Кызыл, 1990. С. 8–9.
- Татаринцев 1990д — *Татаринцев Б. И.* Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и алтаизмов // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 145–151.
- Татаринцев 1990е — *Татаринцев Б. И.* О реальности «первичных» долгих гласных в тувинском языке // Тыва дыл болгаш бижикти хөгжүдериниң айтырыглары = Проблемы развития тувинского языка и письменности: тыва бижиктиң 60 чылынга тураскааткан эртем-практ. конф. Кызыл, 1990. С. 17–18.
- Татаринцев 1992 — *Татаринцев Б. И.* Свидетельство самостоятельного развития (о названиях основных стилей горлового пения тувинцев). Тувинская правда, 1992. 30 июня. С. 3.
- Татаринцев 1993а — *Татаринцев Б. И.* К вопросу об этнониме *хааши-хаас* и его соответствиях // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Сибирская изд. фирма, 1993. С. 298–307.
- Татаринцев 1993б — *Татаринцев Б. И.* К истории изучения тувинского языка (1920–30-е годы) // Вопросы тувинского языкознания: сб. мат.-лов. Кызыл: МП «Новости Тувы», 1993. С. 18–24.
- Татаринцев 1993в — *Татаринцев Б. И.* Заимствования или исконная лексика? // Вопросы языкознания. № 1. М.: Наука, 1993. С. 114–128.
- Татаринцев 1993г — *Татаринцев Б. И.* О некоторых древних топонимах тюркского происхождения на территории Тувы // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл: МП «Новости Тувы», 1993. С. 105–112.
- Татаринцев 1994а — *Татаринцев Б. И.* Туран и Уюк — откуда эти названия? // Альманах «Улуг-Хем». Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1994. № 28. С. 99–101.
- Татаринцев 1994б — *Татаринцев Б. И.* О структуре и происхождении слов, обозначающих стили хоомея в тувинском и других тюркских языках // Мелодии хоомея: мат.-лы I междунар. симпозиума «Хөөмей-92». Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1994. С. 20–26.
- Татаринцев 1995а — *Татаринцев Б. И.* Два тувинских этнонима (адай, чаг-тыва) // Ученые записки ТувНИИЯЛИ. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1995. Вып. 18. С. 102–116.
- Татаринцев 1995б — *Татаринцев Б. И.* Об алтайских этимологиях с точки зрения тюркологии // Чувашский язык и алтаистика. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1995. С. 77–78.
- Татаринцев 1995в — *Татаринцев Б. И.* О корректности использования этнонимических данных в исследованиях по этногенезу // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тезисы. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 26.
- Татаринцев 1997а — *Татаринцев Б. И.* Н. Н. Поппе и его роль в создании тувинской национальной письменности // А. А. Пальмбах — ученый, писатель, просветитель: к 100-летию со дня рождения. Кызыл: ИПК «Эне созу», 1997. С. 3–4.
- Татаринцев 1997б — *Татаринцев Б. И.* Была ли река владыкой // Башкы. Кызыл: Редакция журнала «Башкы», 1997. № 2. С. 62–66.
- Татаринцев 1998а — *Татаринцев Б. И.* Тувинское горловое пение. Проблемы происхождения. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1998. 79 с.
- Татаринцев 1998б — *Татаринцев Б. И.* Происхождение гидронимов *Кызыл-Хем* и *Шишид* // Башкы. Кызыл: Редакция журнала «Башкы», 1998. № 5–6. С. 78–82.
- Татаринцев 1999а — *Татаринцев Б. И.* Результат моих собственных наблюдений: к 110-летию научной экспедиции в Туву Н. Ф. Катанова // Башкы. Кызыл: Редакция журнала «Башкы», 1999. № 2. С. 63–64.
- Татаринцев 1999б — *Татаринцев Б. И.* Этноним *сат* // Круг знания: науч.-информ. сб. Кызыл: [б. и.], 1999. Вып. 2. С. 20–25.
- Татаринцев 2000а — *Татаринцев Б. И.* К истории создания тувинской письменности. Н. Н. Поппе // Башкы. Кызыл: Редакция журнала «Башкы», 2000. № 2. С. 71–77.
- Татаринцев 2000б — *Татаринцев Б. И.* Тувинская терминология // Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 158–165.
- Татаринцев 2000в — *Татаринцев Б. И.* Как создавалась тувинская письменность // Тувинская правда, 2000. 29 июня. С. 3.
- Татаринцев 2000г — *Татаринцев Б. И.* Монголизмы в языке тувинских шаманов // Эрдем шинжилгээний ойллого. Ховд, 2000. № 2. С. 163–167.
- Татаринцев 2001 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении назализованных гласных в тувинском и других тюркских языках // Гуманитарные исследования в Туве. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. С. 13–22.
- Татаринцев 2002 — *Татаринцев Б. И.* О традиционном отношении тувинцев к памятникам «кожээ» // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл: Тувинский институт гуманитарных исследований, 2002. Вып. 19. С. 60–66.

- Татаринцев 2003 — *Татаринцев Б. И.* Труд Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» — 100 лет // Письменное наследие тюрков. Кызыл: Тувинский институт гуманитарных исследований, 2003. С. 20–23.
- Татаринцев 2004 — *Татаринцев Б. И.* Еще раз о «белых пятнах» в истории создания тувинской письменности // Ученые записки ТИГИ. Кызыл: Тувинский институт гуманитарных исследований, 2004. Вып. XX. С. 291–304.
- Татаринцев 2005 — *Татаринцев Б. И.* Как создавалась тувинская письменность // Тувинская правда. 2005. 28 июня. С. 3–4.
- Татаринцев 2006 — *Татаринцев Б. И.* «Көжээ»: загадки каменных изваяний // Сокровища культуры Тувы. М.: НИИЦентр, 2006. С. 77–80.
- Татаринцев 2008 — *Татаринцев Б. И.* Кай и его связь с тувинским горловым пением. Кызыл: Тываполиграф, 2008. 24 с.
- ЭСТЯ 2000–2008 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка /отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I: А–Б. — 341 с.; Т. II: Д, Ё, И, Й. — 2002, 388 с.; Т. III: К, Л. — 2004, 440 с.; Т. IV: М, Н, О, Ө, П. — 2008, 442 с.
- ЭСТЯ 2018 — *Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка /отв. ред. Н. Н. Широкова. Т. V: С. Новосибирск: Наука, 2018. 178 с.
- References and Sources**
- Dorzhu Ch. M. Boris I. Tatarintsev: celebrating the 70th anniversary of birth. In: [Tuvan Humanities Research Institute: Scholarly Notes]. Vol. XXII. Kyzyl: Tuvan State University, 2010. Pp. 458–462. (In Russ.)
- Kormushin I. V. Boris I. Tatarincev (October 1939 – January 2011). *Ural–Altaic Studies*. 2013. No. 2 (9). Pp. 123–124. (In Russ.)
- Mollerov N. M., Sanchay A., Tatarintsev B. I. Before renaming: names of Tuva's settlements revisited. *Tuvinskaya pravda*. 1988. March 20. P. 3. (In Russ.)
- Mongush D. A. et al. [Russian-Tuvan Dictionary: Socio-Political Terminology] D. A. Mongush (ed.). Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1979. 377 p. (In Russ. and Tuv.)
- Mongush D. A. et al. [Russian-Tuvan Dictionary]. red. D. A. Mongush (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1980. 660 p. (In Russ. and Tuv.)
- Mongush B. D. Beginnings of Tuvan script. *Bashky*. 1999. No. 4. P. 83. (In Tuv.)
- Mongush D. A. A remarkable Tuvan language scholar. *Bashky*. 1999. No. 5, 6. Pp. 96–99. (In Russ.)
- Mongush B. D. Party and Government of the Tuvan People's Republic: decrees dealing with public education and creation of Tuvan script in 1921–1930. In: [Shaping and Development of Science in Tuva]. Conf. proc. Vol. II. Kyzyl: Tuvan State University, 2000. Pp. 55–60. (In Russ.)
- Mongush M. V. History of Tuvan script: 'unexplored facts'. In [Conference Commemorating the 70th Anniversary of Tuvan Script: Report Abstracts]. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2000. Pp. 18–19. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Some contemporary Tuvan term formation trends revisited. In: [Language and Folklore Studies]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 1967. Pp. 75–82. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan folklore language: some groups of Mongolisms revisited. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. XIV. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1970. Pp. 174–188. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Origins of pharyngalization in Tuvan and Tofalar languages: the Yenisei hypothesis. In: [Peoples of Siberia and Far East: Issues of Ethnogenesis]. Theses. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1973. Pp. 209–211. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting V. V. Radlov's Tuvan language materials. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. 16. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1973. Pp. 181–190. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuva-related language materials of M. A. Kastren's publications. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. 16. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1973. Pp. 169–180. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Northeastern Tuva: peculiarities of toponymy revisited. In: [Origins of Siberia's Native Inhabitants and Their Languages]. Tomsk: Tomsk State University, 1973. Pp. 142–144. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan sound complex with the intervocalic 'k': nature of changes revisited. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1974. No. 6. Pp. 18–27. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Russian Lexical Borrowings in Modern Tuvan]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1974. 113 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I., Mannay-ool M. Kh. Ket-language component in Tuvan ethnogenesis revisited. In: [Origins of Siberia's Native Inhabitants and Their Languages]. Tomsk: Tomsk State University, 1976. Pp. 180–182. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Tuvan Lexis: Influence of the Mongolian Language]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1976. 130 p. (In Russ.)

- Tatarintsev B. I. Toponymy of the Kaa Khem basin. In: [Tuvan Language and Literature: Post-October Period]. Kyzyl: Council of Ministers of Tuvan ASSR, 1977. Pp. 88–98. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Northeastern Tuva: local geographical terms. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1977. No. 5. Pp. 18–26. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Some Tuvan ethnonyms revisited. In: [Latest Studies in Tuvan Archaeology and Ethnogenesis]. Kyzyl: Tuvan Research Institute of Language, Literature and History, 1980. Pp. 144–148. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting N. F. Katanov's heritage and his impact into Turkic and Tuvan philological studies. In: [Issues of Tuvan Philology]. Kyzyl, 1983. Pp. 101–109. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Soyan': origins of the ethnonym and its bearers revisited. In: [Issues of Tuvan History]. Kyzyl, 1984. Pp. 233–245. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Reconstructing a motivating semantic feature during etymologization procedures: a case study of Turkic languages. In: [Etymological Research: Theory and Practice]. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 32–42. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting etymological ties between lexical-and-grammatical variants in one type of lexemes: a case study of Tuvan language patterns. In: [Turkic Linguistics]. Conf. proc. Tashkent: Fan, 1985. Pp. 341–345. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I., Mongush D. A. Functioning of the Russian language in Tuva: research problem. In: [Russian Language in Tuva]. Kyzyl, 1985. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Pharyngalization – primary (vowel) length' correlations revisited. In: [Languages of Siberia and Adjacent Regions: Phonetics]. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 153–156. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Ethnonymy research problems: a case study of some ethnonyms of supposed Mongolian origin. In: [Studies in Tuvan Philology]. Kyzyl: Tuvan Research Institute of Language, Literature and History, 1986. Pp. 64–86. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Names of body parts in Turkic languages: semantic problems of etymologization. In: [Compiling an Etymological Dictionary of One Separate Language: Related Problems]. Cheboksary: Chuvash Research Institute, 1986. Pp. 71–76. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Tuvan Lexemes: Semantic Ties and Relations]. Moscow: Nauka, 1987. 196 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. A polysemantic word with remote meanings: specific features of reconstruction (a case study of Turkic languages). In: [Theory of Linguistic Reconstruction]. Conf. proc. Moscow: Institute of Linguistics, 1987. Pp. 53–54. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Irgit': an effort of historical and etymological interpretation of the ethnonym. In: [Peoples of Southern Siberia: Historical and Cultural Ties]. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1988. Pp. 70–85. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan script: (answering) questions about the history of its creation. *Shyn*. 1989. October 12, 13. (In Tuv.)
- Tatarintsev B. I. The so called 'borrowing' revisited: celebrating the 60th anniversary of Tuvan script. In: [Ulug Khem Almanac]. Vol. 26. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1990. Pp. 160–166. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan and other Turkic languages: origins of orinatal vowels revisited. In: [Turkic Phonetics-90]. Thesis abstracts. Alma-Ata, 1990. Pp. 107–108. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Topa-Tuba-Tyva': origins of the ethnonym and related names. *Sovetskaya tyurkologiya*. Baku, 1990. No. 2. Pp. 75–83. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Developing a Latinized alphabet for Tuvan national script: key stages of work in the USSR. In: [Tuvan Language and Script: Main Problems of Development]. Conf. proc. Kyzyl, 1990. Pp. 8–9. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Etymology of some supposed borrowings and Altaisms. In: [Turkic Languages: Etymological Problems]. Alma-Ata: Gylym, 1990. Pp. 145–151. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting the reality of 'primary' long vowels in the Tuvan language. In: [Tuvan Language and Script: Main Problems of Development]. Conf. proc. Kyzyl, 1990. Pp. 17–18. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Evidence of independent development: names of main style of Tuvan throat-singing revisited. *Tuvinskaya pravda*. 1992, June 30. P. 3. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Khaash-Khaas': revisiting the ethnonym and its correspondences. In: [Peoples of Southern Siberia and Central Asia: Ethnic History]. Novosibirsk: Siber. Publ., 1993. Pp. 298–307. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Historiography of Tuvan language studies revisited: 1920–30s. In: [Questions of Tuvan Linguistics]. Coll. papers. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. Pp. 18–24. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Borrowings or original lexemes? *Voprosy yazykoznaniya*. 1993. No. 1. Pp. 114–128. (In Russ.)

- Tatarintsev B. I. Revisiting some ancient Turkic toponyms of Tuva. In: [Questions of Tuvan Linguistics]. Coll. papers. Kyzyl: Novosti Tuvy, 1993. Pp. 105–112. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Turan and Uyuk — where these onyms come from? In: [Ulug Khem Almanac]. Vol. 28. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1994. Pp. 99–101. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Words denoting khoomey styles in Tuvan and other Turkic languages: structure and etymology revisited. In: [Khoomey Melodies]. Symposium proc. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1994. Pp. 20–26. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Aday, Chag-Tyva: two Tuvan ethnonyms. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes] Vol. 18. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1995. Pp. 102–116. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Revisiting Altaian etymologies: a perspective from Turkology. In: [Chuvash Language and Altaic Studies]. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1995. Pp. 77–78. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Use of ethnonymic data in ethnogenetic research: questioning the validity of the practice. In: [Native Populations of Siberia: Problems of Investigating Endangered Languages and Cultures]. Report abstracts. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (Sib. Branch) of RAS, 1995. P. 26. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. N. Poppe and his role in the creation of Tuvan national script. In: [A. Palmbakh — Scholar, Writer, Enlightener: Celebrating the 100th Anniversary of Birth]. Kyzyl: Ene Sozu, 1997. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Did the river dominate ... *Bashky*. 1997. No. 2. Pp. 62–66. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Tuvan Throat-Singing: Investigating Origins]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 1998. 79 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Kyzyl Khem and Shishkhid: origins of the hydronyms. *Bashky*. 1998. No. 5–6. Pp. 78–82. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Summarizing results of my personal observations: celebrating the 110th anniversary of N. Katanov's expedition to Tuva. *Bashky*. 1999. No. 2. Pp. 63–64. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. The ethnonym 'Sat'. In: [Circle of Knowledge]. Coll. papers. Kyzyl, 1999. Vol. 2. Pp. 20–25. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan script of N. Poppe: history of creation revisited. *Bashky*. 2000. No. 2. Pp. 71–77. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan terminology. In: [Developing Terminologies in Title Languages of Russia's (National) Republic]. Moscow: Institute of Linguistics of RAS, 2000. Pp. 158–165. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. How Tuvan script was created. *Tuvinskaya pravda*. 2000, June 29. P. 3. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Mongolisms in the language of Tuvan shamans. *Erdem shinzhilgeenyi oylogo*. 2000. No. 2. Pp. 163–167. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Origins of orinatal vowels in Tuvan and other Turkic languages revisited. In: [Humanities Research in Tuva]. Moscow: RUDN University, 2001. Pp. 13–22. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Traditional attitudes of Tuvans towards 'kozhee' monuments. In: [Tuvan Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. 19. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2002. Pp. 60–66. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'A Case Study of the Uriankhai Language' by N. Katanov — 100 years. In: [Written Heritage of Turks]. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2003. Pp. 20–23. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. Tuvan script: once again about 'unexplored facts' of its creation. In: [Tuvan Humanities Research Institute: Scholarly Notes]. Vol. 20. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2004. Pp. 291–304. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. How Tuvan script was created. *Tuvinskaya pravda*. 2005, June 28. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. 'Közhee': riddles of stone sculptures. In: [Treasures of Tuva's Culture]. Moscow: NIITsentr, 2006. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Kay and Its Ties to Tuvan Throat-Singing]. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2008. 24 p. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. D. A. Mongush (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2000–2008. Vol. I: 'A–B', 341 p.; vol. II: 'Д, Ё, И, Ы', 388 p.; vol. III: 'К, Л', 440 p.; vol. IV: 'М, Н, О, Ъ, П', 442 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. [Etymological Dictionary of the Tuvan Language]. N. N. Shirobokova (ed.). Vol. V: 'С'. Novosibirsk: Nauka, 2018. 178 p. (In Tuv. and Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Is. 6, pp. 1212–1220, 2019
DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1212-1220
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398+ 821.512.36+82.09

Монголо-ойратское сказание «Урьдын Уланхонгор»: сохранность базовой модели эпического сюжета в разновременных записях

Евдокия Эрэндженовна Хабунова¹, Санжаа Байгалсайхан², Бамба Эрэндженовна Убушиева³

¹ ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
ORCID 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, пр. Жукова, 13330 Улан-Батор, Монголия).
доктор филологических наук, профессор
ORCID 0000-0002-4237-6765. E-mail: sbaigalsaihan@hotmail.com

³ ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова» (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
ORCID 0000-0002-4237-6765. E-mail: ubamba@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Исследование механизмов эпического сюжетосложения, выявление закономерности формирования базовой модели эпоса актуально для прояснения многих вопросов: изучения процесса сохранения или разрушения эпического текста, определения природы контаминаций, соединений в эпическом нарративе, для прогнозирования перспектив эпического творчества, национального эпоса в полилингвальной, мультикультурной среде, в условиях конкуренции фольклора с современной массовой культурой и информационными технологиями. *Цель статьи* — провести сравнительный анализ двух вариантов монголо-ойратского сказания «Урьдын Уланхонгор», зафиксированных в разное время, для выявления базовой модели эпического сюжета, позволяющей сказителям структурировать свой нарратив, усваивать и воспроизводить эпический текст по памяти. *Материалом* для исследования послужили тексты монголо-ойратского эпоса «Урьдын Уланхонгор», исполненного ойратским туульчи Ч. Баглаем в 1940 г. и опубликованного в 1968 г. в сборнике «Жангарын туульс», а также записанного спустя 79 лет у сказителя Н. Анхбайр в сомоне Наранбулаг Убснурского аймака Монголии. *Методы исследования.* В исследовании используются структурно-типологический, статистический, описательный методы, позволяющие изучить механизм структурирования эпического нарратива и закономерности эпического сюжетосложения, передать специфику национального эпоса. В процессе привлечения экспедиционного материала учитывались све-

дения, полученные в ходе «включенного наблюдения», анкетирования и интервьюирования информанта. *Результаты.* Исследование показало, что сказителями разных лет Ч. Баглаем (1940) и Н. Анхбайром (2019) использовались элементы, концентрирующиеся вокруг биографии богатыря Урьдын Уланхонгора, изображающие сходные сюжетные ситуации, связанные с военными коллизиями протагониста с антагонистами (Долдой Хюрел баатар, 16 мангасов). Появление новых вариантов одного эпоса не ломает общую структуру эпического сюжета, если он основывается на базовой модели, усвоенной от сказителя-предшественника в рамках одной (локальной, национальной) традиции.

Ключевые слова: монголоведение, фольклористика, материалы экспедиций

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-МОКНМ в рамках научного проекта «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» № 18-512-94006 а.

Для цитирования: Хабунова Е. Э., С. Байгалсайхан, Убушиева Б. Э. Монголо-ойратское сказание «Урьдын Уланхонгор»: сохранность базовой модели эпического сюжета в разновременных записях. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1212–1220. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1212-1220.

UDC 398+ 821.512.36+82.09

‘The Oirat-Mongolian Tale of Urdyn Ulanhongor’: Integrity of the Basic Epic Plot Model within Temporally Different Texts Revisited

Evdokia E. Khabunova¹, Sanzhaa Baigalsaikhan², Bamba E. Ubushieva³

¹ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
ORCID 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia (54 a, Zhukov Ave., Ulan Bator 13330, Mongolia)
Dr. Sc. (Philology), Professor
ORCID 0000-0002-4237-6765. E-mail: sbaigalsaihan@hotmail.com

³ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
ORCID 0000-0002-4237-6765. E-mail: ubamba@yandex.ru

Abstract. Introduction. The study of the mechanisms of the epic plot composition, the identification of the patterns of formation of the basic model of the epic is relevant for clarifying many issues: studying the process of preserving or destroying the epic text, determining the nature of contamination, compounds in the epic narrative, for predicting the prospects of epic creativity, the national epic in a multilingual, multicultural environment, in conditions competition of folklore with modern mass culture and information technology. *The purpose* of the article is to conduct a comparative analysis of two versions of the Mongol-Oirat legend “Urdyn Ulanhongor”, recorded at different times, to identify the basic model of the epic plot, which allows storytellers to structure their narrative, learn and reproduce the epic text from memory. *The material* for the study was the texts of the Mongol-Oirat epic “Urdyn Ulanhongor”, performed by the Oirat tuulchi C. Baglay in 1940 and published in 1968 in the collection “Zhangaryn tuuls”, as well as recorded 79 years later by the narrator N. Ankhbair in someone Naranbulag of the Ubsnur aimak of Mongolia. *Research Methods.* The study uses the techniques of various methods (structural-typological, statistical, descriptive), allowing to study the mechanism of structuring the epic narrative and the laws of the epic plot, to convey the specifics of the national epic. In the process of attracting expeditionary material, the information obtained during the “included observation”, questioning and interviewing of the informant was taken into account. *Results.* The study showed that the storytellers of different years, Ch. Baglay (1940) and N. Ankhbayr

(2019) used elements concentrating around the biography of the hero Urdyn Ulanhongor, depicting similar plot situations associated with military conflicts of the protagonist with antagonists (Dolda Hurel Baatar, 16 mangas). The emergence of new versions of one epic does not break the general structure of the epic plot if it is based on a basic model learned from the narrator of the predecessor within the framework of one (local, national) tradition.

Keywords: Mongol studies, folklore, materials of expeditions

Acknowledgment. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project number 18-512-94006a 'Epic of Mongolic Peoples: Annotated Catalogue of Traditional Motifs'.

For citation: Khabunova E. E., S. Baigalsaikhan, Ubushieva B. E. 'The Oirat-Mongolian Tale of Urdyn Ulanhongor': Integrity of the Basic Epic Plot Model within Temporally Different Texts Revisited. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1212–1220. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1212-1220.

Введение

Полевые исследования на территории Западной Монголии, проведенные калмыцкими фольклористами совместно с монгольскими исследователями (2007, 2015, 2019 гг.) показывают, что эпические сказания о Жангаре ('Жангарын туульс') звучат реже, чем другие ойратские эпосы. В экспедиции 2019 г. нашему исследовательскому коллективу (Е. Э. Хабунова, Д. Мягмарсурэн, Б. А. Шурунгова) удалось записать лишь одно из этих сказаний — «Урьдын Уланхонгор» ('Ранний [рано рожденный] Уланхонгор') [*Экспедиционные материалы 2019*]. Эпическое сказание «Урьдын Уланхонгор», при записи названное сказителем Н. Анхбайром («„Жангарын“ нег бөлөг» ('Одна глава «Жангара»')), представляет собой один из образцов эпического цикла монголо-ойратского эпоса «Жангар», отнесенного учеными, наряду с калмыцким и синьцзян-ойратским «Джангаром» (калм. *Жаңһр*), к числу основных национальных версий эпического памятника [*Биткеев 1990; Djamza To. 1997; Кичиков 1992; Кудияров 2002; Михайлов 1978; Неклюдов 1984; Овалов 2004; Пюрбеев 1993; Chao Gejin 2001; Хабунова 2006; и др.*].

Монголо-ойратский эпос «Жангар» известен в научной среде в виде 25 самостоятельных эпических сказаний, записанных большей частью в Западной Монголии и изданных под названием «Жангарын туульс» ('Эпические сказания о Жангаре') в 1968 г. и «Аянан алдарт аялган Хонгор. Жангарын туульс» ('Прославившийся в походах

своенравный Хонгор. Эпические сказания о Жангаре') — в 1977 г. [*Жангарын туульс 1968; Аянан алдарт 1977*].

Имея общие историко-генетические корни с калмыцким и синьцзян-ойратским эпосом «Джангар», монголо-ойратский «Жангар» развивался на фоне активного бытования других эпосов («Бум Эрдени», «Дайни Кюрюл», «Эргэл Тюргэл», «Хан Чингэл», «Гесер хан», «Хан Харангуй», «Заян алдар хан» и др.), популярных в ойратской среде до настоящего времени, а в последние десятилетия — в иной языковой среде, во взаимодействии с другими фольклорными жанрами, с другими традициями многочисленных монгольских этносов (баиты, дербеты, захчины, торгуты, урянхайцы, халхи и др.), сохранивших свои локальные особенности.

Цель статьи — провести сравнительный анализ двух вариантов монголо-ойратского сказания «Урьдын Уланхонгор», зафиксированных в разное время, для выявления базовой модели эпического сюжета, позволяющей сказителям структурировать свой нарратив, усваивать и воспроизводить эпический текст по памяти. Материалом для исследования послужили тексты монголо-ойратского эпоса «Урьдын Уланхонгор», исполненного ойратским *туульчи* Ч. Баглаем в 1940 г. и опубликованного в 1968 г. в сборнике «Жангарын туульс», а также записанного спустя 79 лет у сказителя Н. Анхбайра в сомоне Наранбулаг Убсурского аймака Монголии.

Основная часть

Сказание «Урьдын Уланхонгор» было исполнено сказителем-баитом Нимян Анхбайром по просьбе калмыцких и монгольских исследователей Е. Э. Хабуновой, Д. Мягмарсурэна, Б. А. Шурунговой 24 сентября 2019 г. в юрте Ядмы (его родственника по материнской линии) в сомоне Наранбулаг Убснурского аймака, то есть в северо-западной части Монголии, где это эпическое произведение было ранее записано из уст сказителя Ч. Баглая в 1940 г. (в Улангоме) и опубликовано в 1968 г. У. Загдсурэном в числе других сказаний о Жангаре [Жангарын туульс 1968].

Сказитель Н. Анхбайр поведал нам, что свой вариант эпоса «Урьдын Уланхонгор» он усвоил у своего отца Ш. Нимаа, сказителя, являвшегося одним из девяти известных ойратских *туульчи*, искусно владевшими *икел* — древним музыкальным инструментом, в сопровождении которого исполнялся ойратский эпос.

Следует отметить, что из 25 эпических сказаний, объединенных названием «Жангарын туульс» («Эпические сказания о Жангаре»), 16 повествуют о богатырских свершениях богатыря Хонгора, которому доверяется выполнение самых сложных заданий. Эпический герой, именуемый в эпических повествованиях по-разному (Хонгор, Хонгордой шар баатар, Ужихын Улан Хонгор баатар, Бужиг Улан Хонгор, Уужуухан Улан Хонгор баатар, Бужуухын Улаан Хонгор, Гунан Хонгор), везде представлен в качестве протагониста, способного противостоять антагонисту (чужеземцу, представителю иного мира, демоническим существам).

Сюжет эпоса «Урьдын Уланхонгор», записанного у сказителя Н. Анхбайра, также передает коллизию богатырских деяний с участием Хонгора.

С целью изучения устойчивости эпического сюжета, его базовой модели представляется целесообразным изучение двух вариантов одного эпоса «Урьдын Улан Хонгор», зафиксированных в одном локусе (Убснурский аймак Монголии): первого варианта (далее по тексту: УУХ: ЧБ–1940) — записанного от сказителя Ч. Баглая в 1940 г., второго варианта (далее: УУХ: НА–2019) — исполненного сказителем Н. Анхбайром 24 сентября 2019 г.

В издании 1968 г. сюжет УУХ: ЧБ–1940 аннотирован так: *Богд ноён Жангарын хөвүүн Урьдын Улаанхонгор баатар, Долдой хүрэн баатар, Эндэр хар мангасуудтай удаа дараалан байлдаж, тэднийг даран устгаад, эцэст нь Наран ханы Намчий Алтан дагиныг орон нутагтаа залж ирээд, найр хурим хийж, энх тайвнаар аж төрөн суугаг үзүүлжээ* [Жангарын туульс 1968: 184] — ‘Богатырь Урьдын Улаанхонгор, сын богдо ноёна Жангара, сражается и побеждает одного за другим Долдой Хюрэл батыра и Эндэр Хара Мангасов. Уничтожив врагов, забирает Намчий Алтан дагини, дочь Наран хана, возвращается в свою страну, устраивает свадебный пир, восходит на ханский трон и пребывает в спокойствии и блаженстве’ (здесь и далее переводы Е. Э. Хабуновой).

Попробуем развернуть данное описание сюжета (УУХ: ЧБ–1940) в полноте и последовательности элементов, образующих его повествовательную конструкцию, чтобы проследить закономерность эпического сюжетосложения и рассмотреть его сохраняемость во времени, сравнив с вариативным нарративом в записи 2019 г. (УУХ: НА–2019).

Анализ «классических текстов» в сопоставлении с полевыми фольклорными записями признан важным для изучения «устного стиля» эпоса в его реальном проявлении и функционировании [Путилов 1994: 324]. Текст ойратского эпоса «Урьдын Уланхонгор» сказителя Ч. Баглая в записи 1940 г. не претендует на совершенство, но он был записан у талантливого сказителя, творчество которого развивалось в условиях живого бытования классических эпосов, в тесном взаимодействии с традиционными сказителями *туульчи*, с возможностью слушать, запоминать эпос в устной передаче и воспроизводить услышанное по памяти.

Эпический нарратив усваивается слушателем (учеником) при его частом воспроизведении, в начале XX в. такая практика была обычной: в одном *сомоне* в одну ночь можно было услышать разных сказителей, репертуар которых включал ряд эпических сказаний.

Способные ученики запоминали репертуар своего учителя (отца, дяди) и других сказителей. Возможно, так формировался и репертуар Ч. Баглая, исполнявшего не толь-

ко песни «Жангара», но и иные ойратские эпосы — «Бум Эдэни», «Хүйтэн хөх төмөр зэв» и др. В этом контексте об эпическом нарративе Ч. Баглая (УУХ: ЧБ–1940) можно говорить как об образцовом по отношению к более поздней полевой записи этого же эпоса (УУХ: НА–2019), несмотря на стилистические и лексические неточности, видимо, допущенные при расшифровке эпического текста на ойратском наречии и его публикации в 1968 г.

Сохранность устной эпической традиции поддерживается сказителями, хранящими в памяти объемные эпические тексты, некую общую для национального эпоса и для локальной или сказительской (семейной) традиции структурно-содержательную модель (богатырь рождается, обретает коня, отправ-

ляется в путь, совершает богатырские действия, подавляет врага, возвращается домой, обеспечивает мирную и счастливую жизнь на родине), воспроизводя усвоенный эпический нарратив с разной степенью вариативности. Талантливый сказитель по-своему распределяет составные элементы «общей модели», но непременно сохраняет сюжетный остов усвоенного эпоса.

Детальный разбор одного и того же эпоса (УУХ: ЧБ–1940 и УУХ: НА–2019), записанного с разницей в 79 лет в одном локусе у разных исполнителей, но представителей одного из ойратских этносов — баитов — позволил выстроить общую модель эпоса «Урьдын Уланхонгор» и показать вариативность распределения его конструктивных элементов:

УУХ: ЧБ–1940	УУХ: НА–2019
1. Рождение богатыря от отца-сироты	Рождение богатыря (от отца-сироты)
2. Обретение коня	Стремительный рост
3. Стремительный рост	Обретение коня
	Поимка, седлание коня
	Богатырь посвящает коня в свои планы
	Решимость богатыря
4. Отправление в дорогу	Отправление в дорогу
5. Решимость богатыря	
6. Бег коня	Бег коня
7. Описание владений	Описание владений
8. Граница	Граница
	Прибытие в страну антагониста
9. Враг выступает навстречу богатырю	Враг выступает навстречу богатырю
10. Прибытие в страну антагониста	
11. Встреча	Встреча
12. Поединок	Поединок
13. Реакция природы	
14. Победа	Победа
15. Сожаления поверженного богатыря	Сожаления поверженного богатыря
16. Совет богатырского коня хозяину	Совет богатырского коня хозяину
17. Условие победителя противнику собрать кости всех убитых людей	Условие победителя противнику собрать кости всех убитых людей
	Бег коня
18. Богатырь продолжает путь в страну мангасов с целью мщения	Богатырь продолжает путь в страну мангасов с целью мщения
	Прибывает в страну мангасов
19. История преступлений мангаса, рассказанная коню	История преступлений мангаса рассказывается коню
20. Помощь рыбки	Помощь двух рыбок
21. Герой остался без ничего: одежды, коня, оружия, физических сил	
22. Старый табунщик сохранил табун	

23. Богатырь вторгается в страну мангасов	Богатырь вторгается в страну мангасов
24. 16 мангасов-братьев выступают навстречу богатырю, оспаривая, кто первым проглотит богатыря	16 мангасов-братьев выступают навстречу богатырю, оспаривая, кто первым проглотит богатыря
25. Мангасам не удается проглотить богатыря благодаря ловкости его боевого коня	Мангасам не удается проглотить богатыря благодаря ловкости его боевого коня
26. Сражение	Сражение
27. Свергает черную веру, уничтожает мангасов род	
28. Уводит с собой подданных мангаса	Уводит с собой подданных мангаса
29. Направляется в страну Наран хаана	Направляется в страну Наран хаана
	Бег коня
30. Описание страны Наран хаана	Описание страны Наран хаана
31. Женится на Намчай Алтан дагини, дочери Наран хаана	Женится на Намчай Алтан дагини, дочери Наран хаана
32. Держит в сундуке наготове железное войско из десяти тысяч вооруженных воинов	
33. Рождается сын	
	Отправляет на свою родину невесту на ее соловом коне
34. Обратный путь	Обратный путь
35. Богатырь превращает свою жену в колечко, коня превращает в перо	
36. Преодоление пути	Преодоление пути
37. Хвала родной стране и Жангару	Хвала родной стране и Жангару
38. Прибытие и обустройство кочевий невесты	Встреча свадебного каравана
39. Возведение дворца для новобрачных	Возведение дворца для новобрачных
40. Свадебный пир	Свадебный пир

Как видно из таблицы, примерный перечень элементов, образующих модель эпического повествования о богатыре Урьдын Уланхонгор, в обоих вариантах практически совпадает. В варианте УУХ: НА–2019 отсутствуют сегменты, отмеченные в УУХ: ЧБ–1940. Их детальный анализ позволит увидеть амплитуду и характер варьирования эпического нарратива:

В УУХ: ЧБ–1940 богатырь превращает свою жену в колечко, надевает его на безымянный палец, коня превращает в перо и кладет за пазуху, чтобы добраться до родителей раньше свадебного каравана: *Авсан сайхан дагиныхаа/ Гарт нэргүй билжиг хийж дүрэв/ Алтан шаргал морийг/ Өл үр-элд нь хувилгад/ Алтан сайхан хавтгандаа / Дүрж өвөрлөө* [Жангарын туульс, 1968: 121]. Отсутствие данного эпизода в УУХ: НА–2019 объясняется тем, что невеста на родину жениха отправляется на своем соловом коне вместе со всеми ее подданными.

Факт отправления свадебного каравана в дорогу без богатыря-жениха оправдывает

уместность присутствия в его составе железного войска из десяти тысяч вооруженных воинов, которые укрываются в золотом сундуке и готовы отразить нападение: *асган гардаг арван түмэн төмөр цэргийг бэлтгээд, алтан сайхан авдар хийж хадгалуулав* [Жангарын туульс 1968: 121].

В варианте УУХ: ЧБ–1940 герой, выбравшийся благодаря урагану из океана на сушу, понимает, что остался без ничего: родителей, владений, одежды, коня, оружия, физических сил. Там же говорится, что старому табунщику удалось укрыться от мангаса, угнав с собой несколько коней, впоследствии разросшихся в многочисленный табун, но не сообщается о передаче коня спасенному герою. Данный эпизод лишь имплицитно обеспечивает логическую связь двух событий: «богатырь остался без коня», «коня сохранил старый табунщик».

К числу отсутствующих в записи 2019 г. сюжетных звеньев относится сегмент религиозного толка: богатырь свергает черную веру, уничтожает мангасов род, оставляет в

живых и уводит с собой людей — последователей бурханов: *Буг мангасыг үндэстэй нь дараад / Бурхан наран үндэстэйгий нь нүүлгээд* [Жангарын туульс 1968: 118].

О рождении сына у Урьдын Уланхонгора и Намчий Алтан дагини говорится лишь одной строкой: *Энэ залсан алтан дагинаас / Аятай сайн баатар хөвүүн гарч* [Жангарын туульс 1968: 120].

Компоненты УУХ: ЧБ–1940, отсутствующие в варианте УУХ: НА–2019, компенсируются в последнем повторами таких типических мест, как «бег коня», «хвала стране и Жангару». В записи 2019 г. видны перестановки некоторых элементов, включение новых (поимка коня, посвящение коня своим планам), но они не нарушают логическую последовательность изображаемых событий, не влияют на содержательный смысл эпического повествования.

В текстовом воплощении сходных элементов двух вариантов эпического повествования заметны разночтения. Современные технические возможности, позволившие многократно прослушивать запись 2019 г., помогли обнаружить лексические неточности в публикации 1968 г. К примеру, в эпизоде заточения героя в шкуру животного в тексте Ч. Баглая (1940 г.) речь идет о некоем животном рыжей масти: *Алаг шарын арьсанд цавлад / Далайн усанд хаясан байсан билээ* [Жангарын туульс 1968: 115]. В исполнении Н. Анхбайра это животное называется *алг цар* ('пегий вол'), что больше соответствует эпическому контексту и гротескному стилю эпоса: шкура вола очень крепкая.

В тексте Н. Анхбайра варьируются отдельные формулы: преодоления пути (23-летний путь преодолевая за 23 суток, сокращая 23-суточный путь до 23 часов; останавливаясь на ночлег в хороших поселениях, отдыхая там, где вода хорошая), в тексте Ч. Баглая это сформулировано так: 13-летний путь преодолевая за 13 суток, 20-летний — за 20 суток, сокращая 13-суточный путь до 13 часов; останавливаясь на лето там, где хороший травостой и водопой. То есть, опираясь на базовую модель эпического сюжета о богатыре Урьдын Уланхонгор, сказитель Н. Анхбайр пользуется своим формульным фондом, выстраивает свою стилистику и структурирует эпический сюжет по-своему.

Предваряя свое исполнение, сказитель Н. Анхбайр подчеркнул, что он продолжает традицию сказителя Ш. Нимаа, своего отца, и воспроизводит эпос, прослушанный в исполнении отца с детства настолько часто, что запомнил его, не задаваясь целью заучить весь текст. Также он сообщил, что последовательное выстраивание эпического сюжета проходило в процессе соединения запомнившегося поэтического текста с мелодией, что удавалось не сразу.

В обоих вариантах сказания «Урьдын Уланхонгор» ряд мотивов не получил должного развития (рождение богатыря, обретение коня, поимка и седлание коня, выбор богатыря), но их фрагментарное присутствие в тексте все же транслирует важные для сюжетосложения структурно-семантические коды, свидетельствующие об исключительности и избранности юного героя: они сообщают о преждевременном появлении на свет эпического героя Урьдын Уланхонгора ('Рожденный рано Уланхонгор'), рожденного от именитого, но оставшегося сиротой отца — богдо ноёна Жангара и матери — ханши Тансаг Герел. Его богатырский гнедой конь величиной с гору — «уулын чинээ улаан хээр морь» — имплицитно передает исполинские черты протагониста и его готовность к будущим богатырским свершениям.

В описании стремительного роста богатыря Урьдын Уланхонгора отчетливо просматриваются признаки эпоса монгольских народов, воспевающего героев, нацеленных на утверждение державы и веры:

*Гунатай гурван байр эвдсэн,
Гурван ноёны тугийг өмнөө хатгасан,
Дөнөтэй дөрвөн багана эвдээд,
Дөрвөн ноёны тугийг өмнөө хатгасан,
Долоотойдоо долоон байр эвдээд,
Долоон ноёны тугийг өмнөө хатгасан*

‘В трехлетнем возрасте покорил три владения, Водрузил перед собой [своим дворцом] знамя трех ноёнов,
В четырехлетнем возрасте разрушил четыре владения, Водрузил перед собой [своим дворцом] знамя четырех ноёнов,
В семилетнем возрасте разрушил границы семи владений, Водрузил перед собой [своим дворцом] знамя семерых ноёнов’.

[Жангарын туульс 1968: 110].

Эпическая традиция может сохраняться и развиваться при наличии в народной среде «специальных знатоков эпоса», которые не ограничиваются знанием текстов и умением их пропеть, а владеют «искусством воспроизведения эпоса в его традиционных формах» [Путилов 1997: 9].

В «Урьдын Уланхонгор» в записи 2019 г. биография богатыря изложена в тех же хронологических рамках: в ней четко фиксируется время становления и физической зрелости эпического героя — когда ему было три года, четыре, семь. Семилетний возраст показан как завершающая ступень эпической биографии героя, готового отправиться в дальний путь для покорения новых земель и подчинения грозных врагов, а именно Долдой Хюрел батыра и шестнадцати мангасов.

Исследование показало, что сказителями разных лет Ч. Баглаем (1940 г.) и Н. Анхбайром (2019 г.) использовались элементы,

концентрирующиеся вокруг биографии богатыря Урьдын Уланхонгора, изображающие сходные сюжетные ситуации, связанные с военными коллизиями протагониста с антагонистами (Долдой Хюрел баатар, 16 мангасов). Появление новых вариантов одного эпоса не ломает общую структуру эпического сюжета, если он основывается на базовой модели, усвоенной от сказителя-предшественника в рамках одной (локальной, национальной) традиции.

Можно заключить, что современный исполнитель ойратского эпоса в состоянии сохранить каноническую модель эпического сюжета, бережно обращаясь с мотивно-формульным фондом эпоса, искусно вплетая его в художественную ткань эпического повествования, поскольку потеря устойчивых конструктивных элементов, цементирующих текст, в конечном счете может привести к утрате национального эпоса в его живом исполнении.

Литература и источники

- Биткеев 1990 — Биткеев Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар». Проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 154 с.
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с.
- Кудияров 2002 — Кудияров А. В. Поэтико-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 329 с.
- Михайлов 1978 — Михайлов Г. И. Предисловие // «Джангар». Калмыцкий героический эпос. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 51–62.
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 309 с.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 183 с.
- Путилов 1994 — Путилов Б. Н. Послесловие // Лорд А. Б. Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. С. 323–342.
- Путилов 1997 — Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 295 с.

- Пюрбеев 1993 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
- Хабунова 2006 — Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, Южный федеральный университет, 2006. 255 с.
- Экспедиционные материалы 2019 — Экспедиционные материалы, записанные 24 сентября 2019 г. у сказителя-баита Нимьян Анхбайра в сомоне Наранбулаг Убсурского аймака Монголии Е. Э. Хабуновой, Б. А. Шурунговой, Д. Мягмарсуреном.
- Аянан алдарт 1977 — Аянан алдарт аялган Хонгор. БНМАУ-аас сурвалжлан бичсэн Жангарын туульс Аман зохиол судлал. XI боть / Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдүрэн (=Песнь о прославленном Хонгоре. Эпос «Джангар», записанный в МНР / сост., автор предисл. и примеч. У. Загдсүрэн. Исследования фольклора. Т.11). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 234 с.
- Жангарын туульс 1968 — Жангарын туульс / Удиртгал ба тайлбар сэлт үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн У. Загдсүрэн (= Эпос «Жангар» / сост., автор предисл. и примеч. У. Загд-

- сурэн). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1968. 196 с.
- Chao Gejin 2001 — *Chao Gejin*. The Oirat Epic Cycle Jangar // Oral Tradition. Chinese Oral Traditions. Slavika. Vol. 16. № 2. 2001. Pp. 402–436.
- Djamza To 1997 — *Djamza To*. Tuuli «Jangar» iйн учир (= Значение эпоса «Джангар»). Urumchi. 1997. 515 p.
- References and Sources**
- [Song of Glorious Khongor. The *Jangar* Epic: Version Recorded in the Mongolian People's Republic]. U. Zagdsuren (comp., foreword, etc.). Ser. 'Folklore Studies', vol.11. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1977. 234 p. (In Mong.)
- [The *Jangar* Epic]. U. Zagdsuren (comp., foreword, etc.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1968. 196 p. (In Mong)
- Bitkeev N. Ts. [Kalmyk Heroic Epic of *Jangar*: Typology of Ethnic Versions]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 154 p. (In Russ.)
- Chao Gejin. The Oirat epic cycle Jangar. *Oral Tradition. Chinese Oral Traditions. Slavika*. 2001. Vol. 16. No. 2. Pp. 402–436. (In Eng.)
- Djamza To. [The Tale of *Jangar*]. Urumqi, 1997. 515 p. (In Mong.)
- Expedition materials recorded by E. Khabunova et al. from Bayat taleteller N. Ankhbayar (Naranbulag Sum, Uvs Province, Mongolia; September 24, 2019). (In Mong.)
- Khabunova E. E. [The Heroic Epic of *Jangar*: Poetic Constants of the Hero's Life Cycle (a Comparative Study of Ethnic Versions)]. Rostov-on-Don: North Caucasus University Center, 2006. 255 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [The Heroic Epic of *Jangar*: a Comparative and Typological Study of the Monument]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Kudiyarov A. V. [Epic Traditions of Siberian Turko-Mongols: Poetic and Stylistic Features]. Moscow: Institute of World Literature of RAS, 2002. 329 p. (In Russ.)
- Mikhailov G. I. Foreword. In: [The *Jangar*: Kalmyk Heroic Epic]. Moscow, 1978. Pp. 51–62. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. [The Heroic Epic of Mongolic Peoples]. Moscow: Nauka, 1984. 309 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. [The Epic of Mongolic Peoples: Typology of Motifs and Plots (a Comparative and Typological Study)]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 183 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. [Epic Tale-Telling Traditions: Typology and Specific Ethnic Features]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 295 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. Afterword. In: Lord A. B. [The Taleteller]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. Pp. 323–342. (In Russ.)
- Pyurbayev G. Ts. [The *Jangar* Epic: Culture and Language]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Is. 6, pp. 1220–1231, 2019
 DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.2

Кошка в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока

Алексей Алексеевич Бурыкин¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 ORCID: 0000-0002-9119-2698. E-mail: albury@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Статья рассматривает материал о кошке в культуре калмыков и других монголоязычных народов. Вопреки ожиданиям, связанным с культурой номадов, в новых материалах по калмыцкому фольклору кошка представлена в калмыцком фольклоре в значительном объеме разнообразных примеров. Кошка, спасенная от смерти купившим ее новым хозяином, вместе с собакой становится его помощником. Аналогичный сюжет встречается у бурят и у корейцев, у которых встречается много мотивов, связанных с кошкой и сходных с мотивами у калмыков, монголов и бурят. Важно, что кошка выступает как охранитель буддийских рукописей и хурулов, возможно, что распространение кошек в Центральной Азии и странах Дальнего Востока связано с распространением буддизма и по событиям, и по времени. *Цель.* В связи с большим объемом нового материала о кошке в фольклоре калмыков появилась необходимость осветить этнографические материалы о характеристике отношения к кошке у калмыков, выявить параллели к рассказам и сказкам о кошке у калмыков, выявить единство культурного компонента в рассказах о кошке у калмыков, бурят, монголов, китайцев и корейцев, оценить степень сходства сравниваемых текстов, определить самостоятельность этнографически значимых элементов в сравниваемых текстах, отграничить характеристики реалий от чисто сюжетных фольклорных элементов. *Результаты.* Отмечена связь некоторых представлений, связанных с кошкой, в виде их реализации в фольклоре и повседневного отношения к кошке в быту калмыков в 1920–1930-е годы по этнографическим источникам. Прослежена распространенность отдельных сюжетов, в которых присутствуют кошка и собака, среди монголоязычных народов с их аналогиями во Внутренней Монголии, Китае и Корее, при этом оказывается, что в фольклоре корейцев культ кошек представлен наиболее выразительно и связан с культом тигра (кошки — потомки брачного союза человека и тигрицы). Распространение кошек связывается с отменой традиции убивать стариков. Распространение кошек по фольклорным рассказам калмыков, корейцев и тувинцев связывается с необходимостью заводить кошек в буддийских монастырях для того, чтобы кошки охраняли буддийские рукописи от мышей, таким образом, распространение кошек среди народов Центральной Азии и Дальнего Востока связывается по времени с распространением буддийского вероучения в этом регионе. В то же время культурные составляющие, связанные с отношением к кошке, у буддистов не связаны с почтительным отношением к кошке в исламе, соотношенным с личностью Пророка Мухаммеда.

Ключевые слова: фольклор, кошки, тигр, монголы, калмыки, японцы, китайцы, сказка, буддизм, рукописи

Благодарности. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бuryкин А. А. Кошка в фольклоре калмыков и других монголоязычных народов. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1221–1231. 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231.

UDC 398.2

The Cat in Folklore Traditions of the Kalmyks, Other Mongolic and Far Eastern Peoples

*Aleksey A. Burykin*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation). Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History), Leading Research Associate.
ORCID: 0000-0002-9119-2698. E-mail: albury@mail.ru

Abstract. Introduction. The article observes the material about cat in the culture of Kalmyks and other Mongol-speaking peoples. Contrary to expectations associated with the nomadic culture, in new materials on Kalmyk folklore, the cat is represented in Kalmyk folklore in a significant number of various examples. The cat, saved from death by the new owner who bought it, together with the dog becomes his assistant. A similar story is found among the Buryats and Koreans, who have many motifs related to the cat and similar to those of Kalmyks, Mongols and Buryats. It is important that the cat acts as a guardian of Buddhist manuscripts and khuruls, it is possible that the distribution of cats in Central Asia and the countries of the Far East is associated with the spread of Buddhism both in events and in time. **Goal.** In connection with the large amount of new material about the cat in Kalmyk folklore, it became necessary to clarify ethnographic materials on the characteristics of the Kalmyks attitude to the cat, to identify parallels to the stories and tales about the cat among Kalmyks, to reveal the unity of the cultural component in the stories about the cat among Kalmyks, Buryats, Mongols, Chinese and Koreans, to assess the degree of similarity of the compared texts, to determine the independence of ethnographically significant elements in the compared texts, to distinguish the characteristics of realia from purely narrative folkloric detail. **Results.** The connection of some notions related to the cat in the form of their implementation in folklore and everyday attitudes to the cat in the life of Kalmyks in the 1920s–1930s according to ethnographic sources is noted. The prevalence of individual plots in which a cat and a dog are present is traced among the Mongolian peoples with their analogies in Inner Mongolia, China and Korea, and it turns out that in the folklore of Koreans, the cat cult is presented in the most eloquent way and is associated with the tiger cult (cats are thought to be descendants of the mating union of a man and a tigress). The spread of cats is associated with the abolition of the tradition of killing old people. The proliferation of cats in the folklore stories of Kalmyks, Koreans and Tuvans is associated with the need to get cats in Buddhist monasteries so that cats protect Buddhist manuscripts from mice, this way distribution of cats among the peoples of Central Asia and the Far East is associated in time with the spread of Buddhist religious doctrine in this region. At the same time, the cultural components related to the attitude to the cat among Buddhists are not related to the respectful attitude to the cat in Islam, correlated with the personality of the Prophet Muhammad.

Keywords: folklore, cats, tiger, Mongols, Kalmyks, Japanese, Chinese, Koreans, fairy tale, Buddhism, manuscripts

Acknowledgements: Research was performed within a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (State Reg. No. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Burykin A. A. The Cat in Folklore Traditions of the Kalmyks, Other Mongolic and Far Eastern Peoples. *Oriental Studies*. 2019;(6): 1221–1231. 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1221-1231.

Введение

До недавнего времени было принято считать, что кошка — животное, чуждое калмыцкой культуре. Мы не обнаруживаем прямых доказательств этому тезису, в то время как материалов, находящихся в прямом противоречии с таким утверждением, вполне достаточно. Знаток калмыцкой культуры У. Д. Душан писал: «Кошка считается собакой бога и гелюнгом животных. Существует поверье, что там, где есть кошка, должно быть несчастье с детьми, ибо кошка всегда желает, чтобы кроме нее не было никого, кого можно ласкать. Точно так же калмыки говорят, что кошка — самое благородное животное, ибо когда она ест, ни на кого не обращает внимания, даже не смотрит на того человека, который кормит её, а всегда закрывает глаза во время еды. Считается величайшим грехом бить кошек, особенно убивать их. Если кошка умывает лицо, то это примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских» [Душан 2016: 212–213] (См. о нем: [Бурыкин, Музраева 2018: 38–57]). Наблюдение о том, что кошка закрывает глаза во время еды, представлено в одном из рассказов о кошке (см. ниже), что свидетельствует о его распространенности среди калмыков, а это, в свою очередь, говорит о хорошем знакомстве калмыков с кошкой как домашним животным.

Фольклор калмыков также до поры до времени не давал материалов, говорящих о какой-либо роли кошки в культуре калмыков. Однако появление томов Свода калмыцкого фольклора и ранее — выпусков 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» позволяет полностью пересмотреть статус кошки как домашнего животного калмыков и ее роль в фольклоре калмыков и других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока. В вышедших томах Свода калмыцкого фольклора присутствуют сюжеты с кошками. Можно начать с восхваления-магтала кошкам:

С самых давних пор кошка сопровождает человека. Это — животное, всегда сопровождавшее человека. Когда калмыки стали носить, как и русские, меховые шубы, [мыши] стали грызть их. Тогда кошка стала ловить мышей. Калмыки с любовью от-

носились к кошке, считая ее животным, помогающим сохранить в целостности одежду. Относясь к кошке с любовью, калмыки сочинили такой магтал:

*«С носом, как у человека,
С шеей, как у хорька,
С хребтом, как у барсука,
С хвостом, как у змеи,
С ушами, как у волка,
С сердцем, словно камень,
С усами, как крылья у ласточки,
С хваткой, как у ястреба.
С лапками, словно творожные лепёшки,
Как у совы,
С длинными когтями.*

[Мифы, легенды ... 2017, № 75: 143–145].

Приведенный текст магтала очень сходен с образцами калмыцких стихотворных примет-шинж, характеризующих животных [Борджанова, Бурыкин 1998: 82–88], среди которых есть и характеристика кошки. Вероятно, стихотворная примета кошки превратилась в магтал в силу особой привязанности людей к этому животному.

Для характеристики отношения к кошке и собаке у калмыков привлекает внимание сюжет «Кошка и собака» [НА КалмНЦ РАН. Инф. Л. Адудов, запись Э. Б. Овалова], где кошка и собака заменяют членов семьи бездетным старикам. В текст этой сказки включен вариант, представленный ниже [Мифы, легенды ... 2017: № 52].

Наиболее распространенные сказочные сюжеты о кошке у калмыков — это этиологические рассказы о вражде кошки и собаки. Вот один из вариантов такой сказки:

«Кошка и собака, желая помочь своему хозяину, отправились на поиски кошелька. Найдя колешек, кошка пошла с ним домой, а собака прилегла на берегу реки и уснула. Кошка принесла кошелек домой и отдала старику со старухой. Когда обрадованные старик и старуха, забрав кошелек, уселись поест, явилась собака. Получилось так, что кошка исполнила [задуманное], а собака — не исполнила.

Поэтому исполнившая [задуманное] кошка живет в доме, а собака, так как заснула, живет на улице» [Мифы, легенды ... 2017: № 52].

Иногда этот антагонизм подается в очень мягком виде, что видно на примере сказки «О кошке и собаке»:

«Кошка живет в доме, а собака — на улице. [Однажды] собака спросила у кошки:

— Дали [тебе] еду?

— Дали.

— Кто дал еду? — спросила собака.

— Кто дал — не знаю. Я с закрытыми глазами ем, — ответила [кошка] [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125].

Там, где кошка входит в ряд героев-животных, она лает по-собачьи и обманывает мышь, мыши считают кошку самым сильным зверем [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125].

Антагонизм собаки и кошки присутствует как мотив и в других сказках. Приведем мотив из сказки «Манжик-Зарлик и его работник»:

«Как-то под вечер работник на тулге (тагане) готовил ужин. Подошла ханская кошка и стала куски махана (мяса) выпрашивать.

— Что, у хана мало лопаешь? Хочешь и здесь все сожрать? — проворчала черная собака.

— А ты скупись даже на объедки? — ответила кошка. — Будешь мне мешать, обернусь ядовитой змеею и укушу твоего хозяина.

— Если не уйдешь отсюда, я скажу Хара-Кевюну, что твоя желчь может вылечить дочь Бурул-хана, — огрызнулся черный пес.

Работник услышал разговор ханской кошки с черной собакой, поймал кошку и вытащил желчь. Во время ужина Манжик-Зарлик стал рассказывать Хара-Кевюну о болезни дочери хана.

— В таком большом нутуке не нашлось человека, который мог бы ее от недуга излечить?! Я и то мог бы ханскую дочь вылечить! — сказал Хара-Кевюн.

Из желчи кошки герой готовит лекарство для ханской дочери, та выздоравливает, герой женится на ней» [ЗВОРАО 1889: 307–346].

В калмыцкой сказке «Кошка и собака» юноша на все заработанные деньги выкупает кошку и собаку, от которых хотят избавиться хозяева, потому что животные состарились, а также змею, которую ребята хотят убить. Змея дарит ему волшебный камень, который крадет у него ханская дочь, вышедшая за героя замуж; кошка и собака находят своего хозяина, возвращают ему камень,

юноша находит себе достойную невесту [Алтин чеежтэ келмрч 2010: 125]. У калмыков данный сюжет не единичен, имеется сказка со сходной сюжетной основой «Волшебный камень» [Калмыцкие народные сказки 1978: 114–119; Хальмг туульс 1961: 201–203], что свидетельствует о высокой степени аккультурированности кошки среди носителей фольклорной традиции, даже если эти сюжеты могут быть заимствованными у каких-то центральноазиатских соседей. В самом деле, незнакомое животное вряд ли могло обрести статус волшебного помощника в сказке с таким сюжетом. Исследовательница Осорин Утнасун провела сравнительный анализ вариантов «Легенды о кошке и собаке», бытовавших во Внутренней Монголии, Южной Монголии и в Калмыкии. В дунсянских легендах собака и кошка возвращают хозяину украденное кольцо, становятся спасителями рода людского, сохранив им средство для пропитания.

В калмыцкой версии данной легенды мальчик покупает животных у старика, пытавшегося избавиться от них, и тем самым спасает жизнь этим животным, которые отплачивают ему добром [Утнасун 2015: 201]. Такие же сказки есть у алтайских тувинцев [Тайбе 1994: 210–216, 216–224] и у других народов Центральной Азии [Тайбе 1994: 330].

Рассмотрим тувинскую сказку «Старик Эндз Дендз, или Юноша с собакой, кошкой и рыбой»:

«Давным-давно жил на свете Эндз Дендз, старик. Был у него только один сын и шесть кошелей, полных золота. Однажды он дал своему сыну один из этих кошелей и сказал:

— Пойди и истрать это на покупки, сын мой!»

Юноша покупает сушеную рыбу, кошку и собаку, дав за каждую по кошельку золота, — родители прогоняют его. Он уходит в чужую страну, его призывает к себе Лузут-хан, поскольку юноша спас его дочь в виде рыбы. Юноша в награду просит ларец, кошка и собака помогают юноше сохранить его у себя:

«А когда проснулся, опять увидел вокруг алые храмы, город и людей, и все это было залито ярким светом. На пастбищах пасся в изобилии всякий скот, и вокруг шу-

мело, как некогда, ядовитое море. Так юноша опять стал Солнечным ханом!» [Тайбе 1994: 210–216].

Эта тувинская сказка сохраняет экспозицию сюжета, знакомую нам по калмыцкой сказке, но в важных деталях отличается от нее. В ней герой покупает животных не на последние деньги семьи, а тратя на каждое целый кошелек с золотом, хотя именно счетом кошельков определяется не слишком большое достояние семьи. Далее, начиная с эпизода с отпущенной рыбой, сказка превращается в волшебную сказку, в которой искомый предмет — уже не кошелек старика, а красный ларец с чудесами — не только обретается, но и пропадает, и кошка просит мышей помочь ей, чтобы отобрать его у старика. Наконец, финал сказки, в котором герой становится солнечным ханом, является диссонансом по сравнению с известными вариантами сказок за пределами тувинского Урянхая. Интересно, что в вариантах тувинских сказок с этим сюжетом герой сначала покупает рыбу, а потом кошку и собаку, и это понятно: оживающая рыбка потом и становится источником чудес, составляющих продолжение приключений героя — собака помогает персонажам преодолеть море, а кошка побуждает мышей прийти героям на помощь и завладеть чудесным красным ларцом.

Вариантом этой же сказки является сказка «Аржу Буржу Хаан» [Тайбе 1994: 216–224], содержащая мифологическую экспозицию в песенной форме. Это повествование осложнено мотивом чудесного рождения сына у старухи на пятьдесят пятом году жизни, рыбка, спасенная героем — не дочь, а сын хана, вместо старика с амбивалентными функциями — помощник-советчик и похититель — в этом варианте фигурирует старуха, которая лишается глаз (их выпарала кошка), в финале сказки все вокруг исчезает, остаются только герой и спасенная им дочь Лузут-хана.

Параллелью к рассматриваемым сказкам является китайская сказка: «Как собака с кошкой враждовать стали». Вот ее текст:

«Жил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили звери, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой

дом стерегут, чужого близко не подпускают. Пуще сокровища берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Далее согласно сюжету старик идет в горы косить траву, спасает змейку, та оставляет ему свой хвост, из которого сыплются деньги. Бродячий торговец крадет шкатулку со змеиным хвостом, кошка и собака отправляются искать пропажу; переправляются через реку (в тувинской сказке — через море), кошка с помощью мышей добывает шкатулку, кошка роняет шкатулку в реку, ее достает собака, животные приносят ее хозяевам, но все заслуги достаются кошке — из-за этого кошка и собака не любят друг друга [Китайские народные сказки 1972: 39–42].

Китайская сказка, приведенная выше, отличается от тех сказок, которые были рассмотрены ранее, многими особенностями. Прежде всего, в ней отсутствует уже привычный персонаж — сын старика и старухи, главным антропоморфным героем сказки оказывается старик, которому змея дарит источник богатства. В тувинских сказках, во-первых, действие перенесено в сферу владельцев высших сословий, хотя бы Лузут-хан и является ханом стихии, во-вторых, оно осложнено и по-своему возвышено локусами действия — это храмы и подземный ход, вырытый мышами. В китайской сказке, что сближает ее с бытовыми сказками, герои представляют невысокие социальные слои — не выше торговца-жениха. Преградой для собаки и кошки, как и в ряде сюжетных вариантов, является не ядовитое море, а река. Наконец, если у тувинцев в вариантах сказки присутствует идиллия в отношениях между героями, то китайская сказка возвращает нас к объяснению появления вражды между собакой и кошкой, инициатором которой оказывается кошка, обманувшая собаку и своих хозяев.

Имеющиеся исследования китайских сказок [Репнякова 2001] не позволяют считать сказки о кошках пришедшими к монголам из Китая, так как кошка не входит в число животных, часто встречающихся в китайских сказках.

Казахская сказка «Почему собака и кошка враждуют» предельно близка калмыцкой сказке с тем же сюжетом [Почему собака и

кошка ...]. Аналогичная сказка есть у корейцев («Как собака с кошкой врагами стали») с несколько другим осложнением сюжета [Феи ... 1991: 47].

Очень существенно, что сказка («Золотой перстень») с аналогичным сюжетом — юноша спасает кошку, собаку и львенка (тигрёнка), потом становится жертвой коварной жены, и его друзья-животные помогают ему — есть и у бурят [Золотой перстень]. В другой бурятской сказке с таким же сюжетом «Бедный Боролзой» кот выступает как антагонист животных, помогающих герою [Бурятские волшебные сказки 1993: 231–248].

Мотив кошки-стражника сокровища есть в сборнике «Волшебный мертвец», в сказке «Сын брахмана, ставший царем» [Волшебный мертвец 1958: 81–87].

Очень трогателен сюжет калмыцкой сказки «Пока не увидишь воды — не снимай сапоги». Мать ребенка видит кошку с окровавленным ртом, думает, что она съела ребенка, убивает кошку: оказывается, что кошка загрызла змею, угрожавшую ребенку. «Так произошла пословица: „Пока не увидишь воды — не снимай сапоги“» [Мифы, легенды 2017: № 91].

Таким образом, кошка может быть таким же защитником людей, каким традиционно выступает собака.

Примечательна калмыцкая сказка «Об одном повелении хана», в которой представлен сюжет о прекращении обычая убивать стариков. В ней повествуется о том, что огромная мышь грызла молитвенники, старик посоветовал сыну привезти из русских краев животное, называемое кошкой. Привезенная кошка съедает мышь, и гелюрги возвращаются в хурул. Когда хан спросил, кто запустил кошку в хурул, юноша рассказал про совет отца. «С той поры в том нутке перестали убивать старых людей. Все люди стали прислушиваться к мудрым советам стариков, стали уважительно относиться к ним. С тех времен калмыки почитают кошку за то, что она оказала им такую услугу. У кошки на ушах есть печати Манджушири в виде насечек. Поэтому старые люди говорят, что бить кошку по голове нельзя — это грех» [информант — Б. Г. Гедеев, запись Д. Б. Гедеевой]¹.

¹ Выражаю благодарность кандидату филологических наук Д. Б. Гедеевой за предоставленную запись.

Похожий сюжет, эксплицирующий покровительственное отношение к кошке, встречается и среди корейских сказок. Вот аналогичный текст «Как появились мыши, и с каких пор перестали убивать стариков»:

«Прежде стариков, когда они достигали шестидесяти лет, убивали. Один сын очень любил своего отца и, когда ему минуло шестьдесят лет, спрятал его в подполье, куда и носил ему пищу.

Однажды на дворец богдыхана напали какие-то страшные звери, величиною с корову, серые, с узкими, длинными мордами, с длинными тонкими хвостами. Все потеряли голову и не знали, что делать.

Тогда старик-отец сказал:

— Надо найти восьмифунтовую кошку.

Нашли кошку в семь с половиной фунтов.

— Кормите ее, — сказал старик, — пока она не вытянет восемь фунтов ровно.

Когда кошка вытянула восемь фунтов, ее выпустили на зверей.

И вот что случилось.

Увидев ее, звери стали уменьшаться, пока не превратились в обыкновенных мышей, которых и ловят с тех пор обыкновенные кошки.

Когда император узнал, кто выручил всех из беды, то разрешил с тех пор старикам жить столько, сколько они хотят.

Так появились мыши на свете, виновники того, что стариков не убивают больше» [Гарин-Михайловский 1898: № 29].

Эти повествования, в особенности в связи друг с другом, привлекают внимание по той причине, что присутствие в них кошки делает их самостоятельными в ряду образцов сюжета о защите стариков, придуманного и распространяемого, безусловно, самими стариками для сохранения собственных интересов. Интересный прием этих сказок — плавающая гипербола, благодаря которой враждебные звери уменьшаются в размерах, а кошка дорастает до нужного веса, причем эти превращения осуществляются как бы без видимых причин.

Кошка присутствует в калмыцкой кулмативной (докучной)² сказке «Злая ворона» среди других персонажей-животных, что само по себе показательное, поскольку

² О них см.: [Носов 2011; Басангова, Манджиева 2011].

сказки этого типа представляли собой своеобразный устный учебник родного языка и пособие для знакомства маленьких детей с окружающим миром [Шарина, Бурыкин 2017: 271–276]. К такому же типу относится сказка «Воробей». В таком же ряду персонажей кошка представлена в монгольской сказке «Волшебный колокольчик» [Волшебный колокольчик]. Такие же докучные сказки с цепочками эпизодов, где присутствует и кошка, есть у корейцев («Безропотный поросенок», «Зернышко проса») [Феи ... 1991: 300–302, 210–212].

В корейском фольклоре есть повествование («Кошки»), наиболее поэтично рассказывающее о появлении кошек. Согласно ему, кошки — это дети от союза человека и тигрицы, но не рожденные, а извлеченные из тела убитой матери [Феи ... 1991: 121–125]. Много становится понятным, если принимать во внимание то, что кошки понимаются как родственники человека и его дети.

В культуре народов Востока кошка оказывается связанной с буддизмом, точнее с его распространением и сохранением предметов буддийского культа. Исследовательница кошки как культурного феномена пишет: «В Японию первые домашние кошки попали в VI в. н. э. из Китая, одновременно с буддизмом. Один монах секты тендаи вез из Китая в Японию на корабле множество буддийских рукописей. Для защиты драгоценного груза от мышей и крыс он взял с собой кошку — и книги в неприкосновенности прибыли в Японию. Шерсть этого зверька была желтоватого окраса, и поэтому (а также потому, что кошка уберегла святыне реликвии) она вошла в историю и в литературу как „золотая кошка“. В Японии кошки применялись сначала для охраны библиотек. Во всех монастырях их держали, чтобы стеречь книги и рукописи от грызунов» [Утюпина 2010: 30]. Желтоватый окрас кошки для буддистов — уже само по себе основание для того, чтобы почитать ее как священное животное. Есть основания думать, что распространение кошек в странах дальнего Востока и было связано с необходимостью охраны рукописей в монастырских библиотеках.

«Во время правления императора Ихийо (986–1011) в текстах „О-у-ку“ и „Маку-ра-но-сози“ сообщается, что император

получил в подарок из Китая двух молодых кошек. За ними ухаживали как за царскими особами: подавали еду на золотых блюдечках, они спали на шелковых подушках. В документах зафиксировано, что на 19-й день 9-го месяца 999 года у кошек родилось пять котят. К ним была приставлена нянька, которая ухаживала за ними» [Утюпина 2010: 30]. Весьма вероятно, что такая же практика охранять рукописи и ксилографы от мышей существовала и на континенте. На это косвенно указывает калмыцкий миф «Будда и кошка», на который обратила внимание Т. Г. Басангова [Басангова 2019: 56].

В «Мифах, легендах и преданиях калмыков» сюжет под номером 103 «Бурхан и кошка» повествует:

«Однажды, когда мышь грызла книгу с учением Бурхана Багши, ее поймала [и съела] кошка. Бурхан Багши погладил ее по спине. С тех пор кошка, с какой бы высоты она ни падала, приземляется не на спину, а на четыре лапки» [Мифы, легенды... 2017, № 103: 203].

Столь же значим калмыцкий мифологический сюжет «Почему мышь стала жить в норке»:

Давно, когда только появились хурулы и монахи, в одном хуруле наставники и зурхачи создавали новые священные книги, но их на мелкие кусочки изгрызали мыши. Тогда старый гелюнг подумал: «Сколько можно терпеть такое от мышей!». Он вырвал из своих усов один волосок и, сказав: «Пусть у бурхана она будет собакой!» — сотворил кошку.

Кошка в одну из ночей собрала мышей и сказала: «Меня назначили вашим наставником. С сегодняшнего дня каждый вечер до единого должны осваивать учение». Мыши согласились и прозанимались в первый вечер, во второй и третий — тоже. Кошка по одному поедала своих учеников. Хан мышей, заподозрив неладное, сказал: «Братья, удивительное дело, нас становится всё меньше, а в испражнениях учителя заметна шерсть. Так от нас ничего не останется. Копайте каждый себе норку, под землей будем жить». С той поры мыши стали жить под землей, а кошка стала прикапывать свои испражнения [Мифы, предания... 2017, № 33, ср. также № 33].

В этом рассказе смещена точка зрения повествователя: в нем во второй части

мышь начинают играть активную роль — это явное развитие сюжета об охране кошкой священных рукописей в сторону персонажей-антагонистов.

Похоже, что структурным источником этого рассказа является тувинская сказка «Кот-наставник»:

«Жил когда-то лама. В его монастыре завелись мыши. Они не только припасы ели, но стали даже подтачивать столбы монастыря. Тогда он пригласил к себе кота. Когда кот пришел, лама созвал всех мышей на хурал и сказал:

— Этот кот будет вашим учителем, наставником. Каждый вечер он будет читать вам судур. Вы все должны ему подчиняться.

Мыши испугались и согласились.

И вот каждый вечер стали они собираться у кота и слушать судур. Когда они расходились, кот ловил последнюю мышь и съедал. С каждым днем мышей становилось все меньше и меньше. Они заметили это. Одна говорит:

— Что это такое? Как начал кот нас учить, нас все меньше и меньше! Куда деваются мыши?

— Может быть, кот мышей поедает? — спросила другая.

— Не может быть, ведь он — наш учитель! — возразила третья.

— Давайте проверим, — сказала четвертая мышь. — Надо украсть у ламы бубенчик и привязать его к хвосту кота.

На другой вечер мыши пришли к коту с бубенчиком. И незаметно привязали его к хвосту своего учителя. После чтения молитв мыши пошли домой. Но за дверьми они не разбежались, а остановились и стали слушать. Сразу же раздался звон бубенчика. Мыши вернулись и увидели, что их сестру, которая выходила последней, кот держал в лапах. Не успели мыши и ахнуть, как кот ее сожрал.

— Вот видите, — сказала старшая мышь, — Это не учитель, это — мангыс. Надо отсюда бежать!

И мыши разбежались в разные стороны. С тех пор они остерегаются кошек» [Тувинские народные сказки 1971: 193].

Эта сказка интересна тем, что в ней герой-лама заводит у себя в монастыре кота специально для охраны рукописей. Кто из них придумывает проповеди для мышей — остается непонятным, да это и не столь важ-

но: важно, что кот исполняет свою службу в монастыре, истребляя мышей. Впрочем, у калмыков есть упоминание в одном из сказочных сюжетов о том, как кошка стала защищать от мышей меховую одежду своих хозяев (о чем сказано выше) [Мифы, предания... 2017, № 75: 142–143].

Очень близкая параллель к тувинской сказке содержится в «Монгольском сборнике рассказов из Панчатантры», изданном Б. Я. Владимирцовым. Текст с названием «Мыши и кот-наставник» имеет одно отличие от тувинской сказки: прежде чем стать мышинным проповедником, кот сам попадает на краже провизии у ламы и теряет хвост; в этом же тексте мыши обнаруживают в кале у кошки кости и волосы мышей, с тех пор кошка скрывает свой кал [Владимирцов 1921: 126–128; Донгак 2004: 83–86].

С буддийским культом связаны и следующие эпизоды монгольской сказки «Золотой арабский пояс»:

Кошка хочет съесть попугая, от которого пытался избавиться хан: попугай дает кошке совет, как заставить служителей храма приносить в храм мясо, служители приносят мясо в храм к статуе Будды, кошка всегда сыта [Скородумова 2003: 95–96].

В этом сюжете, пусть и в экзотической форме, отражается почитание кошки: если бы кошка не была почитаемым животным, повествование не поместило бы ее в храм и не сделало бы ее постоянным обитателем.

О. В. Утюпина, обратившаяся впервые к образу кошки и ее месту в истории культуры, замечает: «... во многих сказках отразилось отношение разных народов мира к этому животному. В одних — это хороший, добрый кот (или кошка), в других — злобное маленькое существо, часто связанное с потусторонними силами» [Утюпина 2010: 61].

В калмыцких и монгольских сказках злые кошки отсутствуют, даже если они выступают в роли помощников — антагонистов героя. Впрочем, и сам автор исследования о кошках замечает: «В сказках нет ни одного случая, когда кошка была бы исключительно отрицательным персонажем» [Утюпина 2010: 67]. Лучшее обоснование положительного статуса кошки в сказках народов Центральной Азии и Дальнего Востока — ее связь с буддийской религией. Показательно, что отношение к кошке у

буддистов лишь внешне сходно с почитанием кошки в исламе, выраженном в отношении пророка Мухаммеда к кошке, благодаря чему кошка — единственное животное, которому разрешен вход в мечеть: у буддистов корни почтительного отношения к кошке восходят к какой-то иной культурной традиции.

Выводы

Наше исследование показывает, что кошка не только не является чуждым эле-

ментом в культуре кочевников-калмыков, она выступает как защитник и помощник людей, а те процессы культурных влияний, которые мы знаем по событиям истории Центральной и Южной Азии и Дальнего Востока, свидетельствуют не только о распространении фольклорных сюжетов и культурных образов и представлений, связанных с кошкой, но и о постепенном вхождении кошки в мир и культуру этих народов.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Информант Л. Адудов, запись Э. Б. Овалова.

Литература

- Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 х.
- Басангова 2019 — Басангова Т. Г. Кот / кошка в калмыцком фольклоре // *Mongolica*. 2019. Т. XXII. № 1. С. 55–57.
- Басангова, Манджиева 2011 — Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 177–181.
- Борджанова, Бурыкин 1998 — Борджанова Т. Г., Бурыкин А. А. Калмыцкие стихотворения-приметы «шинж» и их параллели в фольклоре народов Сибири // Филологический сборник. Памяти В. Ц. Найдакова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 82–88.
- Бурыкин, Музраева 2018 — Бурыкин А. А., Музраева Д. Н. Калмыцкая фольклористика и этнография по трудам У. Д. Душана // Монголоведение (Монгол судлал). 2018. № 13. С. 38–57.
- Бурятские волшебные сказки 1993 — Бурятские волшебные сказки / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Новосибирск: ВО «Наука»; Сибирская издат. фирма, 1993. 341 с.
- Владимирцов 1921 — Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Панчатантры. Пг.: Академ. Тип., 1921. 164 с.
- Волшебный колокольчик — Монгольская народная сказка. Сказки Монголии [электрон-

- ный ресурс] // Сказки. Рассказы. Стихи. URL: <https://skazkibasni.com/volshkolokol> (дата обращения: 27.10.2019).
- Волшебный мертвец 1958 — Волшебный мертвец / перевод Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 160 с.
- Гарин-Михайловский 1957 — Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1957. 647 с.
- Донгак 2004 — Донгак А. С. Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции: дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2004. 164 с.
- Душан 2016 — Душан У. Избранные труды / сост.: Батыров В. В., Шареева Т. И. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- ЗВОРАО 1889 — Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1889. С. 307–346.
- Золотой перстень — Золотой перстень / Бурятские сказки [электронный ресурс] // Ларец сказок. URL: <https://burjatskie-skazki.larec-skazok.ru/zolotoj-persten> (дата обращения: 28.10.2019).
- Калмыцкие народные сказки 1978 — Калмыцкие народные сказки / пер. с калмыцкого. Переизд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 146 с.
- Китайские народные сказки 1972 — Китайские народные сказки / сост. Б. Рифтин. М.: Худ. лит-ра, 1972. 336 с.
- Мифы, легенды ... 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указ., словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Носов 2011 — Носов Д. А. Структура повествования монгольской народной сказки: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 251 с.

- Почему собака и кошка ... — Почему собака и кошка враждуют / Казахские сказки [электронный ресурс] // Казахские народные сказки. URL: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2&idnametext=1032&idpg=1> (дата обращения: 28.10.2019).
- Репнякова 2001 — Репнякова Н. Н. Система образов животных в китайских народных сказках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2001. 20 с.
- Скородумова 2003 — Скородумова Л. Г. Сказки и мифы Монголии. Улаанбаатар: Монсудар, 2003. 141 с.
- Таубе 1994 — Таубе Э. Сказки и предания алтайских тувинцев. М.: Вост. лит., 1994. 382 с.
- Тувинские народные сказки 1971 — Тувинские народные сказки. Серия: Сказки и мифы народов Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. 208 с.
- Утнасун 2015 — Утнасун О. Б. Х. Тодаеван темдглсн «Ноха мис хойр» домгин тускар [‘О дунсянской легенде о собаке и кошке, записанной Б. Х. Тодаевой’] // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы Межд. научн. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.): в 2-х ч. Элиста: КИГИ РАН. Ч. II. С. 62–66.
- Утюпина 2010 — Утюпина О. В. Зверь, который гуляет сам по себе: кошка в культуре народов мира: рукопись. Омск: [б. и.], 2010. 119 с.
- Феи ... 1991 — Феи с алмазных гор. Корейские народные сказки / сост. Вадим Пак. М.: Худ. лит., 1991. 383 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост.: Б. Сангаджиева, Л. Сангаев; ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Шарина, Бурькин 2017 — Шарина С. И., Бурькин А. А. Сказки-диалоги у народов Сибири: тексты, ареалы, прагматика // Фольклор палеоазиатских народов. Мат-лы II Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). Якутск: Музей музыки и фольклора. С. 271–276.
- [Chinese Folk Tales]. B. Rifting (comp.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 336 p. (In Russ.)
- [Fairies of the Diamond Mountains: Korean Folk Tales]. V. Pak (comp.). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 383 p. (In Russ.)
- [Imperial Russian Archaeological Society: (Scholarly) Notes of the Eastern Department]. Vol. IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1889. Pp. 307–346. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Transl. from Kalmyk. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1978. 146 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Vol. 1. B. Sangadzhieva, L. Sangaev (comps.), U. Ochirov (ed.). Elista: Kalmyk Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)
- [Kalmyk Myths, Legends and Tales]. T. G. Basangova, T. A. Mikhaleva (transl., foreword, etc.); A. A. Burykin et al. (eds.). Kalmyk Scientific Center of the RAS. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2017. 367 p. (In Russ. and Kalm.)
- [Shanya Boktaev. The Custodian of Folk Wisdom]. B. B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 172 p. (In Kalm.)
- [The Magic Dead Man]. B. Ya. Vladimirtsov (transl.). Moscow: Vost. Lit., 1958. 160 p. (In Russ.)
- [Tuvan Folk Tales]. Ser. ‘Tales and Myths of the East’. Moscow: Nauka, GRVL, 1971. 208 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Cat / the cat in the Kalmyk folklore. *Mongolica*. 2019. Vol. XXII. No. 1. Pp. 55–57. (In Russ.)
- Basangova T. G., Mandzhieva B. B. Kalmyk cumulative tale: issues of classification and integrity of texts. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*. 2011. No. 1. Pp. 177–181. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G., Burykin A. A. Kalmyk (superstitious) sign verses ‘shinzh’ and their parallels in folklore traditions of Siberian peoples. In: [Collected Philological Papers: Commemorating Prof. V. Naydakov]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 1998. Pp. 82–88. (In Russ.)
- Burykin A. A., Muzraeva D. N. Kalmyk folklore and ethnography: a case study of U. Dushan’s works. In: [Mongolian Studies]. Vol. 13. Elista, 2018. Pp. 38–57. (In Russ.)
- Dongak A. S. [‘Frame Stories’ in the Tuvan Fairytale Tradition: Plots and Motifs]. Cand.

Sources

Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive. Informant: L. Adudov, rec. by E. B. Ovalov.

References

[Buryat Magic Tales]. E. Barannikova, S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (comps.). Novosibirsk: Nauka, 1993. 341 p. (In Russ.)

- Sc. (philology) thesis. Kyzyl, 2004. 164 p. (In Russ.)
- Dushan U. [Selected Works]. Batyrov V. V., Sharaeva T. I. (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. 376 p. (In Russ.)
- Garin-Mikheylovsky N. G. [Collected Works]. In 5 vols. Vol. 5. Moscow: GIKhL, 1957. 647 p. (In Russ.)
- Nosov D. A. [Mongolian Folk Tale: Narrative Structure]. Cand. Sc. (philology) thesis. St. Petersburg, 2011. 251 p. (In Russ.)
- Repnyakova N. N. [Chinese Folk Tales: System of Animal Images]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Chelyabinsk, 2001. 20 p. (In Russ.)
- Sharina S. I., Burykin A. A. Dialogical tales among Siberian peoples: texts, areas, pragmatics. In: [Folklore of Paleosiberian Peoples]. Conf. proc. (Yakutsk; November 21–25, 2016). Yakutsk: Museum of Music and Folklore, 2017. Pp. 1271–1276. (In Russ.)
- Skorodumova L. G. [Tales and Myths of Mongolia]. Ulaanbaatar: Monsudar, 2003. 141 p. (In Russ.)
- Taube E. [Tales and Legends of Altaian Tuvans]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 382 p. (In Russ.)
- The Gold Ring (Buryat Folk Tales). In: [The Fairytale Chest]. An Internet resource: <https://burjatskie-skazki.larec-skazok.ru/zolotoj-persten> (accessed: October 28, 2019). (In Russ.)
- The Magic Bell: a Mongolian folk tale (Tales of Mongolia). In: [Fairy Tales, Short Stories, Poems]. An Internet resource: <https://skazkibasni.com/volshkolokol> (accessed: October 27, 2019). (In Russ.)
- Utnasun O. Revisiting the Donxiang Legend of Dog and Cat recorded by B. Todaeva. In: [Mongolian Studies in the Early 21st Century: Contemporary Situation and Development Prospects]. Conf. proc. (Elista: September 23–26, 2015). In 2 vols. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS. Vol. 2. Pp. 62–66. (In Kalm.)
- Utyupina O. V. [The Beast That Walks by Himself: Cat in World Cultures]. Manuscript. Omsk, 2010. 119 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Collected Mongolian Stories Borrowed from the Panchatantra]. St. Petersburg: USSR Academy of Sciences, 1921. 164 p. (In Russ.)
- Why Dog and Cat Feud with Each Other: a Kazakh tale. In: [Kazakh Folk Tales]. An Internet resource: <http://www.ertegi.ru/index.php?id=2&idnametext=1032&idpg=1> (accessed: October 28, 2019). (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2019. № 6

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 23.12.2019.
Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 22,08.
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 30-19.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)